

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Устьянский краеведческий музей»

Ю. С. Васильев

Избранные труды по истории
Европейского Севера России
XII-XVII веков

2-е издание, исправленное и дополненное

Вологда
«Древности Севера»
2013

УДК 94(470.1/25).027/048
ББК 63.3(231)4
В19

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
членов Попечительского совета
Устьянского краеведческого музея И. А. Абрамова,
С. А. Зарубина, Г. П. Касьянова, С. В. Прожерина, Ю. Н. Рогачёва,
К. А. Рогова, а также неравнодушных к истории людей
С. В. Кононова и В. И. Соболева*

Редактор – *М. В. Васильева*

Ответственная за издание – *Н. В. Ипатова*

Васильев, Ю. С.

В19 **Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII веков** / Ю. С. Васильев ; Муницип. бюджет. учреждение культуры «Устьян. краевед. музей». – 2-е изд., испр. и доп. – Вологда : Древности Севера, 2013. – 256 с.

ISBN 978-5-93061-076-5

Издание включает наиболее значимые работы по истории, археологии и источниковедению российского Поморья, написанные известным исследователем социально-экономической истории России XII–XVII веков, кандидатом исторических наук, доцентом Юрием Сергеевичем Васильевым.

Книга адресована специалистам и всем, интересующимся историей Европейского Севера России.

УДК 94(470.1/25).027/048
ББК 63.3(231)4

ISBN 978-5-93061-076-5

© Васильев Ю. С., 2009

© Васильев Ю. С., 2013, с изменениями

© Оформление. ООО НИЦ «Древности Севера», 2013

Юрий Сергеевич Васильев

Юрий Сергеевич Васильев – историк, археограф, специалист в области социально-экономической истории России XII–XVII веков. Кандидат исторических наук, доцент. Автор более 150 научных работ. Родился 28 декабря 1939 года в селе Путилово Мгинского района Ленинградской области в семье учителей. В 1941 году семья эвакуировалась в Вельский район Архангельской области. Начал учиться в 1947 году в Хозьминской неполной средней школе Вельского района, в 1957 году закончил Шенкурскую среднюю школу. Еще в школьные годы принял решение стать историком, поэтому в 1957 году поступил на историко-филологический факультет Архангельского государственного педагогического института имени М.В.Ломоносова. Закончив три курса на дневном отделении, перевелся на заочное. В 1960 году был принят на работу учителем русского языка и литературы Кодинской 8-летней школы Онежского района Архангельской области, в том же году преобразованной из Кодинской начальной школы. В 1962 году, по окончании института, был назначен директором этой школы. Проработал в этой должности до 1968 года. Вступив в должность директора, инициировал строительство нового школьного здания, добился приобретения мебели, спортивного инвентаря, учебных и наглядных пособий по всем предметам в объеме программы средней школы.

В 1970 году Ю.С.Васильев окончил аспирантуру Ленинградского государственного университета. В 1971 году под научным руководством доктора исторических наук, профессора Александра Львовича Шапиро защитил кандидатскую диссертацию «Феодальное землевладение и хозяйство в Важской земле в XV–XVII вв.». С 1969 по 1975 год преподавал на кафедре истории СССР Вологодского государственного педагогического института (ВГПИ): ассистент, старший преподаватель (1972–1973 гг.), доцент (1973–1975 гг.). С 1975 по

1981 год работал на кафедре истории СССР Сыктывкарского государственного университета: старший преподаватель, доцент (1976–1980 гг.), старший научный сотрудник (1980–1981 гг.). В 1981 году вернулся на кафедру истории СССР ВГПИ. Как в Сыктывкарском университете, так и в Вологодском пединституте читал лекционные курсы и вел семинарские занятия по отечественной истории, историографии, вспомогательным историческим дисциплинам (палеографии, хронологии, метрологии, источниковедению), разработал и прочитал ряд спецкурсов. В 1990–1994 годах Ю. С. Васильев был деканом исторического факультета ВГПИ. В этот период на историческом факультете был создан и работал для учащихся школ Вологды Малый истфак.

За время преподавательской работы в вузах организовал (с привлечением студентов) и возглавлял несколько археографических экспедиций (три – по Коми краю, пять – по Вологодской области), три из них – совместно с экспедициями Библиотеки Академии наук СССР, руководимыми А. А. Амосовым. Материалы, полученные в экспедициях, были переданы в Сыктывкарский государственный университет и Вологодский областной краеведческий музей (ныне Вологодский государственный музей-заповедник).

Ю. С. Васильев принимал активное участие в организационной работе и публикации исследовательских работ и источников в рамках Проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера СССР и Северного отделения Археографической комиссии АН СССР, созданных по инициативе доктора исторических наук, профессора П. А. Колесникова, руководившего в дальнейшем их работой. Юрий Сергеевич был ответственным редактором ряда «Северных археографических сборников», трех альманахов «Белозерье» из серии «Старинные города Вологодской области», основанной в 1992 году. Главным редактором данной серии является доктор исторических наук, профессор М. А. Безнин.

Большую работу Ю. С. Васильев провел по вовлечению в оборот письменных исторических источников, описанию неразобранных фондов: в Государственном архиве Архангельской области (фонд Важского Богословского монастыря); Государственном архиве Республики Коми (музейный фонд); Государственном архиве Вологодской области, где, по мнению Ю. С. Васильева, выявлены самая ранняя из известных губных грамот (Вельская губная грамота 1539 года) и материалы о последних днях Степана Разина.

Ю. С. Васильев способствует активизации научной и краеведческой работы, участвуя как в подготовке и проведении научно-краеведческих конференций ряда музеев Архангельской (Вельского, Шенкурского, Устьянского) и Вологодской областей (Верховажский музей), так и в последующем издании их материалов. Вельским и Шенкурским музеем издано по три сборника, Верховажским и Устьянским – по одному сборнику.

В 2006 году Юрий Сергеевич закончил преподавательскую работу, но продолжает вести активную научную деятельность. Юрий Сергеевич принимал активное участие и в подготовке учебных пособий по истории Вологодской области для школьников. Так, в 2010 году вышло в свет уже третье издание пособия «История Вологодского края с древнейшего периода до конца XVIII века. 6–7 классы».

Настоящий сборник избранных трудов Ю. С. Васильева, составленный к его 70-летию, издается уже во второй раз, находя всё новых и новых читателей – настоящих знатоков и любителей истории Отечества.

Раздел I
 Археография
 и источниковедение

А) Архивы ввина д ввиръ и ртв твн
 Федддо давыдо ддеталисфи
 нд дхатершадо вхалашо д
 ввдо смъ судийшомъ впетр
 шивавыдо нд плашки вва
 шива мдетав вв длитасм дде
 шивъ Кановы в в афонка јлѣ
 вкатавшива јодни ддеталис
 вашивъ ввистарушивъ вхалашо
 фицки вв вк всофонидо вадта
 шива маво нд ввандо вмиф
 шиватикос вв в в лавија јодни
 вадтшој да ввоташомъ давидфи
 шомъ вивашива дориф вв
 мавишка мавиф вв

Историко-литературные памятники по истории Важского края XII-XVII вв.*

История Важского края нашла отражение не только в письменных источниках юридического характера¹, но и в устных преданиях² и письменных историко-литературных памятниках. Обзору последних и посвящена данная статья. Из них остановимся на летописях, житиях и местных синодиках.

Наиболее ранние известия по истории края содержат общерусская летопись – Повесть временных лет и Новгородская первая летопись; с XIV в. – местные, группа устюжских и двинских летописей³.

В начальной, недатированной, части ПВЛ в перечне народов, обитавших на Севере, отмечена заволоцкая чудь, расселявшаяся в Заволочье, то есть по Ваге и Северной Двине. Но в числе народов, которые «дань дают Руси», заволоцкая чудь не названа. Видимо потому, что ПВЛ составлялась в начале XII столетия, когда дань с заволоцкой чуди шла уже не в Киев (в Русь), а в Великий Новгород. Возможно, борьба еще продолжалась, о чем свидетельствует гибель в Заволочье в 1079 г. князя Глеба Святославича. В 1187 г. новгородские сборщики дани также «избьени быша» на Печоре, в Югре и Заволочье⁴. Даже под 1219 г. НПЛ отмечает поход новгородцев «на тоймокары». Видимо, тоймокары – это «тоймици погании» (язычники) «Слова о погибели Русской земли», обитавшие к северу от Устюга, по рекам Верхней Тойме и Нижней Тойме⁵.

Далее группа летописных известий относится к борьбе Великого Новгорода и князей Владимиро-Суздальской земли, а позднее – Москвы за Заволочье. Последние нередко использовали с этой целью подчиненный им Устюг⁶.

В XIII-XIV вв. новгородские бояре различными путями заводят вотчины в Заволочье. В 1342 г. Лука Варфоломеевич с сыном Онцифором (из известного новгородского боярского рода Мишиничей) с этой целью совершают поход на Двину и Вагу, основывают на Двине свой городок Орлецы⁷.

Особой остроты достигла борьба Великого Новгорода и Москвы за Заволочье при великом князе Василии I. В 1397 г. заволочане во главе с новгородскими боярами Иваном, Конаном, Анфалом, Герасимом и Родионом Микитиными, родственниками Онцифора Лукинина (см. о событиях 1342 г.), перешли на сторону Москвы. В связи с этим в Москве была выработана известная Двинская уставная грамота, а на Двину направлен наместник великого князя князь Федор Ростовский. Однако в 1398 г. Новгород восстановил свою власть над Заволочьем⁸.

Попытки захвата Заволочья московскими войсками имели место и в 1401 г. Поход вновь возглавляли Анфал и Герасим Рострига (то есть снявший с себя монашеский сан) Микитины, бежавшие после двинских событий 1398 г. на Вятку. Положение спасли важане под руководством новгородских бояр Степана и

* Впервые опубликовано: Важская земля: из глубины веков до настоящего времени. Шенкурск, 2007. С. 17–26.

Михаила Ивановичей и Микиты Головни. Аналогичные события происходят в 1417 и 1425 гг.⁹

В годы феодальной войны второй четверти XV в. галичские князья не раз уходили в Новгород и его владения на Севере. В 1434 г. Василий Юрьевич (Косой) возвращался из Великого Новгорода в свой удел через Заволочье и грабил там. В 1450 г. также возвращался через Заволочье Дмитрий Шемяка, а в 1452 г. будущий Иван III, преследуя Шемяку, «шед на Кокшенгу и градки их поимаша, а землю плениша, ходиша и до Усть-Ваги и до Осинова Поля»¹⁰.

В 1471 г. судьба Великого Новгорода решалась не только на Шелони, но и в Заволочье, на р. Шиленге, где новгородцы и заволочане также потерпели поражение. В 1478 г. с подчинением Великого Новгорода Москве последней окончательно перешло и Заволочье¹¹.

Отметим еще ряд разнородных летописных известий, относящихся к Заволочью. В 1386 г. новгородцы взяли с заволочан 5000 из 8000 рублей, которые заплатил Великий Новгород Москве за грабеж на Волге, поскольку поход шел из Заволочья и при активном участии его населения. В 1411 г. заволочане совершили военный поход на Мурман. В 1445 г. Василий Шенкурский (будущий Варлаам Важский) неудачно ходил на Югру. В конце 1445 г. новгородский владыка Еуфимий посетил Заволочье. В 1466 г. вятчане грабили на Кокшеньге¹².

Известий по истории Важского края в летописях за период с конца XV до конца XVII в. немного. В 1488 г. важане сторожили Устюг от вятчан, в 1489 г. участвовали в походе на Вятку, в 1496 г. – «на Каяны» (северную часть современной Финляндии), в 1499 г. – в Югорскую землю (за Урал)¹³.

В 1550 г. на Двину прибыли писцы И. П. Заболоцкий и Д. И. Темирев. Известно, что они описывали как Двинской, так и Важский уезды. В 1553 г. в устье Двины пришел английский корабль Ричарда Ченслера, посол был отправлен через Устюг в Москву. В 1613–1614 гг. на Ваге были «многие воры, польские и литовские люди и русские изменники». В 1682 г. учреждена Холмогорская и Важская епархия, в октябре этого же года на Двину прибыл архиепископ Афанасий. В 1693 и 1694 гг. Петр I был в Архангельске, прибыл он туда с Вологды Сухоно-Двинским речным путем, следовательно, проплывал и через Важское Подвинье¹⁴.

Из важных памятников летописного вида нам известны лишь «Памятные записи земского дьячка Благовещенского погоста на Ваге за 1661–1693 годы», опубликованные М. Н. Тихомировым¹⁵. В них сообщается о приезде на Вагу воевод и подьячих, сыщиков и писцов. Из писцов в 1664 г. в Шенкурск прибыли С. Ф. Жданов и подьячий Б. Г. Возницын, в 1674 г. – К. А. Яковлев, а в следующем – Р. Ф. Матов. В 1676–1678 гг. описывали уезд воевода Б. В. Яковлев и подьячий А. Карпов¹⁶. В 1676 г. архимандрит Онежского (Кийостровского) Крестного монастыря Герасим описывал и обложил церковной данью храмы Важского уезда, относившиеся как к Новгородской, так и к Ростовской митрополиям¹⁷.

В 1669–1670 гг. для Благовещенского собора холмогорцы Семен и Никита Спиридоновы написали 76 икон, а в 1674/1675 г. каргопольцы Иван Ермолаев с сыновьями Федором и Саввой – 21 икону¹⁸.

В 1670–1671 гг. на Благовещенском погосте для ярмарки (одной из крупнейших в стране) был построен гостиный двор под руководством подьячего Петра Рожина. Строительство обошлось в 940 рублей¹⁹.

10 июля 1682 г. сын боярский Г.И. Монастырев приводил ко кресту (присяге) население Благовещенского прихода в связи с коронацией на царство Ивана и Петра Алексеевичей²⁰.

Сообщается в записках и о двух крупных пожарах в крае: 6 июля 1675 г. в Шенкурске от молнии погорела соборная церковь архистратига Михаила с четырьмя приделами, а от нее сгорели воеводский двор, съезжая изба и дворы ряда посадских людей; 25 июля 1679 г. «от зарону» на Благовещенском погосте загорела воеводская баня, от нее сгорели воеводский двор, на Верхней улице 35 дворов и церковь Преображения Господня²¹.

В конце записок содержатся сведения о российских событиях: смерти царя Федора Алексеевича, воцарении Петра I и стрелецком бунте, казни князя И.А. Хованского с сыном Афанасием (1682 г.), рождении царевны Анны Иоанновны²².

Некоторые сведения по истории края содержат жития местных святых и близкие к ним памятники. В Важском крае почитались местные святые: Варлаам Важский (Пинежский), Кирилл Вельский, Георгий Шенкурский, Агапит Маркушевский, Прокопий Устьянский, а также Афанасий Наволоцкий – каргопольский святой, погребенный в Верхоледской слободке Важского уезда и чтимый ее населением.

Житие Варлаама Важского, сохранившееся в ряде списков XVI–XVII вв., опубликовано А. Григоровичем и частично М.Н. Тихомировым²³. Оно было написано монахом Антониево-Сийского монастыря Ионой в 1589 г. во время пребывания его в Богословском Важском монастыре, о чем сообщается в самом Житии. Источниками Жития были устные предания, акты на земли, переданные монастырю боярами Шенкурскими, данные какой-то летописи, возможно, Едомской, получившей свое наименование по фамилии ее владельцев – Едемских²⁴.

О Кирилле Вельском, Георгии Шенкурском и Прокопии Устьянском краткие сведения содержат «Сказания» об их чудесах, Агапите Маркушевском – «История вкратце о преподобном Агапите и о создании обители сея»²⁵. Известия о святых здесь основываются на устных преданиях. Основную часть памятников составляют описания чудес. Однако и из них можно извлечь полезную информацию. В частности, о первоначальном (до XVI в.) местоположении Вельска на стрелке между Велью и Вагой – Подиванском мысу, где имела церковь Ивана Милостивого; существовании в XV в. под Шенкурском Велико-николаевского прихода; активных торговых связях Устьянских волостей с Солю Вычегодской в XVII в. и другом.

Интересными и важными источниками являются синодики. Среди них имеются как церковно-монастырские, так и частные, семейно-родовые. Первые – полуофициальные. В них, в первую очередь, вносились имена правителей – князей и царей, церковных иерархов – митрополитов и патриархов всея Руси, епархиальных владык, настоятелей монастырей. Поминование их санкционировалось официально. Затем уже в эти синодики вносились фамилии вкладчиков – лиц разнородного социального статуса. Семейно-родовые синодики велись обычно в отдельных семьях для домашнего поминования родственников, реже при монастырях и церквях и то при условии, если последние были патрональными, или когда заказчики синодика являлись особо крупными вкладчиками. Такие синодики обычно содержат более обширные сведения: о времени жизни, генеалогических связях, месте и причине смерти членов семьи.

Из синодиков, относящихся к Важскому краю, отметим Синодик Богословского монастыря²⁶, основные записи которого сделаны в 1670 г., о чем свидетельствует начальная его запись. Дополнения вносились в него до начала XVIII в. Кроме официальных, в нем есть записи и о поминовении отдельных родов. Относительно основателя монастыря имеется следующая запись: «Преподобного отца нашего Варлаама, священноигумена Макарию схим. (сбоку приписано: Долгобородова), Стефана, Клементия, Тимофея, Симиона, Исакия, Еуфимия, Феодора, Дементия, Евдокии, Иоанна (сверху записано: сын) и сродников их. Поминание о них сотворяем генваря в 1 день, на память иже во святых отца нашего Василия Великаго» (л. 9 об.). В Синодик внесены роды игуменов Ионы (л. 8), Макария Долгобородова (л. 21 об.), Евфимия (л. 24), ряда старцев монастыря: келаря Сергия, из рода Чермных Ледской волости (л. 17), казначея Савватия Шимохлиных (л. 28) и других; священника Михайло-Архангельского собора в Шенкурске Лаврентия Федорова (л. 14, 64 об.), подьячих из Шенкурска Ивана Резанова (л. 22) и Ивана Турутина (л. 23 об.). Дважды записан род Едемских, Гавриила и Герасима (л. 16, 65). Есть в Синодике и представители крестьян разных мест уезда: Никифор Тетеревлев с Леди (л. 7 об.), Тарасовы с Коташки (л. 18 об.), Анисим Данилов с Химанева (л. 27) и другие.

Во многом примечателен Синодик Едемских, содержащий до 500 имен их рода и родственников, живших в конце XIV – начале XVIII в. (даты смерти отмечены с 1573 по 1732 г.)²⁷. После «Канона за душу умершего» и общих традиционных поминовений идут записи о Едемских: «Род Едемских. Помяни, Господи, души оусопших раб своих: Анании, Еустафия, Федора, Василия, Иоанна во иноцех Ионы, схим. Гавриилла, Феодосии...». Датированные записи идут с 1 сентября 1573 г.: «Месяц сентябрь. Лета 7082 года, сентября в 1 день преставися раб божий Иван Василиев сын Федорова, своеземец, а во иноцех Иона схим, а Гаврилу Едемскому отец»²⁸.

Синодик показывает активную хозяйственную и общественную деятельность Едемских, их широкие генеалогические связи с торговыми людьми страны. У Гавриила Едемского было 15 детей. Из них дожившие до начала XVII в. Амфилохий, Яков, «нарицаемый Гость», и частично Федор владели вотчинами на Кокшеньге, остальные – близ Шенкурска²⁹. Потомки их живут в том и другом районах и поныне.

Близки по структуре и содержанию к рассмотренному синодик «пежемца, торгового челов. Илариона Федотова Крюкова», заготовленный в 1670 г., но содержащий записи с 1715 по 1755 г., и синодик «пежемца Петра Алексева сына Крюкова» с датированными записями за 1661–1832 гг.³⁰

Таковы известные нам нарративные источники по истории Важского края XII–XVII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Васильев Ю.С. Важские писцовые книги и сотницы XVI–XVII вв. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 537–562; Он же. Важский уезд // Аграрная история Северо-Запада России XVI в. / отв. ред. А.Л. Шапиро. Л., 1978. С. 59–79; Он же. Материалы писцового делопроизводства по Важскому уезду XVI – первой половины XVII в.: каталог // Важский край: источниковедение, история, культура: исследования и материалы. Вельск, 2006. Вып. 3. С. 135–156.

² См.: Ефименко П. С. Заволоцкая чужь. СПб., 1869. С. 9–12.

³ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII в. М., 1978. С. 22–277; НПЛ; ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 3–159; Т. 33. Л., 1977. С. 148–221. О последних летописях см. также: Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л., 1985; Она же. Двинской летописец // ВИД. Т. 5. Л., 1973. С. 196–219.

⁴ Пвл. С. 24, 25; 28, 29; 210, 211, 212, 213; НПЛ. С. 38. А. Н. Насонов относил походы на емь 1042 г. и Глеба 1079 г. к р. Емце (Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 104). См. также: Васильев Ю. С. Об историко-географическом понятии «Заволочье» // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 103–109.

⁵ НПЛ. С. 59; Памятники литературы Древней Руси, XIII век. М., 1981. С. 130–131.

⁶ НПЛ. С. 28, 33(1149, 1169 гг.); С. 97, 98, 99, 347 (1323, 1324, 1329, 1337 гг.).

⁷ Там же. С. 355–356; Двинской летописец // ПСРЛ. Т. 33. С. 165. В начале XIV в. боярин Василий Матвеевич покупает у чудских старшин земли Шенкурского погоста. В литературе с начала XIX в. род его ошибочно, что доказано нами ранее, именовался Своеземцевыми. Однако, лишь в XV в. представители этого рода получают фамилии, из которых наиболее известными были на Ваге Шенкурские и Едемские (Васильев Ю. С. Феодальное землевладение на Ваге // Аграрная история Северо-Запада России. С. 290–295). О владениях новгородских бояр в Заволочье см.: Васильев Ю. С. К вопросу о двинских боярах XIV–XV вв. // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. Вологда, 1976. С. 5–21; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. Гл. II, III, VI.

⁸ НПЛ. С. 391–392; Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 37–38, 80–81. В этих событиях фигурирует новгородского владыки «волость Вельского погоста с Ваги Исая» (Там же. С. 80). Из этого следует, что в Вельском погосте-округе в конце XIV в. земли были черносошными, контроль и управление ими находились в руках Новгородского архиепископского дома. В ряде поздних списков Устюжской летописи вместо Вельского погоста ошибочно фигурирует «Великий погост» или «Великий Важский погост» (Там же. С. 38, 130–131). Исходя из этих записей, М. Н. Мясников считал, что так именовался в это время Шенкурск (Мясников М. Н. Нечто о пятинах новгородских и в особенности о стране, известной издревле под именем Ваги // Северный архив : журнал древностей и новостей по части истории, статистики, путешествий, правоведения и нравов, издаваемый Фаддеем Булгаринным и Николаем Гречем. СПб., 1827. Ч. 27. № 9. С. 21). Из его трудов эта ошибка перешла и в ряд работ последующих исследователей.

⁹ НПЛ. С. 396, 407. В 1417 г., наряду с Емцей и «Колмогорами», была разорена и «волость Борок Ивановых детей Васильевича», сами новгородские бояре, Юрий и Самсон Ивановичи, взяты в плен. Однако неприятель вновь был изгнан. Эти данные ставят под сомнение вывод ряда историков о принадлежности волости Борок Борецким и происхождении их фамилии от данного топонима. Более вероятно происхождение этой фамилии от слова «борец» – сборщик податей.

¹⁰ НПЛ. С. 417; ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 471; Т. 37. С. 88, 89.

¹¹ ПСРЛ. Т. 37. С. 92–93; Т. 20. Ч. 1. С. 331–332.

¹² НПЛ. С. 380–381, 403; 425; 426; ПСРЛ. Т. 37. С. 91 (1466 г.).

¹³ ПСРЛ. Т. 37. С. 96–97, 98; Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 264 (1499 г.).

¹⁴ ПСРЛ. Т. 33. С. 168 (1550, 1553 гг.), 171 (1613, 1614 гг.), 186 (1682 г.), 192–197.

¹⁵ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 249–253.

¹⁶ Там же. С. 250, 251. Писцовые книги этих писцов сохранились, данные их введены в научный оборот (Васильев Ю. С. Важские писцовые книги. С. 544–547, 554–562).

¹⁷ Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 251.

¹⁸ Там же. С. 250.

¹⁹ Там же. С. 251.

²⁰ Там же. С. 253.

²¹ Там же. С. 50–251.

²² Известен ряд летописей приходских церквей края XIX–XX вв. Часть их, из Вельского краеведческого музея, характеризуется Л. В. Макаровской (Макаровская Л. В. Церковные летописи как источник изучения истории края // История и культура Важского края: тез. докл. регион, науч.-практ. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения П. С. Воронова / отв. за вып.: Н. Н. Рогозина, В. А. Любимов. Вельск, 1992. С. 58–62). Относительно недавно изданы две работы, где история отдельных районов Важского края изложена с древности до XX в. включительно в хроникальной форме: Алферов М. Ф. Хроника Вельской земли. Вельск, 1995; Летопись Двиноважья / авт.-сост. Л. Ю. Озол; отв. ред. Э. В. Малышев. Березник, 1999. Обе работы богаты фактическими данными, особенно ценны сведения по Виноградовскому району за XX столетие (по 1997 г.) и персоналиям (Летопись Двиноважья). В работе М. Ф. Алферова, в известиях за X–XVII вв., имеются существенные «огрехи»: информация за 1120 и 1462 гг. – избыточная; ошибочны даты: 1167 (и трактовка событий неверна), 1478, 1564, 1678 гг.; должны быть, соответственно – 1169, 1471, 1565, 1682 гг. Многие известия, касающиеся общерусских событий, требуют корректировки их оценок, правки указанных в них имен. В известиях нет ссылок на источники даже тогда, когда приводится важный цифровой материал. Кстати, отметим, что многие ошибки в работах краеведов происходят от некритического использования изданий А. А. Титова: Летопись Великоустюжская. М., 1889; М., 1903; Летопись Двинская. М., 1889.

²³ РО БАН. Архангельское собр. № 218, 408; ОР РГБ. Ф. 199. № 337; Ф. 304. № 5; Житие преподобнаго Варлаама Важескаго: изд. древнего рукописного жития с предисл. А. Григоровича). Отд. отт. прил. к журн.: Православное обозрение. М., 1887. Кн. 7. С. 1–47; Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // АЕ за 1960 г. М., 1962. С. 241–243; Рыжова Е. А. Житие Варлаама Важского (Пинежского) – памятник истории и культуры Важского края // Важский край: источниковедение, история, культура: исследования и материалы. Вельск, 2002. Вып. 1. С. 139–147.

²⁴ Грамоты Шенкурских см.: ГВНП. № 280–282; Едомская летопись (РО БАН. 33.13.14). Видимо, важную роль в написании Жития сыграли Едемские, делавшие вклады в Сийский монастырь и хозяйничавшие в Богословском монастыре.

Об археологическом обследовании Пинежского городка, построенного, по Житию, Варлаамом Важским на р. Пинежке см.: Овсянников О. В. Шенкурск. Архангельск, 1978. С. 14–16. (В разделе имеется ряд неточностей и ошибок: Шенкурск именуется Великим погостом (1398 г.); речка – Пенешкой; поход Василия Степановича на Югру датируется 1441 г. и др.).

В Житии нет даты создания монастыря. В предисловии к публикации Жития А. Григорович писал, что монастырь основан в 1444 г. В 1630 г. мощи Варлаама были освидетельствованы новгородским митрополитом Киприаном, установлен день памяти преподобному (19 июня), и в честь его имени построен придельный храм (Житие. С. 6). М. Н. Мясников писал, что Василий Степанович был первоначально важским, затем новгородским посадником, впервые появился на Ваге в 1426 г., переселился на Вагу не ранее 1456 г., так как в этом году еще был посадником в Новгороде, и постригся в монастырь. День памяти и построение придела определялись грамотой митрополита Киприана от 14 февраля 1631 г., освящен придел 19 июня 1635 г. Основание монастыря он датирует 1446 г., или «около 1450 г.» (Мясников М. Н. Нечто о пятинах новгородских. С. 21–22; Он же. Историческое описание Ваги и г. Шенкурска, составленное из древних русских летописей, царских и святительских грамот, писцовых и дозорных книг, монастырских, церковных и канцелярских архивных бумаг и разных современных записок // ОЗ. СПб., 1829. Ч. 38. С. 232–237).

²⁵ См.: Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых церковью и местно чтимых. Вологда, 1880. Из содерж.: Святой Кирилл Вельский (Важский). С. 366–375; Святой праведный Прокопий Ус[т]ьянский). С. 546–563; Преподобный Агапит Маркушевский. С. 539–545; Усердов М. Святой праведный Георгий Шенкурский // АЕВ. 1899. № 8. С. 200–211; Суворов Н. Воспоминания о Маркушевском Николаевском монастыре, бывшем в Тотемском уезде Вологодской епархии // ВЕВ. 1878. № 12. С. 224–234; № 13. С. 247–250. К этим памятникам близко «Сказание о чудотворной иконе Богоматери в Кодимской Важской пустыни и чудесах ее» (ОПИ ГИМ. Собр. Е. В. Барсова. № 923. XVII в. 12 л., 4°).

²⁶ РГАДА. Ф. 201. № 108. Краткую информацию о Синодике см.: [Оболенский М. А.] Синодик 1670 г. Богословского монастыря, что на Ваге // Русский архив. 1869. Стб. 1076–1082. Отметим также лицевой Синодик Шангальской церкви XVIII в. (ОПИ ГИМ. Собр. П. И. Щукина. № 143).

²⁷ ОПИ ГИМ. Собр. П. И. Щукина. № 459. 62 л., 4°.

²⁸ Сравните запись с данными актов: ГВНП. № 110, 111, 278.

²⁹ О роде и землевладении Едемских см.: Васильев Ю. С. Эволюция одной боярской вотчины в XIV–XVII вв. // Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.). Пермь, 1982. С. 29–47.

³⁰ ОПИ ГИМ. Собр. П. И. Щукина. № 148. Л. I–VI, 1–87, 8°. Записи о Крюковых: Л. 74–87; № 149. 60 л., 8°. Записи о Крюковых с Л. 4 об.

О классификации материалов писцового делопроизводства XVI-XVII вв.*

Материалы писцового делопроизводства давно и широко привлекаются исследователями как важнейшие массовые источники по многим вопросам истории России конца XV – начала XVIII вв. Они вводятся в научный оборот еще в XVIII в., а с середины XIX столетия началась и их публикация.

Вопросы происхождения, классификации, терминологии, достоверности данных этих источников, методики их обработки всегда являлись предметом оживленного обсуждения. Однако, как показывает ряд исследований, многие источниковедческие аспекты материалов писцового делопроизводства требуют дополнительной разработки: среди них и вопрос о классификации этих материалов.

В основу классификации материалов писцового делопроизводства обычно берутся два фактора: цель и объект описания. Главная цель описаний – фиксация объекта владения и налогообложения – и объединяет значительный ряд источников в один анализируемый здесь вид.

В зависимости от объекта описания выделяются два основных подвида материалов писцового делопроизводства, отражающие и два этапа в эволюции описания: писцовые и переписные книги. Однако анализ имеющихся материалов писцового делопроизводства (в первую очередь сотных грамот) дает основание полагать, что процесс описания, относительно объекта последнего, прошел три этапа и первичным (и основным) подвидом среди материалов писцового делопроизводства были сотные (первого порядка). Лишь на завершающем этапе образования единого государства, в конце XV – начале XVI в., сотные были вытеснены писцовыми книгами.

При классификации материалов писцового делопроизводства необходимо учитывать и субъект описания. В зависимости от того, кто проводит описания (от кого оно исходит), последние подразделяются на две основные группы: государственные и частные описания.

В соответствии с более конкретными задачами государство и частное лицо (корпорация) могли проводить: 1) собственно описания (или переписи); 2) дозоры; 3) межевания-размежевания; 4) отписки или отказы владений. В связи с этим вырабатывались и соответствующие подвиды документов: 1) сотные (первого порядка), писцовые или переписные; 2) дозорные; 3) межевые; 4) отписные, отказные или отдаточные книги.

В качестве вспомогательных при проведении описания привлекались приправочные книги, специально подготовленные для этих целей в приказах. Первоначально эти книги содержали данные одного из предыдущих описаний, позднее, кроме того, и описания, для которого они были подготовлены. При утрате

* Впервые опубликовано: Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР. Тезисы выступлений на республ. научной конф. Вологда, 1989. С. 58–61.

писцовых или дозорных книг приправочные книги, как отмечает В. Б. Павлов-Сильванский, использовались в приказах в роли эквивалента первых. В качестве вспомогательных материалов использовались материалы предшествующих описаний (подлинники или копии; последние могли быть полными, т. е. настоящими копиями, или более или менее полными выписками) и сказки населения.

После описания составлялась вторичная документация: перечневые и платежные книги, счетные росписи для приказа, сотные (второго порядка) – выписи из писцовых (дозорных и т. п.) книг.

Целевое назначение и общий характер основных материалов государственных описаний в науке достаточно выяснены, однако до сих пор почти нет данных о разновидностях их структуры, типологии формуляра.

Не решен окончательно вопрос и относительно полноты, достоверности и соотношения данных этих источников. В этом плане пока можно сделать лишь общие выводы, относительно подвидов источников. Наиболее полные данные по поселениям, дворности, населению, угодьям, ремеслам и промыслам дают сказки населения и черновые писцовые или дозорные книги. Ниже качество по данным аспектам аналогичных, но «беловых» книг. Данные в них стандартизируются, как правило, подгоняются под общую схему. Но даже по этим основным вопросам сведения писцовых книг необходимо дополнять данными оброчных и отдаточных книг.

При отсутствии писцовых книг исследователю часто приходится иметь дело с сотными грамотами второго порядка. Они выдавались населению или вотчиннику писцами или приказами на какую-либо часть уезда: стан, волость, вотчину. В основе их текста были тексты писцовых книг XVI – начала XVII в. Однако содержание сотной (большая или меньшая полнота передачи текста писцовой книги) варьировалась в зависимости от ее назначения. В XVII в. постепенно сотные второго порядка заменяются простыми выписями из писцовых книг.

Относительно налогообложения наибольшую информацию содержат сметные росписи, вносимые в приходные книги приказов, и платежницы. Однако и они включают данные лишь о повинностях, идущих в государственную казну. Писцовые книги, как правило, содержат далеко не полные сведения даже по этим повинностям.

На основе государственных описаний и после них, но иногда и независимо от первых, в черносошных волостях и вотчинах проводились свои местные, частные описания. В ряде черносошных волостей Двинского уезда эти описания оформлялись в веревных, в Заонежье – оценных книгах, в Устюжском и Сольвычегодском уездах – в таких документах, как «поверстки». В монастырских вотчинах Севера местные описания оформлялись в переписных, в Кирилло-Белозерском монастыре также в вытных и поверетных, Соловецком – дозорных, поверетных, луковых и обежных, в Михайло-Архангельском, Николо-Корельском и Антониево-Сийском двинских монастырях – веревных книгах. Аттестация этих документов исходила или из характера описания (дозора, переписи и т. д.), или из единиц обложения, бытовавших в вотчине (обжи, выти, веревки, лука), иногда того и другого вместе.

К этой разновидности источников примыкают вотчинные отводные, отписные, отданные, описные, досмотренные (досмотрные) и переписные книги – однотипные документы, имеющие лишь разные названия. Они составля-

лись при передаче, например, монастыря или отдельных его служб в ведение нового ответственного за них лица: игумена, келаря, посельского и т. д. Ряд исследователей относит их к вотчинной хозяйственной документации.

Материалы частных описаний, как правило, содержат уникальные данные по ряду важнейших вопросов: комплексу построек, орудиям труда, номенклатуре высеваемых сельскохозяйственных культур, наличию скота, нормах потребления основных продуктов, социальным отношениям и т. д. По имеющимся сведениям они значительно богаче материалов государственных описаний. И, тем не менее, эти источники пока крайне слабо вводятся в научный оборот, а в учебных пособиях по источниковедению данные разновидности материалов писцового делопроизводства вообще не значатся.

Таким образом, материалы писцового делопроизводства, несмотря на давность их использования в науке, требуют тщательного источниковедческого анализа. В комплекс этих источников должны входить материалы не только государственных, но и частных описаний. Тем более, что последние нередко более точны и подробны, чем государственные.

Некоторые источниковедческие проблемы материалов писцового делопроизводства XVI-XVII вв.*

Материалы писцового делопроизводства – важнейший источник по различным вопросам истории России конца XV – начала XVIII в. Их научная ценность признается учеными уже на протяжении двух столетий. С XVIII в. материалы памятных писемности целенаправленно исследуются, а с XIX в. началась их публикация.

Большая работа проделана историками по введению в научный оборот материалов писцового делопроизводства Севера России¹. В основном на этих материалах и базируется данная статья.

Вопросы происхождения, классификации, терминологии, достоверности данных источников, методики их обработки являлись предметом оживленного обсуждения в дореволюционной и советской историографии². Однако, как показывает ряд исследований, в частности В. Б. Павлова-Сильванского, группы ленинградских историков-аграрников под руководством А. Л. Шапиро, Л. В. Милова с М. Б. Булгаковым и И. М. Гарсковой, многие источниковедческие аспекты материалов писцового делопроизводства требуют дополнительной и кардинальной разработки³.

Остановлюсь на двух проблемах: 1) классификации материалов писцового делопроизводства и в связи с этим важности и особенностях материалов частных описаний; 2) характеристике сотных грамот.

В основу классификации материалов писцового делопроизводства обычно берутся два фактора: объект и цель описания. Однако не менее важно и кто проводит описание. Именно в зависимости от того, кто проводит описание, последние можно подразделить на две основные группы: государственные и частные описания. Цель же тех и других, как правило, одна – фиксация объекта владения и налогообложения в государственных или частных (например, вотчинных) интересах.

Государственные описания проводились как валовые, то есть по всей стране или основной ее территории, так и частичные, когда описанию подвергались территории отдельного уезда, вотчины или даже волости в случае каких-либо исключительных явлений (мор, эпидемия). В Поморье валовыми можно считать описания, проведенные около 1500 г., в 1550–52, 1564–66, 1580-е, 1620-е, 1645–1648 и 1676–80 гг.⁴ Наряду с ними проводились и частичные описания. Так, в 1614 г. с челобитием о проведении дозора обращались Мольская и Стреленская волости Тотемского уезда; в 1636 г. – четыре волости Устюжского уезда: Верхний конец Комарицкого стана, Дракованова Кулига, Подосиновская и Шольская; в 1638 г. – волости того же уезда: Яхренская, Пушемская, Шольская и Сухонский Нововышлый стан⁵.

* Впервые опубликовано: Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 21–37.

Результаты государственных описаний фиксировались в писцовых, дозорных, отписных, отказных, межевых, перечневых и платежных книгах, а также в сотных грамотах. В качестве вспомогательных при проведении описания и составлении писцовых и дозорных книг привлекались приправочные книги. Иногда последние использовались в приказах в качестве эквивалента первых, особенно при их утрате⁶. Целевое назначение и характер этих источников в науке достаточно выяснены⁷, остановлюсь лишь на соотношении их данных.

Есть основания полагать, что даже наиболее подробные из материалов дело-производства писцовые книги не всегда включали в себя все материалы описания. В Сотной на Турчасовский стан Каргопольского уезда письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова 1555–1556 гг. подразделяются «книги сошные... подлинные да и перечневые». Основные данные описания, как явствует из начального текста Сотной, сосредоточивались в «книгах сошных подлинных»: «В подлинных книгах деревни да и обжи да и пашня написана подлинно». В перечневых книгах давались лишь поволостные итоги описания: «...в перечневых книгах одне волости да в них сошки малые писаны». Но эти книги отличались друг от друга данными по налогообложению. «А государева дань, – отмечается в Сотной, – в тех обоих книгах порознь писана, что в подлинных книгах есть, того в перечневых не писано, а что в перечневых книгах есть, и того в подлинных не писано. И государеву дань по тем обоим книгам с волостей збирают, по *подлинным книгам* берут дань за белки да за горностаи, да ямские денги, да вытные денги, да казначеевы и дьячи и подьячи пошлины, да за посопной хлеб; да к той же дани причитают из *перечневых книг* (курсив мой. – Ю.В.) за пососные люди, да за городовое, и за засечное, и за ямчужное дело, да за приметные денги. Да по тем же перечневым книгам емлют... с Турчасова... за порожскую за рыбную за семежу ловлю... А что в перечневых книгах посопный хлеб писан и белки, и горностаи, и ямские денги, и того в число не кладут, потому что в подлинных книгах есть то ж писано»⁸.

«Сошные подлинные книги» – это сотные грамоты. В цитируемой Сотной по волостям Турчасовского стана действительно отмечены сборы за белки, горностаи, ямские денги, вытные, казначеевы, дьячьи и подьячьи пошлины, посопный хлеб. Остальные повинности в Сотной не указаны. Аналогичные данные содержит и Платежница, составленная по результатам того же письма Я. Сабурова и И. Кутузова 1555–1556 гг.⁹

Перечневых книг XVI в. по Поморью неизвестно, по XVII в. ряд их опубликован¹⁰. В них даются поволостные итоги поселений, дворов, «людей», пашни и сена, повинностей. Иногда в перечневых росписях приводятся и общие данные предыдущего описания. Таким образом, перечневые книги (росписи) дают довольно полные, хотя и обобщенные данные государственных описаний, при этом подчас ряд из них дополняет данные писцовых книг. Полные или частичные данные перечневых росписей входили в платежницы и приходные книги приказов¹¹ и могут быть извлечены из последних. Перечневые росписи могут показать, что внесено в писцовые и аналогичные им книги, а что осталось в них неотмеченным, хотя и подлежало описанию.

Данные писцовых книг нередко дополняют оброчные книги, поскольку писцы не всегда заносили в писцовые книги все данные по оброчным угодьям, да и не всегда успевали сами раздать эти угодья населению. Сдачу угодий на оброк и их переобработку часто проводили представители местной администрации, что фиксировалось в оброчных книгах. Следовательно, полные данные

того или иного описания подчас может дать лишь цельный комплекс относящихся к нему материалов писцового делопроизводства.

Привлекая для исследования материалы государственных описаний XVI – начала XVII вв., часто приходится иметь дело с сотными грамотами. В сотых грамотах конца XVI – начала XVII в., как правило, имеется следующая преамбула, как, например, в «Сотной на дворцовое село Турунтаево... 1588–1589 гг.»: «Лета 7101, октября в 26 день бил челом государю царю... крестьянин Нечаико Василев и во всех крестьян место села Турунтаева, а сказал: в прошлом 97-м году писал де у них и дозирал... село Турунтаево Верига Федоровичь Сабуров да подячеи Филип Митрофанов, а сотные де им грамоты с книг писма своего и дозору не дали, и им де государевых денежных доходов и всяких податей платити не по чему». В ответ на челобитную царь Федор Иванович «велел им с книг писма и дозору Вериги Федоровича Сабурова да подячего Филипа Митрофанова дати сотную грамоту. А в писцовых книгах... 97-го году написано...»¹². Вслед за этим идет описание села Турунтаева. Приведенный текст явно говорит о том, что сотная – выписка из писцовой книги. Большинство исследователей и считают сотные грамоты выписками из писцовых книг¹³.

Насколько эти выписки (сотные) соответствуют тексту писцовых книг? Анализ показывает, что эти выписки могут содержать полностью данные писцовой книги по микрорайону уезда, а могут содержать их лишь частично. Так, сохранилась в списке (около 1670 г.) «Сотная из книг И.И. Плещеева и Григория Зубатово Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железопольской» 1567 г.¹⁴ В том же деле, из которого извлечен список Сотной, сохранился и второй список этой же Сотной 1672 г. Он имеет следующий заголовок: «Список с сотные книги Устюжны Железопольские 75-го году писма и меры Ильи Ивановича Плещеева да Григорья Зубатово Никитина сына Беспятого. Выписано на перечне о поверстных лесах и о пожнях, и о пашне».

Эта запись дает основание предполагать, что второй список Сотной идентичен первому. Но первый занимает в деле Лл. 40–124, т. е. 84 листа, а второй – всего 10. Сличая тексты списков, убеждаемся, что второй не содержит данных по монастырям, церквям, дворам, лавкам и населению посада, которые имеются в первом списке. Второй список содержит лишь данные «о поверстных лесах и о пожнях, и о пашне», как это отмечено в его заголовке. Сличим тексты списков по этим данным¹⁵.

Список 1.

«Ко всему Устюженскому посаду лесы боровые сеченые редкие промеж мшарин и болот и на мшаринах и на болотах, которыми и преже сего владели посадские ж люди безоборочно.

А в писцовых в прежних книгах и в сотной к посаду и за иным ни за кем те леса не написаны были, а в роздачу не розданы потому, что в поместья и в вотчины и на оброк и на лготу не взял их никто, и для того до государева указу приписаны к посаду ж.

А урочища тем лесам за рекою за Мологою от понизовские от черной деревни от Соловцова в длину от Соловцовского ж от поверстного лесу до посаду и противу посаду позади посадских пашен и ниже посаду подле реки Мологи до усть реки Щагодощи по смете на 20 верст, а попереч от реки от Мологи от берегу на 2 версты.

Список 2.

Нет

А оброку с тех лесов посадцким всем людям давати в Приказ Углетцкого ж 24 рубли на год да пошлин дворецкого и дьячих 2 гривны, с рубли по 10 денег для того, что они с пашен с посадцких оброки платят в тот же Приказ Углетцкого двorca. А те леса позади ж и промеж тех их оброчных пашен. Впервые, по оброчным по новым книгам, тот оброк дати им в Приказ Углетцкого ж двorca на Рождество Христово лета 7076 ж году. Нет

Да в другом месте лесов же борových и мшарин, и болот за рекою за Чагодошью...».

Таким образом, сопоставление текстов списков показывает, что во втором опускается текст, не относящийся к перечню и границам лесов посадских людей. Подобная разница и в остальном тексте.

Следовательно, список 2 Сотной содержит лишь необходимые для посадских людей данные – об их правах на леса, сенокосы и рыбные угодья. Но он писан в 1672 г. и не писцами и, возможно, не подтверждает мнение о том, что содержание сотной зависит от ее назначения.

Для выяснения вопроса привлечем еще некоторые данные. Сравним Сотную на Турчасовский стан Каргопольского уезда письма Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова 1556 г. и Сотную на вотчину Соловецкого монастыря в Каргопольском уезде того же письма 1556 г.¹⁶

Сотная на Турчасовский стан

«На Прилуке...

Дер. Кузминская: в. Сенка Онанин. Пашни обжа без трети обжы.

Дер. Давыдовская: в. Трофимко Мартемьянов; в. Микифорко Федоров. Пашни обжа.

Волостка Рагонема... дер. Филиповская Тырлова: в. Иванко Мокеев сын Попов. Пашни обжа и полчетверти обжы».

Сотная Соловецкого монастыря

«На Прилуке дер. Павловская: в. Якунка Кузмин. Пашни полторы обжы.

Дер. Кузминская: в. Васко Орфин. Пашни пол-обжы.

Дер. Давыдовская: в. Иванко Олешин. Пашни четверть обжы.

В Рагониме дер. Филиповская: в. Лазарко Онисимов. Пашни полторы обжы».

Данные по деревням Павловской и Кожуховской Прилуцкой волости, имеющиеся в Сотной монастыря, совсем отсутствуют в Сотной Турчасовского стана¹⁷.

Итак, две сотные с одних и тех же книг имеют совершенно разные записи по одним и тем же деревням. Следовательно, в Сотную на Турчасовский стан из книг брались лишь данные, относящиеся к крестьянским владениям, а во вторую – лишь Соловецкого монастыря. Отсюда ни та, ни другая сотная не отражают реального состояния этих деревень в целом.

Рассмотрим еще один уникальный по своему характеру документ – Сотную на волость Мареку Важского уезда, выданную 16 ноября 1629 года. Это официальная Сотная, выданная по челобитью волостных крестьян приказом Большого Дворца¹⁸. В Сотной отмечается, что в ответ на челобитную крестьян

«мы (царь Михаил Федорович. – Ю. В.) важан Мареские волости крестьян Ивашка Филимонова с товарищи пожаловали: велели мы с *старой выписи писцов Тимофея Афанасьева с товарищи и с списка с важских книг Якова Бобарыкина с товарищи* (выделено мной. – Ю. В.) дати нашу грамоту».

Таким образом, Сотная давалась на основании материалов двух описаний: письма Т.Афанасьева 1500 г. и Я.Бобарыкина 1620–1621 гг.¹⁹ Тексты этих писцовых книг не могли совпадать полностью. Что же внесено было в Сотную? Приведу полностью запись по одной из деревень волости: «Дер. Скомороховская. Пашни паханые средние земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен; лесу пашенного чет с осминою; в живущем трет обжы». Аналогичны по структуре записи и по другим деревням волости. Данные об угодьях деревни в Сотной явно взяты из писцовой книги Я. Бобарыкина, так как здесь фигурирует обжа в 12 четвертей в поле, введенная на Ваге не ранее письма 1564 г.²⁰, а названия деревень, видимо, в том и другом письме совпадали. Из традиционной структуры описания Важского уезда 1620–1621 гг. в Сотную не вошли данные о дворах, населении и повинностях, вероятно, потому, что эти данные в описаниях 1500 и 1620 гг. не совпадали. Да они были и не обязательны, так как назначение данной Сотной грамоты – закрепить за волостными крестьянами территорию, охваченную отмеченными деревнями. Об этом говорится в самой грамоте: «А велели им, Мареские волости всем крестьяном, тех деревень угоди владети по-прежнему по старине; по старой выписи с писцов Тимофея Офанасева с товарищи и по сей нашей грамоте по-прежнему по старине».

Исходя из рассмотренного материала, ясно, что сотные выдавались на какую-либо часть уезда (стан, волость, вотчину). В основе их текста были тексты писцовых книг конца XVI – начала XVII в. Однако сотная не являлась копией писцовой книги, в зависимости от назначения сотной варьировалось и ее содержание (большая или меньшая полнота передачи текста писцовой книги).

Имеющиеся сотные XVI в. позволяют поставить и еще один дискуссионный вопрос: всегда ли писцовые книги предшествовали сотницам, что первично – сотная или писцовая книга?

Как явствует из некоторых источников, книгами в XVI в. именовались не только собственно писцовые книги, но и сотницы. В рассмотренном ранее списке 2 Сотной на Устюжну Железопольскую 1567 г. прямо записано: «Список с *сотные книги* (курсив мой. – Ю. В.) Устюжны Железопольские 75-го году».

12 февраля 1600 г. подали челобитную царю крестьяне Сысольской волости Вымского (Яренского) уезда с просьбой о выдаче им сотной грамоты, так как у них в 1599 г. от молнии сгорела церковь Афанасия Александрийского, а в ней сгорел и «земский ларец с *сотными грамотами*», «а в том ... ларце были их *сотные книги* Сысольские земли письма и меры Ивана Огарева». Следовательно, и здесь понятия «сотные грамоты» и «сотные книги» идентичны. В ответ на челобитную крестьян царь пожаловал: «велел им дати с *писцовых книг* свою государеву сотную грамоту». После слов «а в Четверти... в *писцовых книгах* письма и меры Ивана Огарева... 94-го году написано...» идет описание волости. В конце Сотной подписи дьяка Ивана Максимова и «справа» подьячего Васьки Семенова. Все, казалось бы, ясно. Но в заголовке стоит фраза: «Список с *сотные слово в слово*»²¹ (курсив здесь и ранее мой. – Ю. В.). Отсюда есть основание полагать, что и в Четверти были писцовые – сотные книги.

Наиболее ранние сотные не говорят прямо, что они с «писцовых книг», как это имело место в конце XVI–XVII вв. Записи в сотных первой половины – середины XVI в., как правило, имеют иной характер и аналогичны следующей: «Сотная с книг з белозерских письма Федора Федоровича Хидырщикова с товарищи»²². В 1627–1628 гг. Николо-Коряжемский монастырь подал челобитную о выдаче ему «сотной книги письма и меры» П. Н. Мансурова и И. С. Благово²³ (курсив мой. – Ю. В.).

Отмеченные факты дают основание полагать, что сотные грамоты (книги) – документы более раннего происхождения, чем писцовые книги. Писцовые книги (и сам термин) – документы более позднего времени, эпохи завершения процесса образования единого Русского государства (начало XVI в.). Поэтому в казне вологодского князя Андрея Меньшого в конце XV в. хранилась именно сотная, а не писцовая книга²⁴.

Сделанный нами вывод о первичности сотных, безусловно, требует дальнейших доказательств. Однако уже сейчас ясно, что в XVI в. результаты государственных описаний даже значительных территорий фиксировались нередко лишь в сотных. Они и только они имелись как на местах (здесь могли быть и выписи из сотных), так и в приказах. Отсюда вывод: надеяться на обнаружение их «протографов» – писцовых книг, не приходится, так как последних в данных случаях просто не было.

В XVII в. преобладают писцовые и переписные книги, постепенно термин «сотная грамота» отмирает, а на места посылают просто «выписки из писцовых книг».

На основе государственных описаний и после них, иногда и независимо от первых, в черносошных волостях и вотчинах проводились свои частные, местные описания. В ряде черносошных волостей Двинского уезда эти описания оформлялись в веревных, в Заонежье – оценных книгах, в Устюжском и Сольвычегодском – в таких документах, как «поверстки». В монастырских вотчинах Севера местные описания оформлялись в переписных, в Кирилло-Белозерском монастыре – также в вытных и поверстных, в Соловецком – дозорных, поверстных, луковых и обежных, в Михайло-Архангельском, Николо-Корельском и Антониево-Сийском двинских монастырях – в веревных книгах. Аттестация этих документов исходила или из характера описания (дозор, перепись и т. д.), или от единиц обложения, бытовавших в вотчинах (обжа, выть, веревка, лук).

В ряде черносошных волостей и монастырских вотчин Двинского уезда местные описания, как отмечалось, фиксировались в веревных книгах. Честь введения этого вида источников в научный оборот принадлежит А. Я. Ефименко. Ею были использованы веревные книги Паниловской волости 1612 и 1665 гг., Спасского 1651 и 1710 гг. и Загорского второй половины XVII в. станов²⁵. Позднее ряд веревных книг XVIII в. был опубликован М. В. Довнар-Запольским и П. И. Ивановым²⁶. Значительное число веревных книг XVII в. выявлено и опубликовано А. И. Копаневым, в том числе и Веревная книга Паниловской волости 1612 г.²⁷

Мне также удалось выявить ряд веревных книг Двинского уезда XVII в.: 1) по вотчине Антониево-Сийского монастыря 1646 г.; 2) Загорскому стану 1660-х гг.; 3) Матигорской волости 1665 г.; 4) вотчине Николо-Корельского монастыря 1683 г.; 5) по дер. Исакова Гора Антониево-Сийского монастыря; 6) верхним волостям Николо-Корельского монастыря²⁸, а также несколько книг XVIII в.

В статье о веревной книге Паниловской волости А. И. Копанев так объясняет цели вервления и составления веревных книг: «Веревные книги, фиксирующие земельные владения каждого двора, служили основанием для раскладки государственных налогов и других платежей между волощанами (когда разруб шел «по земле»). Так как земельные владения крестьян часто изменялись, то и вервления в волости производились с известной регулярностью»²⁹. В другой статье, посвященной веревным книгам, исследователь связывает происхождение последних с конфискацией земель на Двине правительством у новгородских землевладельцев. «Так как конфискованная у новгородских землевладельцев земля переходила в руки крестьян и становилась черносошной, то она и была измерена крестьянами и зафиксирована в новый для Двины документ – веревные книги», – пишет А. И. Копанев³⁰.

Первое мнение исследователя вполне обоснованно. Известно, что государственные описания проводились нечасто, как правило, через 20–30, а то и более лет. В промежутках между ними в землевладении отдельных хозяйств происходили значительные перемены. К тому же писцы обычно не указывали количество сельскохозяйственных угодий и размеры повинностей по отдельным хозяйствам, давали их в целом по деревне, а иногда и по волости. Наконец, качество писцовых описаний подчас было довольно низким. Вервление и веревные книги устраняли несовершенство государственного описания, его огульность и отставание от жизни волости. И породили веревные книги, по нашему мнению, два фактора: во-первых, исключительная чересполосность крестьянских земель во многих волостях Подвинья, где участки, клочки, полосы, гоны одного двора чередовались и переплетались с такими же участками, полосами и т.д. другого двора; во-вторых, развитие феодальных отношений, обложение двинских волостей постоянными и разнообразными налогами. Первый фактор имел место и в новгородское время, следовательно, вервление могло существовать на Двине и до конца XV в. Во всяком случае, оно никак не связано с московскими конфискациями. Это тем более вероятно, что даже до конца XVII в. в ряде волостей Двинского уезда вервления не знали³¹.

Известные веревные книги по их содержанию можно подразделить на две группы. В книгах первой группы дается подробное описание каждого участка земли каждого владельца (главы семьи) и фиксируется общее количество веревков за этим владельцем. В книгах второй группы дается лишь общий итог вервления – количество вервей-единиц обложения за каждым владельцем или даже всей деревни в целом³². Наибольшую ценность имеют книги первой группы с детальным описанием крестьянских владений. Эти веревные дают исключительно ценные данные по характеру крестьянского землевладения и землепользования, в частности, дают основание предполагать наличие общих полей у крестьян одной деревни, а отсюда и принудительного севооборота, а также наличие в северной деревне долевого землевладения.

Однотипны, хотя и разнятся объемом информации, книги внутривотчинных описаний: переписные, дозорные, вытные, обежные и луковые. Вытные книги в XVI в. бытовали в Кирилло-Белозерском монастыре, от XVII в. встречаются по Николо-Корельскому монастырю. Первыми обратили внимание на вытные книги первого монастыря В. О. Ключевский и Н. Н. Никольский³³. В настоящее время к ним обращались А. Х. Горфункель³⁴, Л. С. Прокофьева и З. В. Дмитриева. Последними дан источниковедческий анализ этого вида

источников³⁵. А.Х.Горфункелем и З.В.Дмитриевой изданы вытные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI в.³⁶ Вытные книги монастыря 1601 г. дают лишь сведения о поселениях вотчины, их населении и количестве тягловых единиц-вытей, положенных на поселение. Книги середины XVI в., кроме этих данных, имеют ценные сведения о формах и размерах хлебного или денежного оброка с каждого крестьянского двора.

Более богатую информацию содержат луковые и обежные (переписные или дозорные) книги Соловецкого монастыря³⁷. На важность источников этого вида первым обратил внимание Б.Д.Греков³⁸. Отмечу уникальные данные некоторых из этих источников.

В Дозорной вотчинной книге Сумской и других волостей 1611 г. наряду с числом обеж, числившихся за тем или иным крестьянским хозяйством, отмечаются размеры пашни последних в сажнях³⁹. Подобных данных нет в писцовых книгах государственных описаний.

В Переписной «луковой» книге Кемской волости 1599 г. за каждым крестьянским хозяйством отмечается размер посева жита, сенокоса в возах, наличие огорода и морских промыслов, объем оброка. К тому же в книге есть уникальные данные: фиксируется, какие угодья монастыря принадлежат ему, а какие – крестьянам. При этом и те, и другие угодья обрабатываются крестьянами⁴⁰. Следовательно, несмотря на принадлежность волости монастырю, часть угодий еще оставалась в собственности крестьян.

В Дозорной «обежной» книге 1599–1600 гг. отмечается население деревни, объем посева ржи и яровых, скашиваемого сена (в кучах), количество обеж и размер оброка. Наряду с этим книга содержит исключительно важные и уникальные данные о половничьем праве, экономическом положении половников, соотношении ренты, взимавшейся с них в пользу государства и монастыря, рассуждения и экономические расчеты дозорщика старца Капитона о большей целесообразности использования в монастырских деревнях наемного труда, нежели подневольного – половничьего⁴¹.

К вытным, луковым, обежным и веревным книгам примыкают вотчинные отводные, отписные, отданные, описные, досмотренные (досмотрные) и переписные книги. Это однородные документы, имеющие лишь разные названия. Составлялись эти книги при передаче монастыря в ведение нового настоятеля и при передаче отдельных служб новым, ответственным за них лицам: непосредственного имущества самого монастыря – келарю, казны – казначею, отдельных деревень или промыслов – посельским или приказчикам и т.п. Цели составления этих документов более широки, нежели группы ранее рассмотренных вотчинных книг. Во-первых, они являлись документами хозяйственного учета; во-вторых, документами отчетности лиц, заведовавших монастырем или отдельными его службами; в-третьих, документами, фиксировавшими основные виды и объем крестьянских повинностей. В связи с первой, основной, задачей этих документов ряд исследователей относит их к вотчинным хозяйственным документам⁴². На наш взгляд, исходя из структуры источников и того, что одной из целей этих описаний был учет крестьянских повинностей, целесообразнее данные источники относить к материалам вотчинного писцового делопроизводства. К тому же следует заметить, что описные книги монастырей и даже отдельных их хозяйственных служб (как составных частей вотчинного хозяйства) имели и государственное значение. В связи с этим не-

редко переписи монастырей при передаче их новым настоятелям проводились представителями государственной администрации по указу царя или воеводы. Рассматриваемые книги, как правило, составлялись в двух экземплярах, один из которых хранился в монастырской казне, другой – у лица, принявшего хозяйство.

По территории Заонежья значительный комплекс отводных (отписных) книг сохранился по Соловецкому монастырю: от 1570, 1582, 1597, 1602, 1604, 1613, 1632, 1640, 1645 гг.⁴³ и ряда лет второй половины XVII в.

Больше источников данного вида известно по Белозерскому уезду: Кирилло-Белозерскому монастырю от 1598 и 1601 гг.⁴⁴; Новоезерскому монастырю от 1581, 1615, 1631, 1632, 1638 гг.⁴⁵; за ряд лет первой половины XVII в. по Нило-Сорской пустыни и Благовещенскому Ворбозомскому монастырю⁴⁶. Отписные книги Горицкого, Усть-Шехонского и Ферапонтова монастырей известны мне лишь от второй половины XVII в.

По Каргопольскому уезду известен ряд отписных книг соляных промыслов Соловецкого⁴⁷, Кирилло-Белозерского и Онежского Крестного монастырей, но большая часть их относится ко второй половине XVII в.; из отписных книг местных монастырей лишь две книги Спасского Каргопольского монастыря (Строкиной пустыни) 1660–1670 гг.

По Центральному Поморью описные вотчинные книги известны мне по Вологодскому, Тотемскому, Сольвычегодскому и Двинскому уездам. По Вологодскому уезду это книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1623 и 1654 гг., монастырских сел Глубоковского (1618 г.), Сафонова (1618 г.), Бурдукова (1622 г.), Сергеевского (1632 г.), Семенкова (1636 г. и 1639 г.), Домшина (1643 г.), Богородского (1650 г.)⁴⁸, также сел вотчины вологодского архиепископа⁴⁹. Известные отписные книги Спасо-Каменного, Введенского Корнильева, Павло-Обнорского монастырей относятся ко второй половине XVII в.

По Тотемскому уезду имеется три отводных на тотемский соляной промысел Спасо-Прилуцкого монастыря 1623, 1637 и 1655 гг.⁵⁰

По Сольвычегодскому уезду известны отписные книги середины и конца XVI в. Николо-Коряжемского монастыря⁵¹, отписная книга Сольвычегодского усоляя Спасо-Прилуцкого монастыря 1623 г.⁵² и ряд книг второй половины XVII в.

Значительный комплекс рассматриваемых источников известен по монастырям Двинского уезда. Это описные книги 1556 и 1597 гг., переписные отводные книги 1646 г.⁵³ и ряда лет второй половины XVII в. Антониево-Сийского монастыря; отводные и отписные книги Николо-Корельского монастыря 1551, 1601, 1602, 1603, 1606, 1611, 1614, 1617, 1623, 1627, 1631, 1634, 1639, 1641 гг.; Книги досмотрные 1615 г. и Книга отданная 1628 г.⁵⁴ Значительное число подобных книг Антониево-Сийского и Николо-Корельского, а также несколько книг Козьеручского, Кривецкого и Лявленского монастырей известно от второй половины XVII в.

Более подробные сведения содержат те из отписных книг, которые составлялись при передаче монастырей новым настоятелям. Так, в Отписной книге Николо-Корельского монастыря двинских целовальников от 8 марта 1602 г. отмечены церковь и церковная утварь (л. 1–8 об., 17–19), книги (л. 8 об. –13, 19), одежда (л. 13–16 об.), старцы, слуги, трудники и детеныши (л. 20 об.–22), хозяйственные постройки (л. 22 об.–23 об., 42, 43, 44), казна де-

нежная (л. 23 об.–26), оружие (л. 27), грамоты и другие письменные документы (л. 29–41 об.), скот (л. 43–43 об.), лодки и лодейная снасть (л. 44). Далее идет описание угодий и деревень монастыря. Затем приводятся данные о вотчине монастыря по письму писца В. Звенигородского с перечнем деревень, дворов и глав семей в последних, общими итогами описания вотчины, перечнем оброчных угодий и указанием платежей монастыря и крестьян в государеву и последних также в монастырскую казну⁵⁵, то есть в этой книге приводятся данные о хозяйственных постройках, утвари, одежде, орудиях труда (в частности, и сельскохозяйственных), скоте по отдельным службам монастыря. Как правило, в описных книгах имеются данные о наличном и засеянном зерне (в рассматриваемой книге сообщается лишь общий объем наличного хлеба). Все эти сведения довольно редки в источниках, особенно об орудиях труда, скоте и посевах зерновых. В материалах государственных описаний их совсем нет.

В целом материалы частных описаний по имеющимся в них сведениям значительно богаче материалов государственных описаний. И, тем не менее, эти богатые источники пока крайне слабо вводятся в научный оборот.

Таким образом, в комплекс материалов писцового делопроизводства должны входить материалы не только государственных, но и частных описаний⁵⁶. Это будет более верно отражать наличную источниковую базу по истории России XVI–XVIII вв., привлечет пристальное внимание историков к данным источникам, в конечном итоге должно способствовать более глубокому и правильному изучению и пониманию истории страны феодального периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом более подробно: Васильев Ю.С. Материалы писцового делопроизводства Севера России XVI в. как исторический источник // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984. С. 19–31; он же. Поуездный указатель материалов писцового делопроизводства по Северу России XVI в. (писцовых книг, сотных, выписей из них, платежных) // Там же. С. 174–183.

² Кочин Г.Е. Писцовые книги в буржуазной историографии // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 145–186; Мерзон А.Ц. Писцовые и переписные книги XV–XVII вв. М., 1956. О северных писцовых книгах: Иванов П.И. Северные писцовые книги как материал для истории обложения // Древности: Труды Археографической комиссии Московского археологического общества. М., 1900. Т. 2. Вып. 1. С. 29–68; Колесников П.А. О некоторых источниках для изучения местного края // Учен. зап. Вологодского пединститута. Вологда, 1967. Т. 32. Вып. 2. С. 134–150; он же. Писцовые и переписные книги как источник для изучения миграции поморского населения в XVI – начале XVIII в. // САС. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 182–196; Васильев Ю.С. Материалы писцового делопроизводства Севера России XVI в. С. 19–31.

³ Павлов-Сильванский В.Б. К истории источниковедческого изучения писцовых книг Московского уезда XVI в. // АЕ за 1975 г. М., 1976. С. 41–54; Аграрная история Северо-Запада России. Л., 1971. С. 11–36; Аграрная история Севера-Запада России. Л., 1974. С. 5–8, 10–19; Милов Л.В. Методологические проблемы источниковедения писцовых книг (О концепции С.Б. Веселовского) // История СССР. 1973. № 2. С. 127–142;

Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России в первой половине XVII столетия: Историография, компьютер и методы исследования. М., 1986.

⁴ См. также: Источниковедение истории СССР / под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1981. С. 120–134.

⁵ Веселовский С. Б. Акты писцового дела. СПб., 1913. Т. 1. № 18; Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. М., 1913. Т. 2. С. 56.

⁶ Павлов-Сильванский В. Б. К истории источниковедческого изучения писцовых книг. С. 50.

⁷ Источниковедение истории СССР. С. 120–134.

⁸ Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова, 1556 г. (публ. Ю. С. Васильева) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 95.

⁹ Там же. С. 96–136; САС. Вологда. 1972. Вып. 2. С. 253–290.

¹⁰ Акты писцового дела (1644–1661 гг.). М., 1977. № 5, 7, 9.

¹¹ Платежных книг по Поморью от XVI – начала XVII в. сохранилось немного. Мне известны по Западному Поморью: Платежная книга Каргопольского уезда, составленная по итогам письма 1555–1556 гг. (САС. Вып. 2. С. 253–290); Платежная книга Обонежской пятины Заонежской половины 1588 г. (РГАДА. Ф. 137. Новгород. № 11. Л. 134–255); Платежная книга Водлозерского и Оштинского станов Заонежской половины 1628–1629 гг. (Там же. № 17. 73 л.); Платежная книга Лопских погостов 1588 г. (Там же. № 11. Л. 678–685). По Центральному Поморью: Платежная книга Двинского уезда 1560 г., опубликованная А. И. Копаневым (см.: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 519–536). По Восточному Поморью: Платежная переписная книга Пустозерской волости 1577–1578 гг. (Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 463–483). Приходные книги приказов по Поморью см.: РИБ. СПб., 1910. Т. 28; Приходно-расходные книги Московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983.

¹² САС. Вып. 2. С. 178–179.

¹³ Источниковедение истории СССР. С. 120, 132; Сотные // Советская историческая энциклопедия. Т. 13. С. 356.

¹⁴ Социально-правовое положение. С. 136–177.

¹⁵ Там же. С. 168–169; РГАДА. Ф. 141. 1669 г., № 214. Л. 249–257 об.

¹⁶ Социально-правовое положение. С. 104, 96; Шумаков С. Сотницы (1554–1572 гг.), грамоты и записи (1628–1701 гг.). М., 1904. Вып. 3. № 4. С. 18–20.

¹⁷ Шумаков С. Сотницы. Вып. 3. С. 19; Социально-правовое положение. С. 103–104.

¹⁸ СпБИИ РАН. Ф. 27. Оп. 1. № 45. См. также: АИ. Т. 1. № 163.

¹⁹ Т. Афанасьев, видимо, описывал как Двинской, так и Важский уезд около 1500 года, так же, как И. П. Заболоцкий, в начале 1550-х гг. (см.: Васильев Ю. С. Важские писцовые книги и сотницы XVI–XVII вв. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 538).

²⁰ Васильев Ю. С. Важский уезд // Аграрная история Северо-Запада России. Л., 1978. С. 76.

²¹ САС. Вып. 1. С. 468, 486.

- ²² САС. Вып. 2. С. 184 (Сотная Кирилло-Белозерского монастыря 1544 г.).
- ²³ ГАВО. Ф. 883. № 14 (копия XVII века.).
- ²⁴ ДДГ. № 74. С. 227.
- ²⁵ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. М., 1884. С. 212–217, 295–305, 321.
- ²⁶ Довнар-Запольский М. В. Веревные и разрубные книги Северного края. СПб., 1905; Иванов П. Перемская веревная книга 1751 г. СПб., 1913.
- ²⁷ Копанев А. И. 1) Веревная книга Паниловской волости 1612 г. САС. Вып. 3. С. 380–401; 2) Веревные книги конца XVII в. // Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI–XVII вв. (Отв. ред. Маньков А. Г.). М.; Л., 1977. Ч. 4. С. 349–435; 3) Веревные книги как источник по истории крестьянства Севера // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. 1975. М., 1976. С. 191–209.
- ²⁸ РО БАН. Архангельское собрание. Д. 382. Л. 112–145 об.; ГААО. Ф. 1408. Оп. 1. № 216; ОПИ ГИМ. собр. Музейное. Д. 2692. 94 Л.; СПбИИ РАН. Ф. 115. № 993.
- ²⁹ Копанев А. И. Веревная книга Паниловской волости. С. 380–381.
- ³⁰ Копанев А. И. Веревные книги как источник... С. 206.
- ³¹ ГААО. Ф. 193.
- ³² См. также: Копанев А. И. Веревные книги как источник... С. 198.
- ³³ Ключевский В. О. Происхождение крепостного права в России // Соч. Т. 7. С. 279; Никольский Н. Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. С. 46–47.
- ³⁴ Горфункель А. Х. Перестройка хозяйства Кирилло-Белозерского монастыря в связи с развитием товарно-денежных отношений в XVI в. // Уч. зап. Карело-Финского гос. пединститута. Петрозаводск, 1956. Т. 2. Вып. 1.
- ³⁵ Прокофьева Л. С. Вытные книги Кирилло-Белозерского монастыря как источник по истории крестьян середины XVI в. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 137–162. См. также предисловие к нижеуказанной публикации З. В. Дмитриевой и А. Х. Горфункеля.
- ³⁶ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1559–1601 гг. (Публ. З. В. Дмитриевой, А. Х. Горфункеля). Отв. ред. Маньков А. Г. Л., 1983.
- ³⁷ Кроме отмеченных в тексте статьи, см.: Переписная книга рыбных промыслов в Вирме и других волостях 1616 г. (СПБИИ РАН. Ф. 2. № 132); Дозорная книга на варничные места и лес в Керети, Чупе и на Черной речке 1635 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. № 32).
- ³⁸ Греков Б. Д. Вотчинные писцовые книги // Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 181–191; Он же. Что такое обжа? // Известия АН СССР. 1926. 6-я серия. № 10–11. С. 1017–1040, № 12–14. С. 1229–1252.
- ³⁹ СПбИИ РАН. Ф. 2. № 129; 90 Л.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. № 684; списки – № 685, 686.
- ⁴¹ См.: Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (дооктябрьский период). Вологда, 1985. С. 136–138.
- ⁴² См.: Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Л., 1983.
- ⁴³ СПбИИ РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 121, 124, 126, 127, 128, 130, 137, 139, 141.

⁴⁴ ОР РНБ. Собр. СПбДА, А-II. № 41 (609 л.). См. также: № 40 – Книги отписные старца Ионы Палицына XVII в. (722 л.); Описные книги 1667 г. – Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1887. Вып. XIII. С. 8–14. Описная книга монастыря 1601 г. М. В. Молчанова и В. Нелюбова состоит из двух частей (книг); в одной дается описание собственно монастыря: церквей, служб, их имущества и инвентаря (ОР РНБ. Кирилло-Белозерское собр. 72/1311. 511 л. (и копии 71/1310); в другой – описание монастырской вотчины (опубликована в отмеченном ранее издании З. В. Дмитриевой и А. Х. Горфункеля). В переписной книге монастыря 1621–1622 гг. Е. С. Безобразова книги 1601 г. значатся отписными (ОР РНБ. Кирилло-Белозерское собр. 73/1312. Л. 2–2 об.), позднее они стали именоваться «переписными книгами».

⁴⁵ СПбИИ РАН. Ф. 115. № 663. Л. 1–12; Л. 17–32; Л. 44–72; Л. 73–107 об.; Л. 140–163; № 662. Л. 238–270 об.

⁴⁶ СПбИИ РАН. Ф. 115. № 668 (1641 г., 11 л.), № 669 (1648 г., 15 л.); № 696 (1642 г., 29 л.), № 669–701 (1648, 1649 гг.).

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. № 519, 522 – Отводные книги Польского усолья 1643–1646 гг., 1650 г.; № 526 – Отводная Кушерецкого усолья 1651 г.

⁴⁸ ГАВО. Ф. 512. № 21 (73 л.), № 44 (130 л.); ОПИ ГИМ. Ф. 61. № 15. Л. 12–23; СПбИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. № 418, 424; ГАВО. Ф. 1260. Оп. 6. № 18 (2 сст.); СПбИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. № 509 (2 сст.) и 531 (2 сст.); РГАДА. Ф. 1429. Оп. 1. № 2; СПбИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. № 594.

⁴⁹ ГАВО. Ф. 883. № 37 (1663 г., Описная книга архиерейского дома).

⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 61. № 22. Л. 83–89; 90–97; ОР РГБ. Ф. 287. № 1/7.

⁵¹ АЮБ. СПб., 1864. Т. 2. С. 632–642; ВГИАХМЗ. Ф. 4. № 8 (4 л., 1590 г.); № 9 (8 л., 1595 г.).

⁵² СПбИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. № 433.

⁵³ Макарий. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. 1873. Кн. 3., июль – сентябрь. Отд. 2. С. 7–14; РО БАН, Архангельское собрание. Д-375. Л. 2–61 об.; СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 2. № 4 (187 л.).

⁵⁴ АИ. Т. 1. № 157; ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Т. 1. № 6 (68 л.), № 9 (75 л.), № 19 (25 л.), № 43 (14 л.) и № 44 (список), № 51 (14 л.), № 61 (15 л.), № 78 (12 л.) и № 79 (список), № 104 (13 л.), № 129 (43 л.), № 155, № 161, № 460 (21 л.), № 240 (23 л.), № 227 (9 л.); № 21, № 139 (26 л.) и № 140 (список).

⁵⁵ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Т. 1. № 6.

⁵⁶ В учебных пособиях по источниковедению отечественной истории материалы частных описаний не получили никакого отражения (см.: Мерзон А. Ц. Писцовые и переписные книги XV–XVII вв. М., 1956; Источниковедение истории СССР. М. 1981).

Материалы писцового делопроизводства Севера России XVI в. как исторический источник*

Материалы писцового делопроизводства в русской историографии и, в частности, историками Севера начали использоваться еще в XVIII в.¹, а с выходом первых изданий Археографической комиссии (1830-е годы) началась и их публикация². Большая работа по введению в научный оборот северного писцового материала была проделана А. С. Лаппо-Данилевским, П. Н. Милюковым и Н. А. Рожковым, которыми даны перечни известных и вновь ими выявленных писцов, писцовых книг и сотниц XVI в. в целом по стране³. Значительный писцовый материал по Двинскому уезду XVII в. был использован А. Я. Ефименко, в том числе и введенные ею впервые в научный оборот веревные книги, по Белозерскому уезду – Н. К. Никольским, по Заонежью – Б. Д. Грековым, по вотчине Соловецкого монастыря – А. А. Савичем⁴.

С. А. Шумаков опубликовал ряд сотных XVI в. по Белозерскому, Вологодскому, Двинскому, Каргопольскому, Сольвычегодскому и Яренскому уездам, Д. Я. Самоквасов – значительный писцовый материал XVI–XVII вв. по Заонежью, а В. Н. Сторожев – по Вологодскому уезду⁵. А. И. Копаневым опубликованы платежная книга середины XVI в., несколько сотных этого же столетия и веревных книг XVII в. по Двинскому уезду, а также ряд сотных конца XVI в. совместно с А. А. Зиминым по Яренскому уезду⁶. Ряд сотных по нескольким уездам Севера введен в научный оборот автором данной статьи. А. И. Андреевым, Ю. С. Васильевым, Н. П. Воскобойниковой, А. И. Копаневым, Р. Б. Мюллер, А. Ц. Мерзоном и Ю. А. Тихоновым даны обзоры писцовых описаний и сохранившихся писцовых материалов по отдельным уездам Севера⁷.

Особенно значительная работа с северными писцовыми материалами проведена М. М. Богословским, давшим списки волостей и общие сведения писцовых и переписных книг по большинству уездов Поморья XVII в., С. Б. Веселовским, введшим в научный оборот обширнейший комплекс актов писцового делопроизводства XVI–XVII вв., П. А. Колесниковым, опубликовавшим итоги описаний 16 поморских уездов XVII в.⁸, и Я. Е. Водарским, подвергшим проверке разнообразные данные переписных книг XVII в., в целом по стране, в том числе и по Северу России.

Таким образом, историками дооктябрьского и советского периодов проведена большая работа по выявлению и введению в научный оборот материалов писцового делопроизводства по Северу России XV–XVII вв. Планомерная деятельность в этом направлении Северного отделения Археографической комиссии АН СССР значительно дополнила этот арсенал наиболее ранними источниками – писцовыми книгами, сотницами и платежницами XVI в. В научный оборот введены новые материалы описаний Белозерского, Важского, Вологод-

* Впервые опубликовано: Крестьянство Севера России в XVI в.: межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1984. С. 19–31.

ского, Двинского, Каргопольского, Сольвычегодского, Устюжского и Яренского уездов. Большая часть ранее известных и вновь выявленных материалов опубликована⁹.

Отношение к писцовым книгам как историческому источнику многих представителей дворянско-буржуазной историографии было отрицательным¹⁰. Советские историки не только ввели в научный оборот значительные новые материалы писцового делопроизводства, но и углубили источниковедческий анализ (происхождение, видовая классификация, терминология, достоверность данных этих источников и ряд других вопросов) и методику обработки этих материалов, пришли к выводу о том, что материалы писцового делопроизводства являются одним из важнейших комплексов источников по истории России XV – начала XVIII в.¹¹ В то же время отдельные исследования последних лет показывают нерешенность и дискуссионность ряда вопросов, связанных с материалами писцового делопроизводства¹², а отсюда и необходимость дальнейшего углубленного их изучения.

Сведения о проведении переписей в России восходят к XIII–XIV вв., но наиболее ранние материалы их сохранились от конца XV–XVI в. Эти материалы дают возможность характеризовать как сами описания, так и отражающую их документацию.

Цель описаний состояла, во-первых, в определении и фиксации налогооблагаемости населения отдельных районов страны, во-вторых, в утверждении за феодалами прав на землю с крестьянами. Результаты общих описаний вносились в писцовые книги.

Нередко писцам для проведения очередного описания выдавались справочные книги, составлявшиеся в приказах на основе писцовых книг предыдущих описаний и игравшие для писцов справочную роль¹³.

В отдельных случаях, чаще всего по жалобам населения, проводились описания отдельных частей государства: уездов, станов, групп, а подчас и отдельных волостей или вотчин¹⁴. Это были экстренные описания, охватывавшие лишь незначительные территории и именовавшиеся дозорами. Основная их цель – определить те существенные изменения, которые происходили в экономическом положении населения той или иной территории с момента ранее проведенного общего описания. Результаты дозоров фиксировались в дозорных книгах.

При передаче какой-либо территории из одних рук в другие составлялись отказные книги, а при передаче в казну – описные книги. Границы между отдельными административными единицами или владениями обычно фиксировались в указанных книгах, но иногда составлялись и специальные межевые книги.

Писцовые книги составлялись, как правило, на целый уезд, состоявший из нескольких самостоятельных податных округов: станов, погостов-округов, сел-округов, отдельных волостей и вотчин. После утверждения письма писцовые книги хранились в приказах, а до образования последних, видимо, непосредственно в княжеской казне. На основании этих книг населению отмеченных внутриуездных административно-податных округов выдавались выписки из писцовых книг, содержавшие данные по этим округам и именовавшиеся сотными грамотами или просто сотными. Нередко последние выдавались по челобитной населения или вотчинника. Так, 30 марта 1587 г. игу-

мен Коряжемского монастыря Иев «бил челом государю» о том, что «писали у Соли у Вычегодские писцы Офонасеи Иванович Вельяминов да дьяк Иван Григорьев..., а сотной им с книг писма своего не дали, и им деи оброков... платить не по чему... И государь бы их пожаловал велел им дати сотную с книг писма Офонася Ивановича Вельяминова...». В ответ на челобитную монастырь и получил сотную грамоту¹⁵.

Исходя из записей, подобных цитированной, большинство исследователей считает сотные выписками-копиями с писцовых или дозорных книг¹⁶. Однако это не совсем так. Содержание сотной определялось ее назначением. Выдавались сотные, как отмечалось, отдельным внутриездным податным округам, но границы последних не всегда совпадали с границами территориально-административных единиц. Волость, село и даже одна деревня могли принадлежать двум или несколько владельцам, и выданные последним сотные включали только отдельные, им принадлежащие, части данных единиц. Но ни одна из сотных не давала полного описания волости или деревни, которое имелось в писцовой книге¹⁷. Известны и сотные, выданные на основании нескольких описаний. Содержание таких сотных значительно отличалось от их прототипов – писцовых книг¹⁸.

Значительно возросшее число введенных в научный оборот сотных позволяет также полагать, что они – документы более раннего происхождения, чем писцовые книги. Первоначально, видимо, результаты описаний фиксировались лишь в самостоятельных сотных. А писцовые книги (и сам термин) документы более позднего времени, эпохи завершения процесса образования единого Русского государства (XVI в.). Появившиеся писцовые книги в XVI в. бытуют наряду с ранее существовавшими сотными, но выписи из этих книг также именуются сотными. В XVII в. господствуют писцовые и переписные книги, термин «сотная грамота» постепенно выходит из употребления, а на места посылаются просто «выписки из писцовых книг»¹⁹.

Что же дают материалы писцового делопроизводства как исторические источники? Рассмотрим их структуру, основные данные и терминологию.

Как отмечалось, описание в писцовой и других книгах, а также в сотных давалось по административно-территориальному (езду, части его) или феодально-территориальному (вотчине, поместьем и т. д.) принципу. Внутри уезда описание шло по волостям (в большей части северных уездов), погостам-округам (Заонежье, Лопские погосты, Яренский и частично Кольский уезды) и феодальным владениям. Описание почти каждой волости и погоста-округа начиналось с их центра – погоста-поселения. Затем описывались все их жилые («живущие») и пустые поселения: деревни, починки и т. д. В поселениях отмечались дворы и «люди». Этот первый комплекс данных является общим для всех писцовых книг и сотниц XVI в.

Эти данные содержат сведения о времени и степени освоения того или иного района, времени основания отдельных поселений, их типологии, типах заселения и расселения, административном делении уездов и отдельных феодальных владений, о численности и плотности населения.

В результате анализа основного комплекса писцовых книг XVI–XVII вв. П. А. Колесников приходит к выводу, что 80–90 % поселений, существовавших на Севере в XVII–XVIII вв., основаны к середине XVI в. При этом исследователь обоснованно подвергает критике тезис дворянской и буржуазной историографии

об извечном бродяжничестве русского крестьянина, подчеркивает устойчивый характер сельских поселений как очагов земледелия²⁰.

М. В. Витов подчеркивал в Заонежье господство речного и озерного типа заселения и считал его древнейшим как в целом для Севера, так и для всей лесной полосы территории России. Эти выводы нашли подтверждение в исследованиях А. И. Копанева по Двинскому, И. В. Власовой по Устюжскому, Н. П. Воскобойниковой по Яренскому и Кеврольскому, А. П. Афанасьева по Мезенскому уездам Поморья и в целом по региону П. А. Колесникова²¹.

Характеризуя социально-экономические разновидности (типы) поселений, исследователи указывают на господство в Поморье в XV–XVI вв. малодворной, одно- и двудворной деревни. В XVI в., более активно во второй половине столетия, идет процесс укрупнения сельских поселений. Главной причиной этого процесса, по мнению Г. Е. Кочина и ряда других исследователей, является прогресс в земледельческом производстве и животноводстве²².

Характеризуя особенности группировки поселений – типы расселения в Поморье XVI–XVII вв., А. Я. Ефименко, Н. П. Павлов-Сильванский и ряд других дореволюционных историков подчеркивали хуторской тип расселения на Севере²³. М. В. Витов отмечал широкое распространение в Заонежье XVI–XVII вв. кустообразного, гнездового типа расселения²⁴. Наличие последнего отмечено А. П. Афанасьевым на Мезени, а нами – на Ваге и в Каргопольщине²⁵. М. В. Витов высказал предположение о том, что, возможно, гнездовой тип расселения являлся некогда определенным этапом истории поселений всей Восточно-Европейской равнины²⁶. Его предположение нашло подтверждение в исследовании А. Я. Дегтярева²⁷.

Сотные на Устюжну (1567 и 1597 гг.) и Каргополь (1561–1564 гг.) содержат важные сведения о топографии, экономике и населении этих городов²⁸.

Данные писцовых книг и сотниц о поселениях могут быть источником предварительной информации для археологов. Так, сотные 1580-х годов на город Яренск с уездом и Сысольскую волость отмечают 12 старых городков, многие из которых в то время как таковые уже не существовали, а были обычными сельскими поселениями: Яренский, Вожемский на Цылибской горе, «дер. Новоселец, что было Чюдцкое городище», дер. Карса (в переводе на русский язык – Черный город), Вотча, дер. Карчуй (в районе современного Вильгорта), «пустошь, что была дер. Городок Чютской», Котек, «починок на Чучком городище», «дер. другое Чюдцкое Городище», Сосновское городище, Усть-Вымский²⁹.

Материалы писцового делопроизводства являются важнейшим источником по вопросам демографии. Писцовые книги и сотницы отмечают в живущих дворах «людей». Историки по-разному трактовали смысл этого термина. Н. А. Рожков понимал под термином «люди» все взрослое мужское население двора, А. М. Андрияшев – только глав семейств, а В. О. Ключевский – дворохозяев³⁰. Современные историки более склонны считать людьми писцовых книг глав семейств. Для подсчета численности населения по данным писцового материала XVI в. может быть принята методика, выработанная коллективом историков Ленинграда, исследовавших аграрное развитие Северо-Запада России под руководством А. Л. Шапиро. Во дворе с одной семьей они считали 5, с двумя семьями – 7,5 и тремя – 10 человек³¹. Писцовый материал XVI в. дает сведения и по социальному составу населения, отмечая крестьян, половников, бобылей и т. д.

Второй комплекс сведений материалов писцового делопроизводства связан с экономикой. В писцовых книгах и сотных второй половины XVI в. относительно подробно описываются сельскохозяйственные и промысловые угодья отдельных поселений и волости (села, погоста-округа и т. д.). Указывается количество пашни в четвертях или десятинах³², сена в копнах, леса в десятинах или в верстах. Пашня, как правило, разделялась на три поля (озимое, яровое, пар), отсюда в писцовых книгах постоянно встречаем выражение: пашни столько-то четвертей (десятин) в поле, а в дву по тому ж (т. е. в двух других полях по столько же четвертей, сколько и в первом поле). В общем, данный термин говорит о пашенном земледелии с трехпольным севооборотом. Однако это не всегда соответствовало истинному положению вещей. Во многих районах Севера правильного трехполья, т. е. точного соотношения между полями, засеваемыми озимыми, яровыми и оставляемыми под пар, не было.

В писцовых материалах имеются указания на пашню «паханую» (возделываемую постоянно), «пашню наезжую», «перелог», «пашню, лесом поросшую». Историки также трактовали суть наезжей пашни. Видимо, это пашня, при которой нет поселений, обрабатывали ее наезжая и, вероятно, часто без соблюдения трехполья и основных агротехнических требований, в частности, без удобрения. Перелог и лесом поросшая пашня – это пашня, оставшаяся незасеянной³³. Это могло быть по причине утраты ею владельца (смерть последнего, уход из поселения и т. д.), но могло быть и по агротехническим причинам. Вследствие недостаточности удобрений, земля быстро слабела, выпахивалась, требовала отдыха, и крестьяне вынуждены были несколько лет ее не засеивать. Л. В. Милов писал, что переложные земли были «необходимым средством поддержания режима трехполья», резервом пашенных земель³⁴. В агрономическом трактате «Назирателе», переведенном на русский язык в XVI в., именно так и объясняется необходимость перелога: «Коли нива после оранья лежит год или менши или болши, то уже будет перелог или отлог ради сего, что земля отлежится столь долго, сколко которой надобет»³⁵. Вопрос о размерах сенокосных угодий, отмеченных в писцовых книгах в копнах, остается дискуссионным³⁶.

В писцовых материалах имеются данные о промыслах и ремеслах: охотничьих путиках, слопцах, рыболовных угодьях и орудиях (различного рода неводах), соляных варницах, местах добычи железной болотной руды и других полезных ископаемых, мельницах, кузницах и т. д. Отмечается род занятий посадского населения, иногда и сельские ремесленники.

Следовательно, из данного комплекса сведений писцового материала можно судить о степени и характере экономического освоения того или иного района, занятиях населения, обеспеченности крестьянских и феодальных хозяйств пашней и другими сельскохозяйственными угодьями, а отсюда о доходной части (от сельского хозяйства) их бюджета и имущественной дифференциации среди крестьянства³⁷.

Третий комплекс сведений материалов писцового делопроизводства – данные по налогообложению. Относительно налогообложения писцы делили сельскохозяйственные и промысловые угодья на тяглые, оброчные, льготные и пустые. Тяглые угодья – это угодья, с которых взимались установленные повинности в полном объеме. Льготные, как правило, – те земли, которые на непродолжительный срок освобождались от уплаты податей. «Пустой» счита-

лась земля, совсем не обложенная государственными податями. В хозяйственном отношении эта земля могла и обрабатываться.

Наибольшую сложность вызывает понимание и трактовка окладных единиц XVI в.: лука, обжи, выти, сохи. В. И. Ленин писал, что «в эпоху московского царства» «государство распадалось на отдельные “земли”, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии...»³⁸. Эти «живые следы прежней автономии» отчетливо проявлялись и в окладных единицах: обжи, выти, сохи были крайне разнообразны. Единства их не было не только относительно Севера, но даже и внутри многих уездов. Реформа по унификации окладных единиц, начатая правительством Ивана IV в 1550-е годы, растянулась до начала XVII в.³⁹ Писцовый материал XVI в. дает и обширный перечень государственных и владельческих повинностей населения. Суть некоторых из них до сих пор остается не вполне выясненной⁴⁰.

В целом данные по налогодобложению позволяют выяснить формы феодальной ренты и их соотношение, а следовательно и степень эксплуатации сельского и посадского населения.

Наконец, материалы писцового делопроизводства – незаменимый источник по топонимике и лексике русского языка и северных говоров XVI–XVII в.⁴¹

Таким образом, материалы писцового делопроизводства XVI в. по России в целом и по Северу страны в частности, являются одними из важнейших источников. Значимость писцовых и аналогичных книг значительно возрастает, если они позволяют проследить отмеченные явления в динамике, т.е. когда имеются описания одной и той же территории за ряд лет (Устюжна – за 1567 и 1597 гг.; и др.).

Материалы писцового делопроизводства сложны, многогранны, требуют к себе внимательного и квалифицированного подхода. При анализе материалов государственных описаний важно сопоставление и сочетание разных источников этого вида. Важные наблюдения и дополнения дает сопоставление данных материалов с материалами внутривотчинных и внутриволостных описаний: вытными, обежными, веревными, описными, отдаточными и др. книгами⁴². Последние более богаты данными по культуре и быту населения. Важно сопоставление материалов писцового делопроизводства и с другими видами источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соскин А. История города Соли Вычегодской древних и нынешних времен // ВЕВ. 1881. № 14–16, 18–24; Начертания истории города Холмогор. Сочинено архангелогородским гражданином Васильем Крестининым. СПб., 1790. С. 26.

² Васильев Ю. С. Поуездный указатель материалов писцового делопроизводства по Северу России XVI в. // Крестьянство Севера России в XVI в. Межвуз. сб. научных трудов. Вологда, 1984. С. 174–183.

³ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890; Милюков П. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892 (рецензия на указанную работ А. С. Лаппо-Данилевского); Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899.

⁴ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. М., 1884. С. 212–217, 301–302 и др.; Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. I. Вып. 2. СПб., 1910. С. 27–45, 73–77 и далее; Греков Б. Д. Новгородский дом св. Софии // Избр. Труды. Т. 4. М., 1960; Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927.

⁵ Самоквасов Д. Я. Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVI столетий. Т. 1–2. М., 1905, 1906; Сторожев В. Н. Материалы по истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду. Вып. 1–2. Пг., 1916, 1918.

⁶ Копанев А. И. Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // САС. Вып. 3. С. 380–401; Он же. Веревные книги конца XVII в. // Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI–XVII вв. Ч. IV. М.; Л., 1977; Он же. Веревные книги как источник по истории крестьянства Севера // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1975. М., 1976. С. 191–209.

⁷ Андреев А. И. Заметки к истории Русского Севера: Писцовые и переписные книги по Ваге и Чаронде // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 г. Л., 1929. С. 169–176; Васильев Ю. С. Важские писцовые книги и сотницы XVI–XVII веков // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 537–562; Воскобойникова Н. П. Писцовые и переписные книги Яренского уезда конца XVI–XVII вв. как исторический источник // САС. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 212–236; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 10–12; Мюллер Р. Б. Крестьяне Чарондской округи в XVII в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вып. IV. Вологда, 1973. С. 278–280; Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складываний всероссийского рынка (XVII век). М., 1960. С. 33–37; 396–397.

⁸ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909. Прил.; Веселовский С. Б. Акты писцового дела: материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 1–2. М., 1913, 1917; Он же. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 1–2. М., 1915, 1916; Колесников П. А. Северная Русь: Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в. Вологда, 1971; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977 и другие работы.

⁹ Издание материалов по Заонежью планируется в Карелии.

¹⁰ Это показало обсуждение в Археографической комиссии (12-е заседание, 1898 г.) доклада Н. А. Рожкова «К вопросу о степени достоверности писцовых книг» (Древности: Труды Археографической комиссии имп. Московского Археологического общества. Т. 1. Вып. 2. М., 1898. С. 185–200). См. также: Кочин Г. Е. Писцовые книги в буржуазной историографии // Проблемы источниковедения. Сб. 2. М.; Л., 1936. С. 145–186.

¹¹ Мерзон А. Ц. Писцовые и переписные книги XV–XVII веков. М., 1956; Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII в. 2-е изд. М., 1962; Милов Л. В. Писцовое делопроизводство (XV–XVII вв.) // Источниковедение истории СССР. 2-е изд. М., 1981. С. 120–134; Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века: К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976. С. 29–32.

¹² Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 11–36; Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгород-

ские пятины. Л., 1974. С. 5–8, 10–19; Павлов-Сильванский В. Б. К истории источниковедческого изучения писцовых книг Московского уезда XVI в. // АЕ за 1975 г. М., 1976. С. 41–54; Милов Л. В. Методологические проблемы источниковедения писцовых книг (о концепции С. Б. Веселовского) // История СССР. 1978. № 2. С. 127–142.

¹³ Приправочные книги предназначались для временного пользования писцов и дозорщиков, но в случае утраты писцовых книг приправочные книги заменяли писцовые и выполняли их функции.

¹⁴ См.: Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. 1. М., 1913. № 18, 87–94, 129.

¹⁵ Сотная с писцовых книг А. И. Вельяминова и дьяка И. Григорьева на земли Коряжемского монастыря в Усольском уезде, 1568 г. (публ. З. В. Дмитриевой) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 178.

¹⁶ «Сотницы» // СИЭ. Т. 13. С. 356; Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 120, 132.

¹⁷ Так, совершенно различны описания волости «на Прилуке» (и других волостей) Турчасовского стана в сотной на черносошные волости этого стана и сотной Соловецкого монастыря, выданных на оснований одного письма в начале 1556 г. (Социально-правовое положение северного крестьянства... С. 103–164; Шумаков С. А. Сотницы (1554–1572 гг.), Грамоты и записи (1628–1701 гг.). Вып. 3. М., 1904. № IV. С. 18–20).

¹⁸ Сотная на волость Мареку Важского уезда 1629 г. была выдана на основании письма Т. Афанасьева 1500 г. и Я. Бобарыкина 1620–1621 гг. (СПБНИИ РАН. Ф. 27. Оп. 1. № 45). См. также сотную Кирилло-Белозерскому монастырю 1556 г. (АИ. Т. 1. № 163).

¹⁹ Более обстоятельно этот сложный и важный в источниковедческом и методологическом плане вопрос о сотных грамотах изложен нами в специальной статье (Васильев Ю. С. Некоторые источниковедческие проблемы материалов писцового делопроизводства XVI–XVII веков // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. С. 21–37).

²⁰ Колесников П. А. Северная деревня. С. 77–110, 308.

²¹ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья в XVI–XVII в. М., 1962. С. 96; Копанев А. И. Северная Двина // Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Л., 1978. С. 7; Власова И. В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII – первой четверти XX в. М., 1976. С. 24–29; Воскобойникова Н. П. К истории поселений Яренского уезда конце XVI – начале XVIII веков // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 381–383; Она же. К истории заселения Кеврольского уезда в XVII – начале XVIII в. // Социально-экономические отношения и классовая борьба в дореволюционной деревне. Калинин, 1979. С. 26; Афанасьев А. П. Формирование населенных пунктов в бассейне Мезени в XV–XVII вв. // Социально-экономические отношения и классовая борьба в дореволюционной деревне. С. 7–23; Колесников П. А. Северная деревня. С. 73–77, 307–308.

²² Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI в. М.; Л., 1965. С. 117.

²³ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. М., 1884. С. 204–207, 210; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси // Соч. Т. 3. СПб., 1910. С. 145–146.

²⁴ Витов М. В. Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение // Советская этнография. 1955. № 2. С. 27. Он же. Историко-географические очерки. С. 165–171.

²⁵ Афанасьев А. П. Формирование населенных пунктов в бассейне Мезени. С. 19–20; Васильев Ю. С. Каргопольский уезд // Аграрная история Северо-Запада России. Л., 1978. С. 43–44; Он же Важский уезд // Там же. С. 66.

²⁶ Витов М. В. Гнездовой тип. С. 40.

²⁷ Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV–XVII веках: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 32–36.

²⁸ Васильев Ю. С. Поуездный указатель материалов писцового делопроизводства по Северу России XVI в. // Крестьянство Севера России в XVI в. Межвуз. сб. научных трудов. С. 174–183.

²⁹ Зимин А. А., Копанев А. И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XV в. // САС. Вып. I. С. 446, 458, 461, 462, 468, 469, 470, 472.

³⁰ Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. С. 260; Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914. С. VIII; Ключевский В. Отзыв о исследовании Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» // Соч. Т. 8. М., 1959. С. 373.

³¹ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI века. Л., 1971. С. 17–20.

³² Одна десятина примерно равна 1,1 га; 1 четверть равна 0,5 десятины.

³³ В наказе псковским писцам в 1623 г. предписывалось «росписать порознь переложную землю, где добре пашня заросла лесом и которые места лежат перелогом лет по 5 и по 6» (Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. 1. М., 1913. № 120. С. 246.

³⁴ Милов Л. В. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г. Рига, 1963. С. 284–288.

³⁵ Назиратель. М., 1973. С. 322, 349.

³⁶ См. также о данной терминологии писцовых книг: Колесников П. А. Северная деревня. С. 130–149; Васильев Ю. С. Аграрные отношения в Поморье XVI–XVII вв. Сыктывкар, 1979. С. 45–50.

³⁷ Методику моделирования бюджета крестьянского хозяйства см.: Аграрная история Северо-Запада России. Л., 1971. С. 46–52.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153.

³⁹ См.: Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892; Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1–2. М., 1915, 1916; Абрамович Г. В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Запада Руси в XVI – первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № 3. С. 65–84; Васильев Ю. С. Влияние крестьянских миров Поморья на податную политику правительства в XVI–XVII вв. // Социально-правовое положение северного крестьянства. С. 25–40.

⁴⁰ См.: Копанев А. И. О соотношении государственных и волостных платежей черносозных крестьян 40-х годов XVI в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968 г. Л., 1972. С. 40–46; Васильев Ю. С. Сборные памяти по Троицкой волости Важского уезда конца XVI–XVII вв. // САС. Вып. 3. С. 355–379; Шапиро А. Л.

Обложение крестьян и их материальное положение в Новгородских пятинах и в Поморье // Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Л., 1978. С. 176–183.

⁴¹ См.: Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике северорусских говоров. Вологда, 1975. С. 3–187; Сими́на Г. Я. Географические названия (по материалам письменных памятников и современной топонимики Пинежья). Л., 1980.

⁴² См.: Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. / ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1979. Ч. II. С. 367–404; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Вытные книги, хлебные оброчники и перечная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1559–1601 гг. / ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1983; Прокофьева Л. С. Вытные книги Кирилло-Белозерского монастыря как исторический источник истории крестьян середины XVI в. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 137–162.

Поуездный указатель материалов писцового
делопроизводства по Северу России XVI в.
(писцовых книг, сотных,
выписей из них, платежных)**

Белозерский уезд

- 1543/1544 г. – Сотная с писцовых книг Ф.Ф.Хидырщикова на село Покровское А.И.Нащекина // Шумаков С.А. Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 2. Тексты и обзоры белозерских актов (1395–1758 гг.). М., 1900. № 11. С. 117–119.
- 1544 г. – Сотная с писцовых книг Ф.Ф.Хидырщикова и Г.Л.Клементиева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде (публ. Л.С.Прокофьевой) // САС. Вып. 2. С. 184–204.
- 1557 г. – Сотная с пошехонских книг письма Ф.И.Чулкова да дьяка Ф.Фатьянова на дворцовую (езовую) волость Иванов Борок* // АЮ. № 228. С. 244–247.
- 1560/1561 г. – Выпись из писцовых книг И.Плещеева и С.Бессонева на дворцовую Ирдомскую волость Кирилло-Белозерскому монастырю* // РГАДА. Ф. 1441. Кирилло-Белозерский монастырь. Оп. 1. Д. 44. Л. 2–4.
- 1564 г. – Сотная с писцовых книг И. Плещеева и Сутормы Безсоньева на дворцовое село Ярогомж* // Шумаков С.А. Обзор. Вып. 2. № III. С. 120–123.
- 1564 г. – Выпись из писцовых книг на село Великое Кирилло-Белозерского монастыря* // РГАДА. Ф. 281. Белозерский уезд. Д. 815/114.
- 1568 г. – Книги отдельные белозерского губного старосты Я.М.Гневашева на село Ярогомж Кирилло-Белозерскому монастырю* // Шумаков С.А. Обзор. Вып. 2. № IV. С. 123–127.
- 1568 г. – Книги отписные белозерского губного старосты Я.М.Гневашева на село Воскресенское Кирилло-Белозерскому монастырю* // Шумаков С.А. Обзор. Вып. 2. № V. С. 127–136.
- 1577 г. – Выпись из дозорных книг Л.Ашанина на волость Волочек Словенской Кирилло-Белозерского монастыря* // Шумаков С.А. Обзор. Вып. 2. № IV. С. 136–144.
- 1580 г. – Выпись из дозорных книг писцов С.Д.Жижемского и Е.Г.Старого и подьячего Тишины Васильева на вотчину Троицкого Усть-Шехонского монастыря* // Шумаков С.А. Обзор. Вып. 2. № VII. С. 144–154.
- 1585 г. – Выписка из белозерской писцовой (езовой книги письма и меры А.Е.Салтыкова на волость Заягорбье // АЮ. № 230. С. 251–252.
- 1585 г. – Писцовая книга езовых дворцовых волостей Белозерского уезда (публ. В.С.Барашковой, З.В.Дмитриевой, Л.С.Прокофьевой) // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984. С. 32–129.

* Впервые опубликовано: Крестьянство Севера России в XVI в.: межвуз. сб. научных трудов. Вологда, 1984. С. 174–183.

** Аттестация документов в указателе дается авторская; при отсутствии или неполноте последней сделана нами, что отмечается звездочкой.

- 1585 г. – Список с писцовой книги волости Федосьина Городка письма А. Салтыкова с товарищи (публ. П. И. Савваитова) // Писцовые книги Московского государства. Ч. I. Писцовые книги XVI в. / под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1877. Отд. II. С. 411–417.
- 1586 г. – Выпись из писцовых книг Ф. Жирового Засекина на село Никольское* // СПбИИ РАН. Ф. 2. Д. 115. Л. 106–111.
- 1586–1587 г. – Сотная с дозорных книг И. А. Щетнева и подьячего Ж. Софонова на черносошное село Богоявленское на Ерге* // Шумаков С. А. Обзор. Вып. 2. № VIII. С. 154–163.
- 1594 г. – Противень с книг 7102 г. Троицкой вотчины села Таницы с деревнями письма и меры П. Г. Совина да подьячего П. Микулина // ПКМГ. Ч. I. С. 418–420.

Важский уезд

- 1564 г. – Сотная из писцовых книг князя Б. П. Засекина на Кодимскую волость Важского уезда (публ. Ю. С. Васильева) // САС. Вып. I. С. 387–397.

Вологодский уезд

- 1502–1503 г. – Выпись из писцовых книг Ф. Ф. Липятина на митрополичьи владения в Вологодском уезде // Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. I. М., 1951. № 170. С. 157.
- 1543–1544 г. – Сотная с вологодских писцовых книг Т. А. Карамышева с товарищами на вотчины Глушицкого монастыря // Шумаков С. А. Сотницы (1537–1597 гг.), грамоты и записи (1561–1696 гг.)* Ч. 2. М., 1902. № IX. С. 64–67.
- 1543–1544 г. – Сотная с вологодских писцовых книг Т. А. Карамышева с товарищами на вотчины Прилуцкого монастыря // Шумаков С. А. Сотницы. Ч. 2. № X. С. 67–74.
- 1544 г. – Сотная с писцовых книг Т. А. Карамышева на вотчину Лопотова монастыря в Вологодском уезде* // РГАДА. Ф. 197. Д. III. № 13.
- 1544 г. – Сотная с писцовых книг Т. А. Карамышева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Вологодском уезде (публ. Л. С. Прокофьевой) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 87–94.
- 1584 г. – Выпись из писцовых книг на мельницу на речке Черной с угодьями Спасо-Каменному монастырю* // РГАДА. Ф. 281. Вологодский уезд. Д. 2618/47.
- 1588–1589 г. – Сотная на дворцовое село Турунтаево Вологодского уезда письма и дозора В. Ф. Сабурова и подьячего Ф. Митрофанова (публ. Ю. С. Васильева) // САС. Вып. 2. С. 178–183.
- 1589–1590 г. – Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда (публ. Н. И. Федышина) // САС. Вып. 2. С. 6–177.

Двинской уезд

- 1552–1553 г. – Сотная с писцовых книг И. П. Заболоцкого, выданная крестьянам Емецкого стана Двинского уезда (публ. А. И. Копанева) // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 453–462.
- 1552 г. – Сотная с писцовых книг И. Заболоцкого с товарищами на владения Николаевского Корельского монастыря в Двинском уезде // Сборник грамот коллегии экономии. Т. 1. Пг., 1922. № 138. Стб. 136–138.

- 1552–1554 г. – Сотная из книг письма И.П.Заболоцкого на вотчину Михайловского Архангельского монастыря (публ. А.И.Копанева) // САС. Вып. 2. С. 205–206.
- Около 1560 г. – Платежная книга Двинского уезда (публ. А.И.Копанева) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 514–536.
- 1578 г. – Сотная Андрея Толстого на вотчину Антониева-Сийского монастыря (публ. А.А.Амосова) // САС. Вып. 2. С. 210–223.
- 1586–1587 г. – Сотная на Калеский стан Двинского уезда с книг письма В.А.Звенигородского (публ. Ю.С.Васильева) // САС. Вып. 2. С. 245–252.
- 1586–1587 г. – Сотная с писцовых книг В.Звенигородского на вотчину Антониева-Сийского монастыря (публ. А.А.Амосова) // САС. Вып. 2. С. 223–236.
- 1586–1587 г. – Сотная с писцовых книг В.А.Звенигородского на посад Неноксу* // РГАДА. Ф. 1441. Оп. I. Д. 77.
- 1587–1588 г. – Сотная грамота из двинских писцовых книг князя В.А.Звенигородского и подьячих Р.Воронова и С.Федорова на владении Николаевского Корельского монастыря в Двинском уезде (публ. А.И.Копанева) // САС. Вып. 2. С. 237–241.
- 1586–1587 г. – Выпись из писцовых книг князя В.Звенигородского Архангельскому монастырю на его вотчину в Двинском уезде // Сб. ГКЭ. Т. 1. № 311. Стб. 300–306.
- 1587 г. – Сотная из книг князя В.А.Звенигородского на владения двинянина Якова Афонасьева сына Емецкого (публ. А.И.Копанева) // САС. Вып. 2. С. 244.
- 1587–1588 г. – Выпись из писцовых книг В.А.Звенигородского на владение Вознесенской и Георгиевской приходских церквей в Андреянове стане Двинского уезда (публ. Ю.С.Васильева) // САС. Вып. 2. С. 242–243.

Заонежские и Лопские погосты

- 1496 г. – Писцовая книга Ю.К.Сабурова – на 7 погостов Обонежской пятины* // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 9–56.
- 1496 г. – Выписка из писцовой книги Ю.К.Сабурова на «погост Никольской в Шунге»* // ПКОП. С. 1–92¹.
- 1496 г. – Выпись из писцовой книги Ю.К.Сабурова на Сумскую волость* // РГАДА. Ф. 1201. Соловецкого монастыря. Оп. 3. Д. 539.
- 1553 г. – Выпись из отказных книг на половину Кемской волости Соловецкому монастырю*. – РГАДА. Ф. 281. Новгородский уезд. Д. 8427/6.
- 1556 г. – Отводная сотная выпись новгородских дьяков Ф.Еремеева и К.Дубровского на государевы земли и угодья в Сумской волости, жалуемые Соловецкому монастырю // Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / ред. В.Г.Гейман. Петрозаводск, 1941. № 81. С. 182–185.
- 1562 г. – Выпись из писцовых и межевых книг на земли Дудина и Николаевского монастырей* // РГАДА. Ф. 281. Новгородский уезд. Д. 8429/8.
- 1563 г. – Писцовая книга А.Лихачева Обонежской пятины Заонежской половины* // ПКОП. С. 57–254.
- 1563, 1592, 1620 гг. – Выписки из разных писцовых книг Обонежской пятины // СПБИИ РАН. Ф. 2. Д. 5².

- 1569 г. – Выпись из писцовых книг на владения Николаевского Медведского монастыря Савво-Сторожевскому монастырю* // РГАДА. Ф. 281. Новгородский уезд. Д. 8450/9.
- 1582–1583 г. – Писцовая книга А. Плещеева и подьячего С. Козьмина Обонежской пятины Заонежской половины* // РГАДА. Ф. 1209. Д. 963. Ч. 1–2 (частично опубликована: Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI в. // Записки Русского Географического общества. Кн. VIII. СПб., 1853. Прил. VI).
- 1583 г. – Выпись из писцовых книг А. Плещеева на вотчину Николаевского Медведского монастыря // СПБНИИ РАН. Ф. 2. Д. 115. Л. 86 об. – 88³.
- 1583 г. – Выпись из писцовых книг А. Плещеева на вотчины церковные и пусты монастырей // СПБНИИ РАН. Ф. 2. Д. 90⁴.
- 1583 г. – Выпись из писцовых книг А. Плещеева на Сумскую волость и отводные книги на волости Нюхчу и Унежму Соловецкому монастырю* // РГАДА. Ф. 281. Новгородский уезд. Д. 8459/18.
- 1586 г. – Список с дозорных книг губных старост Заонежских погостов Я. Панова и А. Авдулова волостей Сумы, Колежмы и Вирмы* // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 711.
- 1587–1588 г. – Платежная книга Лопских погостов* // РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги по Новгороду. Д. 11. Л. 678–685.
- 1591 г. – Переписная отдельная книга С. Юренева на земли в Кемской волости и волостках Подужемье, Пибозеро и Маслоозеро Соловецкому монастырю* // Материалы по истории Карелии. № 260. С. 319–327.
- 1592, 1593 гг. – Выписки из писцовых книг Водской, Деревекой и Обонежской пятин на вотчину Вяжицкого монастыря // СПБНИИ РАН. Ф. 2. Д. 34. Л. 1–34⁵.
- 1593 г. – Дозорная книга приказчика Оштинского стана В. Нечаева, священников, старост и волостных людей Кижского и Шунгского погостов на пустующую вотчину на Някине губе Климецкого монастыря* // Материалы по истории Карелии. № 271. С. 340–341.
- 1594 г. – Отдельные книги губного старосты Н. Ватинского Михаилу, Андриану и Калистрату Резановым на поместные земли в Никольском погосте в Шунге // Материалы по истории Карелии. № 273. С. 342–343.
- 1597 г. – Дозорная книга подьячего Г. Кобелева Лопских погостов* // РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Д. 16956. Л. 10–102.

Каргопольский уезд

- 1551–1553 г. – Сотная с книг письма Я. И. Сабурова к И. А. Кутузова на владения Соловецкого монастыря в Каргопольском уезде* // Шумаков С. А. Сотницы (1554–1572 гг.), грамоты и записи (1628–1701 гг.). Вып. 3. М., 1904. № IV. С. 18–20.
- 1551–1553 г. – Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова (публ. Ю. С. Васильева) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 95–136.
- 1553 г. – Выпись из книг письма А. И. Сабурова и И. А. Кутузова на двор и три тони в Золотице Соловецкого монастыря* // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 3. № 540.
- Около 1560 г. – Платежная книга Каргопольского уезда, составленная по книгам письма Я. Сабурова и И. Кутузова (публ. А. В. Камкина и др.) // САС. Вып. 2. С. 253–290.

- 1561–1564 г. – Сотная из книг Н. Г. Яхонтова на город Каргополь (с публ. И. П. Шеломова) // САС. Вып. 2. С. 291–299.
- 1561–1562 гг. – Сотные на волости Каргопольского уезда с книг письма Н. Г. Яхонтова (публ. Ю. С. Васильева) // САС. Вып. 2. С. 300–475.
- 1561 г. – Отрывок сотной из писцовых книг Н. Г. Яхонтова на Никольский погост на устье реки Золотицы (публ. И. З. Либерзон) // САС. Вып. 2. С. 476–478.
- 1562 г. – Выпись из книг Н. Г. Яхонтова на деревни Турчасовского стана Каргопольского уезда, принадлежащие Соловецкому монастырю* // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. № 472. Л. 21–24 об.
- 1568–1569 г. – Сотная на Водлозерскую волость письма и меры данного старосты М. Г. Тяполкова (публ. Ю. С. Васильева) // САС. Вып. 2. С. 479–483.
- 1574 г. – Выпись из писцовых книг Аргуна Бориса Иванова Беклемешева на дворы и варницы в Золотице Соловецкого монастыря* // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 3. Д. 541. № 4.

Кольский уезд (с Варзугой и Умбой)

- 1563 г. – Сотная «с книг описи» двинян Я. Романова и Н. Пятунина на волость Варзугу // Сб. ГКЭ. Т. 1. № 165. Ст. 160–172.
- Не ранее 1573–1574 г. – Выпись из писцовых книг В. Агалина на погост Норичский // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. Л., 1930. № 5. С. 29–30.
- 1574–1575 г. – Противень с книг письма и дозору В. Агалина и подьячего С. Федорова на волости Кереть и Колу. – СПбИИ РАН. Ф. 115. № 874.
- 1574–1575 г. – Выпись из писцовой книги В. Агалина на волость Умбу* // РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. № 55.
- 1575 г. – Сотная из писцовых книг В. Агалина и подьячего С. Федорова на Варзужскую волость // Сборник материалов по истории Кольского полуострова... № 6. С. 30–38.
- 1578 г. – Список с отписных книг З. Сущева Кирилло-Белозерскому монастырю на его владения в волости Умбе* // РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. № 70.
- Не ранее 1584–1585 г. – «Выпись из отдельных книг» Умбской волости подьячего Г. Никитина Соловецкому монастырю на его владения // Сб. ГКЭ. Т. 1. № 285. Стб. 271–276.

Пустозерский уезд

- 1574 г. – «Платежница» с пустозерских дозорных книг В. Третьякова сына Агалина и подьячего С. Федорова сына Соболева... // Садилов П. А. Очерки из истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 463–483.

Сольвычегодский уезд

- 1586 г. – Сотная с писцовых книг А. И. Вельяминова и дьяка И. Григорьева на вотчину вологодского архиепископа в Вилегодской волости Усольского уезда* // Шумаков С. А. Сольвычегодские сотницы. М., 1905. № II. С. 8–10.
- 1586 г. – Сотная с писцовых книг А. И. Вельяминова и дьяка И. Григорьева на земли Коряжемского монастыря в Усольском уезде (публ. З. В. Дмитриевой) // Социально-правовое положение северного крестьянства. С. 178–191.

Устюжна Железопольская

- 1567 г. – Сотная из книг И. И. Плещеева и Г. Зубатова Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железопольской (публ. Ю. С. Васильева, Н. П. Воскобойниковой) // Социально-правовое положение северного крестьянства. С. 136–177.
- 1597 г. – Сотная из писцовых книг Д. Г. Бельского на посад Устюжны Железопольской (публ. Н. П. Воскобойниковой, П. А. Колесникова) // Крестьянство Севера России в XVI в. С. 130–158.

Устюжский уезд

- 1556–1557 г. – Список сотной с книг письма Ю. И. Александрова-Самсонова на вотчину ростовского архиепископа в Устюжском уезде* // ОР РНБ. Ф. 299. Д. 18; РГАДА. Ф. 1206. Устюжский архиерейский дом. Оп. 1. Д. 28.
- 1564–1565 г. – Выписка из сотных с книг письма и меры И. Невежина и подьячего П. Афанасьева на деревни Иванцово, Борок и Искрецово Вондокурского стана* // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Д. 10. Ст. 8–9.
- 1584–1585 г. – Выписка из сотной с книг письма и дозора Мины Нестерова и подьячих В. Павлова и В. Иванова на деревни Борок и Искрецово Устюжского Успенского собора* // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Д. 10. Ст. 9–10.

Яренский уезд

- 1586 г. – Сотная с книг письма и меры И. Г. Огарева да подьячего Ф. Юрьева на вотчину Спасского Сойгинского монастыря в Плесовской волости // С. Шумаков. Сольвычегодские сотницы. М., 1905. № 1. С. 5–77⁶.
- 1585–1586 г. – Сотная с писцовых книг И. Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева на волость Ужгу (публ. А. А. Зимина и А. И. Копанева) // САС. Вып. 1. С. 442–444.
- 1585–1586 г. – Сотная с писцовых книг И. Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева на город Яренск с уездом (публ. А. А. Зимина и А. И. Копанева) // Там же. С. 444–463.
- 1585–1586 г. – Сотная с писцовых книг И. Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева на Глотову слободку (публ. А. А. Зимина и А. И. Копанева) // Там же. С. 463–467.
- 1586 г. – Сотная с писцовых книг И. Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева на Сысольскую волость (публ. А. А. Зимина и А. И. Копанева) // Там же. С. 468–486.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аттестация этого и предыдущего документа дана на основании сведений, приведенных в «Предисловии» к изданию (ПКОП. С. II–III).

² См.: Греков Б. Д. Описание актовых книг, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии. Пг., 1916. С. 3.

³ См.: Греков Б. Д. Описание актовых книг. С. 190.

⁴ См.: Греков Б. Д. Описание актовых книг. С. 179.

⁵ См.: Греков Б. Д. Описание актовых книг. С. 73.

⁶ В издании С. А. Шумаков ошибочно отнес документ к Сольвычегодскому уезду.

Важские писцовые книги и сотницы XVI-XVII вв.*

Писцовые книги давно уже заняли почетное место среди источников по истории XVI–XVII вв. К сожалению, документы этого рода по Важскому уезду долгое время не являлись предметом детального исследования. Первым обратил внимание на важские писцовые книги кропотливый собиратель древностей этого края М. Н. Мясников. О ценности этих источников он писал следующее: «Сии книги (писцовые. – Ю. В.) суть драгоценнейшие памятники важской древности: в них показано местоположение каждого городка, посада и волости, создание храмов, количество земли, число дворов и прочие предметы тогдашняго состояния Ваги»¹. Среди огромной коллекции этого, по выражению П. И. Свинына, «любопытнейшего любителя отечественной истории»² был и значительный писцовый материал³, но сам М. Н. Мясников лишь иногда ссылается на него.

С 30-х годов XIX в. важские писцовые книги надолго исчезли из поля зрения историков. М. М. Богословский в своем капитальном труде по истории Европейского Севера России высказал предположение, что эти книги не сохранились⁴.

Лишь в 1929 г. А. И. Андреев указал на некоторые известные и целый ряд неизвестных писцовых важских книг⁵. В последнее время данные некоторых из них начинают вводиться в научный оборот⁶.

Нам известны следующие описания Важского уезда XVI–XVII вв.⁷: I. 1550 г. – Ивана Петровича Заболоцкого⁸. Материалы данного письма, по всей вероятности, не сохранились⁹; II. 1564 г. – князя Бориса Петровича Засекина; III. 1616 г. – важских воевод Ивана Владимировича Благово и Ивана Прохоровича Титова; IV. 1620–1621 г. – Якова Михайловича Боборыкина и подьячих Федора Степанова и Богдана Григорьева; V. 1646 г. – князя Ивана Леонтьевича Шаховского¹⁰; VI. 1664–1666 г. – князя Ивана Михайловича Коркодинова, Степана Федоровича Жданова и подьячего Богдана Григорьевича Возницына; VII. 1675 г. – Романа Федоровича Матова и подьячего Ивана Чудинова¹¹; VIII. 1677–1685 гг. – начали описание уезда воевода Богдан Васильевич Яковлев и подьячий Авдей Карпов в Шенкурской, Подвинской и Верховажской четвертях (1677–1680 гг.), затем закончили описание Подвинской четверти полностью и частично описали остальные четверти уезда важский воевода Калина Григорьевич Благово и подьячий Петр Тютчев (1681 г.), закончили описание уезда в Верховажской четверти Федор Леонтьевич Караулов и подьячий Алимпей Хрущев (1682 г.), а в Шенкурской и Кокшеньгской четвертях – стольник и воевода Павел Федорович Леонтьев (1685 г.)¹².

Теперь остановимся на сохранившихся от этих описаний и известных нам материалах¹³.

Наиболее древней является сотная на Кодимскую волость Важского уезда с писцовой книги писца Б. Засекина, где описаны «починки, и селища, и пусто-

* Впервые опубликовано: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 537–562.

ши царя, и великого князя»¹⁴. На ее анализе не останавливаемся, так как она нами опубликована¹⁵.

Материалов письма И. В. Благово и И. П. Титова до нас, вероятно, не дошло, но в сотных писца Я. М. Боборыкина итоги письма 1620–1621 гг. сравниваются с итогами письма 1616 г.¹⁶ Таким образом, какие-то, хотя и незначительные, итоговые данные письма И. В. Благово и И. П. Титова по отдельным частям уезда могут быть извлечены из сотных письма 1620–1621 гг.

Шире представлены данные дозора Я. М. Боборыкина. В копии XVIII в. дошли до нас три сотные с книг этого дозора: на Шенкурский острог, на Шенкурский стан и на Ледской стан¹⁷.

В сотной на Шенкурский острог даются сведения об укреплениях и вооружении острога, перечисляются церковные и казенные строения, дворы и их жители мужского пола – посадские «добрые, средние и молотчие» люди, их лавки и оброчные полянки под острогом, осадные дворы уездных крестьян. В конце дается общий итог по острогу, где дополнительно приводятся данные об оброке с дворов, лавок и полянок посадских и уездных людей¹⁸. Здесь же описываются и «белые» деревни двух шенкурских церквей, находящиеся в Шенкурском и Ровдинском станах (всего 8 деревень и 1 селище, в них 8 половников, которые обрабатывают 65 четей «средней земли» в одном поле и косят 256 копен сена)¹⁹.

В сотной на Шенкурский стан вначале описываются погосты стана, затем уже деревни тяглых пашенных крестьян. Своеобразием документа является то, что описание идет лишь приблизительно по волостям. Иногда даже трудно определить, к какой волости относится деревня или группа деревень. Естественно, нет и итогов по волостям. В деревнях указываются крестьянские дворы и их владельцы, количество тягла «в живущем» в обжах на каждый двор, дается общее количество пашни в обжах, сена (тяглового и оброчного) в копнах и леса пашенного в четях на всю деревню. В конце сотной – общий итог по стану. Аналогична и сотная на Ледской стан.

В СПБ ИИ РАН хранится сотная с писцовых книг 1620–1621 гг. на Верхотомскую волость²⁰. В отличие от предыдущих это подлинная сотная, на обороте которой «скрепы» дьяка Ивана Васильева и «справа» подьячего Митки Прокофьева. Сотная скреплена также черной восковой печатью, которая сейчас несколько повреждена. Приходится лишь сожалеть, что начало сотной утрачено, нет приблизительно четвертой части текста²¹. Характер описания аналогичен тому, который мы отмечали в сотной на Шенкурский стан. Кроме погоста и тяглых пашенных деревень, описан и монастырь на р. Шорме²², за которым не было земельных угодий.

В «Сборнике грамот коллегии экономии» помещены еще три сотных этого письма: 1) «Сотная» с дозорных книг 7128–29 гг. Якова Боборыкина и Федора Степанова на владения Агапитовой пустыни в Кокшеньгской чети Важского уезда; 2) «Сотная с дозорных книг 7128–29 гг. Якова Боборыкина с товарищами на владения Шидровской пустыни в Подвинской четверти Важского уезда»; 3) «Сотная с писцовых книг 7128–29 гг. Якова Боборыкина и подьячего Богдана Григорьева Клоновскому монастырю на его владения в Важском уезде»²³.

К этим сотным, о которых сообщал в свое время А. И. Андреев, можно добавить еще три. Одна из них – «Сотная грамота, выданная крестьянам Вертинской волостки на р. Тойме»²⁴. Это подлинная сотная, скрепленная дворцовой

черновосковой печатью. Ее приложили дьяки Петр Микулин и Иван Василев. На обороте запись о том, что сотную справил с дозорными книгами подьячий Митка Прокофев. По склеям роспись дьяка Ивана Василева. Сотная на 7 сставах, не хватает вначале 1 сстава²⁵. Характер описания аналогичен ранее рассмотренным. Другая – «Сотная грамота, выданная дьяком приказа Большого Дворца Петром Никулиным Василию Едомскому с братьями на принадлежавшие Едомским деревни и угодья в Шенкурском стану Важского уезда»²⁶. Эта сотная интересна уже тем, что дает сведения по описанию 1620–21 гг., т. к. деревни Едемских, находящиеся в Шенкурском стане, почти не отмечены в сотной на этот стан, а материалов описания Ровдинского стана этой четверти и Кокшеньгской четверти почти нет. Она также позволяет судить об эволюции новгородского боярского землевладения на Ваге, т. к. род Едемских прошел путь от крупнейших бояр Великого Новгорода XIII–XV вв. (среди них были и новгородские посадники) через воеземцев XV–XVI вв. до крестьян XVII–XIX вв. В сотной содержится описание владений нескольких представителей рода Едемских. Характер описания имеет ту особенность, что оно дается по владельцам. Так, вначале описываются владения Герасима Едемского, находившиеся в Шенкурском стане, затем владения, принадлежавшие ему в Ровдинском стане. Потом – итог по его владениям, который сравнивается с итогом дозора 1616 г. Аналогично и описание владений остальных Едемских. В конце перечисляются их оброчные угодья, значительная часть которых находилась в совместном владении.

Третью сотную нам удалось обнаружить при разборе и описании части фонда Важского Богословского монастыря в Архангельском Государственном областном архиве. «Сотная с дозорных книг Якова Боборыкина и подьячих Федора Степанова и Богдана Григорьева на владения Важского Богословского монастыря» – также подлинный документ²⁷. Состоит из семи ставов²⁸. Сотная подписана и скреплена дьяком Иваном Васильевым, справлена подьячим Ваской Ратаевым. Выдана сотная в 1624 г. по челобитью игумена Семиона.

Таким образом, от описания 1620–21 гг. нам известно 10 сотных, которые в своей совокупности могут дать некоторое представление о Важском уезде этого периода. В дополнение к трем напечатанным²⁹, приводим итоговые данные из остальных, еще не опубликованных сотных (см. табл. 1а, 1б, 1в).

От письма И. Л. Шаховского 1646 г. известны лишь небольшие по объему выписки первой половины XIX в. Мы имеем в виду выписки, сделанные П. М. Строевым в 1829 г. при его посещении г. Архангельска из книг, которые хранились в то время в Архангельской удельной конторе³⁰. Здесь находим выписку о Шенкурском остроге, данные которой очень неполны. В таблице 2 приводим сведения о Шенкурском остроге XVII – начала XVIII в. Они извлечены из сотной 1620–1621 гг., из переписных книг И. Л. Шаховского 1646 г. (выписки П. М. Строева) и из переписных книг 1709–1710 гг.³¹

Далее в выписках П. М. Строева сообщается о том, что в 1644 г. на р. Шолоше по царскому указу «иноземец голландские земли Андрей Виниус» поставил двор «для пушечного железного дела»³².

Приводятся общие данные по Богословскому и Уздренскому монастырям. В Богословском монастыре в 1646 г. было 3 церкви, 13 келий, 16 церковнослужителей, 22 человека слуг, детенышей и трудников. Монастырь имел 30 деревень и 4 починка, в которых было 46 крестьянских дворов и 126 душ крестьян, 3 двора бобыльских (1 пустой), в них жили 2 бобыля и 3 подворника³³.

Таблица 1 а

Сведения о населении по данным сотных с дозорных книг 1620–21 гг.

Район описания	Кол-во населенных пунктов	Церковнослужители (люди)	Бобыли		Крестьяне		Источник
			дворы	люди	дворы	люди	
Шенкурский стан	5 погостов, 195 деревень (из них 6 пустых)	17	41 (из них 1 пустой)	41	482 и 31 место дворовое (из них 11 дворов пустых)	672	СПБИИ РАН. Ф. 115, Д. 311. Л. 135–162.
Ледской стан	4 погоста, 193 деревни, 2 починка	8	22 и 1 место дворовое (из них 1 двор пустой)	21	544 и 4 места дворовых	704	Там же. Л. 165 – 202 об.
Верхотомская волость	1 погост, 100 деревень, 17 починков, и 10 деревень и починков наездных	4	20	20	266	347	СПБИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Д. 33/26.
Вершинская волость	1 погост, 38 деревень, 2 починка и 4 пустоши наездных	2	5 (1 пустой)	4	120	158	ОР РНБ. Общ. собр. грамот. Д. 229. Ст. 6–7.
Вотчина Богословского монастыря	24 деревни (из них 2 пустых)	21	-	-	28 (из них 2 пустых)	33	ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 20.
Владение Едемских	42 деревни (из них 4 пестых)	-	-	-	60 и 3 места дворовых (из них 11 дворов пустых)	65	ОР РНБ. Общ. собр. грамот. Д. 222.

Таблица 16
Сведения о земельных угодьях по данным сотных с дозорных книг 1620–1621 гг.

Район описания	Церковные		Крестьянские							Пашня перелогом			
	пашня в четях	сено в копнах	пашня в четях		сено в копнах		Леса па-шен-ного	В живущем обож-		в четях	в обжах		
			в тягле	на льготе	в тягле	в пу-сте		тя-глых	на льго-те				
Шенкур-ский стан	с.з. – 96	286	45	Д.з. – 300 С.з. – 2230 без четверика х.з. – 4 с осминою	Д.з. – 65 с.з. – 81 с осминою	6881 1/2	1221	392	1025 1/2	216 11/96	13 7/24	Д.з. – 27 1/2 с.з. – 132 х.з. – 2	13 15/24
Ледский стан	32	121	3	Д.з. – 228 1/3 с.з. – 3016	18 1/2	8190	4483 1/2	32 1/2	1316	274 1/6	1 13/24	13	1 1/12
Верхото-емская волость	с.з. – 4	20	–	Д.з. – 228 1/3 с.з. – 516 3/4 х.з. – 84 1/6	с.з. – 25 х.з. – 3 1/2	1521	4880	–	486	51 29/48	–	с.з. – 25 х.з. – 3 1/2	2 9/32
Вершин-ская волость	х.з. – 4	50	9	Д.з. – 42 1/12 с.з. – 166 1/2 х.з. – 1/2	–	542 1/2	2795	–	202	18 7/96	–	с.з. – 1	1/12
Вотчина Богослов-ского мо-настыря	с.з. – 190	475	20	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Вотчина Едемских	–	–	–	Д.з. – 13 3/4 с.з. – 242	Д.з. – 20 1/6 с.з. – 11	833 1/2	–	102	378	21 11/24	2 5/6	Д.з. – 20 5/12 с.з. – 96 1/2	10 1/2

Здесь и далее в таблицах: Д.з. – добрая земля, с.з. – средняя земля, х.з. – худая земля.

Таблица 1 в
Сведения об обложении по сотным с дозорных книг 1620–21 гг.

Район описания	Оброк с бобылей	Количество сох у крестьян			Обложение крестьянских угодий				
		в живущем	на льготе	в пусте	С пашни			соброчно-го сена	С оброчных угодий
					с живущей	с льготной	всего		
Шенкурский стан	2 руб.	2 ⁴⁷ / ₄₈ сохи и 1 ¹¹ / ₂₄ чети	³ / ₁₆ сохи без 1 ⁵ / ₁₆ чети	¹¹ / ₉₆ сохи и 2 ² / ₃ чети	669 руб. 31 алт. 5 ден.	41 руб. 6 алт. 4 ¹ / ₂ ден.	711 руб. 5 алт. 1 ¹ / ₂ ден.	6 руб. 16 алт. 5 ден.	22 руб. 2 алт. 5 ¹ / ₂ ден.
Ледской стан	1 руб. 10 ден.	3 ¹⁹ / ₂₄ сохи и 2 ¹ / ₁₄ чети	-	-	849 руб. 30 алт. 3 ден.	4 руб. 26 алт.	879 руб. 14 алт. 5 ден.	23 руб. 29 алт. 1 ¹ / ₂ ден.	29 руб. 29 алт.
Верхотомская волость	1 руб. 20 ден.	⁶⁷ / ₉₈ сохи без 4 ¹ / ₄ чети	-	¹ / ₂₄ сохи и 4 ⁷ / ₈ чети	157 руб. 8 алт.	-	184 руб. 7 алт.	25 руб. 28 алт.	10 руб. 1 алт. 3 ден.
Вершинская волость	7 алт. 2 ден.	¹ / ₄ сохи и 1 ³ / ₄ чети	-	-	56 руб. 6 ¹ / ₂ ден.	-	71 руб. 7 ¹ / ₂ ден.	14 руб. 27 алт. 1 ден.	-
Вотчины Едемских	-	¹⁷ / ₄₈ сохи без 14 ¹⁷ / ₃₂ чети	-	-	66 руб. 26 алт. 1 ден.	8 руб. 9 алт. ¹ / ₂ ден.	-	-	4 руб. 22 алт. ¹ / ₂ ден.

Таблица 2

Данные о Шенкурске XVII – начала XVIII в.

Годы	Здания, постройки и дворы		Количество душ м.п.		Размер оброка			Источник			
	казенные	церковные	дворы	посадских людей	церковнослужителей	стрельцов	посадских людей		с посадских дворов	с лавок	сугондий
1620–21	Двор приказных людей, двор земский, съезжая изба, кабак, тюрьма	3 церкви, 8 келий, 4 двора и 1 место дворовое	59 ¹	29 лавок и 3 прилавка	5	12	65	34 руб. 32 алт. 2 ден.	4 руб. 21 алт. 4 ден.	1 руб. 18 алт. 1 ден.	СПБНИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 130–133.
1646 ²	Двор воеводский, съезжая изба, двор дячий, 2 двора таможенных, двор губных старост, двор кабацкий	5 церквей, 26 келий, двор десятильнич новгородского митрополита, 2 двора архерейских, 8 дворов служителей	58 (из них 3 пустые) и 6 мест дворовых	-	15	19	76	-	-	-	СПБНИ РАН. Ф. 11. Д. 32. Ч. II. Л. 108–108 об.
1709–1710 ³	Двор воеводский, приказная изба, суд-кружечный и таможенный	2 церкви, 14 келий, 2 двора архиерейских, 8 дворов служителей	85 (из них 2 двора пустые)	17 лавок, 2 прилавка, 7 мест лавочных пустых	24	-	206	110 руб. 24 алт. 4 ден.	4 руб. 17 алт.	2 руб. 12 алт. 3 ден.	СПБНИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Кн. 2. Л. 4–31 об.

Примечания.

1. В 1620–1621 гг. в Шенкурске, кроме указанных, было еще уездных людей 6 осадных дворов, с которых платили 20 алтын оброка.
2. За 1646 г. больше в выписке данных по острогу нет.
3. Число посадских людей показано с подворниками и нищими. Количество лавок и оброк с них даны по 1665 г., т. к. в 1709–1710 гг. все лавки запустели. (Итого данной книги по сельскому населению - см. Сидорова Л., Егорова Т., научный руководитель доцент П. А. Колесников «Движение населения на Севере русского государства в 1 четверти 18 в.». Сборник студенческих работ. Вып. VII. Вологда, 1968).

Сведения о населенных пунктах и населении

Район описания	Населенные пункты			Церковнослужители			Бобыли			
	жилые	наезжие; оброчные	пустые	дворы		люди	дворы			люди
				жилые	пустые		жилые	оброчные	пустые	
1. Шенкурская четверть а) Ровдинский стан (7 волостей)	9 погостов, 2 $\frac{1}{3}$ белые церковные деревни, 203 $\frac{1}{2}$ деревни тяглых крестьянских	1 деревня, 11 $\frac{3}{2}$ пустошей, 7 починков; 1 деревня, 6 пустошей	2 деревни, 1 пустошь	36	1	61	-	9 и 11 м/дв.	5 м/дв.	1
б) Ледского стана волости: Устьюмская, Устьважская, Верхоледская	3 погоста, 1 $\frac{1}{2}$ деревни белые церковные, 58 $\frac{1}{2}$ деревень	5 пустошей, 1 починок, 1 селище	3 починка	12		19	-	-	6 и 2 м/дв.	-
2. Верховажская четверть (6 станов)	21 погост, церковных белых - 9 деревень и 2 пустоши, тяглых крестьян: 492 деревни	62 пустоши; 1 деревня, 51 пустошь	2 деревни, 15 пустошей	48 и 2 м/дв. ⁴	1	99 ⁵	13	-	27 и 3 м/дв.	31
3. Подвинская четверть (24 волости)	20 погостов, 7 церковных белых деревень, 599 тяглых крестьянских деревень	7 деревень, 16 починков, 9 селищ, 128 пустошей; 1 пустошь	8 деревень, 1 починок, 19 пустошей	68 и 1 м/дв.	1	144 ⁷	33	3	65 и 47 м/дв.	55
4. Кокшеньгская четверть (18 волостей)	16 погостов и городок Тарнянской, 5 деревень 4 пустоши белых церковных, 430 деревень тяглых крестьянских	30 пустошей; 3 деревни, 97 пустошей	4 деревни, 11 пустошей	74 и 6 м/дв.	8 и 11 $\frac{1}{2}$ м/дв.	141 ⁹	1	-	2 и 7 м/дв.	72

Таблица За

Важского уезда по данным письма 1677–1685 гг.¹

Крестьяне						Источники
жилые	дворы		дворовладельцы и их родственники	подворники	половники третники	
	обработанные	пустые				
727	39 и 3 м/дв.	30 и 1 м/дв.	2069 ²	41	-	СПБ ИИ РАН. Ф. 115. Д. 312. Л. 132–136.
258	13 и 3 м/дв.	9	729 ³	3	1/-	Там же. Л. 148–149 об., 168–170 об., 177 об.–178 об.
2140	8	281 и 61 м/дв.	4024 ⁶	216	18 и 4 работника	СПБ ИИ РАН. Ф. 115. Д. 310. Л. 24 об.–26 об., 43–44 об., 53–55 об.; 76–77 об., 114–116, 124–125 об., 138 об.–139 об., 159 об.–161, 176 об.–177 об., 364 об.–366 об.
2216	159 и 51 м/дв.	86 и 30 м/дв.	5518 ⁸ 141	97	35 104	СПБ ИИ РАН. Ф. 115. Д. 306. Л. 9 об.–11, 19–20 об., 29 об.–30, 34–34 об., 44 об.–45 об., 50 об.–51 об., 61 об.–62 об., 77 об.–79 об., 86–87 об., 105–106 об., 141–143 об., 158–160, 187–189, 203–204 об. Там же. Д. 307. Л. 232–235 об.
1760	89 и 15 м/дв.	73 и 6 м/дв.	4899 ¹⁰	85	-	ОР РНБ. Ф. 550. F-IV. Д. 630. Л. 419 об.–425 об.

Примечания к таблице см. на страницах 56–57.

Таблица 36

Сведения о землевладении в Важском уезде по данным письма 1677–1685 гг.

Район описания	Церковные угодья			Крестьянские угодья			
	пашня в четях	сено в колнах	лес пашен- ный в четях	в полном тягле	на денежном оброке	на выдельном оброке	перелог
1. Шенкурская четверть а) Ровдинский стан	с.з. – 28	101	18	Д.з. – 535 ⁵ / ₆ с.з. – 2705 ³ / ₈	Д.з. – 2 ¹¹ / ₁₂ с.з. – 92 ⁵ / ₃	Д.з. – 2 ⁴⁷ / ₄₈ с.з. – 7	Д.з. – 17 ¹⁷ / ₄₃ с.з. – 85 ³ / ₄
б) Ледского стана волости: Устском- ская, Устьявж- ская, Верхолед- ская	с.з. – 17	68	5	Д.з. – 35 ⁵ / ₂₄ с.з. – 817 х.з. – 5 ³ / ₄	с.з. – 9	х.з. – 1 ³ / ₄	Д.з. – 2 ⁷ / ₂₄ с.з. – 25 х.з. – 4 ³⁷ / ₄₈
2. Верховажская четверть	Д.з. – 85 с.з. – 75 ¹ / ₂	1012	50 ¹ / ₂	Д.з. – 3802 ¹⁹ / ₂₄ с.з. – 1897 ¹ / ₄₈ х.з. – 114 ¹⁷ / ₂₄	Д.з. – 175 ¹⁹ / ₄₈ с.з. – 148 ¹³ / ₁₆ х.з. – 4 ² / ₃	Д.з. – 125 ⁵ / ₆ с.з. – 144 ⁷ / ₈ х.з. – 5 ⁵ / ₈	Д.з. – 165 ¹ / ₄ с.з. – 70 ¹ / ₈ х.з. – 39 ¹ / ₃
3. Подвинская четверть	Д.з. – 33 ¹³ / ₂₄ ¹¹ с.з. – 116 ³ / ₄ х.з. – 8	659 ¹ / ₂ ¹²	49 ¹ / ₂	Д.з. – 2057 ⁶¹ / ₆₄ с.з. – 3471 ⁷ / ₁₂ х.з. – 122 ³⁷ / ₄₈	Д.з. – 14 ¹⁹ / ₄₈ с.з. – 32 ⁷ / ₈	Д.з. – 178 ¹ / ₈ с.з. – 178 ¹ / ₄ х.з. – 3 ¹³ / ₂₄	Д.з. – 146 ²⁷ / ₃₂ с.з. – 145 ¹³ / ₁₆ х.з. – 13 ⁷ / ₁₆
4. Кокшеньгская четверть	Д.з. – 10 ¹³ с.з. – 105 ¹ / ₂	475	42	Д.з. – 700 ³⁵ / ₉₆ х.з. – 117 ⁵ / ₆	Д.з. – 104 ¹ / ₄ с.з. – 774 ³ / ₁₅ х.з. – 36 ¹ / ₆	Д.з. – 140 ¹ / ₁₆ с.з. – 1259 ⁷ / ₈ х.з. – 56 ⁷ / ₁₂	Д.з. – 56 ¹ / ₂₄ с.з. – 253 ³ / ₁₆ х.з. – 5 ¹ / ₄

Продолжение таблицы 3б
Сведения о землевладении в Важском уезде по данным письма 1677–1685 гг.

Район описания	Крестьянские угодья									
	сено в копиях					Лес пашенный в четях	обож			
	к живущему	оброчного	выделного	замерного	к пусту		в полном тягле	на выделном обroke	на уговорном обroke	в пусте
1. Шенкурская четверть а) Ровдинский стан	8350	188	23 1/2	1690	324 1/2	1322 1/2	275 25/48	49/64	9 7/192	8 179/192
б) Ледского стана волости: Устьюмская, Устьявская, Верхолецкая	2155	27 1/2	3 1/2	4122	125 1/2	328 1/2	71 51/64	1/8	3/4	1 73/96
2. Верховажская четверть	15876	937 1/2	711	13640 1/2	1022 1/2	3907 1/2	550 11/96	25 91/96	32 11/32	35 7/32
3. Подвинская четверть	15113	123	1299	26322 1/2	1508 1/2	3252	505 61/96	32 35/48	4 15/32	22 59/192
4. Кокшеньгская четверть	11631	2329	3684 1/2	2789 1/2	774 1/2	3329 1/2	382 319/384	122 23/32	77 179/192	25 155/384

Примечания к таблице см. на страницах 56–57.

Обложение населения Важского уезда

Район описания	Оброк с бобылей	Кол-во тяглых сох	Обложение крестьянских угодий		
			с живущих обож		с за- мерного сена ¹⁶
			дань и оброк ¹⁴	празднич- ные деньги ¹⁵	
1. Шенкурская четверть а) Ровдинский стан	3 алт. 4 ден.	3 ⁶⁹ / ₁₂₈	854 руб. 4 алт.	8 руб. 9 алт. 1 ден.	8 руб. 32 алт. ¹ / ₂ ден.
б) Ледского стана волости: Устьсюмская, Устьважская, Верхоледская.	–	¹⁸¹ / ₁₉₂ ¹⁷	222 руб. 20 алт. 4 ден.	1 руб. 5 алт. 2 д.	21 руб. 33 алт. 1 ден.
2. Верховажская четверть	18 алт. 2 ден.	7 ²⁵ / ₃₂ ¹⁸ и 1 ⁸⁵ / ₉₆ чети	1707 руб. 25 алт. ¹ / ₂ ден.	16 руб. 17 алт. 5 ден.	73 руб. ¹ / ₂ ден.
3. Подвинская четверть	1 руб. 7 алт. 2 ден.	6 239/256 ¹⁹ и 27 ¹ / ₂ чети	1572 руб. 8 алт. 2 ден.	14 руб. 9 алт. 5 ден.	143 руб. 20 алт.
4. Кокшеньгская четверть	–	5 ⁶⁷ / ₁₉₂ и 5 ³ / ₁₆ чети	1202 руб. 9 алт. 4 ¹ / ₄ ден.	11 руб. 20 алт. 4 ден.	14 руб. 13 алт. 5 ден.

Примечания к таблице № 3 а, б, в.

1. В таблицу не вошли данные по монастырям и пустыням, описание которых дается отдельно. Включены лишь дворы, служители и угодья погостских церквей. Данные по посадскому населению см.: Водарский Я. Е. Указ. соч. С. 286.

2. Из 2069 душ муж. пола – 20 в солдатах и 4 сошло для работы.

3. Из 729 человек 1 служит в даточных.

4. Кроме того, на церковной земле 6 крестьянских дворов.

5. У них, кроме того, 1 подворник, 4 третника и 16 крестьян.

6. В том числе 7 вдов.

7. Подворник, кроме того, и 2 третника.

8. Из них 18 человек в солдатах и 48 сошло для работы.

9. Из них 25 подворников и 2 вкладчика.

10. Из них 22 человека сошло для работы.

Таблица 3 в

по данным письма 1677–1685 гг.

Обложение крестьянских угодий				
с оброчных угодий	на выделенный хлеб	всего	после дозора 1665–1666 гг.	
			убыло	прибыло
75 руб. 11 алт. 1 1/2 ден.	26 алт. 1/2 ден.	947 руб. 26 алт. 2 1/2 ден.	55 руб. 24 алт. 5 1/2 ден.	41 руб. 12 алт. 2 ден.
12 руб. 4 алт. 1 1/2 ден.	4 алт. 1 д.	259 руб. 5 1/2 ден.	10 руб. 17 алт. 1 д.	10 руб. 3 алт. 3 1/2 ден.
179 руб. 29 алт. 4 ден.	26 руб. 5 алт. 3 ден.	2018 руб. 31 алт. 4 ден.	128 руб. 2 алт. 2 ден.	98 руб. 30 алт. 1/2 ден.
105 руб. 30 алт. 5 1/2 ден.	27 руб. 18 алт. 5 ден.	1869 руб. 22 алт. 1 1/2 ден.	137 руб. 31 алт. 2 1/2 ден.	98 руб. 23 алт.
148 руб. 30 алт. 5 3/4 ден.	122 руб. 29 алт. 1 ден.	1500 руб. 14 алт. 1 1/2 ден.	168 руб. 17 алт. 5 1/4 ден.	273 руб. 12 алт. 2 ден.

11. Включая тяглую пашню Сийского монастыря. Кроме заключенной в общий итог тяглой пашни за монастырем, на уговорном оброке доброй земли 3 3/4 чети.

12. И за Сийским монастырем замерного сена 127 1/2 копен, оброчного 11 1/2 копен.

13. И перелогом доброй земли 3 чети.

14. Данных и оброчных денег брали по 3 руб. 3 алт. 2 ден. с обжи.

15. Праздничных денег брали с обжи по 1 алт.

16. С сена брали 1 деньгу с копны, да пошлин по 2 алтына с рубля.

17. И 1/3 чети пашни средней земли и без 1/48 пашни доброй земли.

18. Да на оброке и в пуге 5/12 сохи и 7 31/48 чети.

19. И на выдельном оброке 19/48 сохи и 7 23/24 чети, да в пуге 1/16 сохи и 1/12 чети. Итог дан с учетом тяглой пашни Сийского монастыря.

В Уздренском монастыре в это время было 2 церкви, 5 келий, жило там 6 старцев и 2 детеныша. За монастырем числилось 6 починков и печище, в которых было 27 дворов (из них 5 пустых) и жило 32 человека³⁴.

Наиболее ценными в этих выписках представляются общие данные по Шенкурской четверти Важского уезда. Во всей четверти 729 $\frac{1}{2}$ деревень (из них 4 пустых), 20 пустошей, 6 починков. В них 1892 двора, крестьян 2294 человека, у них родственников 1518 человек и подворников 201 душа мужского пола. В четверти 57 дворов бобыльских, где живет 68 бобылей. Пустых в Шенкурской четверти 194 двора и 164 места дворовых крестьянских, 44 двора и 17 мест дворовых бобыльских³⁵.

Из материалов письма 1664–1666 гг. И. М. Коркодинова, С. Ф. Жданова и подьячего Б. Возницына опубликована лишь «Выпись из сотной с переписных книг 173 г. Степана Жданова на владения Спасского Сестренского монастыря в Важском уезде»³⁶. Вероятно, к этому письму относится переписная книга, хранящаяся в Вологде³⁷. Книга эта без начала и конца, на 315 листах³⁸. На корочке с лицевой стороны (л. 1) несколько записей разными чернилами и карандашом: 1) «Первых двух тетрадей не сохранилось»; 2) «Вельского Троицкого собора»; 3) «Перепись деревней и жителей по бассейну р. Ваги разных приходов» и дается ряд названий приходов и волостей; 4) Записи о наличии по листам книги скреп Богдана Возницына и «столоначальника помощника титулярного советника Есипова». При описании указываются деревни по станам, волостям или десятинам, дополнительно указывается приход. В деревнях перечисляются дворы, хозяева дворов и их дети. Указывается размер тягла на двор в обжах и наличие солдатского жеребья. Итогов нет ни по деревням, ни по волостям, ни по станам.

Вероятно, к этому же письму относится и «Переписная книга Шенкурской и Подвинской четвертей Важского уезда» с указанием «тяглового солдатского жеребья» (около 1665 г.), хранящаяся в Санкт-Петербурге³⁹. Книга без переплета, на 466 листах⁴⁰, писана четкими почерками, по листам росписи секретарей Тимофея Климова и Петра Соколова, канцеляриста Петра Богатырева⁴¹. Характер описания аналогичен тому, какой дается в выше рассмотренной переписной книге Верховажской четверти. Сначала идет описание Шенкурской четверти (л. 1–201), затем – Подвинской четверти (л. 203–464). Как и в предыдущих источниках, и в той и другой переписных книгах нет итогов письма ни по деревням, ни по волостям, ни по станам.

Теперь остановимся на последнем описании Важского уезда XVII в., от которого имеются наиболее полные материалы. От этого письма известны полные описания Подвинской⁴², Кокшеньгской⁴³ и Верховажской⁴⁴ четвертей. Шенкурская четверть представлена описанием Ровдинского стана, трех волостей Ледского стана⁴⁵ и нескольких отдельных деревень Шенкурского стана⁴⁶.

Важнейшие итоговые данные рассмотренного письма 1677–1685 гг. приводятся в табл. 3 а, 3 б, 3 в.

Итак, мы рассмотрели имеющийся писцовый материал XVI–XVII вв. по Важскому уезду. В руках историка значительные, однако далеко не полные данные. Главный недостаток имеющегося материала в том, что он не позволяет широко рассмотреть динамику развития землевладения в уезде на протяжении XVI–XVII вв. Однако кое-что можно сделать и в этом направлении. Пример такого сравнения приводился с данными по Шенкурскому острогу (см. табл. 2). Кроме этого, могут быть сравнимы: 1) Кодимская волость 1565 г. – 1665 г. – 1681 г.;

2) Верхотоемская волость 1620 г. – 1621 г. – 1665 г. – 1681 г.; 3) Вершинская волость 1620–1621 гг. – 1665 г. – 1681 г.; 4) Устьюмская и Верхолецкая волости 1620–1621 гг. – 1665 г. – 1681 г.

Более широко может быть проведено сравнение письма 1664–1666 гг. и письма 1677–1685 гг. (четверти Шенкурская, Подвинская и Верховажская).

Таков известный нам писцовый материал по Важскому уезду XVI–XVII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мясников М. Историческое описание Ваги и г. Шенкурска. // ОЗ. Ч. 37. СПб., 1829. С. 391–392.

² Там же. С. 384.

³ ОПИ ГИМ. Собр. Уварова. Д 375. «Роспись важных древностей, показание старинных книг и бумаг и составленных описаний о Ваге и г. Шенкурске» (рукопись М. Н. Мясникова, 1827 г.).

⁴ Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 28.

⁵ Андреев А. И. Заметки к истории Русского Севера. Писцовые и переписные книги по Ваге и Чаронде // Летопись занятий археографической комиссии за 1927–1928 гг. Л., 1929. С. 169–176.

⁶ Водарский Я. Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. М., 1966. Приложение. С. 286–287; Баландин Н. И. Верховажье в конце XVII – начале XVIII в. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 407–417; Колесников П. А. О некоторых источниках для изучения местного края // Ученые записки Вологодского пединститута. Т. 32. Вып. 2. 1967. С. 134–150; Он же. Писцовые и переписные книги как источник для изучения миграции поморского населения в XVI – нач. XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера. Вып. I. Вологда, 1970. С. 182–196; Он же. Миграция северного крестьянства в XVI – нач. XVIII в. // Там же. С. 353–376 и др.

⁷ Впервые перечень важных писцов дал М. Н. Мясников в статье «Нечто о пятинах новгородских и в особенности о стране, известной издревле под именем Ваги» (Северный Архив. Ч. 27. СПб., 1827). Позднее «неполный и неточный», как отмечал еще А. И. Андреев (Ук. соч. С. 170), перечень важных писцов дал С. Б. Веселовский (Сошное письмо. Т. II. М., 1916. С. 579). А. И. Андреев, придерживаясь опубликованного М. Н. Мясниковым перечня, уточняет список писцов письма 1677–1685 гг. (А. И. Андреев. Заметки к истории. С. 170–173).

⁸ М. Н. Мясников и А. И. Андреев считают описание Ваги 1550 г. первым, но, по всей вероятности, это не так. В начале 1550-х годов И. П. Заболоцкий описывал не только Вагу, но и Двину (ГКЭ. Т. 1. Пг., 1922. № 138). Однако Двина была описана и ранее, на рубеже XV–XVI вв. (Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV–XVI вв. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 442). Это дает основание полагать, что и Вага, подобно Двине, описывалась и до 1550-х годов.

⁹ Указание на описание И. П. Заболоцким Ваги и датировку описания – см. ГКЭ. Т. II. Л., 1929. С. 668.

¹⁰ В опубликованном М. Н. Мясниковым перечне важных писцов указывается писец Яков Шаховской под 1648 г. (Нечто о пятинах новгородских. С. 273), но в его

черновых списках есть лишь Иван Шаховской 1646 г. (РГБ. Ф. 353. Д. 22. № 1, а также ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 220. Л. 19–24. Заметки и выписки Суворова по архивным документам, полученным из Верховажского посада [данные выписки сделаны по черновикам М. Н. Мясникова]). Копии переписных книг И. Шаховского в кон. XVIII в. были в Вологде (ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Д. 78. Л. 2 об.–3 об.).

¹¹ Матов Р.Ф., вероятно, описывал лишь Шенкурскую четь Важского уезда. Об этом письме упоминается в отдельных актах и в копии с писцовой книги 1681 г. на часть Шенкурской четверти. (ГКЭ. Т. II. № 270. Ст. 801; ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 131; СПБII РАН. Ф. 115. Д. 312. Л. 133 об. Остальные описания рассматриваются в статье более подробно.

¹² В копии с писцовой книги 1681 г. на Шенкурскую четверть читаем: «Лета 7189 писцы, столник и воевода Калина Григорьевич Благово да подьячей с приписью Петр Тютчев, приехав на Вагу, и в Важском уезде, в Шенкурской чети, в которых волостях не были и писцового дела не довершили писцы воевода... Богдан Васильевич Яковлев да подьячей Авдеи Карпов... все описали имянно» (СПБII РАН. Ф. 115. Д. 312. Л. 3–3 об.). Копия с писцовой книги на Подвинскую четверть говорит также о смене писцов Б.В.Яковлева и А. Карпова писцами Ф.Л. Карауловым и А.Хрущевым (СПБII РАН. Ф. 115. Д. 310. Л. 187). В писцовой книге Кокшеньгской четверти 1685 г. говорится о смене К.Благово и П.Тютчева писцом П.Ф.Леонтьевым (ОР РНБ. Ф. 550. F-IV. № 630. Л. 1). Выписки из писцовой книги П.Ф.Леонтьева на ряд деревень Шенкурской четверти говорят о том, что данный писец описывал и Шенкурскую четверть в 1685 г. (ОР РГБ. Собрание отдела рукописей. № 458/21). По вопросу об описании Важского уезда в 1677–1685 гг. сравните – Андреев А.И. Заметки к истории. С. 170–173.

¹³ Выражаю искреннюю благодарность директору архива ЛОИИ (СПБII РАН) доктору исторических наук К.Н.Сербиной и научным сотрудникам ЛОИИ Г.А.Победимовой и З.Н.Савельевой за оказанную помощь в получении ряда документов, использованных в данной статье.

¹⁴ СПБII РАН. Ф. 153. Д. 11.

¹⁵ Васильев Ю.С. Кодимская волость Важского уезда в XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 381–397.

¹⁶ В «Челобитной Слободского стана мирского старосты Назара Тимофеева Брагина царю Михаилу Федоровичу...» отмечается, что в 1616 г. И.Благово и И.Титов описывали Кокшеньгскую и Верховажскую четверти (ОР РНБ. Ф. 532. Д. 121). В этом же году они описывали и остальные четверти уезда, Шенкурскую и Подвинскую. (ГКЭ. Т. II. Л., 1929. Ст. 804).

¹⁷ СПБII РАН. Ф. 115. Д. 311. Соответственно: Л. 130–133, 135–162, 165–202 об. Первые две копии сняты с подлинных сотных с дозорных книг Якова Боборыкина и подьячего Федора Степанова. Сотные были выданы в 1624 г. по челобитью крестьян Шенкурского стана. Третья копия также снята с подлинной сотной с дозорных книг Я.Боборыкина и подьячих Ф.Степанова и Б.Григорьева, выданной в 1625 г. по челобитью крестьян Ледского стана. Рукопись, содержащая данные сотные, хорошей сохранности, в кожаном переплете. Сотные занимают 70 листов. Писаны разными чернилами и разными, но четкими почерками. По листам скрепы секретарей Тимофея Климова, управителя стряпчего Федора Изволова, канцеляриста Петра Богатырева, секретарей Петра Соколова и Алексея Казанцева. Копии, вероятно, сняты в 1739 г. (Запись на Л. 1). На Л. 213 об. запись о том, что копия до

1786 г. хранилась в архиве Главной дворцовой канцелярии, откуда отправлена в Вологодское наместническое правление.

¹⁸ Общие данные этой сотной приведены в таблице 2.

¹⁹ СПБии РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 130–130 об.

²⁰ СПБии РАН. Ф. 238. Оп. 2. Д. 33/26. Сотная ошибочно датирована XVI в. (Путеводитель по рукописному отделению Ленинградского отделения Института истории. М.; Л., 1958. С. 37). В тексте сотной читаем: «А по дозору Якова Боборыкина да подьячего Богдана Григорьева сверх приправочных книг дозору Ивана Благово да Ивана Титова прибыло...» (СПБии РАН. Ф. 238. Оп. 2. Д. 33/26. Ст. 12). Отсюда сотную можно датировать 1625 г., т. к. она выдана после дозора Я. Боборыкина, печать к ней приложили дьяки Петр Никулин и Иван Васильев, справлял сотную Митка Прокофев, также как и подлинную сотную на Ледской стан 1625 г.

²¹ Из 127 деревень и починков описано в сохранившейся части 61 деревня и 19 починков. По сствам имеется две нумерации: современная, где номера сставов 1–15 (т. е. все имеющиеся сейчас), и более ранняя, сделанная тогда, когда сотная была, вероятно, еще в полной сохранности. По этой нумерации в наличии сставы под № 9–23, т. е. отсутствуют первые 8 сставов.

²² СПБии РАН. Ф. 238. Оп. 2. Д. 33/26. Ст. 10–11.

²³ ГКЭ. Т. II. № 222, 223 и 225. Ст. 699–701, 702–703, 708–711.

²⁴ ОР РНБ. Общее собрание грамот. № 229. В «Кратком отчете о новых поступлениях за 1947–1949 гг.» (Труды отдела рукописей. Л., 1952. С. 105), сотная предположительно отнесена к Сольвычегодскому уезду. Но Вершинская волость, находившаяся в верховьях реки Верхней Тоймы, относилась в XVII в. к Важскому уезду (см. Писцовую книгу Подвинской четверти Важского уезда 1681 г. СПБии РАН. Ф. 115. Д. 307. Л. 1 об. и далее). Указание на писцов, которые описывали волость, И. Благово и Я. Боборыкина также подтверждают этот вывод. Датировать сотную можно 1625 г., т. к. в датированной 1625 г. сотной на Ледской стан Важского уезда подписи тех же дьяков Петра Никулина и Ивана Василева и подьячего Митки Прокофева.

²⁵ В имеющейся сотной описано 37 деревень из 38. Кроме того, старая нумерация останов начинается с № 2.

²⁶ ОР РНБ. Общее собрание грамот. № 222. Данная аттестация сотной (Краткая опись древнерусских грамот, хранящихся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. С.-Щедрина в Ленинграде. Краткий отчет о новых поступлениях 1947–1949 г. Вып. III. Л., 1952. С. 104), несколько неточна, т. к. в сотной описаны владения Едемских, находившиеся не только в Шенкурском стане, но в Ровдинском Шенкурской четверти, а также в Кокшеньгской четверти Важского уезда. Это подлинная сотная, выданная Едемским по их челобитью в 1623 г. В сотной 14 сставов. Документ хорошей сохранности. В конце запись: «К сей сотной грамоте диаки Петр Микулин с товарищи велели государеву дворцовую печат прилож...». Тут же печать черного воска. На обороте скрепы «диака Иван Федоров», запись о взятии пошлин и о том, что сотная справлена с дозорными книгами подьячим Микифоркой Звягиным.

²⁷ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 20.

²⁸ Склеи расклеились, первый сстав отделен от остального текста совсем.

²⁹ ГКЭ. Т. II. №№ 222, 223 и 225.

³⁰ СПбИИ РАН. Ф. 11. Д. 32. Ч. II. Л. 108–110 об. «Выписки из писцовых книг важнейших князя Ивана Леонтьевича Шаховского 7154/1646 года, хранящихся в архиве Архангельской Удельной конторы». В конце запись: «Апреля 26, 1829 г., Архангельск». О данной выписке сообщил А. И. Андреев (Заметки к истории. С. 171). Имеется аналогичная выписка и в Москве: «Выписки из писцовой рукописной книги, под названием «Список с переписных Важеских книг князь Ивана Леонтьева сына Шаховского [154 или 1646 г.] деревням и двором и крестьянам и их братье и племянники и детям» (РГБ. Ф. 231. Раздел 1. Картон 48. № 43).

³¹ Переписная 1709–1710 гг. использована за неимением данных письма 1677–1685 гг. Приношу глубокую благодарность П. А. Колесникову за предложенный им текст данной переписной книги.

³² СПбИИ РАН. Ф. 11. Д. 32. Ч. II. Л. 109.

³³ СПбИИ РАН. Ф. 116. Д. 32. Ч. II. Л. 109–109 об.

³⁴ Там же. Л. 110 об.

³⁵ Там же. Л. 109 об.–110.

³⁶ ГКЭ. Т. II. № 243. Ст. 749–750. В конце XVIII в. в Вологодской казенной палате хранились копии с переписных книг И. М. Коркодинова и подьячего Б. Возницына 1664 г. (ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Д. 79. Л. 3 об. – 4).

³⁷ ГАВО. Ф. 883. Д. 232. Книга озаглавлена так: «Переписная книга вотчин Вельского Троицкого собора 17 в.». На самом же деле это «Переписная книга Верховажской четверти с указанием солдатского жеребья около 1665 г.» Доказательства этому следующие. Во-первых, порядок описания здесь аналогичен описанию Верховажской четверти Важского уезда в 1677–1682 гг. (СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 310): Великослободской, Вельский, Тавреньгекий, Морозовский, Верховажский и Шелотский станы. Во-вторых, Троицкий собор в середине XVII в. не мог иметь такие обширные владения. (В 1710 г. за ним была только одна деревня на р. Ваге «Усть реки Вели» – СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Кн. 2. Л. 520–521). Переписная книга имеет по листам скрепы: «Приписал Богдан Возницын». Поскольку в сборнике нет начала и конца, прямых указаний на датировку нет, то он был датирован XVII в. Дата может быть установлена иным путем. В деревне Великодворской во время этого письма было 5 дворов, а в 1677 г. там было 4 двора и в трех из них жили старые хозяева или их дети. В числе их назван и Гришка, сын Сенки Антипина. Во время первого описания ему было 9 лет, а во время второго, т. е. в 1677 г. – 22 года. Значит, разница между тем и другим письмом: 22–9=13 лет. Отсюда и рассматриваемую переписную книгу можно датировать около 1665 г. В это время и описывали Вагу писцы И. М. Коркодинов, С. Ф. Жданов и Богдан Возницын. Все это позволяет расценивать данную книгу, именно, как «Переписную книгу Верховажской четверти с указанием солдатского жеребья около 1665 г.» Неверно она была аттестована, вероятно, потому что поступила из Вельского Троицкого собора и не имела начала, что, естественно, затрудняло и датировку и определение ее сути.

³⁸ По старому листажу книга начинается с Л. 9, что соответствует Л. 2 по новой нумерации. Вероятно, в начале не хватает 8 листов. Несколько листов нет и в конце книги.

³⁹ В «Путеводителе по архиву Ленинградского отделения Института Истории» (М.; Л., 1958. С. 36) дается несколько иная аттестация, а именно: «Переписная книга Важского уезда с указанием «тяглового солдатского жеребья» (после 1665 г.).

⁴⁰ По старой нумерации в книге было 500 листов. Сейчас в начале книги нет, вероятно, 8 листов, нет 16 листов и в середине книги (по старой нумерации после Л. 184 идет сразу Л. 201), т. е. в описании нет начала Шенкурской четверти и начала Подвинской четверти. По современной нумерации Л. 202, 465–466 чистые.

⁴¹ Упоминание этих лиц дает нам право считать данную книгу копией XVIII в. с переписной книги Шенкурской и Подвинской четвертей (См. те же имена в копии XVIII в. писцовой книги Подвинской четверти Важского уезда 1677–1681 гг. – СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 308).

⁴² Нам известны копии с писцовых книг Подвинской четверти 1677–1681 гг. Одна из них – копия XVII в. с писцовых книг 1677–1680 гг. письма Б. В. Яковлева и подьячего А. Карпова (СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 306). Рукопись без переплета, хорошей сохранности, на 210 листах, писана четким почерком. На Л. 2 дается оглавление описанных волостей. Описание на Л. 3–210. На Л. 210 запись о том, что данную копию справил с подлинником Пашка Турутин. (Пашка Турутин – подьячий приказной избы Шенкурского острога к. XVII в. – СПбИИ РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 154). На Л. 210 об. запись о том, что книга хранилась в «Главной дворцовой канцелярии конторе», а после ее упразднения в 1786 г. передана в Вологодское наместническое правление. Здесь имеются описания и их итоги по 15 волостям Подвинской четверти, владениям Сийского и Клоновского монастырей.

Другая копия сделана в XVIII в. Это копия с писцовой книги Подвинской четверти 1681 г. писцов К. Г. Благово и П. Тютчева. (СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 307). Рукопись хорошей сохранности, в кожаном переплете, на 250 листах. (Текст Л. 1–237 об., а на Л. 238–247 поправки писцов). На Л. 237 об. запись о том, что копия снята с подлинной книги, на которой были подписи Калины Благово, Петра Тютчева и Ивашки Турутина. По листам рукописи подписи; «Камерир Данила Брежнев, подканцелярист Сергей Соколов». На Л. 247 об. – подпись архивариуса Андрея Петрова. На Л. 247 об. запись о том, что книга хранилась в Главной дворцовой канцелярии и передана, после 1786 г., в Вологодское наместническое правление. Здесь дано описание 9 волостей Подвинской четверти, дан итог этого описания. Кроме того, дано описание владений Сестренского монастыря и монастыря на р. Шорме (Л. 235 об. – 237 об.).

Имеется копия XVIII в., снятая с этих двух вышеуказанных копий (СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 308). Рукопись хорошей сохранности, в кожаном переплете, на 440 листах (Л. 1–2, 439–440 чистые, текст на Л. 3–403, на Л. 405–438 поправки писцов), на некоторых листах чернила расплылись. На Л. 3–174 об. – копия с первой книги (СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 306), на Л. 174–403 – копия со второй книги (СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 307). Об этом свидетельствуют записи на Л. 173 и Л. 404. Вероятно, данная копия снята в 1737 г. (Л. 3).

⁴³ Описание Кокшеньгской четверти известно нам в копии XVIII в. (ОР РНБ. Ф. 550. F-IV, № 630). Здесь дано описание всех 18 волостей четверти, дан и итог всего описания (Л. 419 об. – 424 об.). Далее идет описание Маркушевского монастыря и Дружининской пустыни (Л. 425–446). На Л. 446–448 об. – поправки переписчиков. Копия в кожаном переплете, хорошей сохранности (листаж указан по старой нумерации, т. к. новая дана не везде).

⁴⁴ Описание Верховажской четверти дошло до нас также в нескольких копиях. Одна из них «Копия с копии» первой половины XVIII в. имеет описание всей четверти (СПБНИИ РАН. Ф. 115. Д. 310). Рукопись хорошей сохранности, переплет отклеился, на 400 листах (л. 184–186 об., 398–400 чистые; текст на л. 3–183, 187–372 об.). По листам росписи управителя стряпчего Федора Изволова, секретаря Тимофея Климова, канцеляристов Алексея Казанцева и Петра Богатырева. Вначале дается описание, проведенное писцами Б. В. Яковлевым и А. Карповым в 1677 г. (л. 3–183), т. е. описание Слободского и Верховажского станов, Вознесенской и Спасской пустынь (на л. 183 – запись о том, что более ранняя копия была подписана Пашкой Турутиным). Далее идет описание остальной части Верховажской четверти, письмо Ф. Л. Караулова и А. Хрущева 1682 г. (л. 187–372 об.). Дано описание Вельского, Тавреньгского, Морозовского и Шелотского станов и Верхопежемской пустыни (на л. 372 об. – запись о том, что более ранняя копия была подписана секретарем Петром Соколовым и подканцеляристом Сергеем Соколовым). Дан итог описания по четырем станам.

Имеются менее качественные копии с писцовых книг Верховажской четверти письма 1677–1682 г. Копии начала XIX в. с описания Слободского стана (СПБНИИ РАН. Ф. 115. Д. 423 и РО БАН. Архангельское собрание. «Д» 629). Эти копии сняты в 1803 г. (РО БАН. Архангельское собрание. «Д» 629. Л. 1) с копий XVIII в. Обе копии XIX в. подписаны секретарем Яковом Голубевым и канцеляристом Ильей Раковым. Третья копия содержит описания Верховажского посада 1678 г. и Вельского погоста 1682 г. (СПБНИИ РАН. Ф. 115. Д. 620. На обороте лицевой обложки запись «Из книг Матвея Мясникова 1813 г., генваря 10 дня, по описи № 57, Верховажье. Подобная запись и на другой обложке). Имеется еще копия описания «Погоской десятины» Верховажского стана 1677–1680 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Д. 371 об.). Общего итога письма 1677–1682 гг. по Верховажской четверти в указанных копиях нет.

⁴⁵ Это копия с писцовой книги писцов К. Г. Благово и П. Тютчева. (СПБНИИ РАН. Ф. 115. Д. 312). Копия хорошей сохранности, в кожаном переплете, на 186 листах. (л. 1–2, 184–186 чистые, на л. 181–182 поправки писцов). Копия подписана секретарем Петром Соколовым и канцеляристом Сергеем Соколовым. В начале книги вставной лист, где говорится, что это копия и дается оглавление. Дано описание волостей Ровдинского стана, итог этого описания и трех волостей Ледского стана: Устьскомской, Верхоледской и Устьважской. С этой копии в XVIII в. была снята другая копия. (СПБНИИ РАН. Ф. 115. Д. 311). В отличие от первой рукописи здесь имеются и копии с сотных дозора Я. Боборыкина, на которые указывалось ранее.

⁴⁶ Из Шенкурского краеведческого музея в 1954 г. в Государственную публичную библиотеку им. В. И. Ленина в числе других документов поступила и «Выпись из писцовых книг Важского уезда 1684–1685 гг., данная крестьянам дер. Лукинской, Ягодиной, Бовыкинской и др. Шенкурской четверти Анисиму Пластинину «с товарищи» для земельного владения». Это «копия с копии» выписи из писцовых книг Павла Леонтьева на 5 деревень. Выпись была дана крестьянам перечисленных деревень в 1697 г. Копия прислана из Главной дворцовой канцелярии в 1767 г. Копия на 10 листах. На л. 10 об. росписи канцеляриста Гаврила Иванова, писаря Николая Ракова и «за секретаря» сержанта Егорова. По листам скрепы канцеляриста Андрея Грехова. Вероятно, эта копия – листы из какого-то дела, на них стоят номера 132–141. (ОР РГБ. Собрание отдела рукописей. № 458/21).

Источники по истории Онежско-Каргопольского края XVI-XVII вв. (материалы писцового делопроизводства и внутривотчинных описаний)*

С включением территории, находившейся в бассейне реки Онеги, в состав формирующегося единого Русского (Московского) государства она стала именоваться Онежской землей. По уставной Онежской грамоте, регламентировавшей систему наместничьего управления в Онежской земле, последняя состояла из четырех станом: Каргопольского, Турчасовского, Усть-Мошского и Мехреньгского. Постепенно термин Онежская земля заменяется термином Каргопольский уезд, который делился на два уезда, собственно Каргопольский и Турчасовский (бывшие станы), и два обособленных стана, Усть-Мошский и Мехреньгский. Таким образом, термин Каргопольский уезд имел два значения: широкое – относящееся ко всей территории бывшей Онежской земли, узкое – только к ее южной части (Каргопольскому стану). Уезды в свою очередь делились на станы: Каргопольский – на Окологородный и Низовской; Турчасовский – на Верхний и Нижний, последние нередко именовались концами. В Турчасовский уезд входили также Усть-Мошский и Мехреньгский станы, продолжая сохранять определенную автономию¹. Исследуя историю края, важно учитывать административные изменения, которые обуславливали систему управления, принципы государственных описаний территории, систему налогообложения и ряд других сторон жизнедеятельности.

Каргопольский уезд сохранял свои границы до 1776 г., когда в ходе административных реформ правительства Екатерины II было образовано Новгородское наместничество в составе двух областей (губерний): Новгородской и Олонецкой. В последнюю был включен и Каргопольский уезд. В 1780–1781 гг. северная часть его (Турчасовский уезд) с г. Онегой отошла к Архангельской области (с 1784 г. наместничество, с 1796 г. губерния) и составила Онежский уезд², поэтому в статье край и именуется Онежско-Каргопольским.

По истории края XVI–XVII вв. сохранился относительно значительный комплекс разнообразных письменных источников: материалы государственного писцового делопроизводства и внутривотчинных описаний; материалы приказного делопроизводства; публично – и частноправовые акты; историко-литературные памятники³.

Важнейшими источниками по истории Каргопольского уезда XVI–XVII вв., как и других территорий страны, являются материалы писцового делопроизводства, а среди них в первую очередь – писцовые, дозорные, переписные и платежные книги, составленные в результате государственных описаний уезда, выписки из них и сотные⁴, также материалы внутривотчинных (монастырских) описаний. Обзору этих видов письменных источников, а также тес-

* Впервые опубликовано: Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования. Каргополь, 2006. С. 8–15.

но связанных с ними некоторых материалов приказного делопроизводства и посвящена данная статья.

Первичное описание Онежской земли, видимо, проведено, как и в новгородских землях (пятинах, Двинской и Важской землях), в конце XV – начале XVI в. Однако наиболее ранние известные материалы Каргопольского уезда относятся к описанию 1551–1553 гг. Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова. Из них опубликована сотная на Турчасовский стан, в которой имеется описание всех 34 тяглых волостей и волосток стана; нет лишь данных о монастырских владениях. Только приписки на полях против ряда деревень волостей Рагонимы, «у Турчасовского посаду», Нермоши, «на Тевзе горе», Пертнемы, Прилуцкой, Пиялы, Вазеницы, «Ордомского погоста на Владычне», Лямцы (вероятно, сделанные уже в Соловецком монастыре) сообщают о принадлежности этих деревень монастырю. В тексте сотной отмечается, что она дана «по новому письму». Это подтверждает наше мнение о более раннем описании края. В преамбуле сотной пишется о книгах «Каргопольского уезда Турчасовского стана», а в начале описания о том, что в сотной описаны «в Турчасовском уезде станы и волости»⁵. Данное описание по Турчасовскому стану дополняют выписи из каргопольских писцовых книг Соловецкому монастырю на двор и тони в Золотицком погосте 1553 г. и сотная на владения монастыря в Каргопольском уезде 1556 г.⁶

Общее состояние уезда в целом дает платежная книга Каргопольского уезда, составленная около 1560 г. по книгам письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова. Она содержит итоговые данные описания по всему Каргопольскому уезду, включая посады Каргополя и Турчасова, Усть-Мошский и Мехреньгский станы и владения монастырей. По данным платежной книги, в Каргополе только тяглых дворов было 498, лавок 116, в Турчасове – 83 двора и 41 лавка. В Каргопольском уезде (стане) отмечены владения монастырей Ошевенского, Спасо-Преображенского Каргопольского, Кенского (Пахомиевой пустыни) и Шолтомского на Верхнем Бору; в Турчасовском уезде – Соловецкого, Ошевенского, Сырьянского⁷. К отмеченным источникам примыкают грамоты писцов, выданные монастырям и отдельным лицам⁸.

В 1558/1559 г. в уезде проводился дозор по причине значительного запустения. В 1559 г. дань и оброк с Каргопольского уезда брался не только «по книгам письма Я.И. Сабурова да И.А. Кутузова», но и «по Иванове описи Глухова». В отписи дьяков, принимавших подати с уезда, отмечается, что на посаде Турчасова «по Иванове описи Глухова» было тяглых 31 двор, 52 двора значились пустыми, и подати с них были сняты⁹. От этого же года сохранились книги «пустотные» (пустых дворов) Усть-Мошского стана описи Ивана Матвеевича Глухова¹⁰.

От следующего описания 1561–1562 гг. Н.Г. Яхонтова имеется также обширный материал – 25 сотных с книг этого описания. Из них – сотная на г. Каргополь¹¹ (без начала). 22 сотные на черносошные волости уезда содержат описания 18 волостей (из 28) Каргопольского стана, 30 волостей (из 36) Турчасовского стана, полное описание Мехреньгского стана (3 волости)¹². Сотная и две выписи из писцовых книг дают описание владений Соловецкого монастыря¹³. К материалам этого описания примыкает сотная на Водлозерскую волость 1568/1569 г., восточная часть которой была отписана в опричнину от Заонежских погостов к Каргопольскому уезду¹⁴.

От 1574 г. сохранилась выпись из каргопольских писцовых книг, которая была представлена Аргуну Борису Иванову Беклемишеву на дворы и варницы в Золотице Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей¹⁵, но не ясно, описывал ли Беклемишев уезд или был сыщиком по каким-то поземельным делам.

От XVII в. также сохранились как частичные, так и полные материалы отдельных описаний уезда. В 1614–1615 гг., когда в уезде еще бесчинствовали польско-литовские и казачьи отряды, правительство Михаила Романова проводит дозор уезда. Сохранился неполный список дозорной книги С. И. Языкова и С. Осокина¹⁶, сотная на владения Соловецкого монастыря в уезде и итоговые данные дозора по ряду волостей¹⁷.

В 1620–1622 гг. описание уезда проводят писцы И. П. Воейков и Т. Копнин. От этого описания нам известны писцовая книга Усть-Мошского стана¹⁸, «выписи с писцовых книг» на волость Ноколу Каргопольского и 18 волостей Турчасовского уездов, вотчину Сырьянского монастыря, выпись на владения Строкиной пустыни¹⁹, а также выписи на владения Соловецкого и Антониево-Сийского (двинского) монастырей, волость Большая Шалга и земли вдовы Х. Мохнаткиной²⁰. Общие данные описания содержит «Смета государевым... каргопольским... всяким денежным доходам 136-го году»²¹.

В 1630–1640 гг. в государстве шел постепенный переход от поземельного принципа налогообложения к подворному принципу. На смену писцовым книгам приходят книги переписные. От переписи 1639–1640 гг. сохранилась переписная книга Турчасовского стана²². А. А. Савич указывал на наличие переписной книги Каргопольского уезда 154 (1646) г. и дал ряд выписок из нее²³. Переписные книги переписи 1648 г. сохранились полностью²⁴.

В 1660–е гг., вероятно, в уезде проводилась перепись с целью учета крестьян, взятых в солдаты²⁵. Н. П. Воскобойникова пишет, что от переписи 1678 г. не сохранилось ничего, а от переписи 1684 г. книг... не обнаружено». Не отмечает наличия книг этих переписей и Я. Е. Водарский²⁶. Данные писцовых и переписных книг XVII в. дополняют делопроизводственные материалы приказа Новгородской четверти²⁷.

От XVII в. имеются не только материалы государственных описаний Каргопольского уезда, но и внутривотчинные описания каргопольских и иных монастырей, имевших владения в уезде, их отдельных волостей и усадеб²⁸. Материалы этих частных описаний по имеющимся в них данным, как правило, значительно богаче материалов государственных описаний, а подчас содержат и уникальную информацию²⁹, как, в частности, опубликованная нами «Вотчинная дозорная книга («обежная») старца Капитона на владения Соловецкого монастыря в Турчасовском стане Каргопольского уезда»³⁰. Данные материалов писцового делопроизводства нередко встречаются в различных царских и приказных грамотах, а иногда и в крестьянских актах.

Благовещенская Емецкая пустынь (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1). Отводные книги: 1669 г. – № 156, 1670 г. – № 168; 1671 г. – № 181; 1672 г. – № 207.

Крестный Кийостровский (Онежский) монастырь (РГАДА. Ф. 1196. Оп. 1). Опись церквей и имущества монастыря 1656 г. – № 4. Отводные книги монастыря: 1661 г. – № 43; 1665 г. – № 86; 1668 г. – № 87; 1670 г. – № 167; 1671 г. – № 195. Переписные книги монастыря и вотчин: 1668 г. – № 158; 1671 г. – № 184; 1675 г. – № 245.

По Биричевской волости. Переписная книга 1666 г. – № 113. Отводные книги: 1666 г. – № 114; 1667 г. – № 129; 1668 г. – № 149; 1679 г. – № 175; 1672 г. – № 201.

Корельское село. Отводные книги: 1661 г. – № 45, 56, 58; 1664 г. – № 79, 83; 1666 г. – № 195, 195 а; 1666 г. – № 109, 119.

Кушерецкое усолье. Отводные книги: 1658 г. – № 15; 1661 г. – № 44, 44 а.

По Мудьюгской волости. Отводные книги: 1667 г. – № 134; 1669 г. – № 160, 161; 1670 г. – № 172; 1671 г. – № 189; 1674 г. – № 238, 241. Переписные книги: 1671 г. – № 179, 186, 191; 1673 г. – № 225.

Польское усолье. Отводные книги: 1657/58 г. – № 11; 1661 г. – № 50; 1667 г. – № 133 а; 1668 г. – № 138, 143; 1668 г. – № 145 (и других усолей); 1672 г. – № 199; 1673 г. – № 231.

Порожская волость. Отводная книга Порожским рыбным промыслам 1672 г. – № 292.

Устье Онежское. Отводные книги: 1666 г. – № 110; 1667 г. – № 139; 1671–1674 гг. – № 182, 216, 222, 224, 235.

Спасо-Преображенский Каргопольский монастырь (Васьянова Строкина пустынь). Опись монастыря 1630 г. – ГААО. Ф. 792. Оп. 1. № 168. Отводные книги; 1663 г. – СПб. ИИ РАН. Ф. 115. Колл. рукописных книг. № 865; 1678 г. – № 876.

Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь (РГАДА. Ф. 1201). Переписная книга усолей Двинского и Каргопольского (Лямецкого и Пурнемского) уездов 1668 г. – Оп. 1. № 491. Переписная книга усолей и волостей Заонежья и Каргопольского уезда (последнего – Кушерецкой, Польского, Пияльской, Пертнемы, Фирсовского в Тевзогоре, Владыченского, Нижмозерского, Пурнемского и Лямецкого). Оп. 1. № 79.

Кушерецкая волость. Дозорные книги; 1631 г. – Оп. 5. Ч. 1. № 38; 1632 г. – № 501; 1651 г. – № 526; 1655 г. – № 531.

Пертнемский приказ монастыря. Вотчинная дозорная книга («обежная»)… 1600 г. – см. прим. 30. Отводные книги: 1657 г. – № 536; 1690 г. – Оп. 4. № 80; 1698, 1699, 1700 гг. – № 98, 100, 102.

Пияльское усолье. Отводные книги: 1646 г. – Оп. 5. № 519; 1653 г. – Оп. 1. № 986. Ч. 2. Л. 35–52; 1654 г. – Л. 53–67; 1700 г. – № 986. Ч. 3, 5.

Польское усолье. Отводные книги: 1650 г. – Оп. 5. Ч. 1. № 522; Переписная книга 1668 г. – № 574.

Успенский Сырьянский монастырь. Отводные книги: 1661 г. – РГАДА. Ф. 1996. Оп. 1. № 52; 1666 г. – № 101.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: ААЭ. Т. I. № 181. С. 152–154 и отмеченные писцовые материалы.

² См.: Истомина Э. Г. Границы, население, города Новгородской губернии (1727–1917 гг.): очерки по административно-территориальному делению. Л., 1972. С. 22–23, 32–35; Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX вв.: справочник. Архангельск, 1997. С. 46–49.

³ Значительная часть письменных источников по истории края рассматриваемого периода отмечена и использована в работах К. А. Докучаева–Баскова

(см. о нём: Онучина И. В. Каргопольский краевед К. А. Докучаев-Басков и его наследие (к 150-летию со дня рождения) // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 160–164); опубликованных источников – указана в библиографических изданиях: Каргопольский край: Природа. История. Экономика. Культура: библиографический указатель. Вып. 1 / сост. С. В. Кулишова. Каргополь, 1999; Памятные книжки губерний и областей Российской империи: указатель содержания. Т. 1: Европейский Север (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии) / Научные редакторы В. В. Антонов, Н. М. Балацкая. СПб., 2002.

⁴ О материалах писцового делопроизводства как источниках см.: Васильев Ю. С. Материалы писцового делопроизводства Севера России XVI в. как исторический источник // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984. С. 19–31; Он же. Некоторые историко-экономические проблемы материалов писцового делопроизводства XVI–XVII вв. // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 21–37; Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер и методы исследования. М., 1986.

⁵ Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова, 1556 г. (публ. Ю. С. Васильева) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 95–136; приписки на полях – С. 96, 97, 99–102, 104, 107, 108, 125, 131 (в примечаниях).

⁶ Сотная: Шумаков С. А. Сотницы (1554–1572 гг.), грамоты и записи (1628–1701 гг.). Вып. 3. М., 1904. № IV. 18–20; АСМ. № 211. С. 127–128 (на дворы в Турчасове на посаде и в Пияле на погосте, деревни в волостях: Пияле, Прилуцкой, Рагонице, Владычной (всего 9 живущих и 3 пустых); Выпись: АСМ. № 195. С. 118.

⁷ Платежная книга // САС. Вып. 2. С. 253–290, о посадах – С. 253, 268, о монастырях – С. 267, 285–286.

⁸ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. Документы. № 3–5, 8, 12, 18. С. 420–422, 431, 444–455; АСМ. № 196, 197, 201. С. 119, 121; ГААО. Ф. 792. Спасо-Каргопольский монастырь. Оп. 1. № 2. Данная писцов Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова Спасскому монастырю на землю в дер. Чюпинской 1554 г.

⁹ АСМ. № 242. С. 150–151.

¹⁰ РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Каргополь. № 1. Л. 99 об.–103.

¹¹ Олонецкие губернские ведомости. 1854 г. № 23–27, 30–31. (Публ. П. П. Шеломова); САС. Вып. 2. С. 291–299. (перепечатано из ОГВ). По сотной в это время на посаде в Каргополе было тяглых дворов 476, «людей в них» (глав семей) – 523 человека; «на льготе» – 2 двора и 3 места дворовых; пустых – 13 дворов и 50 мест дворовых (где ранее были дворы) (САС. Вып. 2. С. 295, 296).

¹² Сотные на волости Каргопольского уезда с книг письма Никиты Григорьевича Яхонтова 1561–1562 гг. / публ. Ю. С. Васильева // САС. Вып. 2. С. 300–475.

¹³ Отрывок сотной... на Никольский погост на устье реки Золотицы / Публ. И. З. Либерзон // САС. Вып. 2. С. 476–478; АСМ. № 254, 256. С. 167–168, 169 [выписи из писцовых книг].

¹⁴ САС. Вып. 2. С. 479–483.

¹⁵ АСМ (2). № 519. С. 44–45.

¹⁶ РГАДА. Ф. 18. № 29. (Писцовые книги Русского Севера. Вып. 1 / отв. сост. Н. П. Воскобойникова. М., 2001. С. 264).

¹⁷ РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии. № 5923; Ф. 137. Новгород. № 16. Ч. 2: Приходно-расходная книга Нижегородской чети 123-го г. Л. 524–601.

¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 450. И. Е. Забелина. № 106 [копия XIX в.]. (Публ.: Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–69 гг. Петрозаводск, 1869. Ч. 3. С. 120–188.)

¹⁹ СПБНИИ РАН. Ф. 115. Колл. рукописных книг. № 22 [«Выписи» сделаны в связи с созданием патриаршего Кийостровского (Онежского) Крестного монастыря, позднее общие данные по волостям уезда вошли в отводную и жалованную грамоты этому монастырю (ПСЗ. Вып. 1. СПб., 1830.)]; 842 [Строкиной пустыни; копия XVIII в.].

²⁰ РГАДА. Ф. 281. № 5924 [Соловецкого монастыря]; Ф. 1195. Крестного Онежского монастыря. Оп. 3. № 1; Ф. 1196. Антониево-Сийского монастыря. Оп. 5. № 4; ГААО. Ф. 782. Оп. 1. № 51; 49.

²¹ РИБ. Т. 28. Стб. 144–190.

²² Переписная книга торговых людей и пашенных крестьян Турчасовского, Мехреньгского и Усть-Мошского станов Каргопольского уезда переписи подьячего Н. Москалева (РГАДА. Ф. 137. Турчасов. № 1. Л. 1–87. – Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Описание. 1495–1718 гг. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1972. С. 93).

²³ Это книги «письма и дозору» Ивана Стефановича Велкова и подьячего Михаила Казакова. См.: Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. (опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь, 1927. С. 75 (прим. 1), 19.

²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Кн. 299. М. М. Богословский дал по этой книге по станам уезда перечень волостей, указав их географическое положение, наличие погостов и приходских церквей, с учетом социальной принадлежности – количество деревень, дворов и мужского населения. (Богословский М. М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. Т. I: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. М., 1909. Прил. I. С. 10–19). Перечень волостей по переписной книге дает также Н. П. Воскобойникова и отмечает, что перепись проводил воевода Василий Иванович Жуков. (Каталог писцовых книг Русского государства. Т. 1: Писцовые книги Русского Севера / отв. сост. Н. П. Воскобойникова. М., 2001. С. 265–267). По переписи 1648 г. было «в Каргополе посадских людей 146 дворов, людей в них 233 человека (людей мужского пола. – Ю. В.)... В Каргопольском уезде (в стане. – Ю. В.) в черных волостях крестьянских и бобышьских 2241 двор, людей в них 2722 чел... В Турчасове посадских людей семнадцать дворов, а людей в них то ж... В Турчасовском уезде (стане. – Ю. В.) 1671 двор, людей в них 1852 чел.» (РГАДА. Ф. 137. Владимир. № 4. Л. 138–141.).

²⁵ Сохранилась часть переписной книги крестьян Каргопольского уезда, взятых в солдаты (РГАДА. Ф. 137. Невель. № 1. Л. 6–27. – Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. С. 93. № 815). Книги таких переписей известны нам по уездам Устюжскому 1668 г. (Там же. С. 254. № 2706.) и Важскому 1664–1666 гг. (Васильев Ю. С. Важские писцовые книги и сотницы XVI–XVII вв. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 544–546).

²⁶ Каталог писцовых книг... С. 264; Водарский Я. Е. Население Русского Севера в конце XVII – первой четверти XVIII в. // САС. Вып. 3. С. 164. Однако А. А. Савич указывал на «Книги писцовые Онежских волостей писца стольника Петра Большого Лопухина» и подьячего Ивана Григорьева 186 (1678) г., находившиеся в архиве Соловецкого монастыря (Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. С. 19, 75). В на-

стоящее время в фонде монастыря имеется Перечень с переписной книги вотчин монастыря в Каргопольском уезде переписи стольника Петра Большого Лопухина 1678 г. (Ф. 1201. Оп. 1. № 575. 4 л.).

²⁷ Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись. 1485–1718 гг. М., 1972: «Приходные книги данных, оброчных, таможенных и кабацких денег с тяглою населения» городов и уездов Новгородской четверти», в том числе с Каргополя и Турчасова за 1614/15 г., 1619/20 г., 1620/21 г. (Опубл.: РИБ. Т. 28. М., 1912. Стб. 117–328; Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / Сост. акад. С. Б. Веселовский. М., 1983. С. 108–123, 292–307.); 1625/26 г.; 1630/31 г., 1643/44 г., 1648/49 г., 1654–57 гг.; 1682/83 г. – 1696/97 г. (С. 60–64); Аналогичные приходные книги и книги сбора оброчных денег по Каргопольскому уезду, сметные списки денежных доходов и расходов (последние за 1627/28–1634/35, 1651/52–1671/72, 1679/80–1686/1687, 1692/1693, 1696–1698 гг.; Расписной список г. Каргополя приема воеводы Б. Ф. Елчина у воеводы И. Злобина (С. 93–97).

²⁸ Характеристику их см.: Васильев Ю. С. Некоторые источниковедческие проблемы материалов писцового делопроизводства XVI–XVII веков. С. 30–33.

²⁹ Там же. С. 31, 33.

³⁰ Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (дооктябрьский период). Вологда, 1985. С. 136–158.

Четверть и меры сыпучих тел на Севере России в XVI-XVII вв.*

Зерно и мука в России в XVI–XVII вв., как известно, чаще принимались, выдавались и продавались не на вес, а определенными мерами. «Торговая книга» XVI в. называет следующие меры сыпучих тел и их соотношение: «Коли меряют хлеб, ино меряти оковами и четвертями. В окове 4 четверти, ... в четверти 2 осмины, а четвериков или мер в осмине – 4 четверика»¹. Если оков (бочка) постепенно выходил из употребления, то четверть во второй половине XVI–XVII вв. действительно была общегосударственной мерой хлеба: четвертями и их долями, осминой и мерой хлеб продавался как на внутреннем, так и на внешнем рынке, в качестве оброка принимался в государственную казну. Четверть в общегосударственном масштабе на протяжении XVI–XVII вв. проделала значительную эволюцию: из четырехпудовой стала восьмипудовой. Объем четверти менялся неоднократно и не во всех регионах страны одновременно. К тому же наряду с общегосударственными мерами сыпучих тел, очень долго существовали и многочисленные местные меры.

В историографии много сделано по изучению русской метрологии. Однако некоторые стороны ее требуют дальнейшего исследования. В частности, неясными остаются размеры местных мер, да и эволюция четверти как меры сыпучих тел также не решена окончательно. Вопрос о четверти и четвертном счете, как отмечал в конце 1950-х годов И. И. Смирнов, является «одним из самых спорных вопросов древнерусской метрологии»².

В. О. Ключевский столетие назад пришел к выводу, что во второй половине XVI – первой половине XVII в. в центральной части России бытовала четырехпудовая четверть, а на новгородской территории и на Севере (в Поморье), некогда принадлежавшем Новгороду, была распространена четверть в 6 пудов³. А. И. Никитский высказался против этого мнения и полагал, что в течение XVI в. официальной считалась четырехпудовая четверть⁴. Мнение его было поддержано А. Г. Маньковым⁵, Н. В. Устюговым и Е. И. Каменцевой, которые относят переход к шестипудовой четверти к 1624 г., а к восьмипудовой – к концу 1679 г.⁶ Л. В. Черепнин считал, что во второй половине XVI в. бытовала четверть в 6 пудов⁷. С. Г. Струмилин полагал, что официальной как во второй половине XVI в., так и в XVII в. была четверть в 8 пудов⁸. Г. В. Абрамович и А. Л. Шапиро пришли к выводу о том, что со второй половины XVI в. в России узаконивается четверть в 6 пудов, хотя продолжала бытовать и четверть в 4 пуда, в частности, сохраняясь «в качестве меры земельной площади»⁹. Вопрос, следовательно, далек от окончательного решения.

Рассмотрим меры, бытовавшие в Поморье в XVI–XVII вв., и эволюцию четверти как товарной (торговой), так и посевной (севчей), поскольку последние

* Впервые опубликовано: Александр Ильич Копанев: сб. статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 186–195.

могли быть разновеликими и, будучи таковыми, нередко довольно длительное время сосуществовали друг с другом.

К исследованию данных вопросов привлечены следующие основные источники: 1) приходо-расходные денежные и хлебные книги северных монастырей, 2) материалы их писцового делопроизводства, 3) грамоты и памятники центральных органов управления.

В конце XVI – начале XVII в. в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря в Вологодском уезде бытовали такие меры как четверть, осмина, пуз, четвертка, четверик и шестерик. Четыре последних – чаще всего как севчие. Данные Переписной вотчинной книги села Глубоковского 1618 г. позволяют определить объем и соотношение некоторых из этих мер. По дер. Кремлево отмечено пашни паханой 1,5 пуза, а в итоге та же пашня записана как «пол-осмины и половина полуосмины» (или 0,75 осмины). Отсюда – 1 пуз равен 0,5 осмины. В дер. Чистое за Марчком Рычковым записано «пашни осмина», а сверху приписано «2 пуза». Анализ данных этой Переписной книги позволяет установить следующее соотношение между отмеченными мерами: 1 четверть = 2 осмины (4 полуосмины) = 4 пуза (8 полупузов). Встречаются еще «третник полуосминный» = $\frac{1}{6}$ осмины; четвертка, употреблявшаяся в ряду: четверть – осмина – четвертка; четверик и шестерик, связанные с пузом и, вероятно, являвшиеся его долями¹⁰.

В начале Переписной книги отмечено, что хлеб в селе Глубоком и деревнях сеян в «старую меру». Следовательно, в вотчине была известна и какая-то новая мера. И действительно, в Приходо-расходной хлебной книге монастыря 1619–1620 гг. отмечается, что хлеб из сел принимался «в большую меру»¹¹. Записи в расходной хлебной книге монастыря 1622–1623 гг. помогают установить отношение новой меры к старой, показывают, что новая мера – это казенная таможенная вологодская мера. Приведу одну из этих записей: «... крестьянину Селе Офонасиву дано в заем четь овса в новую меру и в том овсе взята на него кабала, а в кабале написано 2 чети овса в старую меру»¹². Следовательно, старая четверть в монастыре была в 2 раза меньше новой.

Приходо-расходные хлебные книги монастыря показывают, что новая четверть внедряется в вотчине во все сферы: этой четвертью идет счет прихода и расхода зерна, получение оброка с крестьян, ее используют и как посевную четверть. Если в 1620 г. нормой высева еще было 4 четверти овса на десятину (по старой четверти), то Отписная книга села Бурдукова 1622 г. и Переписная вотчинная книга монастыря 1623 г. отмечают высев в новую меру (таможенную): на 1 четверть пашни – 1 четверть ржи и 2 четверти овса¹³. Последняя норма высева бытовала в вологодской вотчине монастыря до конца XVII в.

В приходо-расходных хлебных книгах вологодского архиерейского дома 1618–1619 и 1619–1620 гг.¹⁴ отмечается приход и расход хлеба как в старую меру «под гребло» и «с верхи», так и в новую меру. Из записей ясно, что старой мерой была осмина и ею меряли хлеб как «с верхи», так и «под гребло». Новая мера – это «большая таможенная мера» «в болшую окованную осмину».

В Приходо-расходной хлебной книге Спасо-Прилуцкого монастыря 1630–1631 гг. имеется запись от 20 марта 1631 г.: «Дал вологоцкой сын боярской Михайло Остолопов по сестре своей в московскую меру 15 четвертей овса, а в монастырскую меру 7 четвертей с осминою овса»¹⁵. Следовательно, новая четверть Спасо-Прилуцкого монастыря, равная вологодской таможенной, была

вдвое больше московской таможенной четверти. Подобное соотношение этих четвертей подтверждается и другими источниками. Так, в грамоте из Посольского приказа вологодскому воеводе Б. А. Хилкову отмечается, что «во 137 году на свейского куплено хлебных запасов 1600 чети в вологодскую меру, а в московскую меру того хлеба будет 3200 чети»¹⁶.

Подведу итоги. В 1618–1620-х гг. Спасо-Прилуцкий, Спасо-Каменный монастыри (о последнем данные в книгах архиерейского дома) и вологодский архиерейский дом переходят на вологодскую таможенную меру. Старые вотчинные четверти этих феодалов заменяются новой таможенной четвертью. Последняя была по объему в два раза больше первых. Вологодская таможенная четверть в 1618–1631 гг. в два раза больше таможенной московской. Логически рассуждая, последняя должна была быть четырехпудовой, а вологодская таможенная и четверть Спасо-Прилуцкого монастыря (новая) восьмипудовой. Тогда старая четверть (1618–1620 гг.) Спасо-Прилуцкого монастыря должна была быть четырехпудовой. Какова была в начале XVII в. вологодская таможенная четверть, из приведенных материалов остается неясным. Увеличение в два раза четверти в Спасо-Прилуцком монастыре еще не является доказательством аналогичного изменения вологодской таможенной меры. Данное явление могло быть действительным только для меры Спасо-Прилуцкого монастыря.

Перейду к рассмотрению данных о тотемских мерах. В конце XVI в. в Тотьме чаще использовались две меры: четверть и четверик. Последний был равен половине четверти и заменял собой осмину¹⁷. В Приходо-расходной книге Тотемского соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря 1618–1619 гг. записано, что весной 1619 г. отпущено со старцами монастыря в Холмогоры ржи 50 четвертей в тотемскую меру, а в вологодскую меру стало ржи 36 четвертей с осминою. Аналогичный перемер хлеба в 1622 г. выглядел следующим образом: 40 четвертей ржи тотемской меры дали 25 четвертей в вологодскую меру, а 50 четвертей овса тотемской меры – 30 четвертей «в вологодскую в таможенную меру»¹⁸.

Итак, в 1619 г. в Тотемском усолье Спасо-Прилуцкого монастыря имела место четверть, равная тотемской таможенной четверти. Вологодская четверть 1619 г. и 1622 г., с которой сравнивалась усольская четверть, разные по объему. В 1619 г. вологодская четверть была больше усольской на 37 %, примерно на $\frac{1}{3}$, а в 1622 г. – на 60–70 %. Тотемская четверть сравнивалась и в том и в другом случае с вологодской таможенной четвертью, так как четверть Спасо-Прилуцкого монастыря в Вологодском уезде, как установлено ранее, именно в эти годы выросла в два раза. Можно полагать, что в 1619 г. сравнение еще шло со старой вологодской таможенной четвертью. И тотемская четверть была примерно на треть меньше последней. В 1622 г. уже идет совпадение с новой вологодской таможенной четвертью. Данная четверть стала больше оставшейся прежней тотемской четверти на 60 %. Следовательно, вологодская таможенная мера около 1620 г. увеличилась примерно на $\frac{1}{3}$.

В Приходо-расходной книге Тотемского усолья 1655 г. отмечается, что хлеб сеян в новую меру. В книгах более поздних лет эта мера именуется «гуменною малою мерою» в отличие от «большой таможенной меры». Соотношение этих мер по книге 1655 г.¹⁹ следующее.

<i>Усольская четверть</i>		<i>Таможенная четверть</i>	
Рожь:	65 четей	51 четь 1 четверик	(127%)
	72 чети 1 четверик	57 четей 2 четверика	(126%)
Овес:	3 чети 3 четверика	3 чети	(125%)
	37 четей 3 четверика	29 четей 3 четверика	(127%)
Ячмень:	29 четей 1 четверик	23 чети 1 четверик	(126%)
Пшеница:	2 чети 1 осмина	2 чети	(125%)

Аналогичное соотношение (125%) устанавливается между этими четвертями и по данным книги 1675 г. (ржи: 61–81; овса: 152–190 четей без долей)²⁰.

Итак, к 1655 г. в Тотемском усолье Спасо-Прилуцкого монастыря четверть увеличилась. Но к этому времени выросла и тотемская таможенная четверть. Бывшие равными в начале XVII в., к 1655 г. эти четверти стали разновеликими. Таможенная четверть в 1655 и 1675 гг. была больше «гуменной малой» монастырского усолья на 25–26%, т. е. на $\frac{1}{4}$. Во второй половине XVII в. тотемская таможенная четверть равнялась московской таможенной четверти в 8 пудов. Неслучайно в отмеченных книгах 1655 и 1675 гг. усольская четверть сравнивается с «государевой таможенной большой мерой», которая не имела в книгах никакой географической привязки. Последнее положение подтверждает и отчет головы Тотемского казенного соляного промысла 1674 г.²¹

В целом рассмотренные по Тотме данные позволяют сделать вывод, что в 1622 г. тотемская таможенная четверть и четверть Тотемского усолья Спасо-Прилуцкого монастыря были равны 4 пудам (если брать четверть «с верхи», то 4,5 пудам), что вытекает из соотношения этих четвертей с вологодской таможенной четвертью. Во второй половине XVII в. вологодская и тотемская четверти равны восьмипудовой московской четверти, а четверть тотемского монастырского усолья – 6 пудам. Посевной четвертью в усолье до 1655 г. была четверть в 4 пуда, с отмеченного года – четверть в 6 пудов.

В Важском уезде распространенными в XVI–XVII вв. были четверть, мера и пуз. Мера являлась половиной местной четверти, по сути заменяла собой осмину и являлась севной мерой. Пуз составлял четвертую долю четверти²². Источники не позволяют проследить эволюцию четверти в этом районе. Лишь одно свидетельство 1661 г. говорит о том, что в это время важская четверть была больше московской таможенной четверти на 25%: 940 важских четвертей по перемеру дали 1178,5 московских таможенных четвертей²³. Видимо, это объясняется тем, что Важский уезд был дворцовым и находился в ведении Приказа Большого дворца.

Об эволюции четверти в Устюжско-Сольвычегодском районе данных нет. Бесспорно лишь то, что во второй половине XVII в. там была 8 пудовая четверть.

На Двине в XVI–XVII вв. используются такие меры, как четверть, мера, четвертка, пуз. Мера являлась, как на Ваге и в Устюге, половиной местной четверти; четвертка составляла четверть последней²⁴. Вероятно, четвертке соответствовал и пуз. Мера была основной единицей измерения хлеба в монастырях уезда, чаще всего в последних являлась и посевной единицей. Так, в Отпиской книге Николо-Корельского монастыря 1627 г. отмечается, что хлеб замерялся «в таможенную в пятенную полумеру (т. е. получетверть – Ю. В.) под гребло»²⁵.

Около 1654 г. монастырская мера увеличивается. В Отпиской книге монастыря 1657 г. хлеб описан «в большую меру»²⁶. В приходных книгах Богоявленской церкви Ухтоостровской волости 1665 г. также фигурирует «новая большая мера». Церковный приказчик принял «празгового жита 8 мер в новую меру против старых одиннадцати мер» (2 записи), «5 мер с полумерою да 2 ковшы под гребло за старую за 8 мер» и 3,5 новых меры за 5 старых мер²⁷. Новая мера, таким образом, больше старой в 1,38, 1,45 и 1,43 раза (соответственно), т. е. более чем на $\frac{1}{3}$ или почти наполовину. Вероятно, новая мера вводится в церковно-монастырских хозяйствах в связи с введением новой таможенной четверти.

В 1629 г. шведские послы подали челобитную царю с жалобой на разницу архангельской и московской мер. Они писали: «...Как покупали на свейского короля хлебные запасы, и в тех де хлебных запасах не домерено против московские таможенные меры шти тысяч чети, потому что у Архангельского города мера меньше московские меры». Шведы закупили в Архангельске 20929 чей хлеб²⁸. Следовательно, архангельская четверть была меньше московской примерно на $\frac{1}{4}$. Однако неясно, какая московская четверть фигурирует в этом сравнении. От 1663 г. есть свидетельство о том, что двинская таможенная четверть была равна вологодской²⁹.

Какой была двинская четверть в XVI в., остается неясным. В первой половине XVII столетия она могла быть четырех- или шестипудовой. Отмеченная ранее старая мера Богоявленской церкви, равная половине четверти, должна была равняться трем пудам. С середины столетия четверть на Двине стала восьмипудовой, а церковно-монастырская мера – четырехпудовой³⁰.

И, наконец, остановлюсь на данных по Соловецкому монастырю и Кольскому острогу, извлеченных из счетных списков приказчиков разных служб Соловецкого монастыря 1675–1676 гг. Сопоставление имеющихся здесь сведений позволяет сделать следующие выводы. Кольская таможенная четверть в это время была на 25% меньше вологодской таможенной четверти³¹. Кольская раздаточная стрелецкая четверть – в два раза меньше вологодской таможенной и на 25% меньше Кольской таможенной четверти. Дворовая четверть Соловецкого монастыря в 1,5 раза меньше вологодской таможенной³². Если принять вологодскую таможенную четверть за 1, то соотношение между отмеченными четвертями будет следующее: 1 (вологодская) : 0,75 (кольская таможенная) : 0,66 (соловецкая дворовая) : 0,5 (кольская стрелецкая раздаточная четверть); в весовом отношении соответственно – 8, 6, 5,28 и 4 пуда.

Приведенные данные позволяют сделать ряд общих суждений и выводов. На протяжении XVI–XVII вв. на Севере России, наряду с общерусскими, бытуют многочисленные местные меры сыпучих тел. Общерусские меры, имея одно название, продолжительное время были в разных районах разновеликими. Унификация их по объему шла медленно и, видимо, непрямолинейно. Можно полагать, что в третьей четверти XVI века постепенно вводилась шестипудовая четверть. Приведенные выше данные показывают, что эта реформа распространилась и на Поморье. Однако хозяйственный кризис 1570–1580-х гг. и потрясения «смутного времени» не способствовали распространению единых мер. В отдельных районах, таких как Вологда, Каргополь шестипудовая четверть сохранилась до 1620-х годов. Однако в отдельных феодальных вотчинах этих и других районов, возможно, в целом в Тотье и на Двине, произошел

возврат к старой четырехпудовой четверти. В самой Москве еще, по крайней мере, до 1631 г. функционировала четырехпудовая четверть. В то же время правительство настойчиво в 1620–1630-х гг. стремится ввести новую четверть – восьмипудовую. Она вводится не только в Поморье, но и в городах к югу от Москвы и Слободской Украины; в западных и северо-западных районах России. Наряду с московской таможенной мерой и здесь во многих районах продолжали бытовать свои меры³³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Записки Отдела русской и славянской археологии Петербургской археологического общества. Т. 1. СПб., 1851. С. 115.

² Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 454.

³ Ключевский В. О. Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему // Опыты и исследования: Первый сборник статей В. Ключевского. Изд. 2-е. Б/г и б/м. С. 129–144 (статья впервые опубликована в 1884 г.).

⁴ Никитский А. И. К вопросу о мерах в Древней Руси // ЖМНП. 1894. Ч. 292. Март – апрель. № 4. С. 373–389, 393.

⁵ Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. Л., 1951. С. 69.

⁶ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. Изд. 2-е. М., 1975. С. 105–113.

⁷ Черепнин Л. В. Русская метрология. Л., 1944. С. 66–67.

⁸ Струмилин С. Г. О мерах феодальной России // Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 22.

⁹ Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1972. С. 15–19.

¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 61. Д. 15. Л. 14–18.

¹¹ СПбИИ РАН. Ф. 271. Оп. 2. Д. 82.

¹² Там же. Д. 93. Л. 26, 26 об., 28–28 об., 30 об., 31.

¹³ СПбИИ РАН. Ф. 271. Оп. 2. Д. 82. Л. 27 об., 29, 29 об., 30 об.; Оп. 1. Д. 427; ГАВО. Ф. 152. Д. 21. Л. 58 об. и далее.

¹⁴ ГАВО. Ф. 152. Д. 18, 19.

¹⁵ СПбИИ РАН. Ф. 271. Оп. 2. Д. 127. Л. 7.

¹⁶ Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: Сб. документов. М.; Л., 1960. № 25. С. 55.

¹⁷ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1660 гг. М.; Л., 1979. С. 43. С увеличением в XVII в. четверти в два раза четверик сохранил свой объем, и в тотемской 8-пудовой четверти считалось 4 четверика, а не 8 (См. выписку из отчета головы казенного соляного промысла в Тотьме. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. С. 126–127).

¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 61. Д. 24. Л. 50 об.; РГАДА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 28. Л. 25–26.

¹⁹ СПбИИ РАН. Ф. 271. Оп. 2. Д. 269.

²⁰ ГАВО. Ф. 512. Д. 115. Л. 13.

²¹ Каменцева В. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. С. 127. Авторы работы считают как тотемскую, так и московскую четверть этого времени шестипудовой, но включающей в себя 8 четвериков. Это, по-моему, явно противоречивое утверждение, так как четверик был самостоятельной мерой, образцы его рассылались из Москвы и списки с них делались на местах. В районах, где отношение приимочной и раздаточной казенных мер было как 4:3, первая была в 8, а вторая – в 6 четвериков, как, к примеру, в Путивле (См.: Новомбергский Н. Очерки внутреннего управления в Московской Руси XVII столетия: Продовольственное строение. Материалы. Т. 1. Томск, 1914. № 209, 210. С. 13, 234).

²² АЮ. № 426. С. 460–461 (1656 г.).

²³ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. С. 126.

²⁴ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. С. 67–68. Сравн.: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. С. 53–54, 116–117.

²⁵ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Т. 1. Д. 129. Л. 40 об.

²⁶ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Т. 1. Д. 489. Л. 25 об., 27.

²⁷ Там же. № 570. Л. 5 – 5 об.

²⁸ Русско-шведские экономические отношения. № 27. С. 57.

²⁹ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. С. 124.

³⁰ В 1684 г. мера Антониево-Сийского монастыря была 4-пудовой (см.: ИА. Т. 8. М., 1953. № 79. С. 183–184).

³¹ На 25 июля 1675 г. у монастырского приказчика Керетской волости Ионы в расходе оказалось хлеба 614,5 четей «в кемскую меру, а в вологоцкую меру 471 четвь с осминою и полуосминою» (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 93. Л. 106 – 106 об.).

³² Монастырский приказчик Кемского городка Никита в 1675 г. принял «в вологоцкую меру 200 чети ржи, а в монастырскую дворовую меру 300 четей». Стрельцам городка и Кольского острога он выдавал «месячного корму ... в стрелецкую раздаточную меру изошло 170 четвертей с осминою и с полуосминою, в монастырскую казенную раздаточную дворовую меру 134 четверти с осминою и с полуосминою и с четвериком и полчетверика» (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 98. Л. 11–12; См. также: Л. 10 об., 16, 17).

³³ В Сибири восьмипудовая четверть вводится с 1680-х гг. (Шунков В. И. Меры сыпучих тел в Сибири в XVII в. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М., 1952. С. 166–171; Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. С. 111).

Раздел II
Заволочье и Вологда.
XII-XV вв.

Об историко-географическом понятии «Заволочье»*

Новгородская летопись сообщает о гибели князя Глеба Святославича следующее: «Убиша за Волоком князя Глеба, месяца мая в 30 день»¹. «Повесть временных лет» уточняет, что князь Глеб в 1078 г. был убит в Заволочье².

Итак, Заволочье находилось за волоком. Это суждение у историков не вызывает сомнений. Но понятие «волок» было очень широко распространено на Руси. По разысканиям Н. П. Барсова, «волоком обозначался преимущественно лесистый водораздел между северными притоками Волги... с одной стороны, и Озерной областью... и Беломорским бассейном с другой»³. «Местности с названиями, напоминающими волок», по данным Н. П. Барсова, встречаются в верховьях Днепра, Западной Двины, Волги и по Северной Двине с ее притоками⁴. Эта широта понятия «волок» привела к различным толкованиям историками понятия «Заволочье».

По мнению Н. П. Барсова, «бассейн Онеги, Северной Двины, Мезени и Печоры уже в XI в. носили название Заволочье»⁵. Несколько уже представлял границы Заволочья В. О. Ключевский. Он писал: «За пятинами Обонежской и Бежецкой простиралась на северо-восток волость Заволочье. Она... находилась за волоком, обширным водоразделом, отделяющим бассейны Онеги и Северной Двины от бассейна Волги»⁶. Таким образом, Заволочье, по мнению В. О. Ключевского, – бассейны рек Онеги и Северной Двины. М. М. Богословский⁷ и А. Н. Насонов⁸ считали Заволочьем только территорию, расположенную в бассейне Северной Двины и ее притоков.

Суждение о том, что Заволочье находилось за волоком, безусловно, верно. Однако далеко не все, что находилось за волоком, называлось Заволочьем. Заволочье XI–XV вв. – это не просто какая-то территория, а территориально-административная единица Новгородской феодальной республики, что иногда игнорировалось историками. Подчас не принималось во внимание и то, что термин «Заволочье» бытовал на протяжении нескольких столетий (XI–XVII вв.) и, естественно, мог претерпеть различные изменения.

Обратимся к данным летописей и других исторических документов. Древнерусский летописец из народов северного финского мира называет заволоцкую чудь, пермь, печеру, ямь, югру⁹. Мнение Н. П. Барсова, что заволоцкая чудь лишь собирательное имя финских племен, населявших Заволочье, а именно: перми, печеры, ями, югры¹⁰ кажется мало основательным. Это отмечал в рецензии на труд Н. П. Барсова еще Е. Е. Замысловский¹¹.

В договорных грамотах Великого Новгорода с князьями названы следующие северные волости боярской республики: «Вологда, Заволочье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печора»¹². Из этого перечня ясно, что Заволочье – совершенно самостоятельная область. К этой области не относятся ни Вологда, ни Пермь, ни Печора, ни Тре, географическое положение которых не вызывает

* Впервые опубликовано: Проблемы истории феодальной России: сб. статей к 60-летию профессора В. В. Мавродина. Л., 1971. С. 103–109.

сомнений. Волости Колоперемь, Заволочье, Югра могли занимать лишь районы Заонежья, Ваги и нижнего Подвинья¹³.

Источники XIV–XV вв. дают два толкования термина «Заволочье»: 1) территория, расположенная по нижнему течению Северной Двины и ее левому притоку Ваге; 2) только бассейн р. Ваги с ее притоками.

В рассказе о событиях 1342 г. в Новгородской I летописи Заволочье отождествляется с Двиной: «Лука Валфромеев... поеха за Волок на Двину, и постави городок Орлиц, и скопивши емцан и взя землю Заволочкую по Двине»¹⁴. Подобное толкование Заволочья дается этой летописью и под 1398, 1401 и 1417 гг.¹⁵ Термин «Двинская земля», или просто «Двина», стал известен по письменным памятникам лишь с XIV в.¹⁶ В послании новгородского архиепископа Иоанна на Двину южной границей Двинской земли названа р. Емца¹⁷, в «Уставной Двинской грамоте» конца XIV в. – Нижняя Тойма¹⁸.

Софийская I летопись под 1471 г. сообщает, что московские войска на Двине «побиша слугу их (новгородцев. – Ю.В.) князя Василия Шуйского, да и их людей новгородских и *двинских* и корельских и заволоцких¹⁹ (курсив наш. – Ю.В.). В данной записи уже нет отождествления Двины и Заволочья. Понятия эти различаются. То же нужно сказать о духовной Ивана III. Он завещает сыну Василию «Заволотцкую землю всю, Онегу и Каргополь и все Поонежье, и Двину и Вагу и Кокшеньгу и Вельский погост и Колмогоры и всю Двинскую и Заволотцкую землю»²⁰. Из данной записи ясно, что под Заволочьем (в узком смысле) здесь понимается Вага, Важская земля²¹. В «Житие Варлаама, пинежского чудотворца...» (более известен как Варлаам Важский) Вага также отождествляется с Заволочьем. «Житие...» сообщает, что новгородский посадник Василий Степанович, взяв жену и детей, переселился из Новгорода «во свою отчину на Вагу, в Заволочие глаголемое»²².

Попытаемся выяснить причину двойственного понятия Заволочье.

В X–XI вв. начинается постоянное движение новгородцев на Север. Их путь должен был проходить через Белоозеро и бассейн р. Ваги, так как более северный путь через Онегу находился в руках независимой тогда еще от Великого Новгорода Ладоги²³. Ладожане, вероятно, не без содействия варягов проложили путь на Север в районы Подвинья и Печоры²⁴. Именно поэтому, на наш взгляд, первые известия о Севере записаны в летописи со слов ладожан²⁵.

А. Н. Насонов отмечал, что ряд походов новгородцев в XI–XII вв. на емь был направлен на Север. Так, в 1042 г. один из таких походов был осуществлен князем Владимиром Ярославичем. Новгородцы «плени множество емы», но поход был довольно труден: «Помроша кони у воев Володимеровых, яко еще дышащим конем, сдираху кожи с них живых, толик мор бысть на кони»²⁶. В 1079 г., как уже упоминалось ранее, погиб в Заволочье князь Глеб Святославич, изгнанный из Новгорода. А. Н. Насонов относит эти походы к р. Емце²⁷. Не указывает ли Конядернина речка, приток Кокшеньги, известная еще по актам XV в.²⁸, на путь князя Владимира Ярославича, когда новгородцы «еще дышащим конем сдираху кожи».

В первой половине XII в. новгородцы имели на Ваге уже ряд погостов: Усть-Вага, Пуйте, Чюдин, Вель²⁹.

Вага сохраняет административно-территориальную самостоятельность от Двины вплоть до XVIII в., когда Двинской и Важский уезды вошли в Архангелогородскую губернию. «Уставная Двинская грамота» конца XIV в. ничего не говорит о Ваге. В период самостоятельности Великого Новгорода Вага, как и

Двина, управлялась посадниками из числа великих новгородских бояр. Так, исследователь истории Ваги М. Н. Мясников сообщает, что Василий Матвеевич, известный покупкой земель Шенкурского погоста³⁰, был важским посадником³¹. По М. Н. Мясникову, и Василий Степанович, впоследствии Варлаам Важский, прежде чем стать посадником Великого Новгорода, посадничал на Ваге³². О существовании важских посадников говорят и летописи. В 1401 г. Анфал Никитин и Герасим Рострига «на Двинскую землю за Волок наехав безвестно, повоевали и посадников поймали. И посадник важьския и важаны скопившеся, и придоша на них на Кольмогорах на Анфала и на устюжан, и бишася с ними, и вышиба бояр новгородских»³³. Сопоставляя эту запись с сообщениями о тех же событиях Новгородской летописи, можем считать, что двинскими посадниками в это время были Есиф Филиппович и Наум Иванович, а важскими – Степан Иванович, брат его Михаил и Микита Головня³⁴.

Вот эта самостоятельная новгородская волость и называлась первоначально «Заволочьем». С подчинением нижнего Подвинья непосредственно Новгороду термин «Заволочье» постепенно распространяется и на эту территорию, но старое понятие «Заволочье» еще живо. Вот чем объясняется двойственность в употреблении этого термина в XIV–XV вв. Из этого следует и тот факт, что на Ваге этот топоним бытовал в географических названиях до XX в.

Сотная 1632 г. с дозорных книг Якова Бобарыкина и подьячего Федора Степанова 1620–1621 гг. на Шенкурский стан называет в Шенкурском стане Заволочье по р. Поче, правому притоку р. Ваги: «В Заволочье вверх реки Почы д. Ядреевская..., д. Софоновская..., д. Худяковская..., д. Роговская..., д. Сергеевская..., д. Болтина»³⁵. По всей вероятности, Заволочье представляет здесь волостку. Другое Заволочье находим в верховьях р. Сулонды, левого притока Ваги³⁶. На Двине подобных названий неизвестно.

Какие финские племена новгородцы называли заволоцкой чудью?³⁷

На этот вопрос дать бесспорный ответ пока нет возможности, но первоначально под этим этнонимом понималось население Ваги. О населении этого края можно высказаться лишь предположительно, основываясь на данных топонимики. По р. Ледь и, вероятно, к северу до р. Емцы расселялась емь (Емская гора на р. Ледь. Тут же озеро Емзо.)³⁸. Южнее р. Ледь, возможно, расселялась весь. На наш взгляд, такие топонимы этого края, как Волотовицы, Волотовицкий ручей³⁹, Перевеская⁴⁰, Ногавицевская⁴¹, Долговицкий⁴², Мадовицы – Мадовесь⁴³, также многозвучны, как и топонимы Белозерья: Череповесь, Луковесь, Весьегонск и другие, которые, бесспорно, указывают на свою связь с народом весью.

Вероятно, в IX–X вв. емь и весь расселялись значительно западнее, вплоть до прибалтийской чуди. В летописной записи «имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери, и на всех, и на кривичах» С. М. Соловьев читал на всех, как на веси⁴⁴. Такое чтение, возможно, имеет под собой реальное основание. Во всяком случае местность Еменьца упоминается в Новгородской I летописи в Полоцком княжестве, недалеко от границ с Новгородской республикой⁴⁵. По всей вероятности, от веси получил свое название Людин конец Великого Новгорода (аналогично: Словенский конец – словене, Неревский конец – норова, чудь). По разысканиям Д. В. Бубриха, «людики» – собственное название веси⁴⁶. Территория же от Великого Новгорода до Сухоны изобилует топонимами весского происхождения⁴⁷.

Подведем итоги. В XI–XIII вв. термин «Заволочье» обозначал новгородскую волость по р. Ваге. В этот период племена весь и емь, жившие в Заволочье, новгородцы называли заволоцкой чюдью, в отличие от веси, жившей в Озерной области.

В XIII–XIV вв. название «Заволочье» распространяется и на нижнее Подвинье, называемое собственно Двиной или Двинской землей.

В XIV–XV вв. термины «Заволочье» и «Двина» нередко заменяют друг друга, обозначая Двинскую и Важскую земли вместе.

С присоединением Великого Новгорода и его владений к Москве понятие «Заволочье» становится еще более широким, обозначая Поонежье, Двину с Вагой и земли к востоку от Двины до Печоры⁴⁸.

В XVI в. термины «Двина» и «Вага» преобразуются в названия уездов.

Топоним «Заволочье» бытует до XVII в., но уже в XIV в. чаще фигурирует более широкое понятие «Поморье»⁴⁹, относившееся ко всему северу Европейской части Московского государства: Кольскому полуострову, Заонежью, Северной Двине со всеми ее притоками и Печорскому краю. Нередко к Поморью относили еще Вятку, Пермскую землю и ряд других городов⁵⁰.

Объединение такой огромной территории под одним названием объясняется рядом причин. 1. Большинство этих территорий находилось к северу от центра, по направлению к океану (Студеному морю)⁵¹. 2. Все они перешли к Москве от Новгородской боярской республики⁵². 3. Их объединяла общность экономической жизни, связанной с единственным тогда для России «окном в Европу» – Белым морем. Как отмечал М. Н. Тихомиров, «морская торговля с Западной Европой и морские промыслы определяли торговую и ремесленную деятельность населения крупных северорусских городов»⁵³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НПЛ. С. 18, 201.

² Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Л., 1926. С. 193.

³ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 17.

⁴ Там же. С. 219–220.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Ключевский В. О. Соч. Т. 2. М., 1957. С. 57; См. также: СИЭ. Т. V. М., 1964. С. 586.

⁷ Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909. С. 4–5.

⁸ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 101. Автор, хотя и вскользь, считал возможным говорить о Заволочье в смысле Важской области (Там же. С. 106–107).

⁹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. С. 10, 206.

¹⁰ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. С. 39.

¹¹ Отчет о семнадцатом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1875, С. 88.

¹² ГВНП. № 1. С. 9 и др.

¹³ Волость Колоперемь (Голопъррьмь) упоминается лишь в договорных грамотах 1264 г. и 1304–1305 гг. (ГВНП. № 1. С. 9; № 7. С. 17). В историко-географической литературе нахождение этой волости невыяснено. Может быть, ее следует локализовать в районе Онежской губы, поскольку в перечне волостей она названа между Заволочьем и Тре. Вероятно позднее, в XIII–XIV вв., она вошла в расширяющуюся

территорию Обонежского ряда и потеряла свою самостоятельность. Интересен и тот факт, что только в древнейшей из дошедших до нас договорной грамоте волость Югра помещена ранее Печоры. В остальных грамотах сначала названа Печора, потом Югра (ГВНП. № 1. С. 9; № 2. С. 11; № 3. С. 12; № 6. С. 15 и др.). На наш взгляд это не случайно. В древнейшем перечне северных финских народов югра названа летописцем рядом с емью. Последняя, как известно из «Устава князя Святослава», расселялась в XII в. по р. Емце (Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 19, 28; Насонов А. Н. «Русская земля». С. 104, 122). Не скрывается ли под названием волости Югры XIII в. Нижнее Подвинье?!

Н. П. Барсов локализирует народ югру этого периода между Сухоней и Вычегдой (Барсов Н. П. Очерки. С. 54). О наличии в древности югры в этом крае говорит и топонимика нижнего Подвинья: реки Мудьюга и Юра, о-ва Мудьюг и Ягры. Да и происхождение таких названий, как Матигоры и Холмогоры, о которых в исторической литературе было множество самых различных толкований, на наш взгляд, кажется связанным с названием этого племени. Колмегра – Колмогры – Холмогоры и аналогично Матегра – Матигра – Матигоры. Именно таким представляется нам исторический путь этих топонимов. И если наше предположение верно, то название Холмогоры не приходится связывать ни с Гольмгардом, ни с холмами и горами. Колмегра – островная югра (егра), от колт – остров. Вероятно, под натиском славян в XI–XII в. югра движется на восток, а в XV в. мы видим ее уже за Уралом. Народ ушел на другую территорию, а вместе с собой «унес» в новые края и название волости Югра. Это название находим в договорных грамотах Великого Новгорода, относящихся к последним годам существования его независимости (ГВНП. № 22. С. 40; № 26. С. 47).

¹⁴ НПЛ. С. 355.

¹⁵ Там же, С. 391 – 393, 396, 407. См. также: ГВНП. № 221. С. 244–245.

¹⁶ Лишь летописи, восходящие к XV в., говорят о событиях на Двине в более ранний период (Псковская II летопись Псковские летописи, Вып. 2. М., 1955. С. 19; Летопись Авраамки. ПСРЛ. Т. XVI. СПб., 1889. С. 45).

¹⁷ См.: Насонов А. Н. «Русская земля». С. 104.

¹⁸ ГВНП. № 88. С. 144–146. Подробнее о границах Двинской земли см.: Насонов А. Н. «Русская земля». С. 101–106.

¹⁹ ПСРЛ. Т. VI. Стб. 1853. С. 15.

²⁰ ДДГ. № 89. С. 357.

²¹ О более широком понятии Заволочье см. ниже.

²² РО БАН. Архангельское собр., № 351. Л. 204 об.

²³ Насонов А. Н. «Русская земля». С. 104, 115.

²⁴ На связь Подвинья с Ладогой и Норвегией указывают скандинавские саги (Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906). О разрешении норвежцам торговать с Заволочьем специально оговорено в мирном договоре Новгорода с Норвегией 1326 г. ГВНП. № 39. С. 70.

²⁵ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. С. 167, 368–369; 197; 400.

²⁶ ПСРЛ. Т. V. С. 137.

²⁷ Насонов А. Н. «Русская земля». С. 104.

²⁸ ГВНП. № 111. С. 170; № 278. С. 278.

²⁹ Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. С. 20, 28–29. По всей вероятности, погосты Лигуй и Вавдит нужно также локализовать в бассейне Ваги, так как они перечислены среди погостов этой области: Усть-Вага, Пуйте, Чюдин, Лигуй, Вавдит, Вель. Может быть, там же сле-

дует локализовать погосты «у Еми» (ср.: Ямская гора на р. Ледь, левом притоке Ваги. ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 94. С. 73) и «Порогопустец» (ср.: д. Перегородинская, Порожская – Порог, Пустая) (см.: Список населенных мест Архангельской губернии на 1-е мая 1922 г. Архангельск, 1922. С. 147. № 2414; ср.: ПРП, Вып. II. М., 1953. С. 121).

³⁰ ГВНП. № 279. С. 279 – 280.

³¹ Мясников. М. Историческое описание Ваги и г. Шенкурска // ОЗ. Ч. 37. 1829. С. 390.

³² Там же. ОЗ. Ч. 38. С. 234, примечание.

³³ Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 68.

³⁴ НПЛ. С. 396.

³⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 139 об., 140.

³⁶ Список населенных мест Архангельской губернии. Архангельск, 1918. С. 46, № 238 и С. 47. № 242. Вероятно, это Заволочье за Мошей имели в виду А. М. Шегрен и Е. К. Огородников (Е. К. Огородников. Прибрежье Ледовитого и Белого морей с их притоками по книге Большого Чертежа. СПб., 1877. С. 15).

³⁷ На этот вопрос давались самые разные ответы. А. М. Шегрен и М. А. Кастрен отождествляли заволоцкую чужь с емью, Д. П. Европеус и П. С. Ефименко – с югрой, К. Тиандер – с карелами, Д. В. Бубрих – с весью.

³⁸ СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 158 об., 162.

³⁹ Там же. Л. 142 об.

⁴⁰ Список населенных мест Архангельской губернии. Архангельск, 1918. С. 46 № 238.

⁴¹ СПб. ИРИ РАН. Д. 115. Д. 311. Л. 158 об.

⁴² Список населенных мест Вологодской губернии. СПб., 1866. С. 332. № 9618.

⁴³ ГВНП. № 111. С. 170, № 278. С. 277; Список населенных мест Вологодской губернии. С. 331. № 9577.

⁴⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. М., 1959. С. 127, 302.

⁴⁵ НПЛ. С. 38.

⁴⁶ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 30, 40.

⁴⁷ Кузнецов С. К. Русская историческая география. М., 1910. С. 151–163.

⁴⁸ ДДГ. № 89. С. 56, 57; № 104. С. 437, 438.

⁴⁹ Данный термин первоначально, по-видимому, обозначал лишь побережье Онежской губы Белого моря (Титов А. А. Двинская летопись. М., 1889. С. 19, 27).

⁵⁰ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 147–152, 158–168; Книги разрядные, Т. I. СПб., 1853. С. 195–196; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 4–5.

⁵¹ Именно так объясняет это название автор «Повести о князе Василии Скопине-Шуйском»: «Полуношной Северной страны... жители белозерцы и вологжане, каргопольцы и Устюжная Железная, и прилежаще к Студеному морю: Устюга Великого, и Двина, и Вага, и Вычегда, и вся Поморская страна» (РИБ. Т. 13. СПб., 1907. С. 1327).

⁵² Интересна в этом отношении запись в «Царской грамоте двинским таможенным целовальникам...» (1588 г.): «А кто двиняны или инородец Поморских городов и волостей всее Новгородские земли, купив соль или продав, взвесит, и пудовщиком имати весчею с рубли по две денги» (ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 338. С. 408–409).

⁵³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 227.

К вопросу о двинских боярах XIV–XV вв.*

В исторической литературе существует мнение, что до восстания на Двине 1397–1398 гг. значительная часть земель на северо-востоке Новгородской боярской республики (в Двинской и Важской землях) принадлежала двинским боярам.

Летописные данные, относящиеся к событиям XIV–XV вв., действительно говорят о двинских посадниках, а акты XIV–XV вв. – о двинских боярах.

Вопрос о природе двинских бояр имеет принципиально важное значение, так как связан с выводами об организации управления новгородскими волостями – землями, о характере землевладения и степени дифференциации крестьянского мира на Севере в XIV–XVI вв. и т. п.

Впервые, если не ошибаемся, двинских бояр характеризовала А. Я. Ефименко. Она писала: «Они не были такими значительными собственниками, как бояре новгородские... Двинские бояре, местные богатые земцы, держали в своих руках управление краем, как новгородские бояре – управление Новгородом»¹. Однако А. Я. Ефименко не приводит никаких доказательств в подтверждение своих суждений. Ее взгляды на двинских бояр позднее разделяли А. А. Шахматов, М. М. Богословский² и ряд других историков, но и в их работах также нет анализа данного вопроса.

В конце 1920-х гг. этой проблеме посвятил интересное исследование С. В. Рождественский³. Разбирая летописное известие о восстании на Двине 1397–1398 гг., он ставил перед собой задачу выяснить: «Кто же такие были двинские бояре, устроившие восстание в 1397 г.? В каком отношении находились они к собственно новгородскому боярству, всегда ревниво охранявшему целостность Новгородского государства?...»⁴. Сославшись на высказывания о двинских боярах М. М. Богословского и С. Ф. Платонова, С. В. Рождественский делает вывод, что двинские бояре – «местные, более или менее крупные землевладельцы, собственники промыслово-торговых предприятий, вышедшие из среды местного, черного, волостного населения»⁵. Далее он подкрепляет свой вывод сносками на ряд известных актов, лишь упоминавших двинских бояр, – и вопрос решен окончательно. Таким образом, С. В. Рождественский уже в начале исследования аргументированно вкладывает в понятие «двинские бояре» тот смысл, который придается ему в выводе. Это мнение о двинских боярах получило общее признание⁶.

Однако обратимся к источникам. Прежде всего, остановимся на понятии «двинской посадник». Новгородская первая летопись из их числа называет Есифа Филипповича и Наума Ивановича (1401 г.), Якова Степановича (1411 г.). Сама же летопись и дает ответ на вопрос, кто же были эти посадники. Так, в 1401 г. Анфал Микитин да Герасим Рострига повоевали Двинскую землю, «а Ондreja Ивановича и *посадниковъ двинских* Есифа Филипповича и Наума Ивановича изымаша. И Степанъ Иванович, брат его Михаил и Микита Головня, скопив около себе важанъ и сугнавъ Аньфала и Герасима, и бишася с ними на Колмогорах,

* Впервые опубликовано: материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вологда, 1976. Вып. 1. С. 5–21.

и отняша у них бояр новгородских Андрея, Есифа, Наума⁷ (курсив наш. – Ю. В.). Ряд двинских посадников, известных по двинским актам, также новгородские бояре⁸. Таким образом, видим, что данные посадники названы двинскими лишь потому, что они посаждают на Двине, но это явно новгородские бояре⁹. Известные нам важные посадники также являлись новгородскими боярами¹⁰.

Теперь попытаемся выяснить, кто же стоял во главе восстания на Двине в 1397–1398 гг.

Новгородская первая летопись о руководителях этого восстания сообщает следующее: «И двиняне Иван Микитинъ и бояре двиньскыи и вси двиняне за великыи князь заделеса, а ко князю великому целоваша крест». Далее Иван и Конан названы двинскими воеводами и «заволочкыми»¹¹. И они были таковыми, поскольку посадили на Двине. Однако само название «двинские», как мы видели, еще не дает нам права считать их местными боярами. Разобраться в этом вопросе помогает Устюжский летописный свод. В нем под 1360 г. есть следующее известие: «Болярин Великаго Новагорода Анфал Микитин ходил ратью на Кумада, взял город Жукотин и много бесермен побил»¹². Последствием похода новгородской вольницы был приход на Русь татарских послов¹³. Важные дополнения о руководителях восстания на Двине содержит этот свод и в описании событий 1397–1398 гг. Летопись сообщает, что новгородцы, взяв после длительной осады Орлецы, «воевод заволочких Иванна и Конана з дружиною их измыша, а иных смертью казниша, а Ивана и братью его, Анфала, и Герасима, и Родиона, сковавше, с собою поведоша к Новугороду, занеже те бояр новогородския ж и отводили землю Двинскую за великаго князя»¹⁴.

Исходя из этих записей, не приходится сомневаться, что руководители восстания действительно были истинно новгородскими боярами.

Чем же объяснить такой, казалось бы, противоречивый факт, что новгородские бояре поднялись против Великого Новгорода? События на Двине 1397–1398 гг., безусловно, вызваны ростом авторитета и влияния на судьбы страны Московского княжества и московских князей. Другой причиной этих событий является стремление отдельных новгородских бояр к переделу владений на Двине и Ваге. Именно это и произошло в ходе восстания. Свидетель двинских событий конца XIV в. владычен волостель Исаия с важского погоста Вель сообщил новгородским воеводам, что «Иванъ и Кононъ с своими други волости новгородскыи и бояр новгородскых поделиша собе на части»¹⁵.

Решить вопрос о перераспределении земельных владений между новгородскими боярскими родами внутри республики было невозможно. Одна из таких попыток закончилась гибелью знатнейшего новгородского боярина Луки Варфоломеевича, который в 1342 г., «не послушав Новаграда, митрополища благословения и владычня, скопивъ съ собою холоповъ збоевъ, и поеха за Волок на Двину, и постави городокъ Орлицъ, и скопивши емчанъ, и взя землю Заволочкую по Двине, все погосты на щит»¹⁶. Крепость Орлецы на Двине возникла как центр боярской вотчины Мишиничей-Онцифоровичей. Строительство крепости не может рассматриваться как государственное дело, так как, по выражению летописца, само предприятие проводилось без новгородского благословения. Не случайно Лука опирался на емчан, т. е. жителей по р. Емце. Актовый материал не дает нам прямых данных о владениях этих бояр в Подвинье, но зато об этом говорит топонимика. Еще в XIX в. р. Курья носила название Бояр-Курья, а по ней располагались деревни Анцифоровская и

Вахрамеевская (близ Матигор)¹⁷. О том, что целью похода Луки было стремление к переделу владений на Двине, говорит и та внутрибоярская борьба, которая развернулась в Новгороде после гибели Луки Варфоломеевича¹⁸. Сын его Онцифор «отходил на Вагу»¹⁹, вероятно, для пополнения дружины в вотчине своего дяди Матфея Варфоломеевича Козки²⁰. Матфей Варфоломеевич известен как новгородский посадник середины XIV в. Список новгородских посадников относит к числу их и сына Козки – Никиту²¹. В конце XIV в. внуки Матфея Козки – двинские посадники избрали своей резиденцией для посадничества Орлецы, перешли на сторону Москвы и возглавили восстание против Новгорода. Крепость оставалась, как и полвека назад, центром феодальной вотчины, и не являлась центром Двинской земли²².

Таким образом, руководителями восстания на Двине 1397–1398 гг. являлись новгородские бояре из известного рода Мишиничей²³.

Ряд актов указывает на наличие в XIV–XV вв. двинских бояр. Так, в «Списках двинских земель» 70-х годов XV в. отмечается, что земли в низовьях Двины «искал... Лука Строганов на Есипе на Ондrejaнове, да на Иване на Григорьеве, на всех боярах на двинских»²⁴. На этот документ ссылалась А. Я. Ефименко, говоря о двинских боярах²⁵. На нем же основывается следующее высказывание С. Ф. Платонова: «Если боярский захват особенно характерен для областей по южному и западному побережью Белого моря, то на реке Онеге и С. Двине уже в глубокой древности заметны более демократические организации – волости и погосты с населением из местных «двинских бояр» и простых землевладельцев. Особенно на Северной Двине и ее левых притоках был силен крестьянский мир, и было относительно слабо воздействие новгородской знати»²⁶.

Воссоздать картину землевладения в XIV–XV вв. на Двине, Емце и Ваге, ввиду недостаточности письменных источников, довольно трудно. Особенно осложняет дело почти полное отсутствие писцовых книг первой половины XVI в. Однако на помощь приходит актовый материал и писцовые книги позднего времени. Большим подспорьем являются и данные топонимики. Постараемся восстановить картину боярского землевладения в интересующих нас районах²⁷.

На Двине и Емце были значительные владения Емецких. А. И. Копанев считает данных Емецких, ссылаясь на их фамилию, выходцами из двинских, местных, бояр²⁸. Однако известно, что нередко землевладельцы получали приставки-фамилии по названию мест, где находились их вотчины. В первую очередь это относится к княжеским родам. Среди новгородских бояр известны Заволочаниновы-Соломбальские-Амосовы, Едемские, Ровдицкие, Свинорецкие, Шенкурские и другие. Один из данных Емецких, Дементий Андреев, в числе других новгородских бояр встречал в 1476 г. в Новгороде Ивана III²⁹. Это, безусловно, говорит о том, что Дементий Андреев – представитель высших кругов новгородского боярства, и Емецким он стал, надо полагать, не по своему происхождению из «бояр» с р. Емцы, а лишь потому, что его основные вотчины находились на р. Емце³⁰. Тимофей и Гордей Лукины и их племянники, Афонасий Андреев сын Лукин³¹ с братьями, по всей вероятности, – родственники новгородского боярина Дементия Андреева Емецкого³².

На Емце же имели несколько волостей и своеземцы Василий и Якуш Остафьевы и «Марья Федорова жена Остафьева». А. И. Копанев их также считает «местными феодалами-своеземцами», вышедшими из богатых крестьян³³.

Однако мы склонны считать их детьми новгородского боярина Остафия Григорьева. «Списки двинских земель» называют на Емце четырех вотчинников: Есипа Горшкова, Ивана Григорьева, Остафия Григорьева и Дементия Андреева³⁴. В «Сотной Емецкого стана», опубликованной А. И. Копаневым, названы владения Дементия Андреева и других Емецких, Настасьи Ивановы жены Григорьева, из Горшковых – Никиты Есипова и Офимьи Ивановы жены Горшкова³⁵. Естественно считать Василия, Якуша и Федора Остафьевых детьми Остафия Григорьева, который сам не отмечается в сотной. Федор и Василий Остафьевы на правах земцев также имели земли и в Вотской пятине³⁶.

Источники дают неполную картину боярского землевладения на Двине и Ваге. Однако и имеющиеся данные показывают (см. карты), что земли по Ваге и в южной части Двинской земли (Емецкий стан, по терминологии XVI в.) почти полностью находились в руках новгородских бояр. Значительно число вотчин новгородских бояр и в бассейне самой Двины, как в Важской, так и в Двинской землях (см. «Список новгородских бояр, имевших вотчины на Ваге» и «Список новгородских бояр, имевших вотчины на Двине»). Оформление новгородских боярщин на Ваге и Двине, по имеющимся данным, начинается не позднее XIII–XIV вв.³⁷

Приведенные данные дают право считать мнение С. Ф. Платонова о незначительности владений новгородских бояр в этих районах явно несостоятельным.

Грамота великого князя Ивана Даниловича о владении Печорской стороной (1328–1341 гг.) обращена «къ двинскому посаднику на Колмогоры, и к боярамъ двинскимъ». Лишь на двинских бояр указывает и «Уставная грамота Двинской земле» 1398 г.³⁸ Очень странно, что эти грамоты ничего не говорят о новгородских боярах на Двине. Было бы нелепо думать, что новгородские бояре не играли там никакой роли или вообще отсутствовали. «Списки двинских земель» отмечают, что земли от Орлеца вниз по Двине искал Лука Строганов «на Есипе на Ондраянове да на Иване на Григорьеве, на всех боярех двинских»³⁹. Однако и эти два вотчинника и указанные нами – представители новгородского боярства. На наш взгляд, эти факты еще раз подчеркивают существование на Двине лишь одного вида боярства и именно новгородского. Акты, подобно летописям, называют новгородских бояр, в связи с местонахождением их вотчин, двинскими. К тому же боярская корпорация была довольно замкнутой и вряд ли в нее могли быть включены местные двиняне, хотя бы и состоятельные. (См. «Список новгородских бояр, имевших вотчины на Двине»).

С присоединением Севера к Москве новгородское боярское землевладение на Двине и Ваге было ликвидировано. Однако ряд бывших бояр в качестве своеземцев сумел сохранить за собой часть своих владений. К числу их относятся Едемские на Ваге⁴⁰, Емецкие и Остафьевы в Емецком стане. Подобные своеземцы были и в низовьях Двины. Из старого рода новгородских бояр вышли Амосовы, Мартемьяновы и Настасьины⁴¹. Из их числа в московское время на Двине видим Семена и Вахрамея Мартемьяновых, пять сыновей Федора Мартемьянова. Наиболее состоятельными из этого рода в московское время были Амосовы. Амос Иванов Заволочанинов на правах своеземца имел земли в Копорском уезде Вотской пятины⁴². Дети его известны как двинские своеземцы Амосовы-Соломбальские. (См. «Родословную Мартемьяновых, Амосовых и Настасьиных по актам XV–XVI вв.»). Из среды новгородских бояр, по всей вероятности, вышли Чевакины и Кологеровы⁴³. И, вероятно, не случайно на Двине в начале XVI в. видим фами-

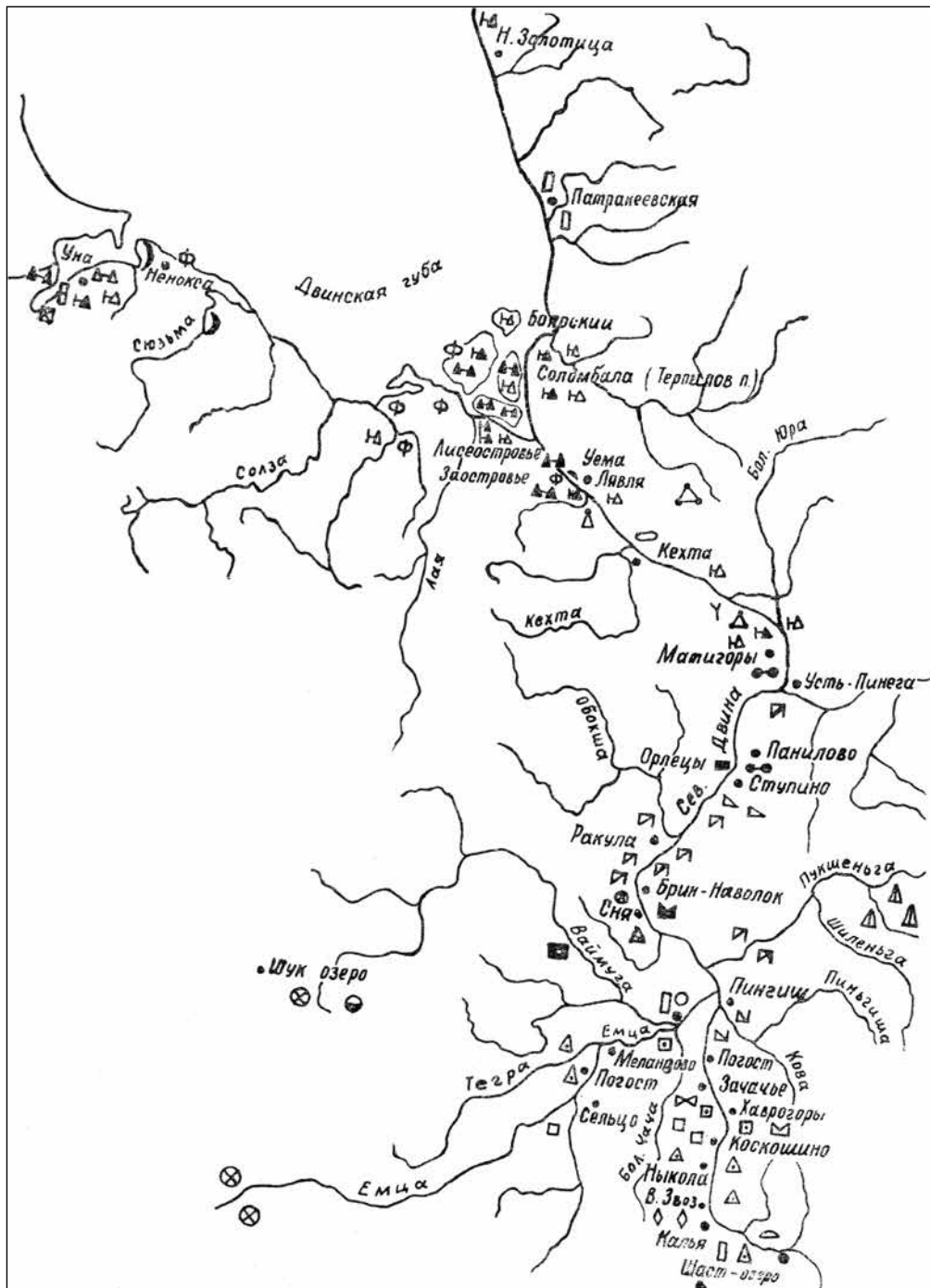
Владения новгородских бояр на Ваге

Приложение. Список новгородских бояр, имевших вотчины на Ваге

Условный знак на карте	Владелец	Источники	Условный знак на карте	Владелец	Источники
	Афанасий Федорович	ГВНП. № 110; ГААО. Ф. 692-1. Д. 36-а. Ревизские сказки. 1858 г.		Новгородский дом св. Софии	НПЛ. С. 391 - 392; АСЭИ. Т. III. № 16.
	Борецкий Исаак Андреевич	НПЛ. С. 407; Исаковская, Великодворская и Андреевская – СПБИИ РАН. Ф. 115. Д. 306. Л. 107, 143 об.		Сарский Труфан Юрьевич	ГВНП. № 110; ГААО. Ф. 692-1. Д. 36-а.
	Грузовы	ГААО. Ф. 692-1. Д. 36-а.		Селезнев Василий (Губа)	АСЭИ. Т. III. № 16; СПБИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 2. Л. 567 об.
	Василий Остафьевич	АСЭИ. Т. III. № 16; ГВНП. № 281;		Тучины Михаил и Григорий	АСЭИ. Т. III. № 16.
	Василий Тимофеевич и его брат Клементий (братья В. Важского)	СПБИИ РАН. Ф. 115. Д. 312. Л. 12, 36 об., 52, 64.		Шенкурские: Василий Степанович (Варлаам Важский); Владимир	ГВНП. 110, 111, 278, 280; «Житие Варлаама Важского»; РГАДА. Ф. 1271. Д. 76. Л. 80 об. Экономические ведомости 1785 г.
	Едемский Федор Остафьевич и его сын Василий	ГВНП. № 111, 278; СПБИИ РАН. Ф. 11. Оп. Барсукова. 32. II. Л. 66 – 66 об.; ОР РНБ. Общ. собр. грамот. Д. 222. Сотная 1620 г.; АСЭИ. Т. III. № 16.		Иван Васильевич	ГВНП. № 278, 281; АСЭИ. Т. III. № 16; РГАДА. Ф. 1271. Д. 76. Л. 20 об.
	Есип Федорович	АСЭИ. Т. III. № 16.		Исаак Семенович	Там же и ГВНП. № 282.
	Иван Афанасьевич	АСЭИ. Т. III. № 16; ГВНП. № 11.		Семен Васильевич	АСЭИ. Т. III. № 16.
	Иван Максимович	Там же.		Юрий Иванович и его брат Самсон (Машковы)	НПЛ. № 369, 396; СПБИИ РАН. Ф. 115. Д. 312. Л. 87, 89.
	Кашины	Дер. Кашинская, оз. Кашино, Кашин о-в - СПБИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 2. Л. 559 об., 560.		Яков Федоров	СПБИИ РАН. Ф. 174. Оп. 1. Д. 326. Описание сотского «... Яковлевские боярщины Федорова», 1572 г.
	Лощинские Морозы	АСЭИ. Т. III. № 16. Слободка Морозова			

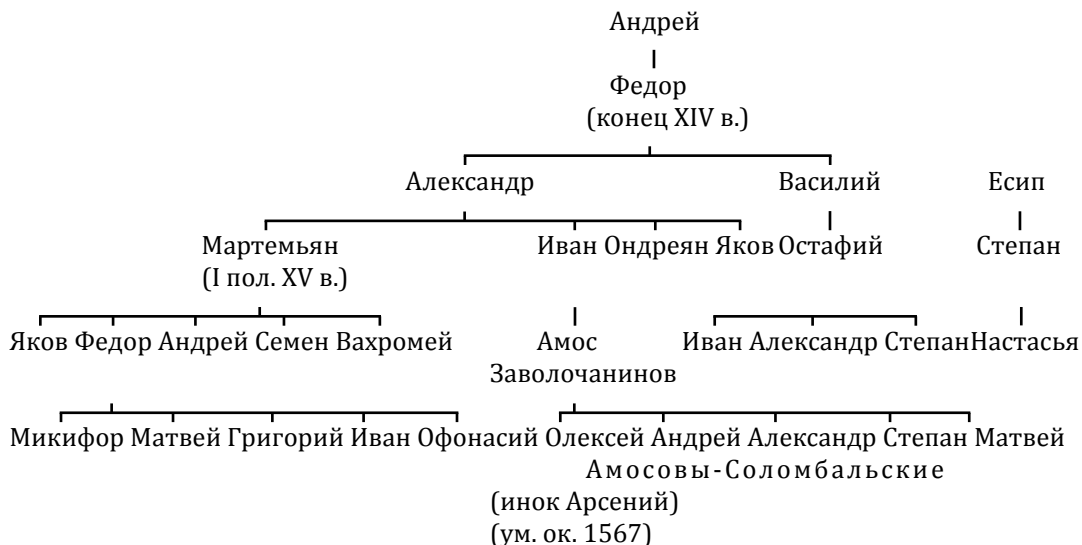
Владения новгородских бояр на Двине

Приложение. Список новгородских бояр, имевших вотчины на Двине

	Андрей (посадник)	ГВНП. № 250.		Мартемьяновы	ГВНП. № 284, 89, 90, 127, 130, 144, 221; РО БАН. Арханг. собр. № 1192. Л. 75–79 об.
	Андрей Конанович	ГВНП. № 140, 141.			
	Амосовы-Солмбальские	ГВНП. № 89, 127, 130, 321, 221; РО БАН. Архангельское собр. № 1192. Л. 75–79 об.; ГКЭ. Т. 1. № 60.		Настасья Ивановна жена Григорьева	Копанев А.И. Указ. соч. С. 454, 460, 461.
				Никита Есипович	Там же. С. 459.
	Афанасий Патрекеев			Офимья Горцкова	Там же. С. 460.
	Богдан Есипович	Там же. С. 453.		Полинарья Никитина жена Кириллова	Там же. С. 460.
	Василий Остафьевич	Там же. С. 458, 462.		Савелий Григорьевич	ГВНП. № 284, 89.
	Емецкий Дементий Андреевич	Там же. С. 453, 460.		Сарский Степан Труфонович	Копанев А. И. Указ. соч. С. 455, 461.
	Емецкие (своеземцы)	Там же. С. 453, 460.		Терентий (посадник)	ГВНП. № 253.
	Ермола Леонтьев	Там же. С. 456, 461.		Тучин Григорий	ГКЭ. Т. 1. № 96.
	Иван Афанасьевич (Немир)	ГВНП. № 285, 90, 89; Копанев А. И. Указ. соч. С. 459.		Филипп Григорьевич и его жена Марфа	ГВНП. № 128, 129.
	Иван Данилович (посадник)	ГВНП. № 130.		Шенкурские: Иван Васильевич	АСЭИ. Т. III № 16.
	Кашин Степан Игнатьевич	СПБНИ РАН. Ф. 174. Оп. 1. Д. 32.		Исак Семенович	Копанев А. И. Указ. соч. С. 455, 461.
	Левонтий Обакумович	ГВНП. № 129.		Яков Александрович	ГВНП. № 284, 89, 90, 127.
	Марья Федорова жена Остафьевича	Копанев А. И. Указ. соч. С. 257, 261.		Яков Дмитриевич	ГВНП. № 145–150.
	Яков Остафьевич	Копанев А. И. Указ. соч. С. 457.		Яков Федоров	Там же. С. 460.

Родословная Мартемьяновых, Амосовых и Настасьиных по актам XV–XVI вв.

Источники: ГВНП. № 127, 130, 89, 144, 221; РО БАН, Архангельское собр. № 1192 Л. 75–79 об.; ГКЭ. Т. 1. № 60, 170, 114 и АИ. Т. I. СПб., 1841. № 158; Данилова Л. В. Указ, соч., С. 289, прим. 1; Копанев А. И. Крестьянское землевладение Подвинья: в XVI в. С. 111, прим. 36.

лии владельцев, аналогичные новгородским: Шуйгины, Морозовы, Шеины и др. Однако здесь необходимы дополнительные генеалогические разыскания.

Из всего изложенного можно сделать следующие выводы:

Во-первых, управление новгородскими волостями, как Двиной, так и Вагой, находилось в XIV–XV вв. в руках новгородских бояр. Термины «двинской» и «важский» посадники обозначили (аналогично – ладожские, вологодские и т. п.), лишь место посадничества новгородских бояр.

Во-вторых, руководителями восстания на Двине в 1397–1398 гг. были новгородские бояре; одна из целей восстания – перераспределение земельных владений на Двине и Ваге между отдельными боярскими родами.

В-третьих, земли по С. Двине и ее притокам Емце и Ваге находились в конце XIV–XV вв. почти полностью в руках новгородских бояр. Известные нам источники по Двинской и Важской землям новгородского периода не дают права говорить о существовании двинских, местных бояр. За формулой «и на всех боярах на двинских» (и аналогичной ей) следует видеть новгородских бояр, имевших вотчины на Двине.

В-четвертых, с подчинением Двины и Ваги Московскому княжеству часть новгородских бояр в конце XV – начале XVI в. превратилась в своеземцев, сохранив за собой ряд земель из числа своих бывших вотчин. И они не только сохранили ряд привилегий на свои владения⁴⁴, но и оказались у кормила правления на местах в XVI в.⁴⁵ И естественно, богатства их не могут рассматри-

ваться как результат сохранения какого-то привилегированного положения выходцев из среды местного, коренного населения и тем более как результат дифференциации крестьянского мира. Там, где исследователи подчас видят поднимающуюся крестьянскую верхушку, следует видеть опадающих феодалов.

Безусловно, не все двинские и важские толстосумы XVI в. вели свое начало от новгородских бояр. Но далеки от крестьян подчас и житьи люди Великого Новгорода, а также тиуны, приказчики и прочая администрация новгородских бояр, владыки монастырей, а они также имели свои владения на Двине и с ликвидацией боярского самовластия остались на Севере, превратившись в чернокунцев, т. е. по сути дела они «превратились» в крестьян искусственно. Безусловно нельзя игнорировать и процесс дифференциации, выделения из крестьянской среды зажиточной верхушки, но к этому вопросу нужно подходить очень внимательно, не смешивая разнородные явления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ефименко А. Я. Исследование народной жизни. М., 1884. Вып. 1. С. 259–260.

² Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. С. 47; Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909. С. 8.

³ Рождественский С. В. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV–XVI веков // Известия АН СССР. VII серия. № 1. Отд. гуманитар. наук. Л., 1929. С. 49–70; № 2. С. 135–154.

⁴ Там же. № 1. С. 51.

⁵ Там же. № 1. С. 56.

⁶ В последнее время этот вывод развит у Покровского Н. Н. (См. Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 153–156).

⁷ НПЛ. С. 396, 403. На этот факт обратил внимание еще А. А. Шахматов (Указ. соч. С. 47. Прим. 1).

⁸ Миронова В. Г. Проблема хронологии некоторых двинских актов // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 245–259.

⁹ Что касается мнения В. Г. Мироновой о существовании на Двине до 1397–1398 гг. «местного выборного» посадника, то нам такие факты неизвестны. Не приводит их и В. Г. Миронова, если не считать ошибочного суждения как о «местном выборном» посаднике об Иване Микитине (Миронова В. Г. Указ. соч. С. 257–258).

¹⁰ Васильев Ю. С. Об историко-географическом понятии «Заволочье» // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 107.

¹¹ НПЛ. С. 389, 391, 392.

¹² Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 52. (См. также: ПСРЛ. Т. IV. (Ч. I). Вып. 1. Пг., 1915. Стлб. 289; ПСРЛ. Т. XVI. СПб., 1899. Стлб. 89).

¹³ Устюжский летописный свод... С. 52. Владимирский летописец сообщает дополнительно, что по этому поводу «бысть всем князем (русским. – Ю. В.) съездъ на Костроме» (см.: ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 112).

¹⁴ Устюжский летописный свод... С. 67. Ивана Никитина – «переветника» – в Новгороде сбросили с моста. Пленный Анфал по дороге в Новгород сбежал и ушел на Вятку. Родион и Герасим «добиша челом владыке» постриглись в Новгороде. Од-

нако вскоре Герасим также оказывается на Вятке и вновь выступает с Анфалом против Новгорода. В 1401 г. они возглавляют поход на Двину (НПЛ. С. 393, 396; Устюжский летописный свод... С. 67–68).

¹⁵ НПЛ. С. 391–392.

¹⁶ Там же. С. 355.

¹⁷ Списки населенных мест Российской империи. Т. I. Архангельская губерния. СПб., 1861. № 1589, 1590, С. 678. НПЛ. С. 356; Там же. С. 355. Прим. 59.

¹⁸ «Списки двинских земель» 1470-х годов отмечают в верховьях Ваги волость Костковскую. См. АСЭИ. Т. III. М., 1964. № 16. С. 32.

¹⁹ НПЛ. С. 358, 472. Летопись не указывает на родство Матвея и Луки Варфоломеевичей, ничего не говорят об этом и известные берестяные грамоты, поэтому В. Л. Янин не считает их братьями (Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 182–183; Его же. Я послал тебе бересту... М., 1965. С. 141). Но исходя из изложенных фактов, нам кажется это родство вполне обоснованным.

²⁰ Если бы Орлецы были официально признанным (со стороны Новгорода) центром Двинской земли, то зачем бы новгородцам разрушать такую первоклассную крепость, тем более после того, как с восстанием было покончено. Что Орлецы были первоклассной по тому времени крепостью, доказывает почти месячная осада ее (НПЛ. С. 392).

²³ В. Л. Янин отмечал, что политическая деятельность Мишиничей-Онцифоровичей в первой половине XV в. затухает (Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 258). Не было ли это следствием активной антиновгородской политики их родственников Анфала Никитина и Герасима Ростриги (брата Анфала), которые и после подавления восстания оставались на стороне московского князя?! (См. сноску 14-ю данной статьи).

²⁴ АСЭИ. Т. III. С. 33. (Анализ документа дан Л. В. Черепниним. См. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. I. М.; Л., 1948. С. 334–348).

²⁵ Ефименко А. Я. Указ, соч. С. 359–360.

²⁶ Платонов С. Ф. Прошлое русского Севера. Пг., С. 18–19. (Это замечание С. Ф. Платонова в качестве подкрепляющего аргумента для своих выводов и приводил С. В. Рождественский).

²⁷ См. Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. Гл. III; Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV–XVI вв. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 442–462; Его же. Двина в конце XV – начале XVI в. // Аграрная история Северо-Запада России. Л., 1971. С. 279–290; Васильев Ю. С. Феодальное землевладение на Ваге // Там же. С. 290–295; Зарубин Л. А. Важская земля в XIV–XV вв. // История СССР. 1970. № 1. С. 181–187.

²⁸ Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV–XVI вв. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 456, 460.

²⁹ ПСРЛ. Т. VI. С. 201.

³⁰ Еще в XVI в. одна из волосток, некогда составлявшая часть вотчины Емецкого, именовалась Дементьевской боярщиной (СПБИИ РАН. Ф. 5. Д. 85).

³¹ ГКЭ. Т. I. Пг., 1922. № 97.

³² В синодике Сийского монастыря род Афонасия Лукина записан с Андрея. См. РО БАН. Архангельское собрание. Д. 313. Л. 88. Кстати, не дед ли Афанасия свое-

земец Андрей Дементьев имел земли в Налючском погосте Деревской пятины совместно со своеземцем Василием Федоровым Едемским?! См. Новгородские писцовые книги. Т. II, СПб., 1862. С. 600, 686.

³³ Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения. С. 444; Его же. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 111.

³⁴ АСЭИ. Т. III. № 16. С. 33.

³⁵ Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения. С. 453–462.

³⁶ Новгородские писцовые книги. Т. III. С. 720.

³⁷ Васильев Ю. С. Феодальное землевладение на Ваге. С. 290–292; ГВНП. №№ 279, 110, 111, 127, 130, 144, 284, 89, 128, 129. Напомним также о событиях на Двине 1342 и 1397–1398 гг.

³⁸ ГВНП. № 85, 88.

³⁹ АСЭИ. Т. III. С. 32.

⁴⁰ Васильев Ю. С. Феодальное землевладение на Ваге. С. 295.

⁴¹ На принадлежность Амосовых и Мартемьяновых к новгородскому боярскому роду указал Н. Н. Покровский. (См.: Покровский Н. Н. К истории крупного светского землевладения в Двинской земле XV–XVI вв. // Вестник МГУ. 1952. № 2. Историко-филолог. серия. С. 129. Сравн. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 268–270.

⁴² Новгородские писцовые книги... Т. I. С. 725.

⁴³ Кроме Двины, у Чевакиных имелись владения близ Новгорода. (ГВНП. № 90 – Ермола Мелентьев). Возможно, двинские Кологривовы – родственники новгородских Кологривовых, боярщины которых (Еремея Степанова и его брата Ивана) находились в Шелонской пятине. (См.: Новгородские писцовые книги... Т. V. Ст. 44, 177).

⁴⁴ Так, жалованную грамоту, отделявшую их владения от крестьянского мира и дававшую некоторые податные привилегии, получили своеземцы Едемские (ОР РНБ. Собр. Погодина. Д. 1840. Л. 66–66 об.; Вулих Е. К вопросу о своеземцах в составе новгородского общества // ЖМНП. 1914. Июль. С. 162–163). Аналогичные права имели своеземцы Емецкие (Копанев А. И. Сотная на вотчину Я. А. Емецкого 1587 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вып. 2. Вологда, 1972. С. 244).

⁴⁵ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. Гл. III.

Феодальное землевладение на Ваге*

Крупнейшим вотчинником на Ваге в XIV–XV вв. был род новгородских бояр, представители которого в нашей литературе ошибочно именуются Своеземцевыми¹. Они были самыми крупными, хотя и не единственными феодальными землевладельцами Важской земли.

Проникновение этих бояр на Вагу началось не позднее начала XIII в.² В начале XIV в. возник конфликт между чудской старшиной Шенкурского погоста и новгородским боярином Василием Матвеевичем, в результате которого чудская старшина, чувствуя непрочность своего положения, вынуждена была продать Василию Матвеевичу землю Шенкурского погоста за 20000 белок и за 10 рублей «пополонка»³.

М. Островская писала по поводу этой мировой: «Рядная Своеземцева (Едемского. – Ю. В.) с чудью закрепила переход от первоначальных шатких прав захожего боярского рода на завоеванные когда-то земли к прочному вотчинному владению ими»⁴.

Мировая действительно «закрепила» за Едемскими на несколько столетий обширные земельные массивы в бассейне р. Ваги. Размеры приобретений, а значит и границы Шенкурского погоста, указаны в самом акте. Северная граница купленных земель тянулась от реки «Ваимуги вверху до Яноозера, а от Яноозера прямо в Пезу»⁵. Судя по сотным грамотам начала XVII в., р. Ваймуга протекала недалеко от р. Ледь⁶, а р. Пеза впадала в р. Тарню⁷.

Таким образом, земли, купленные Василием Матвеевичем, начинались примерно в 25–30 км севернее Шенкурска⁸, и территория погоста не простиралась в бассейн р. Емцы, как ошибочно полагал А. Н. Насонов, принявший р. Ваймугу, указанную в мировой, за приток р. Емцы⁹.

Начинаясь от р. Ваймуги на севере, приобретенная территория тянулась широкой полосой вверх по р. Ваге «до Сулонской межи» (р. Суланда – приток р. Пуи, впадающей в р. Вагу слева) и до р. Семенги (Сельменги?)¹⁰. Протяженность ее с севера на юг составляла более 100 км.

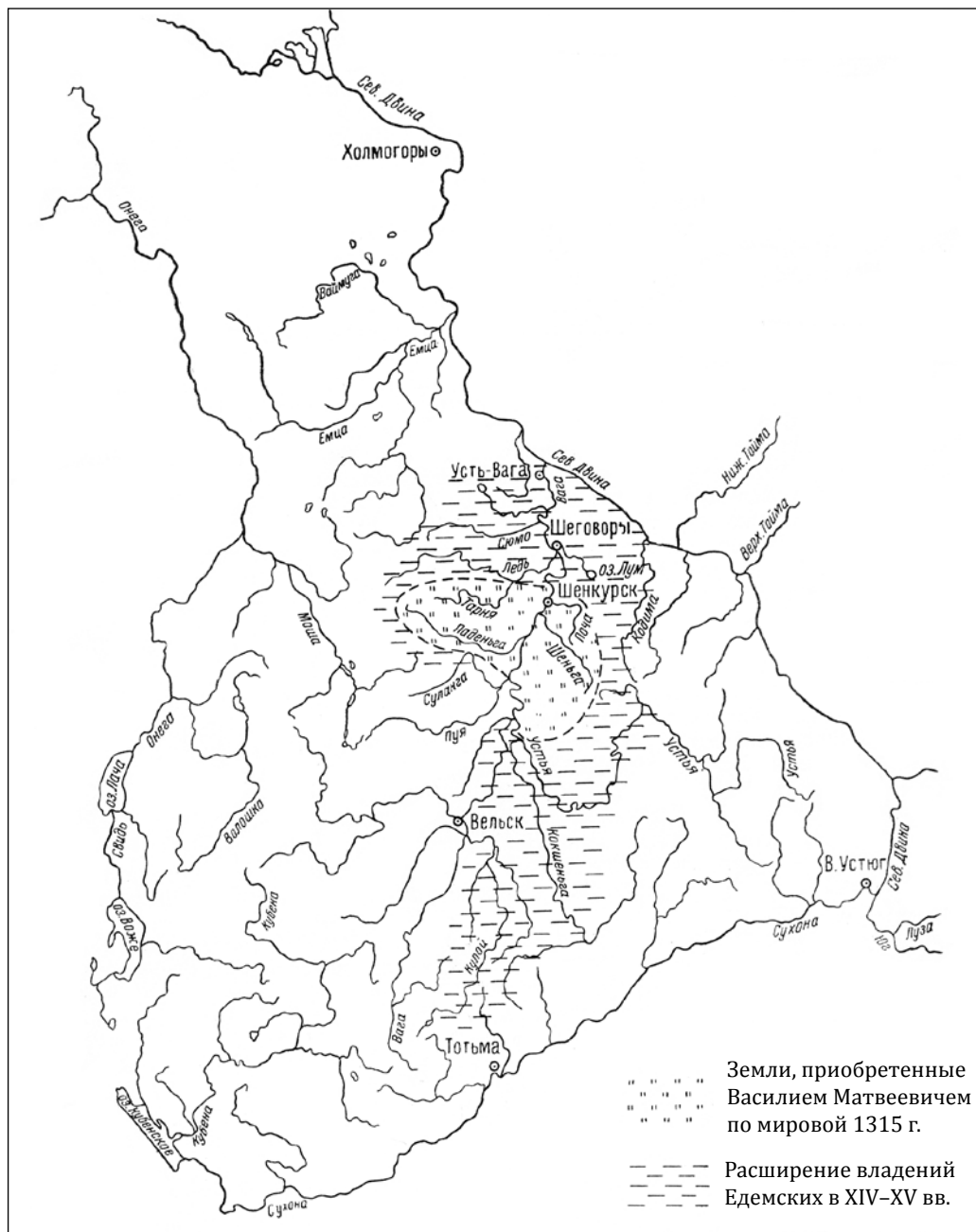
Василий Матвеевич был не единственным хозяином земель Шенкурского погоста¹¹, но его потомки развернули наиболее активную и предприимчивую деятельность и в течение XIV–XV вв. сумели значительно расширить свои владения на Ваге.

Картину землевладения Едемских на Ваге в XIV в. дополняет духовная Остафия Ананьевича. Анализируя ее, можно сделать вывод, что завещаются разные земли: во-первых, «отцына и дедина», полученная по наследству и приобретенная еще дедом Остафия; во-вторых, «прикупле отца моего» (Анания), которые завещаются сыну Федору: «прикупле отца моего, а то сыну моему цыста»¹². Духовная указывает на приобретение Едемскими новых земель на Ваге.

О дальнейшем освоении этим боярским родом важских земель говорят духовная Федора Остафьевича, сына Остафия Ананьевича, и раздельная «братьев» Василия Федоровича и Василия Степановича¹³.

* Впервые опубликовано: Аграрная история Северо-Запада России. (Вторая половина XV – начало XVI в.) / отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971. С. 290–295.

Рост землевладения Едемских на Ваге XIV–XV вв.

Василий Федорович получает Райбольское село и Нижнюю Едьму, по Яропульскому озеру и рекам Шолоше и Тарне. Центром его вотчины в этом крае становится с. Райбола: там находится «большой двор», и все остальные земли (по Яропугскому озеру, Шолоше и Тарне) тянут, как указано в духовной, к Райболе¹⁴.

Степан, а потом его сын Василий получают земли как по левобережью Ваги: по Яропугскому озеру, рекам Шолоше и Тарне, Верхней Едьме (Вахрушево), так и по правобережью: по рекам Поче и Шеньге¹⁵.

Центром их владений становится с. Бор (Боровское)¹⁶.

Большая часть лесных и водных угодий оставалась у братьев в совместном владении: «полеший лес на Плесе (по р. Шолоше. – Ю. В.). Еропугское озеро, и Керга озеро, и Целм озеро... Кергаская речка, и Юмзе озеро, и Номзенга река по обе стороны, и леса... на Тарне... пожни, и едмища, и страдные земли, и лес, и ловища»¹⁷.

Таким образом, в первой половине XV в. идет процесс освоения приобретенных Едемскими земель. Появляются погосты нового типа – центры боярских вотчин. Вокруг них вырастает целый ряд новых малых и больших сел.

То же самое происходило и в другом районе владений Едемских – на Кокшеньге. Центром кокшеньгских вотчин стал погост «у святого Спаса». От него земли Едемских тянулись вниз по р. Кокшеньге, низовьям р. Устья и выходили на Вагу, где к владениям этих бояр относилось оз. Попонаволоцкое. Южной границей владений была р. Поча, приток Кокшеньги, и река Медвежья, приток Заячьей¹⁸.

Но аппетит Едемских этим не был удовлетворен. Василий Степанович и его сын Иван оказались не менее деятельными, чем их предки. Василий Степанович продвинул границы своих владений дальше на север. Уже в середине XV в. он хозяйничал на р. Пинежке, правом притоке Ваги, где поставил для себя Пинежский городок, основал Богословский монастырь и отдал ему три села¹⁹.

Окончательный результат деятельности этих бояр на Ваге в период самостоятельности Новгорода подводит «Список двинских земель». Он показывает, что северная граница владений Едемских шагнула далеко за старые пределы. Василий Степанович и его брат Василий Тимофеевич названы владельцами всего нижнего течения р. Ваги²⁰.

Василий Степанович – совладелец Великой Слободы. Отмечены его владения и по р. Кулой²¹. «Список двинских земель» отмечает, что почти все земли от Ямской горы до устья Ваги были захвачены Иваном Васильевичем, сыном Василия Степановича²².

После знакомства с владениями Едемских на Ваге станет понятно замечание А. Ефименко: «Владения Борецких на Двине и в Поморье и Своеземцевых (Едемских. – Ю. В.) на Ваге были поистине необозримы»²³.

Едемские, вероятно, жили в Новгороде и лишь время от времени навещали свои важские владения. Управление вотчинами осуществлялось силами боярской администрации: приказчиками, кунщиками, биричами и слугами разного рода²⁴.

С XIV в. все более и более возрастала роль хлебопашества. Об этом говорит рост сел и усиление внимания бояр к «страдамым землям». Немаловажную роль, вероятно, играло в вотчинах и скотоводство. Федор Остафьевич завещал детям коней²⁵. Почти в каждой грамоте упоминаются пожни²⁶.

Хозяйство в вотчинах этих бояр велось силами зависимого населения. Духовные указывают на наличие у Едемских «челяди дерноватой», людей «пошлых», а на Ваге – сел половничих²⁷.

В конце XIV–XV в. в вотчинах Едемских наряду с натуральным оброком был распространен и денежный. С сел Остафия Ананьевича брались «хлеб, и куны, и дар»²⁸. В качестве натурального оброка выступал, вероятно, не только хлеб. Так, на половине Василия Степановича, у Яропугского озера, находилось «Ондрея рыболова село»²⁹.

Едемские, как отмечала Л.В. Данилова, были в своих важских вотчинах «полновластными государями, взимающими ренту, обладавшими фискальными и судебными правами»³⁰.

С падением самостоятельности Великого Новгорода Едемские потеряли большую часть своих земель как на Ваге³¹, так и за ее пределами³². Однако некоторая часть старых владений осталась за ними. Документы XVI–XVII вв. называют целый ряд деревень и угодий по среднему течению Ваги и по Кокшеньге, которые принадлежали Едемским³³. Владая своими вотчинами в Важском уезде, своеземец Иван Васильевич Едемский в 1552 г. получает на них жалованную царскую грамоту³⁴.

Среди массы своеземцев – владельцев небольших вотчин – Едемские выделяются сравнительной обширностью своих владений. В XVI–XVIII вв. род их множится, владения дробятся, мельчают. Одни из Едемских становятся купцами, другие – церковнослужителями, третьи, в конце концов, – дворцовыми и удельными крестьянами³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На это указывала еще Е. Вулих в статье «К вопросу о своеземцах в составе новгородского общества» (ЖМНП. 1914. Июль. С. 158–164), но и после появления этой статьи фамилия Своземцевых продолжает фигурировать на страницах исторической литературы: Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939. С. 37, 38; Шурыгина А. П. Новгородская боярская колонизация... С. 41; Вернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля. С. 57–58 и след.

В актах XIV–XV вв., характеризующих деятельность этих бояр, они названы лишь по имени и отчеству (ГВНП. № 110, 111, 278–282). Один из них, Василий Степанович, назван новгородским посадником (Там же. № 280). В середине XV в. он построил для себя городок Пинежский на р. Пинежке, правом притоке р. Ваги, а близ него основал Богословский монастырь, куда и постригся под именем Варлаама. Жития XVI–XVII вв. называют его Варлаамом Пинежским или Важским (РО БАН. Архангельское собрание. Д. 351. Л. 180–246; Житие преподобного Варлаама Важского. М., 1887). Летописи называют Василия Шенкурского (1445 г.), Ивана Шенкурского и «Исака Семенова сына Шенкурского» (1475 г.) (НПЛ. С. 425; ПСРЛ. Т. VI. С. 201). По всей вероятности, посадник Василий Степанович, Варлаам Важский (Пинежский) и Василий Шенкурский – одно и то же лицо, так как в «Списках двинских земель» указывается, что Иван и Семен, владельцы земель на Ваге, – дети Василия Степановича (АСЭИ. Т. III. С. 32–33) (ср.: Вернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля. С. 150. Прим. 12).

Потомки этого боярского рода в XVI–XVIII вв. были известны в Костромском уезде как Шенкурские (ТКДТ. С. 151). В Важском же уезде они были известны как Едемские (Жалованная грамота царя Ивана Васильевича приказчику Шенкурского городка, своеземцу Ивану Васильевичу сыну Федора Едемского (1553 г.). См.: Вулих Е. К вопросу о своеземцах... С. 162–163; Сотная грамота, выданная Василию Едемскому с братьями, об ограничении податей с принадлежащих Едомским деревень и угодий в Шенкурском стану Важского уезда (1623 г.). См.: ОР РНБ. Общее собрание грамот. № 222; Синодик рода Едемских, конца XVII в. // Описание старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. Вып. 2. М., 1897. С. 222–229).

Таким образом, лишь в XV–XVI вв. представители этого боярского рода стали именоваться Шенкурскими и Едемскими. А Своеземцевыми, насколько позволяло судить документы XIV–XVII вв., они никогда не были. Своеземцевыми они оказались, вероятно, по вине протопопа Шенкурского Благовещенского собора И. Розова, который в конце XVIII в. снимал копии с новгородских старинных документов, имевшихся в разных архивах и у частных лиц г. Шенкурска (см. легенды к указанным выше грамотам в ГВНП). Он превратил нарицательное «своеземец» в собственное «Своеземцев», а К. Молчанов и М. Мясников ввели последнее в научный оборот. См.: Молчанов К. Описание Архангельской губернии. СПб., 1813. С. 188; Мясников М. Нечто о пятинах новгородских и в особенности о стране, известной издревле под именем Ваги // Северный архив. СПб., 1827. Ч. 27. С. 15 и др.

Родословная этого боярского рода (на наш взгляд, не совсем точная) дается в статье Н. Мятлева «Родство Квашнинных с новгородцами» (Известия русского генеалогического общества. Вып. III. СПб., 1909. С. 53).

² К. Ф. Калайдович писал, что у профессора Баузе имелась рукопись «Шенкурский пролог», написанная в Новгороде в 1229 г. Михайловским дьячком Давидом «в храм Спаса за Волок в Шенкурье» по приказанию Остафия Васильевича (см.: Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1863. С. 49).

Упомянутый здесь Остафий Васильевич, вероятно, – один из предков Едемских. Во-первых, Михайловский дьячок Давыд, видимо, из той же церкви св. Михаила, где «голец» принадлежал Остафию Ананьевичу, его брату Григорию и дяде Семёну. Духовный отец Остафия – «поп Амос святого Михаила». Да и духовную его писал «дияк Еремеи святого Михаила» (ГВНП. № 110. С. 166–168). Во-вторых, в духовной Федора Остафьевича наряду с другими владениями за Волоком завещается и «у святого Спаса на погосте отцына моя и дедина» (Там же. № 111. С. 171).

³ ГВНП. № 279. С. 279–280. Исследователями уже отмечался вынужденный характер этой сделки: Ефименко А. Исследования народной жизни. С. 258; Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения. С. 229.

⁴ Островская М. Земельный быт сельского населения русского севера в XVI–XVIII веках. СПб., 1913. С. 3.

⁵ ГВНП. № 279. С. 280.

⁶ Сотная грамота на Ледской стан и Ямскогорскую волость Важского уезда с дзорных книг Якова Бабарыкина 1620–1621 гг. СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 196 об. (Здесь и далее см. карту «Рост землевладения бояр Едемских на Ваге в XIV–XV вв.»).

⁷ Там же. Л. 156.

⁸ Список населенных мест Архангельской губернии. Архангельск, 1918. С. 64–65.

⁹ Насонов А. Н. «Русская земля». С. 106–108, 189.

¹⁰ ГВНП. № 279. С. 280; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. С. 107.

¹¹ В акте говорится: «а хто будеть вкупилса в ту землю в том заводе, а те знают своих продавцов в тых кунах». На наш взгляд, эта запись не содержит в себе «условия о ликвидации всех прежних сделок на земли Шенкурского погоста» (Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения. С. 229), а наоборот, закрепляет status quo.

¹² ГВНП. № 110. С. 166–168.

¹³ Там же. № 111. С. 169–171; № 278. С. 277–278. В акте братьями названы дядя и племянник.

¹⁴ Там же. № 111. С. 169–170.

¹⁵ Там же. С. 169–170; № 278. С. 277–278.

¹⁶ Там же. № 111. С. 169–170.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 170–171; № 278. С. 277–278.

¹⁹ Житие преподобного Варлаама Важского. С. 13–17; ГВНП. № 280. С. 281.

²⁰ АСЭИ. Т. III. № 16. С. 32.

²¹ Там же. С. 32–33.

²² Там же. С. 33.

²³ Ефименко А. Исследования народной жизни. С. 194.

²⁴ ГВНП. № 280. С. 281; № 281, С. 282.

²⁵ Там же. № 111. С. 171.

²⁶ Там же. С. 169–171; № 278. С. 277–278; № 280. С. 281.

²⁷ В Яропуге «Половичное селце» (ГВНП. № 278. С. 277), на Тарне «Половитцкое селцо» (Там же. № 111. С. 170). В данной (1451–1452 гг.) специально оговаривается: «А игумену половников посадницих Васильевых неотхожих людей не приимати» (Там же. № 280. С. 281).

²⁸ ГВНП. № 110. С. 168.

²⁹ Там же. № 278. С. 278.

³⁰ Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения. С. 286.

³¹ АСЭИ. Т. III. № 16. С. 32–33.

³² Рассмотренные акты указывают на наличие у этого боярского рода владений близ Старой Русы, в Бежичах и Торжке (ГВНП. № 110. С. 166–167; № 111. С. 169, 171; № 278. С. 277–278). Офимья Семенова, жена Шенкурского, имела земли в Бежецкой пятине, в Ильинском погосте, в волости Любятино (НПК. VI. 16–22). У Исака Семенова сына Шенкурского были вотчины в Емецком стане Двинского уезда. См.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 455–456, 461.

³³ ОР РНБ. Общее собрание грамот. № 222; СПБИИ РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 6, 24, 35, 41 и др.

³⁴ Вулих Е. К вопросу о своеземцах в составе новгородского общества... С. 162–163.

³⁵ Купец Герасим Михайлович Едемский (1676 г.) (Памятники древней письменности. СПб., 1889. Т. 79. С. 1); Федот Афанасьевич Едемский – священник Шенкур-

ского Троицкого монастыря с 1709 по 1749 г. (Мясников М. Историческое описание Ваги и г. Шенкурска... // ОЗ. Ч. 38. СПб., 1829. С. 272–273); Долгобородовы – служители Богословского монастыря в XVII в., крестьяне в XVIII в. (Синодик 1670 г. Богословского монастыря, что на Ваге // Русский архив. 1869. С. 1078; ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 342, 425). Исаак Семенов сын Шенкурского был сведен из Новгорода в Костромской уезд и явился там основателем дворянского рода Шенкурских (ТКДТ. С. 151; Сухотин Л. М. Четвертчики смутного времени (1606–1617 гг.). М., 1912. С. 211–213; Мятлев Н. Родство Квашниных с новгородцами. С. 52).

Герасим Вологодский и начало города Вологды*

Историю города Вологды принято начинать с 1147 года, когда, по рассмотренным далее источникам, киевский монах Герасим пришел на Вологду и основал Троицкий монастырь. Эта дата введена в научный оборот местным историком Алексеем Александровичем Засецким в 1780-м году, но уже в XVIII столетии относительно времени возникновения Вологды были высказаны и иные мнения. Эта полемика историков перешла в XIX век, не закончилась и в наше время, о чем говорят, в частности, две статьи, опубликованные в первом выпуске альманаха «Вологда», и статья А. Н. Башенькина в следующем выпуске¹. Следовательно, есть необходимость обратиться к этому вопросу еще раз.

В государственных актах город Вологда упоминается с 1264 года. Этим годом датируется древнейшая из известных договорных грамот Великого Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем (братом Александра Невского). В ней отмечается: «А се, волости новгородские: Волок съ всеми волостями... Бежиче, Городецъ, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера»². В качестве новгородской земли-волости Вологда фигурирует и в последующих договорных грамотах Великого Новгорода с князьями вплоть до Яжелбицкого договора 1456 года включительно³. Вологда отмечается в Уставной Двинской грамоте 1397 года⁴ и в ряде грамот XV века.

В известных науке новгородских и общерусских летописях сведения о городе Вологде начинают встречаться в записях событий второй половины XIII–XIV в. Так, в Новгородской первой летописи под 1273 годом имеется следующая запись: «Святослав с тверици и начата воевать волость Новгородскую: Волок, Бежици, Вологду»⁵. Та же летопись сообщает о пожаре в Вологде в 1335 году, упоминает город под 1366 и 1398 годами, а под 1393 и 1397 годами говорит о захвате Вологды как владения Великого Новгорода войсками великого князя московского Василия Дмитриевича⁶.

С конца XIV века, по данным источников, Вологда представляется весьма крупным городом. Она внесена в «Список русских городов дальних и ближних», который исследователи датируют концом XIV – началом XV века. Житие Стефана Пермского свидетельствует, что в Пермский край хлеб неоднократно в голодные годы привозился из Вологды. В Житии Дмитрия Прилуцкого отмечается, что, прибыв в Вологду в 1371 году, Дмитрий увидел город со многими церквами⁷.

В середине XV столетия город дважды становится центром удельного княжества князей московского дома. В 1446 году Дмитрий Шемяка, ослепив и лишив великокняжеского престола Василия II, дал ему в удел Вологду, но в 1447 году Василий Темный (прозвание «Темный» получил после ослепления) вернулся в Москву, стал вновь великим князем, и Вологодский удел не оформился⁸. В 1462 году по завещанию Василия Темного Вологда с округой была передана его младшему сыну Андрею Меньшому. Вологодское удельное кня-

* Впервые опубликовано: Вологда: краевед. альм. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 588–600.

жество просуществовало до смерти Андрея Вологодского (умер 5 июня 1481 г.) и по его завещанию вновь перешло к великому князю московскому, теперь уже Ивану III, стало уездом формирующегося единого Русского государства⁹.

Более конкретные данные о Вологде конца XV века содержит Вологодско-Пермская летопись. В ней отмечается, что 15 июня 1481 года «град Вологда ... згоре весь, посад* же не згоре Божиим заступлением». В 1486 году, 10 мая, «на Вологде посада много згорело дворов, а на завтрие, в 11, в 3 час дне, другая половина посада, много паче двор згорело, мало и остана». 25 августа 1499 года вновь «погоре посад на Вологде, от Пречистыя с посада по ямской двор. Тогда же пять церквей погоре: Никола, Стретение, Воздвижение, Василий Великий, Введение святей Богородици, а дворов триста да тритцать. Того же лета**, маиа в 16, в пяток ... в пятый час ноци на Вологде згоре церковь Пречистая старая со всем узорочьем и с иконами, и с кузньою, и с книгами, да и монастырь весь, да 30 дворов»¹⁰. Следовательно, в это время в Вологде только на посаде было более 360 дворов и семи церквей.

Многие из этих сведений, особенно по политической истории города, были известны уже В. Н. Татищеву, и «отец русской истории» в своем «Лексиконе» писал о Вологде: «Когда и кем построена, неизвестно, однако ж после Устюга от новгородцев и суще вскоре по раззорении Батыеве, ибо в конце третьяго на десятьста*** онейупоминают..ВовремяВасилияДмитриевичавеликогокнязя****у новгородцев сей город отнят и принадлежал к уделу Галицкому...»¹¹. «Лексикон» В. Н. Татищева, созданный в конце 1730-х – начале 1740-х годов, был издан лишь в конце XVIII века, когда стали известны новые данные о Вологде благодаря публикации работ по истории города А. А. Засецкого и академика П. Б. Иноходцева¹².

Труд А. А. Засецкого содержал две основные части по истории Вологды: исторические известия, приведенные в хроникально-летописной форме, и топографические известия, характеризующие город конца XVIII столетия¹³. Местный историк собрал значительный круг источников по истории Вологды и края, впервые ввел в научный оборот «Повесть о чудесах» Герасима Вологодского и Летописец Ивана Слободского, содержавшие сведения о приходе Герасима на Вологду в 1147 году.

Что же это за источники? Каково их содержание? Что давали они для решения вопроса о начале Вологды? Насколько данные этих источников достоверны? Как использовали их историки? Вот круг вопросов, на которые необходимо дать ответ.

«Повесть о чудесах» Герасима Вологодского основывалась на записи чудес, происходивших у гроба с останками Герасима. Одно из чудес 6 июля 1649 года было свидетельствовано Маркелом, архиепископом Вологодским и Великопермским (1645–1663 гг.). Свидетельство и «сказку»***** об этом чуде запи-

* Средневековый русский город имел, как правило, детинец-кремль – центральную укрепленную часть, которая собственно и именовалась городом, и посад – часть, находившуюся за пределами детинца, где проживало основное население.

** Точнее – 1500 года.

*** Т. е. XIII века.

**** Василий Дмитриевич – сын Дмитрия Донского, княжил с 1389 по 1425 год.

***** Сказка – письменный ответ на какой-либо запрос или сообщение о каком-либо факте.

сал архиепископский подьячий Алексей Андреев. После этого Маркел «велел троицкому священнику Григорию... писанию придати древняя и новая чудеса» (чудо 1). Несколько позднее «по совету и по благославлению» последнего («наставника и пастыря» Троицкой церкви «священноиерея Григория Алексеева сына Попова, урожением белозерца») неким Фомой на основе записи этих чудес была создана «Повесть о чудесах» Герасима Вологодского (чудо 21)¹⁴. Можно полагать, что создана она около 1666 года, когда записано последнее из чудес и когда еще жив был священник Троицкой церкви Григорий Попов.

Кроме чудес, в «Повести о чудесах» даны некоторые авторские суждения и выписка из краткого недатированного летописца о приходе Герасима на Вологду и его кончине.

Летописец Ивана Слободского, певчего Вологодского архиерейского дома, содержит почти исключительно местные известия с 1147 года до конца XVII столетия. В одном из списков Летописца дана дата его составления – 1716 год – и указан автор – Иван Слободской. Без какой-либо характеристики текст Летописца частично публиковался в середине XIX века, научное издание осуществлено в 1982 году¹⁵.

За 1147 год в Летописце без указания на источник дана краткая запись следующего содержания: «В лето 6655. Преподобный отец наш Герасим прииде на Вологду и во имя Пресвятыя Троицы монастырец возгради от реки Вологды полпоприща* на ручью, зовомом Касаров; рождением же бе града Киева, постриженник Глушицкого монастыря, преставися 6686**, марта в 4 день, на память преподобнаго отца нашего Герасима, иже на Иордане»¹⁶.

Не умаляя непреходящих заслуг историка-краеведа А. А. Засецкого, создавшего и опубликовавшего первый труд по истории Вологды, необходимо разобраться, как были использованы им и введены в научный оборот данные о приходе Герасима на Вологду, содержащиеся в «Повести о чудесах» Герасима Вологодского и Летописце Ивана Слободского.

Для этого приведу полные тексты «Повести о чудесах» и труда А. А. Засецкого, относящиеся к приходу Герасима на Вологду в 1147 году.

«Повесть о чудесах»

А о жительстве его (Герасима. – Ю.В.), коликами труды подвизася, и коего града урожением, и какова рода самом, того мы не обретохом прехождения ради многих лет и от раззорения неверных града Вологды.

Но слухи наши простираются от древних человек, что в старых вологодских летописцах пишет сице, что преподобного сего отца Герасима Служба вся с полиелеом и Чудеса его написаны были для празднества на память пре-*

А. А. Засецкий

* Поприще – древнерусская единица измерения расстояний, равная 1,1–1,3 км.

** 6686, т. е. 1178 года.

подобного предложены. И егда Божиим научением, грех ради наших, прииде раззорение на град Вологду от иноверных, тогда Житие святого и со Службою безвестно утратися.

А о приходе преподобного пишет сице: В лето шесть тысяч шестьсот пятьдесят пятое, августа в девятый на десят день, на память св. мученика Андрея Стратилата, прииде преподобный отец Герасим от богоспасаемого града Киева, тоя же веси** Глушенскаго монастыря постриженник, к Вологде реке еще до зачала града Вологды, на великий лес, на Средний посад Воскресения Христова, Ленивыя площадки Малого торжку, и создал пречестен монастырь во славу Пресвятыя Троицы от реки Вологды расстоянием за полпоприща. И оттоле поживе ту преподобный лет тридцать один и скончася в лето шесть тысящ шестьсот восемьдесят шестом году, марта в четвертый день, на память преподобного отца нашего Герасима иже на Иордане...

*Летописец краткий*¹⁷.

Сопоставляя цитированные тексты труда А.А.Засецкого, «Повести о чудесах» и Летописца Ивана Слободского, прихожу к следующим выводам.

1. Текст Летописца Ивана Слободского более близок к ранней летописной записи, чем текст «Повести о чудесах». В Летописце нет указания на позднюю топографию города; монастырь, где постригся Герасим, именуется Глушицким.

2. В сообщении о приходе Герасима на Вологду Засецким использованы как Летописец Ивана Слободского (у Засецкого: «...построил маленький монастырь»; в Летописце: «...монастырец возгради... на ручью, зовомом Касарове»), так и «Повесть о чудесах», хотя указывается лишь последний источник.

* Полиелей – одна из составных частей утрени, поющейся в особые дни, при возжении в это время в лампадах елея (см.: Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 1834–1835).

** Весь – в данном контексте – селение. «Тоя же веси», т. е. Киева.

*** Так в тексте, т. е. 1148 год. Видимо, это типографская опечатка.

6655. 1147. авгу. 19. – На Вологду пришел из Киева преподобный Герасим, построил маленький монастырь в полуверсте от реки Вологды, на ручью, именуемом Касарове. Он был постриженник Глушенскаго монастыря, преставился 6656**, марта в 4 дня, и положено тело его в той церькви. В его Житии, имеющемся на Вологде при той церькви, еще упоминается, что он пришел на великой лес, на Средней посад Воскресения Христова, Ленивыя площадки, Малого торжку. А из сего видно, что до прибытия сего преподобного было селение города посадом и торгом, который и ныне называется Ленивой площадкою, и при оном бывала прежде церьковь соборная деревянная на каменном фундаменте, при которой и гробницы древних вологодских архиереев находились. Ныне же место сие в загородном форштате, где приходская стоит церьковь каменная Воскресения Христова¹⁸.

3. «Повесть о чудесах» историк именует Житием, в то время как в ней прямо отмечается, что «егда... прииде раззорение на град Вологду от иноверных, тогда Житие свягаго и со Службою безвестно утратися». Важное известие о том, что ранние Житие, Служба и Чудеса Герасима существовали, но были утрачены и в середине XVII века их уже не было, в работе Засецкого было опущено.

4. Опущено было Засецким и важное сведение «Повести о чудесах» о том, что Герасим пришел «к Вологде реке еще до зачала града Вологды».

5. Засецкий не дает никакого описания и анализа вводимых им в научный оборот уникальных источников. Ничего не говорится о времени их создания, датировке рукописей, содержащих эти источники и используемых историком. Текст источников передается в авторском пересказе, а не цитируется, причем передается, как уже отмечено, не полностью, ряд важных известий опускается.

6. Не объясняя противоречий, содержащихся в тексте «Повести о чудесах» (Герасим «прииде... еще до зачала града Вологды... – на Средний посад...»), историк без малейших сомнений делает вывод, что еще до прихода Герасима (до 1147 года) Вологда существовала как город с посадом, торгом и соборной церковью Воскресения Христова.

Эти весьма существенные недочеты труда А.А. Засецкого во многом способствовали нарастанию скептического отношения к новому источнику – «Повести о чудесах» Герасима Вологодского по вопросу о начале города Вологды и забвению Летописца Ивана Слободского.

В конце XVIII столетия был опубликован и второй труд по истории Вологодского края – академика П. Б. Иноходцева, содержащий общее описание Вологодского наместничества и историко-топографическое описание города Вологды¹⁹.

Относительно Вологды автор отмечал, что «о начале сего города... не имеем достоверных известий». А вслед за этим писал: «По некоторым достоверным обстоятельствам полагать можно, что город Вологда построен в XI или X столетии: ибо в Житии преподобнаго Герасима Вологодскаго написано, что пришел он от Киева на Вологду в 1147 году, во время великого княжения Изяслава Мстиславича, внука Владимира Мономаха, и от реки Вологды за полверсты, а в версте от торжка, что ныне Ленивою площадкою называется, построил монастырь Троицкой, где теперь приходская церковь в верхней части предместья, на конце города, в которой церкви и гробница его обретается. Сей преподобный Герасим при создании реченнаго монастыря с вологодским мещанином Пятышевым... имел прения о том, что Пятышев земли под монастырь не давал и строить не допускал»²⁰.

Таким образом, Иноходцев также ссылался на «Повесть о чудесах», именуя ее Житием Герасима; считал, что город Вологда существовал во время прихода Герасима и построен в X–XI веках. Но здесь появляется «дополнительная» (избыточная) информация о споре Герасима из-за земли под церковь с «мещанином Пятышевым». По Иноходцеву, этот факт также извлечен им из Жития. Однако такой информации в «Повести о чудесах» нет. Она взята из предания, бытовавшего в Вологде в XVIII–XIX веках.

Предание это, вероятнее всего, шло со времени построения каменной Троицкой церкви в 1717 году. О позднем времени возникновения предания говорит и термин «мещанин», ставший распространенным в русской речи в

XVIII веке, и указание на фамилию, поскольку оформление русских фамилий даже боярских родов – явление не ранее XIV–XV веков. К тому же в «Повести о чудесах» отмечается, что у гроба Герасима был излечен Матфей Мартириев Пятышев (чудо 16). И если бы отмеченное предание бытовало в XVII веке, вряд ли автор «Повести о чудесах» умолчал о нем, имея возможность еще более поднять авторитет Герасима.

Данное «дополнение», сделанное П. Б. Иноходцевым к Житию Герасима, вошло (также со ссылкой на Житие) в работы таких авторитетных ученых XIX века, как Н. М. Карамзин, Н. И. Надеждин, М. П. Погодин, С. П. Шевырев и другие²¹. Это «дополнение», безусловно, усилило недоверие критических историков к Житию («Повести о чудесах») и достоверности даты – 1147 год²².

С публикацией работ А. А. Засецкого и П. Б. Иноходцева сведения о Герасиме Вологодском и начале Вологды включаются во многие труды по истории церкви и справочную литературу²³. Но ни в одной из них нет анализа основного источника – «Повести о чудесах» Герасима Вологодского. Она продолжает считаться Житием Герасима. Используют источник, как правило, по трудам Засецкого и Иноходцева. Никто не подвергает сомнению достоверность прихода Герасима на Вологду в 1147 году. Относительно возникновения Вологды одни историки принимают 1147 год (С. П. Шевырев), другие датируют возникновение города X или XI веком (Н. И. Надеждин, И. Верюжский), третьи считают, что Вологда существовала в 1147 году, но как небольшое селение (Н. М. Карамзин, Н. И. Суворов, И. К. Степановский)²⁴.

Лишь в 1860-е годы крупнейший вологодский краевед Николай Иванович Суворов в статье о Герасиме Вологодском и ряде других дает анализ «Повести о чудесах», именуя ее по началу текста как «Чудеса преподобного отца нашего Герасима, что у Троицы близ Кайсарова ручья». Н. И. Суворов приводит основной текст источника, относящийся к Герасиму. Отмечает, что, по «рукописи о чудесах», ранее имелось Житие Герасима и «Служба с изложением чудес». Историк дает общую характеристику содержания источника и указывает время его создания. К сожалению, у Суворова нет критического разбора мнений предыдущих исследователей²⁵.

Анализ «Чудес» Герасима продолжался. Ряд историков церкви искали Глушенский монастырь, постриженником которого был Герасим до прихода на Вологду. И. Верюжский, создавший объемный труд на основе вологодской агиографии, отмечал в нем, что Глушенского монастыря в Киевской губернии не было. В связи с этим Верюжский и Филарет (Гумилевский) писали (без какой-либо аргументации), что Герасим постригся в Гнилецкой пустыни, основанной на месте пещеры Феодосия Печерского в с. Лесник, в 7 верстах от Киева²⁶.

Наконец, в 1895 году Н. Коноплев и И. Н. Суворов дают краткий, но научный анализ «Повести о чудесах» Герасима Вологодского, именуя источник «Сказанием о чудесах»²⁷. Относительно места пострижения Герасима И. Н. Суворов писал, что «при Гнилецком монастыре был еще маленький Богородицкий монастырь при озере Глушец, близ Киева; монастырь татарами был в половине XIII века разрушен. Этим разрешается все недоумение: в старой рукописи одна буква прочитана за другую, вместо Глушецкий монастырь – Глушенский»²⁸. Исследователь также дает сведения о Троицкой приходской церкви, каковой являлся бывший Троицкий монастырь «на Кайсарове ручье» с начала XVII до конца XIX века.

Таким образом, в конце XIX века завершен был научный анализ основного источника о приходе Герасима на Вологду – «Повести о чудесах» Герасима Вологодского.

К сожалению, в работах XX столетия, в том числе и нашего времени, по истории Вологды и края, как правило, не учитываются ни отмеченный путь исканий, ни выводы историков конца XIX века. И в наши дни видим в литературе такое же разнообразие мнений относительно начала Вологды, какое имело место в конце XVIII – первой половине XIX века. При этом исследователи продолжают ссылаться на какие-то летописи, несуществующее Житие Герасима Вологодского, мнения историков XVIII века, давно уже опровергнутые в науке²⁹.

Из анализа источников, введенных в научный оборот к настоящему времени, и анализа трудов предшествующих исследователей правомерно сделать следующие выводы по рассматриваемой проблеме.

1. Все сведения, относящиеся к приходу Герасима на Вологду, содержатся в «Повести о чудесах» Герасима Вологодского и Летописце Ивана Слободского. «Повесть...» составлена около 1666 года, Летописец – в 1716 году. Информация о приходе Герасима как в первом, так и во втором источнике базируется на данных более раннего Летописца или самостоятельной летописной записи. Поздний (относительно «Повести...») Летописец Ивана Слободского содержит более архаичный текст, но исследователи обращались к нему крайне редко.

2. Ни о самом Герасиме, ни о почитании его до XVII века прямых свидетельств в других источниках нет. Лишь в «Повести о чудесах» отмечается, что ранее существовали Житие и Служба Герасиму Вологодскому, которые в середине XVII века уже разыскать не удалось. Данные о Герасиме, включенные в «Повесть...», извлечены из «Летописца краткого». Последний до настоящего времени науке остается неизвестным.

3. Утвердилось мнение, что и о Троицком монастыре в других источниках нет данных до XVII века. Первые сведения о Троицком храме якобы содержат Окладная книга вологодских церквей 1618 года и Писцовая книга Вологды 1627–1628 годов, где храм отмечен уже как приходская церковь, каковою оставался до XX столетия³⁰.

Однако в Чудеса Дмитрия Прилуцкого, дополняющие его Житие, внесено известное «Предание о белоризцах», в котором отмечается, что работу белоризцев по укреплению города свидетельствовал «некто простец отнюд на концы посада в монастыри Живоначальныя Троицы»³¹. Следовательно, в данном Житии отмечается наличие Троицкого монастыря в середине – второй половине XV века, во время описанных событий и создания Жития Дмитрия Прилуцкого.

4. Несмотря на изложенные факты, нет оснований отрицать достоверность сведений о приходе Герасима на Вологду в 1147 году. В пользу их достоверности говорят конкретные указания на годы прихода и смерти Герасима (1147 и 1178)³², наличие под Киевом Глушецкого монастыря, который, по разысканиям исследователей, существовал до 1240 года (до нашествия Батыя на Киев). Постриженником его, по Летописи Ивана Слободского и «Повести о чудесах», являлся Герасим.

5. Слова «Повести...» о том, что Герасим пришел «к Вологде реке еще до зачала града Вологды, на великий лес» свидетельствуют, что Вологда существовала тогда как поселение, но еще не была городом, то есть не имела укрепленного детинца-кремля, что собственно и именовалось в средневековой Руси городом.

Создание монастыря в «великом лесу», вдали от поселений, в XII веке не имело бы смысла, да и неизвестно аналогов в истории Руси этого времени.

Последующее уточнение – «на Средний посад Воскресения Христова, Ленивыя площадки Малого торжку» – прием использования топографии города, современной времени создания «Повести о чудесах». Она дана для уточнения района возникновения монастыря. Данная топография находит отражение в описаниях Вологды XVII века – писцовых и переписных книгах³³. Так, в описании города 1627–1628 года отмечается «Церковь ружная Воскресение Христова, что была соборная» (до освящения Софийского собора. – Ю. В.), на Ленивой площадке, «на старом городище»³⁴. Следовательно, когда-то данная церковь находилась не на посаде, а в детинце. Можно полагать, что это было до середины XVI века, когда по приказу Ивана Грозного в Вологде развернулось широкое строительство, был возведен и новый каменно-дубовый детинец³⁵. Административный и религиозный центр города смещается к Соборной горке, к югу от Ленивой площадки, и последняя попадает в район посада.

Исходя из этого, нет никаких оснований считать, что в 1147 году в Вологде существовал посад, тем более 3 посада (указание «Повести...» на Средний посад логически предполагает наличие еще двух крайних посадов).

Аналогичный вывод должен распространяться и на церковь Воскресения Христова. Все исследователи XVIII–XX веков, писавшие о ней, считали и считают церковь древнейшей и существовавшей в 1147 году³⁶, хотя для этого нет никаких оснований. Не возведена ли она в конце XV века в связи с присоединением Вологды к Великопермской епархии и преобразованием последней в Вологодскую и Великопермскую? Именно с этого времени при данной церкви могли погребать умерших вологодско-пермских владык (факт выдвигался рядом краеведов как аргумент, свидетельствующий о древности храма), так как до 1492 года церкви Вологды подчинялись архиепископу Великого Новгорода и управлялись его наместником-десятильником.

Наиболее раннее известие о церковном строительстве в Вологде относится к 1303 году, когда здесь была освящена новгородским архиепископом Феокистом церковь во имя Пресвятой Богородицы³⁷. На основании данного свидетельства, безусловно, нельзя утверждать, что это была первая церковь в Вологде.

6. В решении вопроса относительно состояния Вологды в 1147 году важнейшее значение имеет планомерное археологическое обследование территории города. Однако проведенные до настоящего времени археологические раскопки в городе, начатые еще в 1809 и 1866 годах, пока не дают однозначного и окончательного решения проблемы³⁸. Во многом осложняет работу археологов полная неизученность истории градостроительства Вологды до XVII века³⁹. Общеизвестно, что старый центр города находился на Ленивой площадке. Но первичен ли он? Московский археолог А. В. Никитин, много лет своей жизни посвятивший археологическому изучению Вологодского края и Вологды, писал, что территория города, именуемая старым городищем, «не может считаться типичной для городищ в силу своего сравнительно равнинного и открытого положения на местности»⁴⁰. Думаю, что целесообразно более внимательно отнестись к этим размышлениям. И вполне возможно, древнюю Вологду откроют те археологи, которые откажутся от двухвековой, но никем не доказанной и далеко недостаточно убедительной традиции, относящей центр древней, на-

чальной Вологды к району бывшей Ленивой площадки, где в 1947 году заложены памятник 800-летию города.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Башенькин А. Н., Кукушкин И. П. Древняя Вологда // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 29–45; Никитинский И. Ф. Ранние средневековые находки из города Вологды // Там же. С. 46–53; Башенькин А. Н. Вологодская область в древности и средневековье // Вологда. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 32.

² ГВНП. № 1. С. 9.

³ ГВНП. № 2 (1266 г.); № 3 (1270 г.); № 6 (1304–1306 гг.); № 7 (1304–1305 гг.); № 9–10 (1307–1308 гг.); № 14 (1326–1327 гг.); № 15 (1371 г.); № 19 (1435 г.); № 22 (1456 г.). Хотя в новгородской грамоте Яжелбицкого договора в перечне волостей есть и Вологда, однако, исходя из распоряжения ею в 1446 и 1462 годах великими князьями, характер отношений между Новгородом и Вологодой не ясен. По договору 1471 года за Новгородом, точнее новгородским архиепископом, остается лишь право церковной юрисдикции на территории Вологодского края. В перечне новгородских волостей Вологды нет, относительно прав архиепископа записано следующее: «А на Волоце и на Вологде владыце церкви и десятина и пошлина своя ведати по старине» (Там же. № 26. С. 46).

⁴ ГВНП. № 88; АСЭИ. Т. 3. № 7.

⁵ НПЛ. С. 322. См. также Воскресенскую летопись: ПСРЛ. Т. VII. С. 172. Более подробную запись об этих событиях содержит Никоновская летопись: «В лето 6781... князь велики тверский Святослав Ярославич, внук Ярославль... иде съ татары царевыми (ханскими. – Ю. В.), и воеваша новгородцкиа власти (волости. – Ю. В.): Волок, Бежичи, Вологду, и со многим полоном возвратишася во Тверь» (ПСРЛ. Т. X. СПб., 1885. С. 151).

⁶ НПЛ. С. 346, 369, 392; 386, 389.

⁷ НПЛ. С. 477; ПСРЛ. Т. VII. С. 241; Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 83–137, о Вологде – С. 96, 124; Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897. С. 76; Житие Дмитрия Прилуцкого (ВГИАХМЗ. № 2037. Л. 18 об.).

⁸ ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 200–207.

⁹ Там же. С. 220–221, 274; ДДГ. № 61. С. 195. № 74. С. 275–277.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 26. С. 274, 327, 291–292.

¹¹ Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 218.

¹² [Засецкий А. А.] Исторические и топографические известия по древности о России и частно о городе Вологде и его уезде и о состоянии онаго по ныне. Из разных печатных и рукописных российских и иностранных книг с приобщением примечаний, собранные Алексеем Засецким. 1777 год. [М.] 1780 (изд-е 2-е: М., 1782); [Иноходцев П.] Общее описание Вологодского наместничества. Топографическое описание города Вологды // Исторический месяцесловна 1790 год. СПб., 1790; за-

тем перепечатано: Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы. Ч. VII. СПб., 1791. С. 32–105.

¹³ Частично «Топографические известия по Вологде» А. Засецкого переизданы в альманахе «Вологда» (Вып. 1. Вологда, 1994. С. 285–292).

¹⁴ См. публикацию «Повести о чудесах» Герасима Вологодского («Повесть о чудесах» Герасима Вологодского // Вологда. Вып. 2. Вологда, С. 601–619).

¹⁵ См.: ВЕВ. 1865. № 7, часть неоф.; ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 194–199.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 37. С. 194, 196.

¹⁷ См. публикацию «Повести...» в данном альманахе (С. 601–619).

¹⁸ [Засецкий А.А.] Исторические и топографические известия... С. 28–29; Изд-е 2-е. С. 23.

¹⁹ Мной использован текст по изданию: Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы. Ч. VII. СПб., 1791. С. 32–105.

²⁰ Там же. С. 60, 62–63.

²¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 57–58, 217–218, прим. 117 (см. также: С. 355. Прим. 159); Н[адеждин] Н. Вологда // Энциклопедический лексикон. Т. XII. СПб., 1838. С. 394–402 (автор ошибочно считает Вологду в XIII в. относящейся к Белозерскому княжеству); [Погодин М. П.] Путевые записки по некоторым внутренним губерниям М. Погодина // Москвитянин. 1842. № 8 (Частично перепечатано: Суворов Н. И. К истории г. Вологды: О пребывании в Вологде царственных особ и других замечательных лиц исторических // ВЕВ. 1868. № 2, 3. Прибавления. (Погодин отмечает, что ошибочное отнесение Вологды к владениям Ростова происходит в результате нерасчленения понятий: Вологда – город и Вологда – область (в рамках уезда XIX в.), куда входили разные по политической подчиненности территории (ВЕВ. 1868. № 3. С. 74). О споре Герасима Вологодского с Пятышевым – см.: Там же. С. 69); [Шевырев С. П.] Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: Вакационные дни профессора С. Шевырева. Ч. 1. М., 1850. С. 115, 125–126.

²² См.: Голубинский Б. История русской церкви: Период первый киевский или домонгольский. Т. 1. Вторая половина тома. Изд. 2-е. М., 1904. С. 759.

²³ Опыт исторического словаря о всех в истинной православной греко-римской вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах. М., 1784. С. 72–73. (О Герасиме Вологодском, по данным А. А. Засецкого); Географический словарь Российского государства. М., 1801; Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местночтимых. СПб., 1836. С. 76; Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1988. С. 52; Савваитов П. И. О начале и распространении христианства в пределах Вологодской епархии // Известия РГО. 1857 (перепечатано: ВЕВ. 1865. № 1. Часть неоф. С. 23–24); и другие. См. также прим. 22.

²⁴ [Верюжский И.] Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославленных всею церковью и местночтимых. Вологда, 1880. С. 39–40; Суворов Н. И. Путеводитель по Вологде, с указанием на ее церковные древности и святыни и другие достопримечательности. Вологда, 1874. С. 9; [Степановский И. К.] Вологодская старина: Историко-археологический сборник. Вологда,

1890. С. 11, 19–20, 278–279. Работы остальных авторов отмечены ранее.

²⁵ Суворов Н. И. Преподобный Герасим, вологодский чудотворец, и Троицкий Кайсаровский основанный им монастырь (ныне приходская церковь в г. Вологде) // ВЕВ. 1868. № 5. Прибавления. С. 115–133.

²⁶ Филарет (Гумилевский). Русские святые, чтимые всею церковью или местночтимые. Изд. 3-е. Вып. 1. СПб., 1882; [Верюжский И.] Исторические сказания о жизни святых... С. 25–27. Данные о Гнилецком монастыре вошли в официальный церковный «Акафист Герасиму, вологодскому чудотворцу», составленный, видимо, в конце XIX в. Связь с этим монастырем давала возможность связывать Герасима с авторитетом общерусского масштаба Феодосий Печерским. Списки этого «Акафиста» до нашего времени имеются среди жителей Вологды. [Акафист – особые хвалебные песнопения в честь Иисуса Христа, Богородицы и святых, исполняемые стоя (см.: Христианство: Словарь. М., 1994. С. 15)].

²⁷ Коноплев Н. Святые Вологодского края. М., 1895. С. 12–14; Суворов И. Обзорные события, относящихся к истории Вологодской епархии // ВЕВ. 1895. Прибавления. № 2. С. 38–39.

²⁸ Суворов И. Обзорные события. С. 39.

²⁹ Это характерно для большей части литературы XX века, касающейся разных аспектов истории Вологды и края: истории градостроительства, иконописи, архитектуры, топонимики и других. Перечень был бы довольно объемным, поэтому укажу лишь часть наиболее известных работ. Лукомский Г. К. Вологда в ее старине. СПб., 1914. С. 15–17 (приходится сожалеть, что недавнее переиздание книги (Репринт: Вологда, б/г) не обеспечено современными комментариями, а в книге немало погрешностей по части истории города. В частности, на указанных страницах даны даты несуществовавших новгородских грамот 1203 и 1240 годов); Фехнер М. В. Вологда. М., 1958. С. 5. (Данные Фехнер повторяются Ю. И. Чайкиной: Словарь географических названий Вологодской области: Населенные пункты. Изд. 2-е. Вологда, 1993. С. 69–70); Соколов В. Вологда: История строительства и благоустройства города. Сев.-Зап. книж. изд-во, 1977. С. 5–6. (Автор дает начало Вологды по В. Н. Татищеву (см.: Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 356, 439) в интерпретации А. А. Засецкого, Житию Герасима Вологодского и какому-то «другому сказанию» о нем, даже точно подсчитывает площадь города XII века); Бочаров Г., Выголов В. Вологда. Кириллов. Ферапонтове. Белозерск. Изд. 2-е. М., 1969. С. 11–12; Рыбаков А. А. Художественные памятники Вологды XIII – начала XX века. Л., 1980. С. 5; Коновалов Ф. Я., Панов Л. С., Уваров Н. В. Вологда XII – начала XX века: Краеведческий словарь. Архангельск, 1993. С. 5–7 (Автор вводной статьи «Вологда в истории России» Ф. Я. Коновалов по вопросу о начале города опирается на «Житие св. Герасима» и материалы археологических раскопок 1947–1957 годов, цитирует часть вывода А. В. Никитина, проводившего указанные раскопки (см.: Никитин А. В. Древняя Вологда по археологическим данным // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961. С. 18), и неожиданно дает свою интерпретацию вывода, противоречащую мнению археолога. Попутно замечу, что на отмеченных страницах Ф. Я. Коновалов указывает на договор Новгорода 1236 года и набег князя Ярослава Тверского на Вологду 1246 года, не имевших места в истории. Древнейший из известных в науке договоров Новгорода с князьями относится к 1264 году (см.: ГВНП. № 1), о походе Ярослава 1246 г. нет данных в летописях).

³⁰ См.: Суворов Н. И. Преподобный Герасим... С. 116 и Прим. 7. Автор отмечает бо-

гатое убранство каменной Троицкой церкви, построенной в 1717 году. В 1857 году над гробом Герасима была устроена медная рака. В церкви имелись две иконы Всемилостивого Спаса: одна – с 30-ю («весьма древняя»), другая – с 45-ю образами молящихся вологодских чудотворцев. (Там же. С. 121–130).

³¹ ВГИАХМЗ. № 2037. Л. 44. Впервые по Житию Дмитрия Прилуцкого текст «Предания...» опубликован Е. Болховитиновым (О древностях вологодских и зырянских) // Вестник Европы. 1813. № 17. С. 36–37).

³² Напомню, что в Летописце Ивана Слободского дан лишь год прихода Герасима на Вологду. Относительно даты смерти в литературе уже высказывались сомнения в ее точности; возможно, 4 марта было просто приурочено к дню памяти Герасима «иже на Иордане» (Иорданского), скончавшегося в 475 году в основанной им обители на берегах Иордана.

³³ См.: Источники истории города Вологды и Вологодской губернии: Список с писцовой книги города Вологды, сделанный в 1629 году. Вологда, 1904. С. 75–76, 109–110, 136 и другие.

³⁴ Источники истории города Вологды. С. 136.

³⁵ ПСРЛ. Т. 37. С. 195; Казакова Н. А. Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Вологде // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. X. Л., 1978. С. 200–206.

³⁶ См.: Суворов Н. Церковь Воскресения Христова, что на Ленивой площади, в г. Вологде // ВЕВ. 1868. № 6. С. 179–191; Суворов Н. И. Путеводитель по Вологде. С. 8–9; [Степановский И. К.] Вологодская старина. С. 58.

³⁷ Кудрявцев И. М. Сборник последней четверти XV – начала XVI в. из Музейного собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Т. 25. М., 1962. С. 251.

³⁸ См.: Никитин А. В. Древняя Вологда по археологическим данным; Прим. 1. данной статьи.

³⁹ Имеющиеся работы в основном рассматривают градостроительство XVIII–XX вв.: Фехнер М. В. Вологда. М., 1958; Соколов В. Вологда. 1977.

⁴⁰ Никитин А. В. Древняя Вологда. С. 10.

Раздел III
Поморье.
XIV-XVII вв.

Важский уезд*

1. Источники

Данные по истории и экономике Важского уезда XVI – начала XVII в. содержат работы краеведов, в частности М. Н. Мясникова, исследования М. М. Богословского, М. Н. Тихомирова, Н. Е. Носова, П. А. Колесникова и автора настоящей главы¹.

Для исследования мы стремились привлечь весь круг имеющихся источников: писцовый материал², сборные памяти³, близкие по своему характеру разрубным спискам Двинского уезда, хозяйственные книги Важского Богословского монастыря⁴, около 350 грамот и различных актов, виды которых отражает таблице 1⁵.

Таблица 1
Наличие актов по Важскому уезду за 1551–1620 гг.

Виды актов	Число актов		
	1551–1600 гг.	1601–1620 гг.	Всего
Царские грамоты	21	19	40
Купчие	15	11	26
Данные (и льготные)	2 (1)	10 (4)	17
Мировые (и одиначные)	10	3 (1)	14
Духовные (и дельные)	1 (1)	(1)	3
Вкладные (и закладные)	2 (1)	3 (2)	8
Порядные (поручные)	2 (4)	11 (9)	26
Платежные отписи (и памяти)	47 (1)	73 (3)	124
Выборы (и десяти)	1	3 (6)	10
Явки (и судные дела)	7 (1)	22	30
Прочие	8	30	38
Итого:	125	211	336
Из них опубликовано:	33	85	118

2. Географическое положение, административное деление

После падения самостоятельности Великого Новгорода в бассейне р. Ваги и по среднему течению Северной Двины оформились два уезда: Важский и Устьянские сохи (волости)⁶.

По Уставной Важской грамоте 1552 г. Важский уезд официально делился на две половины: Шенкурскую и Вельскую. В первую входили Подвинский, Ледской, Шенкурский и Ровдинский станы, а во вторую – Слободской (Великосло-

* Впервые опубликовано: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада / отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1978. С. 59–79.

бодской), Вельский и Кокшеньгский станы⁷. Внутри некоторых из них имелись и более мелкие станы⁸.

В начале XVII в. в основном сложилось то территориально-административное деление, которое сохранилось на протяжении XVII–XVIII вв. Важский уезд подразделялся на 4 четверти: 1) Шенкурскую, в которую входили Шенкурский, Ровдинский и Ледской станы; 2) Подвинскую с одним станом Подвинским; 3) Верховажскую, состоявшую из Вельского, Морозовского, Верховажского, Шелотского Великослободского и Тавреньгского станов; 4) Кокшеньгскую с одним Кокшеньгским станом. Все станы делились на волости.

В нижней половине Подвинской четверти иногда выделяются сотни: Пяндская, Ростовская и Топесская⁹. Акты отмечают наличие сотских и в ряде волостей других четвертей¹⁰. Видимо, некогда сотни существовали и в них. Более 10 волостей уезда по старой традиции даже в XVII в. нередко именовались боярщинами¹¹. Ряд волостей, насчитывавших около 20 и более поселений, состоял из нескольких мелких волосток. Так, Кодимская волость включала в себя волости Кодиму, Пучюгу, Иксоозеро¹²; Верхнетоемская – Сестру, Сойгу, Арзу, Чешевицу, Свагу, Карповскую слободку и собственно Верхнюю Тойму¹³; Долговицкая волость – Веригинскую, Челоматскую и Долговицкую¹⁴. Сопоставление волостей и входивших в них волосток XVI – начала XVII в. с волостями, существовавшими на той же территории в 1470-х гг., приводит к выводу, что ряд крупных волостей уезда – искусственные образования московского времени¹⁵.

По духовному ведомству уезд делился на приходы, одни из которых входили в Новгородскую, другие – в Ростовскую митрополию¹⁶.

Территориального соответствия прихода и волости, которое отмечал для Севера XVII в. М. М. Богословский¹⁷, в Важском уезде в XVI и в первой половине XVII в. не было¹⁸.

3. Формирование уезда как дворцового

С включением Важской земли в состав единого Русского государства Устьянские сохи подобно Двинскому уезду стали черносошными, а Важский уезд постепенно оформился как дворцовый.

До 1585 г. уезд был черносошным. До отмены кормлений (1552 г.) управление краем сосредоточивалось в руках великокняжеских наместников¹⁹. По станам уезда сидели также путные ключники, ведавшие, вероятно, государственными житницами²⁰. После отмены кормлений судебно-административные функции выполняли органы земского самоуправления²¹. Продолжал функционировать и институт городских приказчиков²². В 1560–1580-е гг. уезд находился в ведомстве Четвертного приказа²³. В 1585 г. «Вага дана в путь» Б. Ф. Годунову как конюшенному с правом суда и сбора податей и оставалась за ним до его смерти²⁴. В годы правления Василия Шуйского Вага была дана Дмитрию Ивановичу Шуйскому²⁵, в период боярского правления король Сигизмунд дал ее Ивану Михайловичу Салтыкову²⁶, а совет «всех земель» II ополчения – И. М. Заруцкому²⁷. После этого на некоторое время Вага вновь стала черносошной и находилась в ведении приказа Устюжской чети, а в 1613–1615 гг. уезд окончательно перешел в число дворцовых, им стал ведавать приказ Большого дворца²⁸.

С этого времени в уезд направлялись воеводы. Наряду с ними значительную роль в управлении играли представители дворцовой администрации: путные ключники, веношники и стряпчие Сытного дворца²⁹.

4. Поселения

В 1564 г. в Селецкой волости было 20 поселений, и среди них всего один починок. В соседней Кодимской волости из 44 поселений на починки приходилось 15,9% (табл. 2). Следовательно, около 87% селений существовало в этих волостях еще в 1550 г. (до описания уезда И. П. Заболоцким). Такое же количество селений существовало в волостях и в конце XVII в.³⁰ По одной платежной отписи 1570 г. в Родвинском стане было 199 деревень, а в конце XVII в. – 217 деревень и починок³¹. Следовательно, не менее 95% селений стана существовали уже в середине XVI в. В Троицкой волости 96,6% деревень, существовавших в конце XVII в., возникли не позднее XVI в.³² Около 90% деревень Тавреньгской волости Верховажской четверти³³ и 85% деревень Шевденицкой волости Кокшеньгской четверти конца XVII в. известны по актам до 1610 г.³⁴ По письму 1620–1621 гг. в Шенкурском и Ледском станах на долю починок приходилось лишь 1,8%. Нет новых поселений и в Долговицкой волости Кокшеньгской четверти. Лишь в Вершинской и Верхнетоемской волостях починки составляли 16,5% поселений (см. табл. 2).

На основании этих неполных данных мы вправе считать территорию Важского уезда районом старой славянской колонизации. Значительная часть поселений возникла здесь, вероятно, еще в новгородский период. Во второй половине XVI – начале XVII в. новые селения возникали в небольшом количестве в юго-восточной части уезда, близкой к путям в Приуралье и Сибирь. Таким образом, если в конце XVII в. в уезде было 2350 поселений сельского типа (без пустошей)³⁵, то в середине XVI в., вероятно, – около 2 тыс. сельских поселений (85% от числа селений конца XVII в.) и 2 городка – Шенкурский и Тарногский, а в 1620-е гг. – около 2230 поселений (95% от числа поселений конца XVII в.).

В 1620-е гг. более значительным было количество пустых селений лишь в Долговицкой волости – 29,2%. Объясняется это тем, что ряд волостей на Кокшеньге значительно пострадал от набегов польско-литовских отрядов в 1613 г.³⁶

В XVI в. деревни уезда в основной массе, вероятно, были одно- и двухдворные. По сотной 1564 г. в Кодимской и Селецкой волостях однодворных поселений было 43,3%. Наиболее крупные селения, в 4–5 дворов, составляли лишь 11,6%. В них сосредоточивалось 25,8% дворов. К 1620 г. дворность поселений несколько возросла. Однако и в это время малодворные поселения составляли на рассматриваемых территориях трех четвертей от 50 до 58%. Процент наиболее крупных поселений (7–10 дворов) и сосредоточенных в них дворов очень незначителен (табл. 3, 4). Если в середине XVI в. в Кодимской волости на селение приходилось 1,7 двора, а в Селецкой – 2,6 двора, то в 1620 г. в соседних с ними Верхнетоемской и Вертинской волостях – соответственно 2,5 и 3,2 двора на поселение. К Верхнетоемской волости в этом отношении близки Шенкурская четверть и Долговицкая волость. В среднем, по данным имеющихся сотных, охватывающих четвертую часть уезда, на сельское поселение в 1620-е гг. приходилось 2,6 двора. Если считать эту цифру характерной и для всего уезда, то в 1620-е гг. в нем должно было быть около 6000 дворов (в том числе около 150 посадских)³⁷.

Для Важского уезда, как и Каргопольского, характерно гнездовое расположение деревень. В 3-х км к востоку от Шенкурска находилось первое гнездо деревень Никольского погоста: Логиновская (позднее – Высокая Гора) и Володин-

Таблица 2
Типы поселений Важского уезда

Район	Год	Погосты		Деревни		Починки		Пустоши ^а и селища		Всего:	В том числе					
		число	%	число	%	число	%	число	%		живущих		наезжих ^б		пустых	
											число	%	число	%	число	%
Подвинская четверть Волости: Кодимская	1564	-	-	36	81,8	7	15,9	1	2,3	44	42	95,5	2	4,5	-	-
	1564	-	-	17	85	1	5	2	10	20	18	90	2	10	-	-
Селецкая	1593	-	-	26	86,7	3	10	1	3,3	30	29	96,7	1	3,3	-	-
Троицкая	1618	-	-	24	96	1	4	-	-	25	25	100	-	-	-	-
Ростовская	1620	1	0,7	100	73,5	27	19,9	8	5,9	136	118	86,7	10	7,4	8	5,9
Верхнеотоемская	1620	1	2,2	38	82,6	3	6,5	4	8,7	46	41	89,1	3	6,5	2	4,4
Вершинская																
Шенкурская четверть Станы: Шенкурский	1620	5	1,9	216	84,1	4	1,5	32	12,5	257	212	82,5	26	10,1	19	7,4
Ледской	1620	4	1,6	219	88	5	2	21	8,4	249	223	89,6	21	8,4	5	2
Кокшеньгская четверть Долговичская волость	1620	1	4,2	16	66,6	-	-	7	29,2	24	13	54,1	4	16,7	7	29,2

^а Пустоши и селища часто использовались как наезжая пашня.

^б В качестве наезжих фигурируют и деревни, и починки, и пустоши.

Таблица 3

Размеры живущих поселений сельского типа^а

Район	Всего селений	В том числе селений										Всего дворов		В среднем дворов на селение		
		с 1 двором		с 2 дворами		с 3 дворами		с 4–5 дворами		с 5–7 дворами		с 8 и более ^б			жилых	пустых
		Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%			
<i>Подвинская четверть</i> Волости: Кодимская	42	21	50	13	31	6	14,2	2	4,8	-	-	-	-	73	3	1,7
Селецкая	18	5	27,8	5	27,8	3	16,7	5	27,7	-	-	-	-	47	-	2,6
Верхнетоемская ^в	73/117	19	26	23	31,5	21	28,8	6	8,2	3	4,1	1	1,4	183/290	-	2,5
Вершинская ^в	38/40	12	31,6	6	15,8	8	21,5	6	15,7	4	10,4	2	5	117/126	1	3,2
<i>Шенкурская четверть</i> Станы: Шенкурский	207	60	29	65	31,4	41	19,8	26	12,5	14	6,7	1	0,6	520	13	2,5
Ледской	219	61	27,8	61	27,8	31	14,2	50	22,9	14	6,4	2	0,9	591	3	2,7
<i>Кожиньская четверть</i> Долговичская волость	12	2	16,7	4	33,3	5	41,7	1	8,3	-	-	-	-	29	4	2,4

^а Здесь и далее не приведены данные по погостам. Данные по Кодимской и Се-
лецкой волостям даны за 1564 г., по остальным – за 1620 г.

^б В том числе в Вершинской волости одна деревня с 9 дворами и в Ледском стане
одна деревня с 11 дворами.

^в В знаменателе приведены данные сотных, в числителе – поселения и дворы,
имеющиеся в сохранившихся текстах сотных.

Таблица 4

Распределение учтенных тяглых дворов по сельским поселениям

Район	Год	Всего дворов	Дворов в селениях											
			с 1 двором		с 2 дворами		с 3 дворами		с 4-5 дворами		с 6-7 дворами		с 8 и более	
			число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
<i>Подвинская четверть</i> Волости: Кодимская	1564	73	21	28,8	26	36,6	18	24,7	8	10,9	-	-	-	-
Селецкая	1564	47	5	10,6	10	21,3	9	19,2	23	48,9	-	-	-	-
Верхнетоемская	1620	183	19	10,4	46	25,1	63	34,4	27	14,7	20	11	8	4,4
Вершинская	1620	117	12	10,3	12	10,3	24	20,5	25	21,4	27	23,2	17	14,5
<i>Шенкурская четверть</i> Станы: Шенкурский	1620	520	60	11,5	130	25	123	23,7	110	21,2	89	17,1	8	1,5
Ледской	1620	591	61	10,3	122	20,7	93	15,7	208	35,2	88	14,9	19	3,2
<i>Кокшеньгская четверть</i> Долговицкая волость	1620	29	2	6,9	8	27,6	15	51,7	4	13,8	-	-	-	-

Примечание. По Верхнетоемской и Вершинской волостям взяты дворы, описанные в сохранившихся частях сотных.

ская. В 1 км от него, за рекой Почей, – второе гнездо из деревень Микифоровской (Наводова) и Заборья. В 1–1,5 км от них – центральный куст погоста: деревни Артемовская, Власовская (Оферово), Чивилинская, Лыткинская и сам погост на Федоровой Горе. Далее к северо-западу, в 1–1,5 км от него, – гнездо деревень по р. Игошеве (Старой Поче): Клевцовская, Окишевская, Нестеровская (Бабыя Горка), Живулинская. На таком же расстоянии от последнего – гнездо деревень близ устья р. Игошевы: Афанасьевская, над Карповым ручьем, и Ортюшинская (Усть-Поча). Одно или два гнезда деревень было и в верховьях этой речки³⁸. В Ледском стане, на правом берегу Ваги, в 15–20 км к северу от Шенкурска, находились деревни Богословского монастыря, большинство из которых было передано монастырю боярами Шенкурскими в третьей четверти XV в. Эти деревни образовывали следующие гнезда: 1) Мосеевская, Захаровская, Столыпинская, Рогачевская (по левому берегу Пинежки, в 0,5 км друг от друга); 2) Софоновская, Кононовская, Смотроковская, Пустынка (против первого куста, за рекой); 3) Коровий Двор и Овсяниковская (севернее предыдущего на 1 км); 4) три деревни в Мидляше (напротив второго и третьего гнезд за р. Вагой)³⁹.

В 5 км к северу от вотчины Богословского монастыря шли гнезда деревень Химаневской волости: 1) Стеховская, Баламутовская, церковная Рождественская и погост; 2) Ивановская, Тимошинская, Карабышевская, Петрунинская (в

0,5 – 1 км от первого гнезда); 3) Голощаповская и Боборыкинская (в 1 км от второго); 4) Моисеевская и Парфеновская (в 2 км от третьего); 5) Наум Болото (в 3–4 км от предыдущего)⁴⁰. Аналогичные гнезда деревень были и в Долговицкой волости⁴¹.

Погосты представляли собой небольшие поселения из 3–5 дворов, где жили церковнослужители. Лишь в некоторых погостах, главным образом Шенкурского стана, наряду с церковнослужителями жили оброчные бобыли, а в Преображенском погосте (на Кьянде) в 1620 г. было 3 двора крестьян. В таких погостах насчитывалось по 8–14 дворов. К посадам в начале XVII в. приближались лишь Благовещенский (близ Великой Слободы) и Пречистенский (позднее – Верховажский посад) погосты⁴². Небольшими были и города уезда. В 1620 г. в Шенкурске насчитывалось 59 тяглых жилых дворов, 6 дворов осадных и 4 двора церковнослужителей⁴³. На долю посадов в 1620 г. приходилось в уезде около 2,5 % дворов.

Таким образом, в Важском уезде, как и в Каргопольском, в XVI в. преобладали малодворные деревни. Однако в Каргопольском уезде их доля к 1620 г. снизилась более значительно. Для обоих уездов характерно гнездовое расположение деревень. Погосты в этих уездах представляли собой незначительные поселения, в основном с дворами церковнослужителей. В обоих уездах насчитывалось по 2 посада, но в Каргопольском уезде посадки были намного крупнее. Отсюда доля посадских дворов в Важском уезде значительно ниже.

5. Население

В 1620 г. на территории Важского уезда, по которой имеются данные, в среднем на двор приходилось 1,3 «людей». Отсюда в уезде было около 33 тыс. человек⁴⁴. На долю посадов приходилось около 3 % жителей. Плотность населения уезда при площади 50 тыс. кв. км⁴⁵ в 1620 г. составляла 0,66 человека на 1 кв. км.

В поселениях сельского типа основная категория населения – черносошные (позднее – дворцовые) крестьяне (табл. 5). В середине XVI в. в Кодимской и Селецкой волостях очень незначительный процент составляли половники крестьян. По письму 1620 г. половники отмечаются лишь в Шенкурской четверти. Большая часть их обрабатывала земли монастырей, церковей и Едемских. Письмо 1620 г. отмечает в уезде и незначительный процент бобылей (см. табл. 5).

В Важском уезде во второй половине XVI – начале XVII в., по данным сотных, увеличилась населенность двора. Численность населения уезда за этот период, вероятно, возросла более чем в 1,5 раза.

6. Землевладение

По платежной отписи 1552 г. в Важском уезде было в тягле 2777 и «в пусте» 585 беж⁴⁶. Последние составляли 17,4 % от общего количества беж.

Некоторому запустению подверглись юго-западные волости уезда и примыкавший к ним Ровдинский стан и во второй половине XVI в. В 1552 г. в Ровдинском стане было 310 беж, а по платежной отписи 1570 г. – 271 обжа⁴⁷. В Тавренъгском стане с 1573 по 1585 г. «от мору» запустело 11 ²/₃ обжи⁴⁸ (около 15 %).

В 1612–1619 гг. Вага, как и другие районы Поморья, подверглась нападению со стороны польско-литовских отрядов. Были разорены Вельск, постра-

Таблица 5

Число «людей» (семей) на двор в сельских поселениях Важского уезда

Район	Год	Крестьянские дворы										Прочие дворы						Всего			
		Число	%	из них имеют «людей»					всего «людей» на двор	половников	бобылей	других	«людей» в них	«людей» на двор	дворов	«людей»	«людей» на двор				
				1	2	3	4	5													
Подвинская четверть Волости: Кодимская	1564	71	97,5	64	6	1	-	-	-	-	79	1,11	2	-	-	2	1	1	73	81	1,11
	1564	45	95,8	44	1	-	-	-	-	46	1,02	1	-	1	2	1	1	1	47	48	1,02
Верхнетоемская	1620	172	95,2	133	34	5	-	-	-	216	1,25	-	11	-	11	-	1	1	183	227	1,24
Вершинская	1620	115	98,7	89	19	5	2	-	-	150	1,3	-	2	-	2	-	1	1	117	152	1,3
Шенкурская четверть Станы: Шенкурский	1620	485	94,8	340	108	33	4	-	-	671	1,38	17	10	8	37	1,06	1,06	1,06	520	708	1,36
Ледской	1620	548	93,2	374	141	30	3	-	-	758	1,38	3	17	23	55	1,28	1,28	1,28	591	813	1,37
Кокшеньгская чет- верть Долговичская волость	1620	29	100	18	8	2	-	1	45	1,55	-	-	-	-	-	-	-	-	29	45	1,55

дал ряд волостей, монастырей и церквей уезда⁴⁹. Так, по письму 1620–1621 гг. в Шенкурском стане (без вотчин Едемских) было «в пусте» около 6 % пашни и столько же на льготе. Льгота была дана писцам тем, кто подвергся разорению в 1619 г.⁵⁰

Количество живущих обож в уезде за 70 лет после письма И.П.Заболоцкого несколько уменьшилось. Приведем имеющиеся у нас данные по отдельным районам уезда⁵¹.

В Ровдинском стане количество живущих обож сократилось на 17,7 %, и в основном запустение произошло в 50–60-е гг. XVI в. В целом же количество живущих обож в Шенкурской четверти уменьшилось лишь на 4,6 %⁵². В Верховажской четверти сокращение составило почти 13 %. По письму 1620 г. в уезде было около 2380 обож⁵³. Сравнительно с письмом И.П.Заболоцкого количество живущих обож в целом по уезду уменьшилось на 397, т.е. на 14,3 %.

До 1564 г. обжа на Ваге, по всей вероятности, примерно равнялась 5 четвертям в поле. С 1564 г. до конца XVII в. здесь мы видим обжу, равную 10, 12 или 14 четвертям в поле⁵⁴. Однако переложение обож не повлекло за собой сокращения их общего числа. Так, за Богословским монастырем в 1550–1570-е гг. числилось пашни неизменно 18 обож⁵⁵. В 1558 г. в Троицкой волости было пашни 8 сошек «без трети обежные», а в 1568 г. – 27 обож, причем 3 из них новые⁵⁶. Б.П.Засекин, описывавший уезд в 1564 г., включал в тяглую пашню не только старую тяглую, но и отхожую, луговую и другие категории пашни, ранее не облагавшиеся тяглом⁵⁷. Включение новых земель в число тяглой пашни и дало возможность сохранить неизменным общее число обож, хотя обжа и возросла в среднем в 2 раза. Аналогичное явление отмечено нами и при переложении обож в Каргопольском стане одноименного уезда. Следовательно, живущая пашня в Важском уезде с 1550 по 1620 г. сократилась на 14,3 % лишь формально. В действительности объем учтенной пашни возрос по уезду за этот период примерно на 70–80 %⁵⁸. К сожалению, нет возможности выделить из этого числа новораспаханную пашню.

Таким образом, Важский уезд не пережил в конце XVI – начале XVII в. той волны запустения, которая прокатилась по многим уездам страны.

Площадь живущей пашни Важского уезда в середине XVI – начале XVII в.

Стан / четверть	Количество обож	
	1552 г.	1618 г.
Шенкурский стан	297	
Ледской стан	308	
Ровдинский стан	310	
Всего в Шенкурской четверти	915	870
Подвинская четверть	512	
Верховажская четверть	747	650
Кокшеньгская четверть	603	

На территории уезда во второй половине XVI – первой четверти XVII в. господствующим было черносошное (позднее – дворцовое) землевладение. Наряду с тяглыми черносошными существовали оброчные великокняжеские⁵⁹, а также своеземческие, монастырские и церковные земли⁶⁰. Землевладение своеземцев постепенно исчезало. В начале XVII в. на правах своеземцев владели вотчинами, вероятно, лишь отдельные представители Едемских. На протяжении рассматриваемого времени росло монастырское и церковное землевладение. Если в конце XV в. в крае было 2 монастыря, то в начале XVII в. – около 15 монастырей и мелких пустынь⁶¹.

В середине XVI в. за монастырями в уезде было менее 1 % пашни, и в 1620 г. – около 1,7 %⁶². За Едемскими в 1620 г. было около 1 % пашни⁶³. Несколько возросло и церковное землевладение. К 1620 г. отдельные церкви уезда имели не только тяглую, но и обельную пашню⁶⁴. Некогда в уезде насчитывалось значительное количество слобод, но к середине XVI в. земли их, вероятно, уже перешли в разряд тяглых. И на былое существование их указывает лишь топонимика⁶⁵. Очень немного пашни было за посадскими людьми⁶⁶.

7. Крестьянское хозяйство

Основным занятием крестьян уезда являлось земледелие. Ведущей системой земледелия была паровая зерновая с трехпольным, двухпольным и другими севооборотами. Об этом говорят хозяйственные книги Богословского монастыря, крестьянско-монастырские порядные и отдельные крестьянские акты⁶⁷. На лугах и островах практиковались двухполье или луговой перелог. «Подспорьем в земледельческом хозяйстве северного крестьянина», по мнению А.Я.Ефименко, являлась подсека⁶⁸. К подобному выводу пришел в своем исследовании и П.А.Колесников⁶⁹. Однако в отдельных районах подсечная система землепользования играла существенную роль. Подчас удельный вес ее и значение в крестьянском хозяйстве было даже выше, нежели трехполья. Важно и то, что наряду с подсекой довольно распространенным был и лесной перелог. Существование этих систем земледелия выявлено нами как в Каргопольском, так и в Важском уезде. Перелог использовался крестьянами не только из агротехнических соображений⁷⁰. Немаловажным было и то, что переложная и лесом поросшая пашня хотя и учитывалась писцами, но не облагалась, как правило, тяглом, а подчас даже и оброком.

О наличии подсеки в уезде в XVI – начале XVII в. говорят многие факты. Остановимся на тех данных, которые прямо или косвенно указывают на существование в уезде подсечной системы землепользования и лесного перелога. По жалованным грамотам XVI – начала XVII в. ряду монастырей и церквей уезда предоставлялось право сечь лес и распаивать пашню на этих участках⁷¹. В 1574 г. выборные земские судьи у Ивана Киселя в Суландской волости Ровдинского стана «сметили пашенную землю на подсеке... на 8 четвертей ржаных», что «пахан лес черной». По сотной 1564 г. за Киселем числилось лесу пашенного на 9 четвертей. Сам он на суде говорил, что этим участком «отец мой и прадед владели»⁷². Отсюда можно полагать, что данный участок, хотя на нем и был «черный лес», распахан не впервые. Крестьяне Кокшеньгской четверти, как отмечается в ряде явок, часто использовали подсеку и секли лесную молодь. В 1604 г. Злоба Дмитриев высек молодь у церкви Верхококшеньгской и Илезской волостей. В 1605 г. крестьяне дер. Игумновской

высекли молоди на четверть у крестьян дер. Демидовской Усть-Уфтюжской волости⁷³. В Шевденицкой волости в 1605 г. жгли новину складники Куземка Кротов и Незговор Попов. В том же году здесь же порядился половничать на 4 года к Федору Вахневу некий Осип Федоров и обязался, кроме прочих работ, «новины на всякий год насекасти на меру на ржаную». В 1607/08 г. секли лес складники Ермолка Малецкий и Яков Дружинин. В 1616 г. крестьяне дер. Тимошинской подали явку на Митрофана Мосиева и двух других крестьян, которые у них «молоди секут сильно». В 1617 г. братья Юрьевы из Долговицкой волости запахали «сильно» у Маркушевского монастыря «земель дубров чертежей на 20 четвертей». У одного из них, Павла Юрьева, к 1627 г. порядчик Федко Феофилов «новины сек на 2 меры под рожь»⁷⁴. В 1621 г. поп Оникей Никифоров захватил подсеку Ивана Максимова дер. Митинской Долговицкой волости, «усек лесу молоди... на четверть на ржаную», выжег и посеял рожь и репу. В 1622 г. секли новину за р. Кокшеньгой складники дер. Лукинской. В 1626 г. Ларион Степанов с братом и Иваном Фоминым отняли у группы крестьян землю – «молоди вопчие». Указания на подсеку «молоди», на наш взгляд, явно говорят за то, что в недалеком прошлом на этих участках была пашня. В 1606 г. Незговорко Дружинин показывал детям и наймиту, где им «рошу сетчи по речке по Ехренге». По словам Незговорка, эта запашь деда его Фомы Иванова⁷⁵. Следовательно, в Важском уезде в XVI – начале XVII в. наряду с трехпольем довольно широко использовались подсекающая система землепользования и лесной перелог. Лес пашенный, отмечаемый всеми имеющимися у нас сотными XVI – начала XVII в., по всей вероятности, и являлся базой подсеки и лесного перелога. Соотношение пашенного леса с основной (трехпольной) пашней по отдельным волостям и деревням различно. В 1620 г. в Ледском и Шенкурском станах одна десятина пашенного леса приходилась на 7–8 десятин основной пашни, а в Верхнетоемской, Вершинской и Долговицкой волостях – на 3–4 десятины основной пашни. В Долговицкой волости лес пашенный был у всех поселений, кроме церковной деревни, в Вершинской волости его имели 77% поселений, в Шенкурском стане – 68%. Если основная пашня в деревнях преобладала над пашенным лесом, то в починках чаще видим обратное⁷⁶. К сожалению, источники не дают возможности выяснить более четко характер эксплуатации крестьянами этого вида пашни.

Преобладающими зерновыми культурами в уезде были озимая рожь, яровые – ячмень (жито) и овес. В небольшом количестве сеяли пшеницу и горох. Из огородных культур по всему уезду были распространены репа и капуста. Из технических культур даже в северной части уезда выращивали лен, коноплю, хмель⁷⁷.

Данные об урожайности зерновых в начале XVII в. очень отрывочны. В 1615 г. у Томила Иванова сына Гладкого в Слудной деревне на Кокшеньге урожай овса был сам – 4. В 1632 г. у посельского Богословского монастыря в деревне Шеговаре урожай ржи был сам – 7, жита – сам – 3,8, овса – сам – 1,8⁷⁸. Имеющиеся у нас данные об урожайности на подмонастырской пашне Богословского монастыря за 15 лет второй половины XVII в.⁷⁹ дают основания полагать, что в Важском уезде в XVI–XVII вв. была сравнительно высокая урожайность зерновых (хотя урожайность сам – 8,6, вероятно, нельзя считать средней для уезда).

Значительную роль в крестьянском хозяйстве играло и скотоводство. Разводили лошадей, коров, овец, свиней, кур. Наиболее значительными были сенокосные угодья у крестьян Подвинской четверти.

В Подвинской и Шенкурской четвертях было много заливных лугов. В Шенкурском стане сенокосами были богаты едемский, нижедемский, рай-

больский и федрогорский луга. Наличие хороших сенокосов безусловно способствовало развитию скотоводства, а отсюда и земледелия. Значительная часть сенокосов давалась крестьянам из оброка. В середине XVI в. в Кодимской и Селецкой волостях оброчное сено соответственно составляло 41 и 28% от всего учтенного писцами. В 1620 г. в Шенкурском стане у крестьян почти пятая часть сенокосных угодий была на оброке, а в Ледском стане – третья. В Верхнетоемской волости в это время оброчного сена было 77%, а в Вертинской волости – 83,7%. Оброчные угодья обычно сосредоточивались в руках наиболее зажиточных людей. Крестьяне-бедняки оброчного сена почти не имели⁸⁰.

Сотные XVI – начала XVII в. и крестьянские акты указывают на наличие у крестьян рыболовных угодий. Обычно эти угодья принадлежали одной деревне, реже нескольким смежным деревням. И оброк брался с деревни или с этой группы деревень. Иногда оброк с рыбных ловель взимался со всей волости вместе, но угодья все-таки чаще всего были за отдельными деревнями⁸¹. В Двине и Ваге водились семга, лосось, щука, сиг, окунь, плотва, лещ, язь. Рыбу ловили сетями и чаще мережами (мордами) при помощи заколов. Мережами обычно рыбу ловили весной, когда она шла на нерест в верховье, и осенью.

Почти каждая купчая на деревню или долю ее называет в числе угодий «лешие путики» и «перевесища»⁸².

Уезд расположен вдали от моря, однако это не мешало важанам заниматься морским промыслом. Прибывая в низовья Двины, важане арендовали ладью или выходили в море с хозяином судна на правах пайщиков. В 1609 г. крестьяне Верховажской четверти подали в Москве челобитную, где, в частности, жаловались, что с них берут пошлины в Холмогорах и на Пинежском волоке, когда они проезжают торговать и идут «на весноване на промыслы на рыбные ловли на море, на удбу», не по уставным грамотам⁸³. На морской промысел и за рыбой они ходили в районы Мезени, Печоры и Мурмана.

Крестьяне уезда занимались и различными ремеслами. Они били шерсть, пряли, ткали, выделывали кожи, шили одежду и обувь. Беднейшая часть крестьян нанималась на эти и сельскохозяйственные работы к наиболее состоятельным хозяевам и в монастыри⁸⁴.

Крестьянам Селецкой волости заказывали каюки и дощаники. Крестьяне Верховажской четверти уже в XVI в. являлись поставщиками смолы для внутреннего рынка.

Крестьяне продавали друг другу в небольшом количестве скот, мясо, сено, солону, зерно, хмель⁸⁵. Богословский монастырь, кроме этого, покупал у окрестных крестьян рыбу, коноплю, лен, рассаду, шкурки, сукно, полотно, кожи, одежду, обувь, деревянные изделия, сельскохозяйственный инвентарь кузнечной работы, смолу. Наряду с розничной торговлей на местах некоторые крестьяне вели и оптовую торговлю за пределами своей волости и уезда. Так, из «правой грамоты» 1590 г. ясно, что Самыло Леонтьев Подберезный из Троицкой волости Подвинской четверти продавал рожь в Холмогорах⁸⁶. В 1608 г. Иван Матвеев Ногавицын из Шевденицкой волости Кокшеньгской четверти ездил торговать хмелем на Благовещенскую ярмарку. А в 1623 г. из той же волости Антонко Федоров поплыл на дощанике к Холмогорам с рожью⁸⁷. Часто для закупки или продажи товаров объединялось несколько родственников. Так, в 1603 г. Васка Шибаетов сын Дмитриева собирался закупить в Холмогорах соли и рыбы и для себя, и для своего зятя Гаврилы Вахнева. В 1606 г. Леонтию Иванову Кузнецову для торговли дали деньги два родных и

два двоюродных брата. В 1615 г. Третьяк Федоров сын Личного получил на рожь и хмель от двоюродного брата и племянника 30 руб.⁸⁸ По всей вероятности, названные крестьяне должны были заняться скупкой товара у окрестных крестьян. Потом скупленный товар вывозился на ярмарки. Такими скупщиками были и крестьяне-складники Троицкой волости Самыло Леонтьев и Филимон Афанасьев, у которых в 1589 г. было «скупной» ржи 100 мер⁸⁹. Скупкой ржи, хмеля и беличьих шкурок в волостях Кокшеньгской четверти занимался в 1631 г. Иван Гаврилов Сверчков. Только своему помощнику, крестьянину Верхококшеньгской волости, он выдал для закупок 33 руб.⁹⁰

Важский уезд находился в центральной части Поморья, одной из наиболее развитых в торговом отношении частей Русского государства XVI–XVII вв. На Ваге в этот период имелось несколько значительных торговых центров. С. В. Бахрушин писал: «Мы почти ничего не знаем о Важской Благовещенской ярмарке, игравшей исключительно большую роль в XVII в.»⁹¹. Данных о ней действительно очень немного. Ярмарка возникла в конце XVI в., если не возродилась на месте старой⁹². После дозора Я. Боборыкина (1620 г.) с лавок, полок, шалашей и саней ярмарочных стали собирать пошлину, а в устье р. Устья был поставлен мыт. Таможенных книг до этого времени не велось, так как деньги с торговцев собирали церковные старосты «на церковное строение»⁹³. Ярмарка начиналась в первых числах марта и длилась 10 дней. В 1620 г. на Благовещенском погосте и в близлежащей Великой Слободе⁹⁴ было 47 «молотчих» и «средних» посадских дворов⁹⁵.

Некоторое торговое значение в XVI–XVII вв. имел и г. Шенкурск. В это время Богословский монастырь покупал там часто сукно, одежду, деревянную посуду, рыбу, ворвань, бумагу, фимьян, оконницы, гвозди и т. д. В 1620 г. в городе было 29 лавок и 3 прилавка⁹⁶. С начала 30-х гг. XVII в. там уже существовала и таможня. Торговые лавки были в Тарногском городке и Пречистенском погосте Верховажского стана (впоследствии Верховажский погост). Последний известен как торговый центр с конца XVI в.⁹⁷ В 1595 г. поставлен был гостиный двор в Маркушевском монастыре, где ярмарка приурочивалась к Прокопьеву дню⁹⁸.

Эти рынки возникали в результате экономического развития и вследствие выгодного географического положения уезда. Можно считать, что Благовещенская ярмарка и Верховажский посад в XVII в. превратились в торговые центры общерусского масштаба.

Однако основным занятием крестьян уезда было земледелие. Об обеспеченности их пашней и сенокосами дает представление табл. 6. Среднее количество десятин пашенной земли на двор и семью в Важском уезде, по имеющимся данным, было более высокое, чем в Двинском уезде и Заонежье. Но и здесь были волости, где в 1620-е гг. на двор приходилось всего по 3,5 (Верхнетоемская) и даже по 2,6 десятины (Вершинская). В то же время в Шенкурской четверти и Долговицкой волости этот показатель соответственно составлял 8–9,5 десятины.

Отсутствие сопоставимых данных не позволяет судить об изменении размеров надела между 1560-ми и 1620-ми гг. Возможно, средний размер пашни на семью в это время несколько снизился.

В капитальном исследовании по истории обложения XVI–XVII вв. С. Б. Веселовский писал, что ему «о важских окладных единицах ничего не известно»⁹⁹. Постоянной окладной единицей на Ваге в XVI–XVII вв. была обжа; первоначально, как отмечалось, малая, а с 1564 г. – большая (московская), содержавшая по 10, 12, 14 четвертей пашни в поле. Более крупной единицей до 1615 г. являлась

Таблица 6

Средняя обеспеченность крестьян пашней и сенокосом

Район	Год	Дворов	«Людей»	Обж	Пашни (в десятинах)	Сена (в копнах)		Леса пашенного (в десятинах)	На двор						На семью			
						обжяного	оброчного		обж-ного (в копнах)	сена (в копнах)	оброчного (в копнах)	леса пашенного (в десятинах)	обж	пашни (в десятинах)	сена (в копнах)	леса пашенного (в десятинах)	обж	пашни (в десятинах)
Подвинская четверть Волости: Кодимская	1564	71	79	32,9	551,1	3092	2197,5	180	1,11	0,46	7,62	43,6	31	2,5	0,42	6,97	67	2,3
Селецкая	1564	45	46	21,5	339,5	1218	498,5	68	1,02	0,48	7,54	27,1	10,8	1,5	0,47	7,38	37,3	1,5
Троицкая	1593	64		26,7	480,6	-	-	-	-	0,42	7,5	-	-	-	-	-	-	-
Ростовская	1618	47		20,4	367,7	-	-	-	-	0,43	1,8	-	-	-	-	-	-	-
Верхнегемская	1620	172	347	50,6	925,8	1521	5350	243	1,3	0,19	3,48	5,7	20,1	0,9	0,14	2,66	19,8	0,7
Вершинская	1620	115	158	18,1	313,5	542	2795	101	1,31	0,15	2,61	4,5	23,3	0,9	0,11	1,98	21,1	0,6
Шенкурская четверть Станы: Шенкурский	1620	485	671	224,9	3951	6716	1791	513	1,38	0,46	8,14	13,8	3,5	1,1	0,32	5,88	12,7	0,8
Ледской	1620	548	758	275,7	4893	8190	5335	658	1,38	0,5	8,93	14,9	9,7	1,2	0,38	6,45	17,7	0,9
Кокшеньгская четверть Долговичская волость	1620	29	45	15,7	276	479	508,5	80,5	1,55	0,54	9,52	16,5	17,5	2,8	0,35	6,13	21,9	1,8

малая сошка, как в Новгороде, Двине и Каргополе, равная 3 обжа¹⁰⁰. По царской грамоте от 20 сентября 1615 г. на Ваге была введена большая московская соха¹⁰¹. Писцы в 1616 и 1620–1621 гг. в большой сохе в уезде считали по 700, 875 и 1050 четвертей доброй, средней и худой пашни для земель всех категорий¹⁰². Для посадских людей и бобылей окладной единицей был двор¹⁰³.

О тягости окладных сборов с крестьян Важского уезда дает представление табл. 7. На самом деле сборы с крестьян были более значительными. Однако нет возможности учесть неокладные государственные и мирские сборы этого време-

Таблица 7
Рост окладных сборов с крестьян Важского уезда в 1550–1620-е гг.

Годы	Окладные сборы в деньгах		
	с обжи	с десятины	с двора
1550-е	160	–	–
1560-е	300	16,7	136,4
1590-е – начало XVII в.	640	36	–
1620-е ^a	640	36	–

Примечания.

Источники: РИБ. Т. 32. № 189, 190; Платежная книга Каргопольского уезда // САС. Вып. 2. С. 253–290, 481–482; ГААО. Ф. 1408. № 8, 15; Ф. 829. Оп. 1. Л. № 897; СПбИИ РАН. Ф. 115. № 22, 311; Ф. 174. Оп. 1. № 270, 326, 534; ААЭ. Т. II. № 25; Васильев Ю. С. Сборные памяти. С. 360–365.

^a Без воеводского корма.

ни. В 1610-е гг. тяжелыми были посошная служба и чрезвычайные сборы¹⁰⁴. Общая сумма сборов с Важского и Каргопольского уездов достигла в это время по 8–10 руб. с обжи в год¹⁰⁵, до 100 денег с десятины.

Исходя из норм налогообложения и цен на хлеб, во второй половине XVI – первой четверти XVII в. крестьянская семья в Важском и Каргопольском уездах должна была иметь надел в 6–9 десятин, чтобы зерна хватило на семена, питание, фураж и уплату повинностей. Таких хозяйств в уездах было меньшинство.

Однако крестьянское хозяйство существовало и развивалось. Процент бобыльства в начале XVII в. по уезду был очень незначителен. Следовательно, крестьянство находило дополнительные статьи дохода, помимо доходов с основной пашни. Источниками их были подсечная пашня и лесной перелог, животноводство, промыслы и ремесла.

Крестьянские хозяйства в уезде ни в середине XVI в., ни позднее не были однородными (табл. 8). В Кодимской волости наделы основной пашни колебались от 1,5 до 25 десятин на двор и семью. Незначительный надел, до 1,5 десятины, имело 5,6% дворов и 8,8% хозяйств. В то же время свыше 16 десятин насчитывали 8,4% дворов и 2,6% семей. А если учесть, что наиболее состоятельные хозяйства имели лучшие земли, во много раз больше сенокосных, особенно оброчных, угодий, то разница между экономическим состоянием хозяйств, стоявших на разных полюсах, получается довольно значительной. Так,

Таблица 8
Распределение крестьянских дворов по размерам запашки

Размер запашки (в десятинах)	Подвинская четверть												Шенкурская четверть, 1620 г.				Кокшеньгская четверть	
	Кодимская волость, 1564 г.		Селецкая волость, 1564 г.		Троицкая волость, 1593 г.		Ростовская волость, 1618 г.		Верхнетоемская волость, 1620 г.		Вершинская волость, 1620 г.		Шенкурский стан		Ледской стан		Долговичья волость	
	Дворов	%	Дворов	%	Дворов	%	Дворов	%	Дворов	%	Дворов	%	Дворов	%	Дворов	%	Дворов	%
До 1	-	-	-	-	9	14	2	4,2	16	9,2	10	8,7	8	1,6	6	1,1	-	-
1,1-2	4	5,6	-	-	-	-	2	4,2	33	19,2	38	33	11	2,3	13	2,4	-	-
2,1-3	9	12,7	4	8,9	-	-	1	2,1	78	45,2	44	38,3	60	12,5	55	10	-	-
3,1-4	6	8,5	4	8,9	1	1,6	12	25,5	13	7,7	5	4,4	9	1,9	18	3,3	3	10,4
4,1-5	1	1,4	9	20	7	10,9	3	6,4	18	10,5	14	12,2	75	15,5	85	15,5	3	10,4
5,1-6	10	14,1	8	17,8	4	6,3	7	14,9	11	6,4	4	3,4	81	16,7	79	14,4	2	6,9
6,1-8	10	14,1	8	17,8	16	25	5	10,7	2	1,2	-	-	52	10,7	81	14,8	7	24,1
8,1-10	16	22,5	6	13,3	10	15,6	5	10,7	-	-	-	-	72	14,8	69	12,6	5	17,2
10,1-13	6	8,5	2	4,45	12	18,7	1	2,1	1	0,6	-	-	52	10,7	47	8,6	5	17,2
13,1-16	3	4,2	2	4,45	3	4,7	3	6,4	-	-	-	-	32	6,6	40	7,3	4	13,8
16,1-20	3	4,2	1	2,2	-	-	3	6,4	-	-	-	-	16	3,3	23	4,2	-	-
20,1-25	3	4,2	1	2,2	1	1,6	3	6,4	-	-	-	-	8	1,6	17	3,1	-	-
25,1-30	-	-	-	-	1	1,6	-	-	-	-	-	-	8	1,6	10	1,8	-	-
30,1-60	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,2	5	0,9	-	-
Итого:	71	100	45	100	64	100	47	100	172	100	115	100	485	100	548	100	29	100

у Иванки Федосеева в 2 деревнях и починке Терешкове было 22,5 десятины пашни, 98,3 копны обежного и 58,8 копны оброчного сена. А у десяти беднейших крестьян той же Кодимской волости в восьми деревнях и починках насчитывалось 22,5 десятины пашни, 78,7 копны обежного и 40,3 копны оброчного сена¹⁰⁶. Следовательно, хозяйство одного Федосеева было богаче десяти хозяйств беднейших крестьян. Он эксплуатировал двух половников. Несколько меньшим было, по данным сотной, расслоение крестьян Селецкой волости. Однако сотные не учитывали многих сторон крестьянского хозяйства и в той или иной степени уменьшали истинную разницу между ними. В 1608 г. крестьяне этой же волости произвели разруб и сбор денег на церковное строение¹⁰⁷. При этом Антон и Яков Травниковы и Кирилл Афанасьев были обложены каждый десятью рублями, а Ларион Иванов – двумя гривнами (разница в 50 раз). Трое названных крестьян должны были внести 44 % всех денег.

В 1620 г. наиболее значительными были различия в размерах наделов в станах Шенкурской четверти. Здесь крестьянские наделы колебались от 0,6 до 40 десятин на двор, а у Савки Чудинова с двумя детьми на двор приходилось 60 десятин пашни¹⁰⁸. На одном полюсе здесь было около 4 % дворов, имевших до 1,5 десятины, на другом – 6,7 % дворов, имевших более 16 десятин пашни. Ряд крестьян также эксплуатировали половников и третников. За Ивашком Андреевым и его сыном Федкой числилось 25,5 десятины пашни. В одной из 3 деревень, где у Андреева была пашня, сидел его третник Пашка Иванов. По 12 десятин пашни записано за Чюдинком Жеховым и Гришкой Гороховым, но в их хозяйствах также было по одному третнику¹⁰⁹. Часты упоминания об использовании труда бедняков в хозяйствах наиболее состоятельных крестьян Кокшеньгской четверти. В Шевденицкой волости в 1605 г. Осип Федоров на 4 года порядился половничать к Федору Вахневу, в 1615 и 1616 гг. у Томила Гладкова половничал Васька Хардов¹¹⁰. В той же волости у Лихоманки Слободчикова, а в 1626 г. у Еуфимия Попова и Дружининых имелись казаки¹¹¹. Явки Тарногского городка отмечают наличие казаков и наймитов и у крестьян других волостей четверти¹¹². В 1602 г. у Вячеслава Дружинина Долговицкой волости был не только наемный казак Худяк, но и «его (Дружинина. – Ю.В.) люди» (вероятно, холопы) – Лука и Василий Ондреев¹¹³. Отмечаются случаи и кабальной зависимости крестьян¹¹⁴.

В руках состоятельных крестьян сосредоточивались более или менее значительные денежные средства¹¹⁵. Некоторые из них занимались торговлей и ростовщичеством¹¹⁶. Все это еще более усиливало имущественное неравенство в деревне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Васильев Ю.С. Историк-краевед М.Н.Мясников, его труды и коллекция // Аспирантский сборник. Вологда, 1972. С. 61–68; Богословский М.М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. Т. I. М., 1909; Т. II. 1912; Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962; Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969; Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976.

² Васильев Ю.С. Важские писцовые книги и сотницы XVI–XVII вв. // Аграрная

история Европейского севера СССР. Вологда, 1970. С. 537–562. Кроме указанных, в статье используется сотная на Долговицкую волость Кокшеньгской четверти уезда с дозорных книг 1620–1621 гг. (ГААО. Библиотека. № 14). К сожалению, от середины XVI в. мы имеем данные сотных только по 2 волостям, которые по количеству обож составляли всего около 2% территории уезда. Сотные 1620 г. содержат данные по четвертой части уезда.

³ Васильев Ю. С. Сборные памяти по Троицкой волости Важского уезда конца XVI–XVII в. // САС. Вып. 3. С. 355–357 и Док. № 1–4; СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Карт. 59. № 2 (Селецкая волость – 1608 г.); РИБ. Т. 14. Стб. 327–331.

⁴ Общую характеристику их см.: Васильев Ю. С. Феодалное землевладение и хозяйство в Важской земле XV–XVII вв.: Автореф. на соиск. ... дис. канд. ист. наук. Л., 1971. С. 3–4.

⁵ От первой половины XVI в. нам известно по уезду всего 7 актов. Неопубликованные акты XVI – начала XVII в. находятся: СПбИИ РАН. Ф. 27. Важские акты; Ф. 238. Оп. 2. Карт. 59. Акты Селецкой волости; Ф. 174. Акты до 1613 г.; ОР РНБ. Ф. 759. Тавреньские акты; ГААО. Ф. 829. Богословский монастырь.

⁶ О границах уездов см.: Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. I. С. 25, 28.

⁷ РИБ. Т. 32. Стб. 345–366. В основе деления уезда на станы, вероятно, лежало прежнее деление на округа – погосты. Это предположение возникает при сравнении станов XVI–XVII вв. с важскими погостами Устава князя Святослава Ольговича (Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 21–30; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 74, 107): стан на Борке – погост «на Боркоу», стан в Тойме – погост «в Тойме», Вельский стан – погост «оу Вели» и др. Границы Шенкурского погоста начала XIV в. полностью совпадают с границами одноименного стана XVII в. (ГВНП. № 279; СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 128–159).

⁸ В Подвинском стане, кроме собственно Подвинского, выделяются станы на Борке и Тойме, в Ледском – Ямскогорский, в Великослободском – Судромский и т. д. (РИБ. Т. 35. Стб. 40; ГААО. Ф. 1408. Оп. 1. Д. 85; ОР РНБ. Ф. 532. Д. 256; СПбИИ РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 14).

⁹ РИБ. Т. 14. Стб. 324–327, 348–352.

¹⁰ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 970; РИБ. Т. 14. Стб. 130–131, 522 и сл.

¹¹ Известны боярщины: Ивановская, Исаковская, Васильевская, Владимировская, Федоровская, Груздовская в Шенкурской четверти; Ивановская, Зарецкая, Озерецкая, Яковлевская (Троицкая волость) и Афанасьевская (часть Нижнетоемской волости) (Васильев Ю. С. К вопросу о двинских боярах // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. Вологда, 1976. С. 16–19).

¹² Васильев Ю. С. Кодимская волость Важского уезда в XVI в. // САС. Вып. 1. С. 381–397; ОПИ ГИМ. Ф. 68. Д. 7. Л. 34.

¹³ СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Карт. 33. № 26 (ср.: РИБ. Т. 25. Стб. 430–438).

¹⁴ РИБ. Т. 14. Стб. 339, 346; ГААО. Библиотека. Рук. сб. № 14.

¹⁵ На территории Кодимской волости в XV в. существовали как самостоятельные ранее указанные волостки (АСЭИ. Т. III. № 16. С. 32).

¹⁶ СПбИИ РАН. Ф. 27. Оп. 2. Д. 88; Зарубин Л. А. Важская земля в XIV–XV вв. // История СССР. 1970. № 1. С. 180–187. Некоторое (время приходы уезда подчинялись вологодско-пермским епископам (ААЭ. Т. 3. № 123; АИ. Т. III. С. 69–71; Суворов Н. Дополнение к статье «Об учреждении Вологодской епархии» // ВЕВ. 1865. № 5. С. 171–180).

¹⁷ Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. II. С. 19–21.

¹⁸ Так, в Шенкурском стане на 5 приходов было около 20 волостей и волосток, в Ледском стане на 5–7 приходов – около 15 волостей (СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 311.

Л. 130 – 202 об.; Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. I. Прил. С. 60–61).

¹⁹ Из числа их известны: Михайло Васильевич Хворостинин, умерший в Шенкурске в 1514 г. (Мясников М. Нечто о пятинах новгородских и в особенности о стране, известной издревле под именем Ваги // Северный архив. СПб., 1827. № X. С. 92), и некий князь Федор Андреевич, упомянутый в мировой 1541 г. (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 1178).

²⁰ ДАИ. Т. I. № 33. С. 34–35.

²¹ Подробный анализ земской реформы середины XVI в. дан И. Е. Носовым в кн. «Становление сословно-представительных учреждений в России».

²² Из числа их известны: в Шенкурске – Иван Васильевич Едемский (1552 г.) и Яков Сопов (1581 г.), в Тарногском городке на Кокшеньге – Сила Юрьев сын Матвеев (1602 г.). (СПБII РАН. Ф. 115. Д. 584. Л. 35 об.–36; ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 2; РИБ. Т. 14. Стб. 524, 540).

²³ РИБ. Т. 32. Стб. 364, 366; Васильев Ю. С. Кодимская волость. С. 397; Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 236–244.

²⁴ ГКЭ. Т. II. № 205. Стб. 658. Уже в феврале 1585 г. подати на Ваге брал «человек» Годунова Михайло Косов (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 762. Ст. 10; См. также: РИБ. Т. 32. Стб. 132–133). Приказные Годунова ведут и судебные дела на Ваге (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1225. 1596 г.).

²⁵ В 1605–1610 гг. доходы с Ваги шли Д. И. Шуйскому в существовавший в это время «Важьской приказ» (СПБII РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 8–12; ГААО. Ф. 1408. Оп. 1. Д. 35; РИБ. Т. 35. № 94, 95, 97. Стб. 173–176, 186).

²⁶ Мерцалов А. Е. Очерки из истории Смутного времени. СПб., 1895. С. 182. Однако нам не известно, владел ли в действительности Салтыков Вагой.

²⁷ РИБ. Т. 35. Стб. 211–213; Ср. Стб. 289–290.

²⁸ СПБII РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 14.

²⁹ Там же; ОР РНБ. Ф. 532. Д. 113–116, 121, 204.

³⁰ СПБII РАН. Ф. 115. Д. 307.

³¹ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 897; Васильев Ю. С. Важские писцовые книги. С. 554–555. К 199 деревням стана 1570 г. следует прибавить еще 10 селений, принадлежавших Едемским, поскольку последние платили подати в XVI в. отдельно от волостных крестьян.

³² Васильев Ю. С. Сборные памяти. С. 357–360, 376–379.

³³ СПБII РАН. Ф. 115. Д. 310. Л. 240 об.–262; РИБ. Т. 32. № 322, 374. ОР РНБ. Ф. 759. № 3.

³⁴ Колесников П. А. Северная Русь. Вологда, 1971. С. 83–84; РИБ. Т. 14. Стб. 520–601. Процент, возможно, даже выше, поскольку в явках ряд деревень просто не назван.

³⁵ По писцовым книгам 1670–1680-х гг. в 3-х четвертях уезда (Подвинской, Верховажской и Кокшеньгской) было 1601 живущее сельское поселение. По Шенкурской четверти эти книги содержат неполные данные (Васильев Ю. С. Важские писцовые книги... С. 554–555), поэтому используем данные переписи 1646 г. По выписи из переписных книг 1646 г. в Шенкурской четверти числилось 756 жилых деревень (СПБII РАН. Ф. 11. Оп. 2. Д. 32. Ч. 2. Л. 109). Следовательно, в 1670–1680-е гг. в уезде было около 2350 сельских поселений. Иную цифру дает П. А. Колесников (Северная деревня. С. 78, 95).

³⁶ СПБII РАН. Ф. 238. Оп. 3. Карт. 22. № 15, 17, 18.

³⁷ 2,6 двора умножаем на 2230 (селений в 1620-х гг.) и получаем 5800 дворов. Последняя цифра может быть проверена и иным путем. В 1620-е гг. на территории уезда, описанной в сотных, в среднем на 1 двор приходилось 0,4 обжи пашни «в живущем». Всего в уезде в это время было около 2380 обож. Отсюда в уезде 5950 дворов

(2380:0,4). (Ср.: Колесников П. А. Северная деревня. С. 78, 111).

³⁸ Выводы, касающиеся расположения поселений, основаны на анализе сотных 1620-х гг. (СПБИИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 134 об.–139 об.) и личных обследований местности автором.

³⁹ ГВНП. № 280, 282; СПБИИ РАН. Ф. 115. Д. 584. Л. 11 об. Та же грамота опубликована по более раннему, но дефектному списку начала XVII в. (АСЭИ. Т. III. № 290. С. 305–306; ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 20).

⁴⁰ СПБИИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 162 об.–163, 192 об.–195. Вероятно, к этим же гнездам относились еще 3 деревни и 2 пустоши, местоположение которых определить не удалось.

⁴¹ Деревни Веригино и Мандинская, Ермолинская и Парфеновская, Подволочная и Афанасьевская, Оманщиковская, Ругалинская и погост (ГААО. Библиотека. Рук. сб. № 14).

⁴² По двум платежным отписям 1620 г. со Слободского стана (Великая Слобода и Благовещенский погост) оброк брался с 10 посадских «средних», 37 «молотчих» и 4 бобыльских дворов (ОР РНБ. Ф. 532. Д. 155, 156).

⁴³ СПБИИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 128–130.

⁴⁴ При этом на посадках, Благовещенском и Пречистенском погостах проживало около 1000 жителей.

⁴⁵ Районы Северного края. Статистический справочник. Архангельск, 1930. С. 2–6.

⁴⁶ РИБ. Т. 32. Стб. 366–369. По Уставной Важской грамоте предусматривалось брать с Ваги по 18 алтын с обжи, всего 1500 руб., с 2777 беж (Там же. Стб. 349, 351).

⁴⁷ Там же. Стб. 367; ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 897.

⁴⁸ РИБ. Т. 32. Стб. 627–628. В «Росписи пустым обжам...» указано, что эта пустота находится в Тавреньгской волости, но правильной будет понимать под волостью весь Тавреньгский стан (ср.: Там же. Стб. 647–649, 719).

⁴⁹ СПБИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Карт. 59. № 13; ДАИ. Т. II. № 80; ГКЭ. Т. II. № 212, 213; Архангельский край в Смутное время / ред. Н. А. Голубцова. Архангельск, 1913.

⁵⁰ Васильев Ю. С. Важские писцовые книги... С. 550–551.

⁵¹ Данные получены из платежных отписей за 1618 г. путем подсчета (РИБ. Т. 32. Стб. 366–368; ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 61: в Шенкурской четверти – «12 сох без пол-пол-полчети сохи и 3 чети с осминою и с четвериком пашни»; СПБИИ РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 14: в Верховажской четверти – «9 сох без получетверти сохи и 18 чети с полуосминою пашни»).

⁵² Данные отписей по Шенкурской четверти расходятся с данными сотных письма 1620 г., которые нами исследуются далее. В отписи, помимо беж собственно Шенкурского стана, включены обжи Богословского монастыря и Герасима Едемского, а также посад. Сотная же на Ледской стан не содержит данных по 2 или 3 волостям стана. Этим объясняется разница в количестве беж.

⁵³ В 1632 г. с уезда приказано собрать посошных людей 476 человек, с 5 беж по одному человеку (СПБИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Карт. 59. № 25).

⁵⁴ Васильев Ю. С. Кодимская волость... С. 397; СПБИИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 155.

⁵⁵ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 762, 775.

⁵⁶ Там же. Ф. 1408. Оп. 1. Д. 4, 8; СПБИИ РАН. Ф. 174. Оп. 1. Д. 270.

⁵⁷ Крестьяне Химаневской волости в 1583 г. на суде свидетельствовали, что пи-сец В. П. Засекин записал их «отмовную» землю «в луговую и наволочную и в отхожую пашню» (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 740). Аналогичны показания этих крестьян и в 1596 г. по судебному делу о Химаневском острове (Там же. Д. 1225).

⁵⁸ В 1552 г. в тягле было 2777 беж, при переложении беж должно было бы стать

около 1300 беж. По письму 1620 г. в уезде насчитывалось 2380 беж (183 % от 1300).

⁵⁹ На наличие их в крае указывают существование угодий «княжшинских» крестьян в 1482 г. (АСЭИ. Т. III. № 290. С. 306) и «посильная грамота» 1546–1547 гг., относящаяся, вероятно, к Ледскому стану (ОПИ ГИМ. Ф. 68. Д. 1. Л. 3 а). Характеристику этой категории земель в Двинском уезде см.: Андреев А. И. Отступные грамоты. (К истории крестьянского землевладения на Севере в XVI в.). Пг., 1916; Копанев А. И. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. // Проблемы крестьянского землевладения и внугрешней политики России. Л., 1971. С. 104–111.

⁶⁰ РИБ. Т. 32. Стб. 363, 366.

⁶¹ ГВНП. № 111, 278, 280; ГКЭ. Т. II. № 204, 206, 212, 224, 229.

⁶² ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 20, 204, 654, 775; Ф. 1408. Оп. 2. Д. 5; ГКЭ. Т. II. № 204, 212, 222, 223, 225.

⁶³ ОР РНБ. Ф. 532. Д. 222.

⁶⁴ ГААО. Ф. 1408. Оп. 2. Д. 4; СпБии РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 130–130 об., 133.

⁶⁵ Слобод больше было в Подвинской и Верховажской четвертях. Так, в Подвинье известны Тетеревицья, Кречатья, Кротова, Карпова слободы (ГКЭ. Т. II. № 204; СпБии РАН. Ф. 174. Оп. 1. Д. 497. Ст. 6; Ф. 238. Оп. 2. Карт. 33. № 26. Ст. 8).

⁶⁶ На долю посадских людей даже в Шенкурском стане приходилось лишь около 1 % пашни (СпБии РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 129 об.–159).

⁶⁷ Из числа последних см.: РИБ. Т. 14. Стб. 542, 559, 569, 591, 627, 628.

⁶⁸ Ефименко А. Исследования народной жизни. Вып. I. М., 1884. С. 201.

⁶⁹ Колесников П. А. Северная деревня... С. 188.

⁷⁰ На эту причину существования переложных земель, правда в более поздний период, указывал Л. В. Милов (Милов Л. В. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига, 1963. С. 279–288).

⁷¹ ГКЭ. Т. II. № 200, 208, 212–214, 220, 250; ГААО. Ф. 1408. Оп. 1. Д. 65.

⁷² СпБии РАН. Ф. 174. Оп. 1. Д. 336.

⁷³ РИБ. Т. 14. Стб. 168–169, 556–558.

⁷⁴ Там же. Стб. 556–558, 560, 590–592, 632–633, 635, 636, 675–676.

⁷⁵ Там же. Стб. 565–568, 646, 647, 653–655, 671–673.

⁷⁶ В Кодимской волости в середине XVI в, по ряду починков на 1 десятину основной пашни приходилось 3 десятины пашенного леса, в 1620 г. в Верхнетоемской волости – по 2–5 десятин пашенного леса. Однако были починки и с преобладанием основной пашни, а в некоторых починках пашенного леса не было совсем (Васильев Ю. С. Кодимская волость... С. 389; СпБии РАН. Ф. 238. Оп. 2. Карт. 33. № 26. Ст. 5–10).

⁷⁷ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 628, 822; Оп. 3. Д. 4. Л. 6–6 об.; Д. 7. Л. 2; РИБ. Т. 14. Стб. 347, 582, 624–625, 650, 658, 685; Т. 25. Стб. 45; ОПИ ГИМ. Ф. 68. Д. 1. Л. 8.

⁷⁸ РИБ. Т. 14. Стб. 627; ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 822.

⁷⁹ За 1658/59–1685/86 гг. урожайность овса была в среднем сам – 3,8, жита – сам – 4,8, ржи – сам – 8,6 (Васильев Ю. С. Феодальное землевладение. С. 15).

⁸⁰ Васильев Ю. С. Кодимская волость. С. 383–386.

⁸¹ В Кодимской волости 2 истока за дер. Щапинской, по одному – за деревнями Тупицынской и Другой Давыдовской (Васильев Ю. С. Кодимская волость. С. 392, 397). В 1626 г. Я. Еремеев подал явку на Б. Гурьева (оба из Троицкой волости) в том, что последний захватил на Троицком острове общие рыболовные угодья дер. Тимофеевской. В 1630 г. складники дер. Рипигинской били челом сотскому на крестьян той же волости, что последние захватили их исток и владеют им «сильно» уже 5 лет (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Д. 6. Л. 12, 92).

⁸² В 1557 г. Иван Васильев Ребров продал часть дер. Малушевской «с езовищи, и с перевесищи, и со всеми угоди» (ОПИ ГИМ. Ф. 68. Д. 1. Л. 3 об.). В 1599 г. Конан Захарьин продал половину деревни в Шенкурском стане «с езовищи, с лешими становищи» (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1126). «С езищи и с путики, с лешими становищи» получил от крестьян деревни вкладом Богословский монастырь в 1602, 1616 и 1618 гг. (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1057; Ф. 1408. Оп. 2. Д. 1110; Оп. 1. Д. 730). Взяв в 1601 и 1604 гг. в Тавреньгской волости на льготу даже доли деревень, крестьяне получили наряду с пашней и охотничьи уголья (ОР РНБ. Ф. 759. Д. 4; РИБ. Т. 35. № 33. Стб. 43).

⁸³ ОР РНБ. Ф. 532. Д. 316, 317.

⁸⁴ РИБ. Т. 14. Стб. 537–538, 559–561, 566, 588, 627–628, 671, 675–676; ГААО. Ф. 829. Оп. 3. Д. 2. Л. 7 об., 9–9 об.; Д. 3. Л. 5, 6; Д. 4. Л. 1–1 об., 4; Д. 13. Л. 8, 17.

⁸⁵ РИБ. Т. 14. Стб. 532, 545–546, 553–554, 561–562, 565–566, 601–602, 613–614, 617–618, 636–638, 657–659.

⁸⁶ СПбИИ РАН. Ф. 174. Оп. 1. Д. 497.

⁸⁷ РИБ. Т. 14. Стб. 582–583, 662.

⁸⁸ Там же. Стб. 543–544, 572–576, 617–620.

⁸⁹ СПбИИ РАН. Ф. 174. Оп. 1. Д. 497.

⁹⁰ РИБ. Т. 14. Стб. 703.

⁹¹ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. I. М., 1952. С. 202.

⁹² Крестьяне Воскресенского прихода в 1622 г. на запрос стряпчего Сытного дворца Дружины Стефанова Пустобоярова о времени возникновения ярмарки отвечали, что «лет за 30 съезд стал торговым людям» (ОР РНБ. Ф. 532. Д. 204). Расходные книги Богословского монастыря 90-х гг. XVI в. отмечают ежегодные поездки старцев на Благовещенскую ярмарку (ГААО. Ф. 829. Оп. 3. Д. 2. Л. 7 об.; Д. 3. Л. 2–2 об.; Д. 5. Л. 14 об.–15).

⁹³ ОР РНБ. Ф. 532. Д. 388, 204.

⁹⁴ Благовещенский погост, как верно указано на карте К. Молчанова (Описание Архангельской губернии. СПб., 1813. Карта), находился при впадении Кокшеньги в р. Устью, на стрелке этих рек, а погост Воскресенский (Великая Слобода) – близ Благовещенского погоста, но за р. Кокшеньгой, на правом берегу р. Ваги (СПБИИ РАН. Ф. 115. Д. 310. Л. 3 об.–5, 30–32). В XV–XVI вв. большое значение имела Великая Слобода. Позднее, в связи с развитием ярмарки, начал расти Благовещенский погост. Великая Слобода потеряла свое значение, а позднее и название, превратившись в обыкновенный погост, именуемый Воскресенским.

⁹⁵ ОР РНБ. Ф. 532. Д. 156.

⁹⁶ Васильев Ю. С. Важские писцовые книги... С. 553.

⁹⁷ ГААО. Ф. 829. Оп. 3. Д. 5. Л. 4. Н. И. Баландин, посвятивший статью Верховажью конца XVII – начала XVIII в., ссылаясь на М. Н. Мясникова, относит возникновение посада к началу XVII в. (Верховажье в конце XVII – начале XVIII в. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 409). Однако еще в 1552 г. «с Верх-Ваги от Пречистые» Истома Ноугорода взял за пососных людей 24 руб. 16 алт. 1 деньгу (РИБ. Т. 32. Стб. 367). Уже в это время Пречистенский погост был центром одного из станов Вельской половины уезда, а в начале XVII в. роль погоста настолько возросла, что он стал центром Верховажской четверти, оттеснив на второй план старинный Вельский погост.

⁹⁸ ОР РНБ. Ф. 550. F-IV. № 630. Л. 432 об.–433 об.

⁹⁹ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. I. М., 1915. С. 67.

¹⁰⁰ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 775, 762; Ф. 1408. Оп. 1. Д. 4, 8, 15, 33.

¹⁰¹ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 53. В грамоте предписывалось «важские малые сошки положит в московские в болшие сохи против Двины, и Пенег и Мезени». В последнем

районе несколько ранее 789 сошек малых («в сошке по 15 чети») положены были в большие сохи, в соху по 53 сошки «с третью». Больших сох вышло «15 сох без чети и пол-полчети сохи и 5 чети пашни». Переложение сох на Ваге происходило в ответ на челобитье крестьян в связи с введением запросных денег и сбора «за хлебные запасы» в 1615 г. Надо полагать, что до 1615–1616 гг. на Ваге, как в Каргополе и Двине, наряду с трехобежной сошкой существовала и 30-обежная соха. Иначе не мыслим был сбор запросных денег в размере 120 руб. с сохи, который проводился на Ваге в 1615 г.

¹⁰² СПБ ИИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 155, 195 об.; ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 20.

¹⁰³ РИБ. Т. 32. Стб. 351; СПБ ИИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 130 об. – 131.

¹⁰⁴ В 1613 г. с Важского уезда брали запросные деньги, норма которых, возможно, не была установлена: в 1615 г. – десятую деньгу, в 1614 и 1616–1619 гг. – пятую деньгу (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 14, 15; СПБ ИИ РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 14; ГПБ. Ф. 532. Д. 133).

¹⁰⁵ В описи оброчных статей Кирилло-Белозерского монастыря отмечается, что с трети обжи дер. Ворбоской Каргопольского уезда монастырь платил подати «с черными людьми», а «сходит на год больши полчетверта рубля, а иной год меньше» (СПБ ИИ РАН. Ф. 110. Д. 36/1). По Важскому уезду см. платежные отписи 1613 – 1620 гг. (Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 14).

¹⁰⁶ Васильев Ю. С. Кодимская волость. С. 384, 386.

¹⁰⁷ Результат разруба по нормам обложения (в деньгах) таков: (ОПИ ГИМ. Ф. 68. Л. 35).

										Итого
<i>Норма обложения:</i>	40	60	100	120	200	300	400	1000	2000	13470
<i>Обложено человек:</i>	1	6	3	2	9	6	3	2	3	35

¹⁰⁸ Дед его, Якуш Шуруха, в 1543 г. был путным ключником Ледского стана, а отец, Чюдин Шурухин, в конце XVI – начале XVII в. являлся также видным лицом в уезде. Ему и Герасиму Едемскому адресована грамота Бориса Годунова 1596 г. с предписанием произвести суд между Богословским монастырем и крестьянами Химаневской волости (ДАИ. Т. I. № 33; ГКЭ. Т. II. № 207; СПБ ИИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 168 – 168 об.).

¹⁰⁹ СПБ ИИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 138, 145, 148 об., 151, 153.

¹¹⁰ РИБ. Т. 14, Стб. 559–561, 627–628. В 1625 г. к Павлу Юрьеву Долговицкой волости на 3 года порядился половничать Федка Феофилов (Там же. Стб. 675–676).

¹¹¹ Там же. Стб. 521–522, 668–671.

¹¹² В 1608 г. были казаки у Замятый Потылицына Шебенской волости, в 1620 г. – у Хабарка и Бахтеярка Осиповых. В 1608 г. у Незговорка Фомина в дер. Мелентьевской Озерецкой волости на пашне работал наймит Пятко, а в 1613 г. Завьял Филиппов отправил на «поделку» общего огорода поденщика Василия Ануфриева (РИБ. Т. 14. Стб. 565–568, 588–589, 610–611, 638–640).

¹¹³ РИБ. Т. 14. Стб. 538–540. У Калины Григорьева Митинского, избранного земским судьей, также был «его человек» Девятка (Там же. Стб. 598–601).

¹¹⁴ Там же. Стб. 667–668.

¹¹⁵ В 1606 г. у некоего Дружинина и его сына Суворова было пограблено в доме «живота» на 150 руб., а в 1601 г. у Данила Иванова Брыкова, – «окроме судных списков», 240 руб. денег и «живота» на 250,5 руб. (РИБ. Т. 14. Стб. 528, 529, 533–535).

¹¹⁶ В 1612 г. у Семена Федорова Турыгина при пожаре сгорели 3 купчие на доли деревень (одна из них на 15 руб.), купчая на 0,5 поварни, вкладная в монастырь на 4 руб., кабал на 20 человек (на 48 руб. 80 денег и 20 мер ржи), «опроче кабал, кои были в Ромашеве на погосте в лавке, и опроче кабал, кои оставлены на Колмогорах» (РИБ. Т. 14. Стб. 604–606). Как видим, Турыгин был не только крестьянином, но и торговцем и ростовщиком.

Каргопольский уезд *

1. Источники

Литература по истории Каргопольского уезда XVI–XVII вв. крайне бедна. В основном это этнографические работы краеведов, где лишь изредка сообщаются данные по истории и экономике края¹. Заслуживают внимания работы К. А. Докучаева-Баскова. Однако большинство их посвящено церковной истории². Данные по отдельным вопросам истории и экономики края есть в работах Н. А. Рожкова, С. Б. Веселовского, М. М. Богословского, А. А. Савича и М. Н. Тихомирова³.

Из привлекаемых нами источников наибольшую ценность представляет писцовый материал. Первое описание уезда, как и соседних с ним территорий, вероятно, было проведено на рубеже XV–XVI вв.⁴ Однако это описание не сохранилось. Следующее описание уезда проводили писцы Я. И. Сабуров и И. А. Кутузов в 1551–1553 гг.⁵ Данные этого письма содержат «Сотная на владение Соловецкого монастыря»⁶ и «Платежная книга Каргопольского уезда...», отразившая итоги описания почти всей территории уезда (табл. 1). Следующее описание уезда Н. Г. Яхонтова относится к 1561–1562 гг. От этого описания нам известны 24 сотные грамоты, охватывающие большую часть уезда⁷.

Отрывочные данные сохранились от деятельности писца Аргуна Бориса Иванова сына Беклемешева в 1573–1574 гг.⁸

Таблица 1

Полнота описаний Каргопольского уезда

Район	Всего волостей		Число волостей, по которым имеются данные					
	XVI в.	начало XVII в.	за 1556 г.	за 1562 г.	за 1607 г.	за 1616 г.	за 1622 г.	за 1628 г.
Каргопольская половина	28	32	28	17		1	1	32
Усть-Мошский стан	11	12	11		7	3	7	12
Мехреньгский стан	3	3	3	3				3
Турчасовский стан (Юг)	11	12	11	11	11	2	2	11
Турчасовский стан (Север)	24 ^a	24	20	18		3 ^b	18	21
Всего (без вотчин монастырей)	77	83	73	49	18	9	28	79

Примечание. В этой и следующих таблицах отсутствие цифр и тире в графах указывает на то, что в источниках нет данных.

^a Без погоста на устье р. Золотицы.

^b Общие итоги описания этих волостей (1616 г.) приводятся в работе А. А. Савича (Соловецкая вотчина. С. 196).

* Впервые опубликовано: Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада / отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1978. С. 37–58.

Хуже сохранились описания уезда начала XVII в. В 1615–1616 гг. уезд дозирали С. И. Языков и С. Осокин. От их дозора известны лишь итоговые данные по некоторым волостям. В 1621–1622 гг. уезд вновь описывали И. П. Воейков и Т. Копнин. От последнего описания дошли писцовые книги Усть-Мошского стана⁹, «выписи с писцовых книг 129 и 130 годов» на волость Ноколу Каргопольской половины, 18 волостей Турчасовской половины и вотчину Сырьянского монастыря¹⁰, а также «список с писцовой книги 129–130 годов о землях и угодьях» Строкинской пустыни¹¹. Дополнением к ним являются книги «данные» и «сборные» за 1606–1607 гг., «приходно-расходная книга Нижегородской чети 123-го года» и «Смета государевым... каргопольским окладным и неокладным всяким денежным доходам 136-го году»¹². Три последних источника содержат лишь общие данные по землевладению и налогообложению. Из актового материала следует отметить копияные книги Кожеозерского, Ошевенского, Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей¹³.

По монастырским вотчинам сохранились данные как за 1556 г., так и за 1620-е гг.

2. Географическое положение, административное деление

В XVI в. в бассейне оз. Лаче и р. Онеги оформился Каргопольский уезд¹⁴. В первой половине столетия он еще именовался Онежской землей¹⁵. В XVI–XVII вв. уезд делился на две половины, нередко называвшиеся также уездами или станами. Половины делились на станы, последние – на волости. В Каргопольскую половину Каргопольского уезда входили Окологородный и Низовский станы, а в Турчасовскую половину – Мехреньгский, Усть-Мошский и Турчасовский станы. Последний в свою очередь подразделялся на Турчасовский Верхний конец (Юг) и Турчасовский Нижний конец (Север).

Территория уезда от оз. Лаче широкой полосой тянулась на север. На западе граница уезда шла по Водлоозеру и от него – строго на север, до Онежской губы, включая р. Кушу. На юго-востоке в территорию уезда входили р. Волошка, Воеозеро и р. Моша с притоками. Здесь к ним близко подходили небольшие реки системы Ваги: Подюга и Вель, Пуя и Суланда. На востоке территория уезда захватывала верхнее и среднее течение р. Емцы и р. Мехреньгу, близ устья которой шла граница с Емецким станом Двинского уезда. На северо-востоке к уезду относилось все восточное побережье Онежской губы до Летней Золотицы.

Территории волостей к середине XVI в. в основном уже сложились. В дальнейшем видим лишь дробление некоторых крупных волостей. В XV – начале XVI в. в ряде волостей были слободки: Ошевна на Верхней Чюрьюге, Ольская в Нокольской волости, «Мартюшова Одророва» на Ундозере, «Никитинская Сидорова» в Золотице и слободка в Пияльской волости¹⁶. Во второй половине XVI в. из них известна лишь Каменка Никиты Сидорова, где в 1562 г. было 9 казачьих дворов¹⁷.

На протяжении рассматриваемого времени уезд был черносошным. Село Надпорожское до 1551–1553 гг. являлось дворцовым, но писцы Я. Сабуров и И. Кутузов перевели его в категорию черносошных волостей¹⁸. Оброчной во второй половине XVI в. была слободка Каменка, а в начале XVII в. – волости Кянда, «в Шуйке» (Малошуйка), Кушереецкая и Клещово Поле¹⁹.

До отмены кормлений уезд управлялся наместниками великого князя. Уставная Онежская грамота 1536 г. определяла при наместнике тиуна и четырех доводчиков. Последние сидели в Каргополе, Усть-Моше, Турчасове и на Мехреньге в Сельце²⁰. Функционировал в уезде и институт городских приказчиков²¹. С отменой кормлений (между 1556–1561 гг.) управление в уезде сосредоточивается в руках органов земского самоуправления. В 1550–1560-е гг. Каргопольский уезд находился в ведении Четвертного приказа. В 1565 г. он был включен в опричнину. С ее упразднением вновь находился в ведении Четвертного приказа, а с начала XVII в. – в ведении приказа Новгородской чети²². С этого времени в уезд направляются воеводы²³.

По духовному ведомству уезд делился на приходы, входившие в Новгородскую епархию. Соответствия между территориями волостей и погостов-приходов в уезде в XVI – начале XVII в. не было²⁴.

3. Сельские поселения

В середине XVI в. в Каргопольском уезде по Платежной книге насчитывалось 1791 поселение²⁵, в том числе 2 посада, 1 село, 1 слобода, 26 погостов, 1751 деревня и починок, 6 пустошей, 3 селища и 1 займище. Больше половины поселений (921) находилось в Каргопольском стане. По остальным станам уезда поселения распределялись следующим образом: в Усть-Мошском стане – 386, Турчасовском – 348, Мехреньгском – 136. Далее мы можем проследить изменение числа поселений на территории уезда лишь в общих чертах. Приведем имеющиеся у нас данные по сопоставимым территориям (табл. 2).

Таблица 2

Численность поселений на сопоставимой территории Каргопольского уезда

Стан	Число волостей	Число поселений			
		на 1556 г.	на 1562 г.	на 1622 г.	на 1648 г.
Каргопольский	17	511	497		487
В том числе Нокола	1	9	9	9	8
Усть-Мошский	7	236		228	208
Мехреньгский	3	136	129		107
Турчасовский стан (Юг)	11	163	161		131
В том числе волости Ордомская и Биричевская	2	39	39		38
Турчасовский стан (Север)	14	109	109	105	101
Итого	52	1155			1034

Примечание. Здесь и далее под Каргопольским станом подразумевается вся Каргопольская половина. Общие показатели даны с учетом пустых поселений.

Таким образом, число поселений с середины XVI до середины XVII в. на сопоставимой территории даже уменьшилось. Всего по переписи 1648 г. в уезде было около 1540 поселений²⁶. Отсюда можно быть уверенным в том, что абсолютное большинство поселений уезда, существовавших в середине XVII в., возникло до письма 1551–1553 гг. Во второй половине XVI – начале XVII в. новые поселения возникали крайне редко. Платежная книга отмечает 1 починок в волости Волковской, 1 – у Сырьянского монастыря на Мудьюге, 5 починок, вышедших из льготы в волости Шелексе, и 10 новых деревень и починок на Мошеозере²⁷. Последние, вероятно, возникли на месте запустевших старых поселений, так как «в старом письме были пустоши нетяглые». В волостях Ниженской и Шелексе из 47 поселений какую-то часть (вероятно, очень незначительную) также составляли починок²⁸. Всего на долю починок по письму 1551–1553 гг. приходилось не более 1% поселений.

В 1562 г. на 918 учтенных поселений приходилось всего 5 починок, а в 1622 г. на 378 – 2 (табл. 3). На протяжении второй половины XVI – начала XVII в. происходило укрупнение поселений, причем прослеживается слияние 2–3 поселений в одно. Сотная 1562 г. в волости Павловской отмечает дер. «Калитинскую и з Болотовским и с Киверниковским». Всего в волости 4 подобные деревни, и к 3 деревням были припущены в пашню селища, бывшие ранее деревнями. Из 17 волостей Каргопольского стана, по которым имеются данные за 1562 г., в десяти припущенную пашню бывших самостоятельных поселений имели 22 деревни²⁹. В трех волостях Мехреньгского стана к трем деревням припущена пашня бывших 5 деревень, а 7 деревень укрупнились за счет 9 соседних, вероятно, еще до письма 1562 г.³⁰ Менее захватил этот процесс Турчасовский стан. По сотным 1562 г. в 28 волостях стана слившиеся ранее 4 пары деревень и 4 деревни отмечены как имеющие припашную пашню бывших деревень³¹. Аналогичные явления имели место и в начале XVII в.³² Слияние деревень происходило в результате хозяйственной деятельности крестьян. Иногда укрупнение поселений в фискальных целях проводили и писцы³³.

В начале 1560-х гг. подавляющее большинство поселений уезда были включены в тягло³⁴. На их долю приходилось от 83,7% (Мехреньгский стан) до 100% (северная половина Турчасовского стана) всех поселений.

В таблицу 3 включены только те поселения, которые учтены сотными. Сколько же в уезде всего было жилых сельских поселений? Ответить на этот вопрос можно только приблизительно, используя данные Платежной книги об общем числе жилых и пустых селений. В середине XVI в. в Каргопольской половине их, видимо, было около 835³⁵, в Мехреньгском – 81, Верхнем конце Турчасовского стана (Юг) – 138, Нижнем конце этого же стана (Север) – около 170³⁶, а в Усть-Мошском стане – около 340³⁷. Всего в уезде насчитывалось около 1550 сельских жилых поселений.

Данные о живущих поселениях в уезде на 1622 г., к сожалению, неполны. По Каргопольскому стану представлена лишь волость Нокола. К 1622 г. количество живущих поселений в ней сравнительно с 1562 г. осталось прежним³⁸. В 7 волостях Усть-Мошского стана в 1622 г. жилые поселения составляли 87,8% от числа тяглых поселений, учтенных Платежной книгой³⁹. В двух волостях Ордомского погоста (Верхний конец Турчасовского стана) число живущих поселений снизилось к 1622 г. в сравнении с 1562 г. на 36%⁴⁰, в 14 волостях⁴¹ Нижнего конца Турчасовского стана – на 4,9%⁴². Живущие поселения из числа учтенных

Таблица 3

Типы поселений Каргопольского уезда

Стан	Год	Погосты		Деревни		Починки		Селища		Пустоши		В том числе					
		чис- ло	%	чис- ло	%	чис- ло	%	чис- ло	%	чис- ло	%	живущих	наезжих	пустых ^а			
												чис- ло	%	чис- ло	%	чис- ло	%
Каргопольский	1562	12	2,4	463	93,2	2	0,4	18	3,6	2	0,4	447	89,9	43 ^в	8,7	7	1,4
	1622	1	11,1	7	77,8			1	11,1			8	88,9			1	11,1
Усть-Мошский	1556	6	1,5	374	96,9					6	1,5						
	1622	8	3,5	198	86,9	1	0,4			21	9,2	202	88,6	4 ^г	1,8	22	9,6
Мехреньгский	1562	2	1,6	122	94,6			3	2,3	2	1,6	83	64,3	25 ^д	19,4	21	16,3
Турчасовский (Юг)	1562	4	2,5	149	92,5	1	0,6	5	3,1	2	1,3	141	87,6	9 ^е	5,6	11	6,8
	1622	1	12,5	7	87,5							7	87,5	1	12,5		
Турчасовский (Север)	1562	5	3,8	121	92,4	2	1,5	3	2,3			131	124	7 ^ж	5,3		
	1622	6	4,5	115 ^з	86,6	1	0,7	1	0,7	10	7,5	118	88,7	15 ^и	11,3		

Примечания.

^а Считая пустые деревни и пустоши.

^б Кроме того, 14 селений, статус которых не определен (из-за дефектности соотной).

^в Из них 23 деревни, 16 селищ и по 2 починка и пустоши.

^г 1 деревня и 3 пустоши.

^д 24 деревни и 1 селище.

^е 6 деревень и 3 селища.

^ж 4 деревни и 3 сельца.

^з В том числе слободка Тамицы.

^и 4 деревни, 1 селище и 10 пустошей.

составляли на территории всех станов, кроме Мехреньгского, в 1622 г. от 87,5 до 88,9 % (см. табл. 3).

В середине XVI в. на большей части территории уезда преобладали малодворные, с 1–2 дворами, деревни (табл. 4). Особенно высок процент однодворных деревень в Верхнем конце Турчасовского стана (57,9%). В Каргопольском и Мехреньгском станах преобладали двух- и трехдворные деревни⁴³. Процент малодворных деревень был значительно ниже, чем в остальных районах уезда, в северной половине Турчасовского стана⁴⁴.

Объясняется это тем, что в северной части уезда относительно широко были развиты промыслы, и в деревнях насчитывалось больше непашенных дворов.

Следует заметить, что малодворные деревни уезда не были одиночными поселениями хуторского типа. Деревни, как правило, располагались гнездами, по 2–7 поселений⁴⁵. Иногда эти гнезда составляли самостоятельные небольшие волостки, как Вонгуда, Надпорожская, Корельская, в нижнем течении р. Онеги⁴⁶. Порой даже небольшие волостки в 6–12 деревень состояли из 2–4 отдельных гнезд. Так, расположенная в этом же районе Подпорожская волость, насчитывавшая в середине XVI – начале XVII в. 7 деревень, состояла из 3 гнезд. Три деревни располагались на левом берегу, в нижнем течении р. Онеги, примерно в 5 км от этого гнезда находились еще две деревни⁴⁷ и напротив первого гнезда, на правом берегу р. Онеги, – еще две деревни⁴⁸. Гнезда занимали дворами и пашней территорию в радиусе до 2–3 км. Расстояние между соседними гнездами было незначительным – до 5–6 км. Расстояние же между гнездами-волостями было различным. Так, от Надпорожской волости вверх по р. Онеге до Корельской – около 20 км, вниз по реке Онеге до двух гнезд Подпорожской волости – около 10 км, а вверх по правому небольшому притоку Онеги р. Вонгуде до одноименной волости – около 7 км.⁴⁹

Между 1560 и 1622 гг. деревни в уезде, несомненно, укрупнились. Среднее число дворов на деревню по некоторым районам возросло более чем в полтора раза⁵⁰.

В середине XVI в. в Каргопольской половине было около 2580 дворов⁵¹. При этом на долю посада приходилось 18,5 % всех дворов стана. В Мехреньгском стане был 181 двор, в Верхнем конце Турчасовского стана – около 340 дворов⁵². В Нижнем конце Турчасовского стана насчитывалось около 715 дворов⁵³, в Усть-Мошском стане, вероятно, около 700 дворов⁵⁴. Всего в Каргопольском уезде в середине XVI в. было около 4500 дворов.

За вторую половину XVI в. уезд, вероятно, не пережил особых экономических потрясений, так как к началу XVII в. число дворов возросло и особенно значительно в восточной и северной частях уезда. По данным на 1616 г., в Нижнеозерской волости Турчасовского стана был 21 двор, что на 75 % больше, чем в 1562 г.⁵⁵ В Ордомском погосте этого же стана число жилых дворов за данный период возросло на 29,1 % (с 55 до 71 двора). Значительным был прирост дворов и в Усть-Мошском стане. Однако за 1617–1619 гг. положение в уезде меняется. За 3 года в Ордомском погосте запустел 21 двор, пустые дворы по письму 1622 г. составили 38,3 %⁵⁶. В сравнении с 1562 г. число жилых дворов в погосте уменьшилось на 9,1 %. В Нижнем конце Турчасовского стана в 1622 г. жилые дворы составили 82,5 %. По 14 волостям⁵⁷ этой части стана количество жилых дворов в сравнении с 1562 г. сократилось на 3,9 %⁵⁸. Всего в Турчасовском стане в 1622 г. было около 980 дворов⁵⁹. В Усть-Мошском стане (без Мошенских воло-

Таблица 4

Распределение селений по числу дворов в 1562 и 1622 гг.

Стан	Год	Число волостей	Всего селений	Из них имеют дворов										Всего дворов	Число дворов
				1	2	3	4	5	6	7	8	9	10-18		
Каргопольский	1562	17	435	117	141	90	44	24	9	5	3	1	1	1101	2,53
	1622	1	7	1			1	3	2					32	4,57
Усть-Мошский	1622	7	195	31	53	43	30	12	11	7	3		5	647	3,32
Мехреньгский	1562	3	81	26	27	21	3	1	1	1	1			181	2,24
Турчасовский (Юг)	1562	11	138	80	30	18	3	4	3					244	1,77
	1622	1	6	1	1	1	2		1					20	3,33
Турчасовский (Север)	1562	18	119	19	24	17	23	6	11	9	6		4	465	3,9
	1622	18	112	15	16	24	20	12	9	5	1	2	8	482	4,3
Итого по 2 станам, описанным как в 1562 г., так и в 1622 г.	1562	46	692	216	195	125	70	34	23	14	9	1	5	1810	2,62
			100%	31,2%	28,2%	18,1%	10,1%	4,9%	3,3%	2%	1,3%		0,9%		
1622	20	125	17	17	25	23	15	12	5	1	2	8	534	4,27	
			100%	13,6%	20%	18,4%	12%	9,6%	4%	0,8%	1,6%	6,4%			

Примечание. В таблице учтены тяглые дворы (как жилые, так и пустые). Погосты-селения не учтены.

стей) жилые дворы составляли 76,5 %. Число жилых дворов в стане достигало 1000⁶⁰. В Каргопольской половине писцы зафиксировали в 1622 г. около 2400 дворов⁶¹. Если учесть и небольшой Мехреньгский стан (здесь, вероятно, было около 150 дворов), то всего в Каргопольском уезде насчитывалось в 1622 г. около 4530 дворов.

Таким образом, во второй половине XVI в. сократилось число малодворных деревень, и наиболее интенсивно это сокращение проходило в тех частях уезда, где процент их в середине XVI в. был особенно высок. Сокращение происходило за счет укрупнения поселений (слияние нескольких в одно, появления новых дворов), реже в результате запустения ряда малодворных поселений. Количество дворов в уезде на протяжении второй половины XVI – начала XVII в. возросло, а в 1617–1619 гг. снизилось до уровня 1562 г.

Погосты на протяжении рассматриваемого времени оставались небольшими поселениями, где было обычно 2–3 двора церковнослужителей. Лишь в волостях Тихменге Каргопольского стана и Прилуцкой Турчасовского стана на погостах было по 7 дворов, в том числе по 5 дворов непашенных людей. Из погостов по числу дворов близки к посадам Золотица и Усть-Моша (табл. 5). Посадов в уезде было два: Каргополь и Турчасов. На долю посадов и двух погостов, Золотицы и Усть-Моши, в середине XVI в. приходилось 13,7 % всех дворов уезда. В начале XVII в. в связи с военной опасностью крестьяне сами выстроили острожки в Надпорожской волости, в Сырьянском монастыре и на погосте Усть-Моше⁶². Но в двух первых были лишь «осадные» избы, клети и чуланы. Посадами они не стали. Погост Золотица, попав в руки монастырей, к 1620 г. почти запустел. Снизилось число дворов и на посадах, поскольку значение их как торговых центров падало.

4. Население

В середине XVI в. в Каргопольской половине уезда проживало около 14770 человек⁶³. Посадское население составляло около 17 %. В Верхнем конце Турчасовского стана проживало около 2100 и в Нижнем конце – около 4400 человек⁶⁴, всего – 6500 человек. Посадское население (Турчасов, Золотица) составляло в стане 9–9,5 %. В Мехреньгском стане было около 1 тыс. жителей и в Усть-Мошском – около 4 тыс. Все население уезда насчитывало около 26 тыс. человек. На долю посадского населения приходилось 12 % жителей. При площади уезда около 70 тыс. кв. км.⁶⁵ плотность населения составляла 0,37 человека на 1 кв. км.

К 1622 г., как отмечалось, число дворов по станам, кроме Усть-Мошского, снизилось. Уменьшилась населенность двора⁶⁶ (см. табл. 6). Население по уезду

Таблица 5

Размеры посадов и погостов-селений

Посады и погосты	Год	Жилых дворов
Каргопольский стан: г. Каргополь	1556	498
	1562	478
	1622	146
12 погостов	1562	23
1 погост	1622	3
Усть-Мошский стан: пос. Усть-Моша	1556	18
	1622	35
6 погостов	1622	32
Турчасовский стан: г. Турчасов	1556	83
4 поста	1556	14
Золотица	1556	49
	1562	39

Таблица 6
Категории сельского населения и населенность двора в Каргопольском уезде

Стан	Год	Крестьянские дворы										Прочие дворы					Всего	
		Число дворов	из них имеют «людей»						всего «людей»	«людей на двор»	половников	бобылей	непашенных	в них всего «людей»	на двор «людей»	дворов	«людей»	«людей» на двор
			1	2	3	4	5-6											
Каргопольский	1562	1062	747	249	55	7	4	1459	1,37	13		26	43	1,1	1101	1502	1,36	
	1622	27	22	5				32	1,18	3		3	3	1	30	35	1,17 ^a	
Усть-Мошский	1622	523	465	51	7			588	1,12	8	14	22	1	545	610	1,12		
Мехреньгский	1562	174	144	26	3	1	210	1,21		7		7	7	1	181	217	1,2	
Турчасовский (Юг)	1562	224	154	62	6	1	305	1,36	10		10	21	1,05	244	326	1,34		
	1622	18	16	2			20	1,11						18	20	1,11		
Турчасовский (Север)	1562	422	296	97	21	6	588	1,39	6		33	45	1,1	465	633	1,36		
	1622	429	377	48	4		485	1,13	5	18	5	28	1	457	513	1,12		
Итого по 2 станам, описанным как в 1562 г., так и в 1622 г.	1562	1882					2562	1,36	29		69	100	1,1	1991	2678	1,35		
	1622	997					1125	1,13	5	21	5	31	1	1050	1178	1,12		

Примечание. В таблице приведены данные о селениях, по которым сохранились сведения.

^a По сводным данным, относящимся ко всей Каргопольской половине – 1,21.

сократилось на 5–6 %, составив около 24,5 тыс. человек⁶⁷. Лишь в Усть-Мошском стане население увеличилось на треть. Плотность населения по уезду несколько снизилась.

Причины сокращения населения в начале XVII в. были различными, однако особенно пагубными для края были набеги польско-литовских отрядов в 1617 и 1619 гг. По челобитью крестьян в 21 волости Каргопольского стана в эти годы «посечено» 404 души мужского пола, в 7 волостях Турчасовского стана – 45 душ и в Усть-Мошском стане в 1619 г. убито, взято в плен и разбежалось 330 душ мужского пола. Если учесть, что при этом нередко погибали и семьи, то число погибших будет значительно большим. Запустению также способствовала и тяжесть налогового гнета. В той же челобитной 1619 г. крестьяне отмечали, что люди не только побиты, но и «от Семенова правежу Кобыльского разбрелись»⁶⁸. По ряду волостей крестьяне жаловались на тяжесть описания С. Языкова 1616 г.⁶⁹ В эти годы особенно ослабли сложившиеся ранее экономические связи приморских волостей, не имевших в достаточном количестве своего хлеба, с более южными районами. Голод заставлял покидать насиженные места. И писцы в 1622 г. в северных волостях нередко отмечали, что жильцы «сошли безвестно» или «скитаются меж двор». В волости Тамице в 1622 г. было 10 пустых дворов, из них жильцы четырех дворов «сбрили безвестно», одного – скитались «меж двор», а пяти – «померли з голоду»⁷⁰.

Основная масса сельского населения уезда – черносошные крестьяне (см. табл. 6). В середине XVI в. очень незначительной была доля половничьих дворов. В Каргопольском стане 5 половников сидело на земле крестьян, остальные – на земле, принадлежавшей посадским людям. В Турчасовском стане большая часть половников жила у крестьян (12 «людей»), пятеро половников – за монастырями и всего двое – за посадскими людьми. Пашней лучше были обеспечены половники крестьян: в Каргопольском стане у них насчитывалось по 8–16 десятин на двор, а в Турчасовском – по 2–10 (у большей части по 5–6) десятин. У монастырских половников в Турчасовском стане наделы в среднем были по 4 десятины на двор⁷¹.

Половниками, как правило, становились обедневшие крестьяне, но это не обязательно люди, лишенные своей земли. В 1573 г. каргополец Григорий Межников продал в Кириллов монастырь полдеревни Осначевские под Турчасовым. Его брат Иван, владевший второй половиной деревни, вероятно, был вынужден заключить с монастырем рядную: половничать 5 лет в проданной братом полудеревне⁷².

В начале XVII в. в 20 черносошных волостях Турчасовского стана сотные отмечают лишь 5 половничьих дворов: 3 – за крестьянами и 2 – за церквями. Пашенные наделы половников были ниже, чем в XVI в., они составляли 1,5–4,5 десятины на двор⁷³. Более устойчивым было половничество на монастырских землях. За Соловецким монастырем в «белых» и тяглых деревнях стана насчитывалось 27 половничьих дворов⁷⁴. Наряду с половниками здесь использовался труд монастырских детенышей и служек. В 1622 г. из 11 дворов Васьяновой пустыни 6 были заселены половниками, 4 – детенышами, а 9 дворов Сырьянского монастыря поровну распределялись между тремя отмеченными категориями людей. Половники монастырей сидели как на обельной, так и на тяглой пашне, при этом наделы их на обельной пашне были более значительными (5–7 десятин в «живущем» и 2–3,5 десятины оброчной переложной пашни на

двор), нежели на тяглой (2,2–5 десятин в «живущем» и 0,75–6 десятин оброчной переложной пашни на двор)⁷⁵. Непашенные люди в середине XVI в. встречались главным образом в северной половине Турчасовского стана, в районе соледобывающих и рыбных промыслов (около 7%). В начале XVII в. в связи с упадком промыслов и сокращением хлебного рынка непашенное население вынуждено было наряду с промыслами заняться и земледелием. В писцовых книгах такие люди отмечались как крестьяне.

Описание 1622 г. отмечает бобыльские дворы. В сотных 1562 г. такой категории населения нет. По письму 1622 г. в 7 волостях Усть-Мошского стана на бобылей приходилось 1,3% дворов сельских поселений, в Нижнем конце Турчасовского стана – 3,5%. В последнем из районов отмечено по одному «дворнику» и «суседу». Положение многих крестьян северной части уезда было близко к бобыльскому. По целому ряду деревень и по трём волостям полностью (Заостровской, Вонгуде и Надпорожской) писцы отметили, что в них «прожитком... все крестьяне от тягла охудали»⁷⁶.

Данных по национальному составу населения писцовые книги не дают. В них очень редко упоминаются лишь «кореляне». Однако еще составитель жития Кирилла Челменского во второй половине XVII в. писал: «В нашей северной стране... не во многих же прежде летех бяше чудь и язык имяху свои»⁷⁷. Чудское население безусловно имелось в крае в XVI–XVII вв., но оно или скрыто за христианскими именами, или не попало в писцовые книги. В северной части уезда жили местами и лопари (лопъ) – саамы⁷⁸.

5. Землевладение

По Платежной книге 1556 г. живущей пашни в уезде была 2021 обжа (без посадов), а по письму 1622 г. – около 974 вытей⁷⁹. За 65–70 лет количество живущей пашни, казалось бы, сократилось на 51,8%. Действительно ли это так? Для выяснения этого вопроса приведем сопоставимые данные о количестве пашни во второй половине XVI – начале XVII в. по отдельным районам уезда (табл. 7).

В 1562 г. по 17 волостям Каргопольского стана учтено около 90% пашни, бывшей в тягле в 1556–1560 гг., по северной половине Турчасовского стана – 63,8%, по южной половине – 60%, а по Мехреньгскому стану – даже 43%. Такое резкое сокращение пашни за 2–6 лет маловероятно, поскольку неизвестно об особых потрясениях в уезде. Описывая в 1562 г. Никольский погост на Шорде, писцы отметили «дворище, что было деревня Дулепинская», где «поля... смыла река Шарда»⁸⁰. Вряд ли они могли не отметить еще 118,5 обжи пашни, которые недавно существовали в Мехреньгском стане. Это противоречило бы принципам писцового описания. Как правило, писцы всегда строго учитывали даже старую, давно запустевшую пашню. Сравнение размеров обжи письма 1553 и 1562 гг. (табл. 8) приводит нас к выводу, что обжи этих лет разновелики. Обжа 1553–1560 гг. в Каргопольском уезде содержала по 3–10 четей в поле⁸¹, а в 1562 г. старая новгородская обжа, равная в среднем примерно 5 четям в поле, была заменена новой. Эта московская (большая) обжа содержала доброй пашни 10 четей в поле, средней – 12, худой – 14 или 16 четей в поле. При смене обож количество их естественно должно было сократиться в 1,5–3 раза. Так, в упомянутой волости на Шорде в 1556–1560 гг. были 1 погост, 63 деревни и 87 обож пашни. Последние в 1562 г. должны были дать около 31 обжи (5 четей x 87 : 14).

Таблица 7

**Общие данные о наличии пашни в Каргопольском уезде
(по сопоставимым территориям)**

Стан	1556 г.	1562 г.			1607 г.	1620-е гг.		
	тяглая	тяглая	льготная	пустая	тяглая	тяглая	льготная	пустая
Каргопольский	1100					455,4		
17 волостей стана	573,4	507,7 (7185,75)	1,4 (19,5)	8,8 (125)		267,6		
Волость Нюкола	21,4	13,13 (156)				7,8 (104,5)	0,12 (1,75)	6,2 (86,5)
Усть-Мошский	451					260,6		
7 волостей	276				271,7	152,7 (2109)	3,6 (55,7)	118,3 (1661)
Мехреньгский	208,25	50,9 (717,25)	27,53 (374,25)	11,26 (156,75)		61,9		
Турчасовский (Юг)	170	100,5 (1166,25)	0,4 (6,5)	1 (14,75)	131,9	74,9		
Ордомский погост	36,3	18,8 (248,25)		0,15 (2)	31,38	12,5 (190,3)		20,3 (317,5)
Турчасовский (Север) 14 волостей	109,3	69,75 (878)				72,7 (1070,5)	1,5 (22)	34,7 (506)

Примечание. За 1556–1607 гг. пашня дана в обжах, за 1620-е гг. – в вытях. В скобках приведены данные в четвертях в одном поле. Данные о пашне с двумя показателями – обжи (выти) и четверти – извлечены из сотных и писцовых книг, а с одним показателем – из Платежной книги (1556 г.), «сборных» книг (1607 г.) и Сметы (1620-е гг.). В волости Нюколе за 1556 г. пашня дана со слободкой Ольгой, где в 1562 г. было 4,33 обжи (52 чети в поле) пашни, за остальные годы – без пашни этой слободки.

И в сотной 1562 г. в волости, действительно, учтено 34 обжи⁸². Следовательно, с 1556 по 1562 г. наличие пашни в волости, учитывая неустойчивый размер обжи 1556 г., осталось прежним, а сокращение числа обеж объясняется введением новой большой обжи⁸³. Таким образом, ясно, что при описании 1562 г. в Каргопольском уезде была введена новая большая обжа. Однако размеры предыдущей обжи мы знаем лишь приблизительно, поэтому и об изменениях количества пашни можно говорить также лишь приблизительно.

Второе изменение обжа Каргопольского уезда претерпела при описании уезда в 1615 г. Тогда рассмотренная нами большая обжа была заменена несколько отличающейся по размерам вытью (табл. 9). Введение выти дало существенное формальное сокращение количества вытей по сравнению с числом обеж: при доброй земле – на 16,7 %, при средней – на 14,3 %, при худой – на 12,5 %.

На протяжении рассматриваемого периода претерпела изменения в уезде и соха. Во второй половине XVI в. в уезде бытовала как малая трехбежная сошка, так и большая 30-ти бежная соха. С 1615 г. введена соха в 800 четей доброй пашни⁸⁴.

В 1562 г. запустевшей пашни в уезде очень немного: в Мехреньгском стане – 12,6 %, в 17 волостях Каргопольского стана – 1,7 %, в южной половине Турчасовского стана – 1,0 %. К 1607 г. тяглая пашня значительно возросла в Усть-Мошском и на Юге Турчасовского стана. В последнем районе количество ее увеличилось на 31 %. Процент запустевшей пашни возрос к 1620 г.⁸⁵ В Ордомском погосте живущая пашня составляла 38,1 %, в волости Ноколе Каргопольского стана – 55 %, в Усть-Мошском стане – 55,6 %, в северной половине Турчасовского стана – 66,7 % всей учтенной пашни (см. табл. 7). Однако в сравнении с 1562 г. сокращение живущей пашни менее значительно: в Ноколе – на 33 %, Ордомском погосте – на 23,4 %. А по 14 волостям северной половины Турчасовского стана живущая пашня даже возросла почти на 22 % (расчет дан по четвертям, так как обжа и выть сравнимых лет разновелики).

В первой половине XVI в. структура землевладения в уезде была довольно сложной. В Уставной Онежской грамоте названы земли великого князя, митрополичьи, монастырские, «грамотчиков» и черные⁸⁶. Вероятно, преобладали черные земли. Из числа дворцовых известно село Надпорожское. Указание на бояр-

Таблица 8
Наличие пашни в ряде деревень
по письму 1556 и 1562 гг.

Волость, деревня	1556 г.	1562 г.	
	учтено пашни в обжах	учтено пашни	
		в четях	в обжах
Кенорецкая, дер. над Самойловым озером	0,75	7,5	0,5
Рагонима, дер. Радионовская	0,75	4	0,33
Дер. Филиповская Тырлова	1	4,5	0,375
Дер. Баклановская	0,67	4	0,33
Пертнама, дер. Лужек	0,75	5	0,5
Дер. Никитинская	5,25	30	3
Дер. Олеховская	2,25	15	1,5
Лямца, дер. Волковская	1	4	0,33
Поле, дер. на Хойколе	0,67	7	0,5

Примечание. САС. С. 264, 269, 273, 330, 423–425, 449, 473; СПБ ИИ РАН. Ф. 2. № 146/1. Л. 321; РГБ. Ф. 256. № 52. Л. 74; Савич А. А. Соловецкая вотчина. С. 192; РИБ. Т. 14. Стб. 277, 299.

Таблица 9
Соотношение обжи и выти

Качество пашни	Число четей	
	в одной обже	в одной выти
Добрая	10	12
Средняя	12	14
Худая	14	16
«Добре худая»	16	–

ские земли, возможно, – просто анахронизм⁸⁷. Хотя можно полагать и то, что незначительная часть земель бывших новгородских бояр оставалась за ними и их потомками и после присоединения края к Москве⁸⁸, как это имело место в Двинском и Важском уездах. К числу «грамотчиков», вероятно, относились слободчики. Кроме названных в уставной грамоте категорий землевладельцев, следует отметить также посадских людей уезда и новгородских торговых людей, у которых имелись земли⁸⁹. Данных о соотношении указанных категорий земель за первую половину XVI в. у нас, к сожалению, нет. Во второй половине XVI – начале XVII в. источники указывают на наличие в уезде земель черных, посадских людей, монастырских, церковных и слободчиков (табл. 10).

Таким образом, на протяжении второй половины XVI – начала XVII в. доминирующим в уезде было черносошное крестьянское землевладение. На втором месте стоит посадское землевладение. Процент его в уезде несколько занижен, так как и Платежная книга (данные за 1556 г.), и Сметный список (данные за 1622 г.) не указывают на те земли посадских людей, которые у них имелись в волостях. А в 17 волостях Каргопольской половины уезда в 1562 г. за посадскими людьми было 2–3 % пашни. В середине XVI в. очень незначителен был в уезде процент монастырского и церковного землевладения, но и в 1622 г. за монастырями и церквями в уезде, по данным Сметы, всего было 6,1 % пашни⁹⁰.

До XVI в. в крае существовали 3 монастыря: Челмогорский, Ошевнев, Кенский (Пахомиева пустынь). В XVI в. в уезде было 8 монастырей: три названных, монастырь на р. Шолтоме, Строкина-Васьянова пустынь (позднее Спасский Каргопольский монастырь), Сырьянский⁹¹, пустынь Ивана Волосатого, Кожеозерский. Около 1620 г. в Мехреньгском стане Селедкой волости появилась Кодлозерская пустынь. В XVI в. в уезд проникли Соловецкий и Кирилло-Белозерский монастыри.

Таблица 10

**Изменение структуры землевладения в уезде
за вторую половину XVI – начало XVII в.**

Стан	1556 г.				1622 г.			
	К	П	М	Ц	К	П	М	Ц
Каргопольский	88,9	8,2	2,2	0,7	88,7	6	3,3	2
Усть-Мошский	98,3			1,7	95,6	0,8		3,6
Мехреньгский	98,3			1,7	94			6
Турчасовский	89,9	4,5	4,4	1,2	90,6	0,4	7	2
Итого по уезду	92,2	4,9	1,9	1	90,8	3,1	3,3	2,8

Примечание. В таблице приведены данные в процентах лишь по пашне «в живущем».

Сокращения: К – черносошное землевладение, П – посадских людей, М – монастырское, Ц – церковное землевладение.

6. Крестьянское хозяйство

Основным занятием крестьян большей части уезда было земледелие. Лишь в отдельных местах и особенно в поморской части уезда ведущую роль играли промыслы, хотя и здесь население не порывало с земледелием. Интересно отметить, что в Каргопольской половине уезда, хотя она являлась и более южной, почти 90 % земли было «худой». В Турчасовском же и Усть-Мошском станах эта категория земли составляла лишь около 30 %.

Господствующей системой земледелия в уезде было трехполье. Писцы неизменно отмечают наличие трех полей⁹². Материалы письма XVI – начала XVII в. ничего не говорят о подсеке. Однако наличие ее прослеживается по актовому материалу. В 1532 г. Павел Кирьянов в Золотице наряду с другими угодьями продал также «подсеку новую и старую». В 1597 г. Леонтий Иванов дал в Ягрене вкладом Васьяновой пустыни среди прочего и «палу в лесе три топора сеченого». В 1607 г. Борис Макарьин Манаков за свои угодья в обмен получил от Кожеозерского монастыря участок в Тевзогорской волости, «опричь насеяной ржи, что у них старцов сеяна в леси в подсеки». В 1622 г. Сергей Нефедов с сыном из Лекшмоозерской волости среди прочего дали вкладом Васьяновой пустыни меру ржи, что «сеяна на Лекшмозере в лесе»⁹³. Иногда крестьяне уезда наряду с пашней и пожнями продавали и давали вкладом лес. В таких случаях, по всей вероятности, речь идет о подсечных или подсечно-переложных участках (если лес не связан с солепромыслами)⁹⁴. Участки, где лес вырубался для соляных промыслов, часто расчищались под сенокосы, репища и пашню⁹⁵. Подсечная или подсечно-переложная система землепользования, надо полагать, господствовала и на отхожих крестьянских участках. Подобная пашня в «Оброчных книгах Каргопольского стана» (1606 г.) в волости Кенозере названа «отхожей пашней», в Нижней Чюрьюге – «боровой землей», а в Усть-Волжской волости – «пашенным лесом»⁹⁶. Подчас подсечная пашня фигурировала в оброчных книгах как сенокосная рощица. Все это говорит о значительной доле в уезде подсечной системы землепользования и лесного перелога.

О наделенности крестьян пахотными угодьями в разных частях уезда и о различиях размеров наделов свидетельствуют таблицы 11 и 12.

В жизни края значительную роль играло рыболовство. По Платежной книге с крестьян уезда за рыбную ловлю бралось 39 руб. 36 денег⁹⁷. В начале XVII в. с крестьян уезда за рыбную ловлю также взимался денежный оброк, а с крестьян Турчасовского стана – и натуральный – десятая рыба. С волостей Вонгуды, Подпорожской и Надпорожской натуральный оброк составлял 120 семг⁹⁸.

В XVI–XVII вв. край был богат таежными лесами, дичью и зверем. В связи с этим население занималось наряду с рыболовством и охотой⁹⁹. Почти в каждой крестьянской купчей в числе угодий, тянувших к деревне, названы и «лешие путики». Особым оброком облагались лебяжий и бобровый промыслы¹⁰⁰.

С земледелием связано развитие в уезде мукомольного дела. Многочисленность небольших рек в крае способствовала строительству водяных мельниц. В уезде уже в XVI в. было значительное количество мельниц – «колотовок» и несколько колесных. По платежной книге в Каргопольской половине числились 23 мельницы, в Турчасовском стане – 6, Усть-Мошском – 1¹⁰¹. В 1606–1607 гг. на оброке у крестьян Каргопольской половины были 52 мельницы, из них 8 отмечены как новые; в Усть-Мошском стане – 25 мельниц, из них 5 колесных.

В XVI в. р. Онега была важной артерией, соединявшей ведущий соледобывающий район страны Поморье с центром. Через оз. Лаче и р. Онегу с притоками шли древние колонизационно-торговые пути, связывавшие Великий Новгород с северо-восточными окраинами боярской республики. Важными торговыми центрами были Каргополь, Турчасов и Порог¹⁰². В новгородский период некоторое торговое значение имел погост на оз. Моше. Основными товарами, которые шли из уезда по стране, были соль и продукты морского и речного промыслов. Соль с побережья Онежской губы и внутренних волостей Турчасовского стана концентрировалась в Пороге и Турчасове. Отсюда она шла в Каргополь, откуда расходилась по всей стране¹⁰³. В Турчасове на посаде в середине XVI в. имелось несколько соляных амбаров и 41 лавка, на Каргопольском посаде – 116 лавок. Сотная письма 1562 г. упоминает в Каргополе и гостиный двор. В конце столетия там было 2 гостиных двора, где торговали как русскими, так и иностранными товарами¹⁰⁴. В XVI в. в уезд приезжали торговать из Великого Новгорода, Белоозера, Двины, Ваги, Москвы¹⁰⁵. Однако с установлением торговых связей с Западной Европой через Белое море и основанием Архангельска значение Онежского пути снизилось. Упала и роль Турчасова и Каргополя как торговых центров. В 1606 г. в Турчасове было всего 17 лавок. На погосте Моше в 1628 г. насчитывались всего 1–2 оброчные лавки¹⁰⁶. Имеющиеся у нас источники ничего не говорят о мелких торговых центрах уезда.

Таблица 11

Средняя обеспеченность крестьян пашней и сенокосом

Стан	Год	Дворов	«Людей»	Обеж в «живущем»	Сена (в копнах)		На двор				Десятин пашни		
					обежного	оброчного	«людей»	обеж	сена (в копнах)		всего	на двор	на семью
									обеж-ного	оброч-ного			
Каргопольский	1562	1104 ^а	1506 ^б	513,6	10263	1745,5	1,36	0,46	9,3	1,6	10945,4	9,9	7,3
	1622	27	32	7,47	244		1,18	0,28	8,3		156,8	5,8	4,9
Усть-Мошский	1622	523	588	148	4433	500	1,12	0,28	8,5	0,9	3047,6	5,8	5,2
Мехреньгский	1562	174	210	49,4	1498	140	1,19	0,28	8,5	1,2	1037,4	5,9	4,9
Турчасовский (Юг)	1562	224	305	99,14	2923,5	5232,5	1,34	0,41	12,1	21,7	1731	7,2	5,4
	1622	18	20	5	142	12	1,11	0,28	7,9	0,7	103,5	5,8	5,2
Турчасовский (Север)	1562	432 ^в	600 ^в	76,05	2277,5	6490	1,39	0,18	5,3	15	1418,9	3,3	2,4
	1622	453 ^в	506	89,73	2697,5	294	1,12	0,19	5,9	0,6	1986,5	4,4	3,9

Примечания. ^а В общее число вошли: 1062 двора крестьян (см. табл. 6); 27 дворов тяглых, не учтенных сотной по с. Надпорожскому (пропуск в тексте); 15 дворов половников и прочих, имеющих пашню в волостях.

^б В общее число вошли: 1459 «людей» крестьян (см. табл. 6); 29 неучтенных людей по с. Надпорожскому; 18 «людей» половников и прочих.

^в В это число вошли как крестьянские дворы, так и дворы людей других категорий.

Таблица 12

Распределение крестьянских дворов по размерам запашки

Надел тяглоу пашни (в деся- тинах)	Каргопольская половина		Усть-Мош- ский стан		Мехрень- гский стан		Турчасовский стан (Юг)		Турчасовский стан (Север)					
	1622 г.		1622 г.		1562 г.		1562 г.		1622 г.					
	дво- ров	%	дво- ров	%	дво- ров	%	дво- ров	%	дво- ров	%				
До 1			4	1,8					61	14,5	12	2,8		
1,1 - 2	20	1,9	34	6,5			3	1,3	130	30,8	30	7		
2,1 - 3	54	5,1	127	24,3	12	6,9	33	14,8	2	10,5	128	29,8		
3,1 - 4	95	8,9	79	15,1	20	11,5	15	6,7	6	31,6	90	21		
4,1 - 5	57	5,4	74	14,1	7	4	34	15,2			36	8,5	9,1	
5,1 - 6	135	12,7	62	11,9	35	20,1	35	15,6	2	10,5	46	10,9	16,1	
6,1 - 8	206	19,4	64	12,2	43	24,7	32	14,3	8	42,1	16	3,8	7,9	
8,1 - 10	138	13	26	4,9	10	5,8	25	11,2			14	3,3	9	2,1
10,1 - 13	165	15,5	31	5,9	31	17,8	33	14,7			8	1,9	9	2,1
13,1 - 16	86	8,1	11	2,1	12	6,9	4	1,8	1	5,3			4	0,9
16,1 - 20	46	4,3	5	1			3	1,3					2	0,5
20,1 - 25	25	2,4	5	1	4	2,3	2	0,9					2	0,5
25,1 - 30	17	1,6					3	1,3					1	0,2
30,1 - 60	13	1,2	1	0,2			1	0,45						
40,1 - 60	5	0,5					1	0,45						
Итого:	1062	100	523	100	174	100	224	100	19^a	100	422	100	429	100

^a Считая один пустой тяглоу двор

Промыслы, ремесло и торговля являлись дополнительными к земледелию, а подчас, вероятно, и основными статьями доходов крестьянского хозяйства.

Как отмечалось, политические события начала XVII в. пагубно отразились на развитии экономики края. Вследствие снижения уровня производства уменьшилась и дифференциация крестьянства. Нивелировке населения способствовали и другие факторы. Усиление феодального гнета и активное внедрение в промыслы края монастырей вынуждали состоятельных представителей посадов и волостей уходить в монастыри или продавать последним свои промыслы. В руки Кирилло-Белозерского монастыря перешла значительная часть многоотраслевых хозяйств: в Золотице – Василия Никитина (внука слободчика Никиты Сидорова)¹⁰⁷, Никиты Павлова¹⁰⁸, Терентия Никитина Игумнова (внука Никиты Сидорова)¹⁰⁹, Дорофея Иванова Морозова¹¹⁰, в Лямце – братьев Строевых¹¹¹, в разных местах уезда – каргопольцев Гаврилы Семенова Мохнаткина, Григория Федорова Межникова¹¹² и др.¹¹³

Существенные последствия для состоятельных хозяйств имело и стремление правительства ликвидировать на Севере категорию оброчных земель, уравнивать их с тяглыми землями¹¹⁴. В XVI в. проводилась также политика перевода торговых людей уезда в Москву. В конце XVI в. были известны такие каргопольские переведенцы, как Никула Григорьев Тяполков, Иван Филиппов Шихан, Бурка Иванов, Иван Бутнов, Оникей Степанов¹¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шустиков А. А. По деревням Олонецкого края. (Поездка в Каргопольский уезд). Вологда, 1915; Рудометов И. И. Каргопольский край. Каргополь, 1919; Пятунин П. Каргопольщина в прошлом и настоящем. Каргополь, 1924. и др.

² Список его работ см.: Известия общества изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1913. № 2, 3; 1916. № 3, 4.

³ Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899; Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. I. М., 1915; Т. II. 1916; Богословский М. М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. Т. I. М., 1909; Т. II. 1912; Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII в. Пермь, 1927; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

⁴ Акты первой половины XVI в. указывают на то, что пашня в уезде положена в сошное письмо до описания 1551–1553 гг. (РИБ. Т. 14. Стб. 281–285).

⁵ С 1554 г. подати в уезде должны были собираться по письму Я. И. Сабурова, однако описание датируется 1556 г. (Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 419–422; Платежная книга Каргопольского уезда, составленная около 1560 г. по книгам письма Якова Сабурова и Ивана Кутузова 1555–1556 гг. // САС. Вып. 2. С. 253. Далее: Платежная книга).

⁶ РГАДА. ГКЭ. № 5909; Шумаков С. А. Сотницы, грамоты и записи. Вып. III. М., 1909. С. 18–20.

⁷ Они содержат данные по 49 волостям из 77, а также по Каргополю и погосту Золотице (САС. Вып. 2. С. 291–478). Дополняет эти данные «Сотная на Водлозерскую волость письма и меры данного старосты Микулы Григорьевича Тяполкова 1568–1569 года» (Там же. С. 479–483).

⁸ РИБ. Т. 14. Стб. 275–276; СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 31. № 4–7.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 106 (копия XIX в.).

¹⁰ СРБИИ РАН. Ф. 115. Д. 22.

¹¹ Там же. Д. 842 (копия XVIII в.).

¹² РГАДА. Ф. 137. Каргополь. № 1. Л. 298–323; Новгород. № 16. Ч. 2. Л. 524–601; РИБ. Т. 28. Стб. 144–190.

¹³ СРБИИ РАН. Ф. 115. Д. 31, 41; Ф. 2. Д. 146/1; ГБЛ. Ф. ДА. II–48. Выражаем искреннюю благодарность И. З. Либерзон, обратившей наше внимание на две последние книги. Значительные выписки из копийных книг Кирилло-Белозерского монастыря сделаны Н. К. Никольским (Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1910. С. 100–243 и Прил. 1).

¹⁴ Данная территория до падения самостоятельности Великого Новгорода входила в состав боярской республики. (Хотя некоторые источники указывают на то, что в конце XIV в. сам Каргополь входил в Белозерское княжество. См.: Устюжский летописный свод / ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 64). Крайняя скудность источников по истории этого района до XVI в. позволяет дать только общую картину землевладения. В XV в., вероятно, здесь, как и в соседних районах – в Обонежье на западе, в Важской и Двинской землях на востоке, – основная масса земель находилась в руках новгородского боярства. Платежная книга отмечает, что две крупные южные волости Каргопольского уезда, Волковская и Павловская, были некогда «в розных боярщинах» (С. 254–255). Житие Александра Ошевенского сообщает, что «в веси Усть-Волга» жил вельможа Иоаким, ключник боярыни Анастасии. Отсюда можно полагать, что волость Усть-Волжская (при впадении Волги-Волошки в Онегу) полностью или частично входила в боярщину посадника Ивана Григорьева и его жены Анастасии. Последним принадлежали и земли по речке Верхней Чурьюге, где Никифор Ошевень, отец создателя монастыря, основал Ошевневую слободу по разрешению и грамоте боярина новгородского «Иоанна и его детей» (ОР РНБ. Ф. Q1.73. Л. 40 об.). Вероятно, этому же посаднику Ивану Григорьеву принадлежала и «весь Волосово», находившаяся в 15 «поприщ» от Ошевневой слободы. Именно там первоначально остановился Никифор со своим семейством прежде, чем поселиться в слободе. Этому же боярскому роду принадлежали и огромные владения в верховьях р. Мехреньги и по Емце (ААЭ. Т. I. № 181. С. 152).

Часть волости Лекшмозерской, вероятно, составляла боярщину Труфана Сарского (Платежная книга. С. 378 – «деревни тяглые на Труфанове стороне»).

В среднем течении Онеги, близ Бирючевских порогов, находилась волость Ордомской погост. Часть этой волости в XV в. принадлежала новгородскому Софийскому дому, а часть была «в розных боярщинах» (Платежная книга. С. 277).

В Усть-Мошском стане были расположены значительные владения бояр Горошковых. Им принадлежали, вероятно, часть волости Усть-Моши и волость Ундозеро (в первой писцовая книга 1621–1622 гг. отмечает деревню, «что было сельцо Богданово», а во второй – дер. Богдановскую, «а Горошкова тож». См.: ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 106. Л. 22–22 об., 71).

¹⁵ ААЭ. Т. I. № 181. С. 152–154. Уставная грамота в 1536 г. дана людям «Онежские земли».

¹⁶ САС. Вып. 2. С. 265, 288, 373; РГАДА. Ф. 137. Каргополь. № 1. Л. 304; Ф. 1201. Оп. 3. Д. 3. № 4/2.

¹⁷ Платежная книга. С. 288; САС. Вып. 2. С. 477, 478 (публикация И. З. Либерзон).

¹⁸ Платежная книга. С. 254.

¹⁹ Там же. С. 288; РГАДА. Ф. 137, Новгород, № 16, Ч. 2, Л. 591; СПбИИ РАН. Ф. 172. № 144. Ст. 1–3.

²⁰ ААЭ. Т. I. № 181. С. 152. Из числа каргопольских наместников известны Петр Михайлович Щенятев (1546 г.) и Иван Михайлович Юрьев (ААЭ. Т. I. № 211. С. 200–201; ОР РНБ. Q1–73. Л. 119).

²¹ В 1550–1560 гг. каргопольским городовым приказчиком был Осип Михайлов (Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. С. 424–425; САС. Вып. 2. С. 345 и сл.).

²² САС. Вып. 2. С. 360–361, 382, 385; Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. С. 191–192, 230, 232, 405, 410.

²³ Богословский М. М. Земское самоуправление. Т. II. С. 266–267.

²⁴ См. табл. 3.

²⁵ САС. Вып. 2. С. 253–290.

²⁶ Богословский М. М. Земское самоуправление. Т. I. Прил. С. 10–19. В общих итогах автора нет данных по волостям Лямце, Пурнеме, Пертнеме и, вероятно, обельным деревням монастырей, что составляет около 30 поселений. Они приплюсованы нами к поволостным итогам М. М. Богословского.

²⁷ САС. Вып. 2. С. 254, 283, 285, 286.

²⁸ Там же. С. 259, 260, 283.

²⁹ Там же. С. 302, 321, 334–345, 347, 350, 351, 357–359, 372, 376, 384.

³⁰ Там же. С. 392–414. Возможно, некоторые деревни имели по 2–3 названия именно по этой причине. Так, в сотной 1562 г. об одной и той же деревне есть 2 записи, которые подтверждают наше предположение: а) «треть деревни Костьковские... да к той же деревни впущены в пашню 3 селища, что были деревни: деревня Онтоновская, деревня Федотовская, деревня Якимовская»; б) «две трети деревни Костьковские, и Онтоновские, и Федотовские, и Якимовские» (Там же. С. 393, 396).

³¹ Там же. С. 415–433.

³² ОПИ ГИМ, Ф. 450. № 106. Л. 28 об., 29, 71; СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 22. Л. 4, 14.

³³ В 1616 г. дер. Колобова Гора в волости Воргозоры «была списана в приправочных книгах с деревней Кондратовскою», а в писцовой книге 1622 г. вновь записана отдельно. В 1622 г. писец И. Воейков 5 деревень волости Тамицы записал одной слободкой. Поводом к этому послужило то, что «тех деревень двory стоят в одном месте слободкою и в полях пашня с одново жо» (СПБII РАН. Ф. 115. № 22. Л. 82 об., 91).

³⁴ В описях Каргопольского уезда фигурируют поселения тяглые (жилые и пустые) и нетяглые (всегда пустые).

³⁵ В 1562 г. в 17 рассмотренных в таблице 3 волостях этого стана (в них было около 54 % всех поселений) на долю живущих приходилось 90 % поселений. Всего же Платежной книгой учтено 907 сельских поселений, 90 % от этого числа составят 816 поселений (плюс 19 в Водлозерской волости).

³⁶ В 1562 г. в 18 волостях этой половины стана (в них сосредоточивалось 72 % всех поселений половины) живущие поселения составляли 94,7 %. Всего в Нижнем конце стана по Платежной книге насчитывалось 182 сельских поселения, 94,7 % от этого числа составят 172 поселения.

³⁷ По Платежной книге в Усть-Мошском стане числилось 380 сельских поселений. Вероятно, жилые поселения здесь составляли около 90 %, как и в соседних Каргопольском стане и Южной половине Турчасовского стана.

³⁸ В 1562 г. в ней насчитывались 1 погост, 7 деревень живущих и 1 селище наезжее (без слободки «в Олге», деревни которой не даны в описании 1622 г.). То же видим в описании 1622 г. (САС. Вып. 2. С. 371–373; СПБИИ РАН. Ф. 115. Д. 22. Л. 103 об. – 109 об.).

³⁹ В этих волостях (Усть-Моша, Пабережье, Дониславль, Дубровпа, Ундозеро, Лепшеозеро, Шелекушки) в 1556 г. было 230 тяглых поселений, в 1622 г. – 202 жилых поселения (САС. Вып. 2. С. 278–283; ОПИ ГИМ. Ф. 450. № 106).

⁴⁰ САС. Вып. 2. С. 414–420; СПБИИ РАН. Ф. 115, № 22. Л. 5–6.

⁴¹ Это волости Тамица, Корельская, Вонгуда, Надпорожская, Подпорожская, Усть-Онежская, Мудьюга, Пирзопелда, Заостровская, Кожа, Вазеницы, Чекуево, Поле, Чюхчин Бор.

⁴² В 1562 г. в этих волостях было 102 жилых поселения (без погоста и четырех деревень Кянды, описанных вместе с волостью Тамицей), в 1622 г. учтено 93 жилых поселения. Однако к ним следует прибавить еще 4 деревни, так как писец записал 5 деревень волости Тамицы одним поселением – слободкой.

⁴³ В ряде волостей Каргопольского стана процент малодворных деревень значительно ниже среднего по стану: в Лядине – 0 %, в Замошье – 25 %, Кенорецкой – 26,7 %, Поколе и Ольге – 27,3 %.

⁴⁴ Не было малодворных деревень в волостях Лямце, Корельской и Подпорожье. В последней все 7 деревень имели от 6 до 11 дворов (САС. Вып. 2. С. 448–451, 455–457).

⁴⁵ Гнездовой тип расположения поселений в Заонежье в XVI–XVII вв. отмечен М. В. Витовым (Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 165–171).

⁴⁶ Наблюдения и выводы по данному микрорайону основаны на анализе письменных источников XVI–XVII вв., на личном ознакомлении с существующей топографией местности, на данных, полученных из бесед со старожилами этих мест.

⁴⁷ В районе современной станции Грибанихи Онежского района Архангельской области.

⁴⁸ Примерно в 12 км от современного г. Онеги по шоссе Порог – Онега.

⁴⁹ Знакомство с топографией местности и ряд других положений ставит под сомнение вывод Н. П. Павлова-Сильванского о том, что эти волостки некогда составляли одну волость-общину (Феодализм в удельной Руси. Соч., Т. III. СПб., 1910. С. 34–36). Скорее всего, эти волостки в новгородский период составляли единый административно-податный округ типа погоста (ср.: Порогопустец «Устава кн. Святослава Ольговича» 1137 г. Памятники русского права. Вып. II. М., 1954. С. 29).

⁵⁰ В Нокольской волости Каргопольского стана доля малодворных деревень снизилась с 27,3 до 14,3 %, в Биричевской волости Ордомского погоста – с 75 до 33,3 % (САС. Вып. 2. С. 371–374, 418–420; СПБИИ РАН. Ф. 115. № 22. Л. 2–6, 103 об.–109 об.).

⁵¹ В сельских поселениях (при средней дворности – 2,5 двора на деревню) было около 2080 дворов (2,5 × 816 + 38 дворов Водлозерской волости), в Каргополе и на погостах – 501 двор.

⁵² Количество дворов в Турчасове берем по Платежной книге.

⁵³ В сельских поселениях (при средней дворности – 3,91 двора на деревню) было около 665 дворов.

⁵⁴ В среднем, исходя из данных по соседним к стану территориям, принимаем по Усть-Мошскому стану 2 двора на деревню.

⁵⁵ Савич А. А. Соловецкая вотчина. С. 196.

⁵⁶ САС. Вып. 2. С. 414–420; СПБИН РАН. Ф. 115, № 22, Л. 4 об.–6.

⁵⁷ Это волости Тамица, Корельская, Вонгуда, Надпорожская, Усть-Онежская, Подпорожская, Мудьюга, Пирзопелда, Заостровская, Кожская, Вазеницы, Чекуево, Поле, Чюхчин Бор.

⁵⁸ Особенно значительно сократилось количество дворов в волостях: в Тамице – с 42 до 18 (на 57,1%), Вазеницах – с 28 до 16 (на 42,9%), в Корельской – с 17 до 11 (на 35,3%), в Подпорожье – с 55 до 41 (на 25,5%). В то же время в ряде волостей число дворов возросло: в Усть-Онежской – с 28 до 46 (на 64,3%), Кожской – с 21 до 33 (на 57,1%), Заостровской – с 9 до 14 (на 55,5%), Мудьюге – с 28 до 41 (на 46,4%).

⁵⁹ В южной половине стана запустение дворов в сравнении с 1562 г. составило 10%, в северной – 5%, так как в волостях Кушерецкой, Малой Шуйке, Нижмозерской, Пурнеме, Лямце и в погосте Золотице, по которым нет точных данных за 1622 г., запустение было более значительным (Савич А. А. Соловецкая вотчина... С. 75, 128–130, 196).

⁶⁰ В 1556 г. в стане было 380 тяглых селений. К 1622 г. в 7 волостях стана число их снизилось на 6,8%. Всего в стане в это время было 354 тяглых поселения, из них жилых – 333 (в 7 волостях жилые составляли 94,2% поселений). По 7 волостям на деревню в среднем приходилось по 2,79 жилого двора. В сельских поселениях стана насчитывалось всего 929 жилых дворов и около 80 дворов было в Усть-Моще и на других погостах.

⁶¹ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. I. С. 409.

⁶² СПБИН РАН. Ф. 115. № 22. Л. 65, 96 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 450. № 106. Л. 3.

⁶³ На двор в этом стане в середине XVI в. приходилось 1,36 «людей» (табл. 6), т. е. 5,9 человека. Следовательно, в сельских поселениях проживало около 12 270 человек, да в Каргополе и на погостах – 2500 человек. (Принцип подсчета населения см.: Аграрная история. Т. I. С. 17–20). По посадкам и погостам берем населенность двора в 5 человек.

⁶⁴ В том числе около 400 человек в самом Турчасове и около 200 в Золотице.

⁶⁵ Районы Северного края. Статистический справочник. Архангельск, 1930. С. 2–6. См. районы: Каргопольский, Няндомский, Онежский, Плесецкий, Приозерный, Чекуевский и частично Коношский.

⁶⁶ В Каргопольском стане уменьшилось «людей» на двор с 1,36 до 1,21, в Ордомском погосте – с 1,33 до 1,05.

⁶⁷ В Каргопольском стане было около 13 тыс. человек, в Усть-Мошском – 5,5 тыс., Мехреньгском – 0,75 тыс., Турчасовском – 4,6 тыс. человек.

⁶⁸ Веселовский С. Б. Акты писцового дела. М., 1913. Т. I. № 87. С. 128–129. С. Кобыльский в 1619 г. «правил» в уезде запросные деньги (СПБИН РАН. Ф. 172. № 56).

⁶⁹ СПБИН РАН. Ф. 115. № 22. Л. 37, 65 об.

⁷⁰ Там же. Л. 91–91 об.

⁷¹ САС. Вып. 2. С. 314, 316, 324, 342, 365, 374, 375, 387, 388, 416, 417, 429, 434, 448–449, 461, 464, 467.

⁷² Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII в., Т. 1. Вып. II. СПб., 1910. С. 100. В 1578 г. сын Ивана Степан вынужден был продать монастырю и свою половину деревни (Там же. Прил. С. LVIII, LXVIII).

⁷³ СПбИИ РАН. Ф. 115, № 22, л. 8 об., 18 об. – 19, 21, 23, 72 об.

⁷⁴ Савич А. А. Соловецкая вотчина. С. 193.

⁷⁵ СПбИИ РАН. Ф. 115. № 842; № 22. Л. 96 об. – 102 об.

⁷⁶ Там же. № 22. Л. 78, 74 об. – 75.

⁷⁷ Докучаев-Басков К. А. Строкина пустынь и ее чернецы // Известия общества изучения Олонецкой губернии. 1914. № 6–7. С. 6. Наличие чуди на рубеже XV–XVI вв. отмечается, например, в северной части пограничного Двинского уезда, в волости Уйме (ГКЭ. Т. I. № 76. Стб. 77).

⁷⁸ В 1644 г. Кожеозерский монастырь выхлопотал себе право «на Коже реке варницы поставить, где преж сево бывали». В 1644 г. варницы были заброшены, а ранее «владели теми варницы лопь» (СПБИИ РАН. Ф. 172. № 136. Ст. 3).

⁷⁹ Платежная книга. С. 253–286; РГАДА. Ф. 137. Новгород. № 16. Ч. 2. Л. 540–594.

⁸⁰ САС. Вып. 2. С. 414.

⁸¹ Аналогичную новгородскую (малую) обжу видим в XVI в. и на Двине (САС. Вып. 2. С. 212–218).

⁸² САС. Вып. 2. С. 284, 406–414.

⁸³ В Мехреньгском стане в 1562 г. вся земля оценена худой, в обжу положено по 14 четей пашни в поле, поэтому процент сокращения обож здесь более высокий. В Каргопольском стане, где основную часть составила худая земля, число обож все же сократилось незначительно. Объясняется это, на наш взгляд, следующим. При описании 1562 г. у крестьян этого стана в число тяглых была включена и пашня, не учтенная предыдущими описаниями. Возможно, поэтому по многим деревням стана отмечена пашня «в поле и на отхожих пашнях». (В деревнях других станов отхожая пашня в описании 1562 г. – редкое явление.) Это и дало возможность сократить разницу в количестве обож. У крестьян же более северных станов (Турчасовского и Мехреньгского) такой «резервной» земли, вероятно, не было, поэтому разница в количестве обож там более значительна.

⁸⁴ САС. Вып. 2. С. 253–285; СПбИИ РАН. Ф. 115. № 22; ОПИ ГИМ. Ф. 450. № 106; Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. I. С. 78–79.

⁸⁵ В челобитной 1619 г. крестьяне уезда отмечали, что с 1615 г. у них убыло 192 выти пашни (Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. I. № 87. С. 127–130).

⁸⁶ ААЭ. Т. I. № 181. С. 152.

⁸⁷ Ср.: Там же. № 123. С. 92.

⁸⁸ Из боярского рода, вероятно, вышли Кашины, имевшие земли в Каргопольском и Двинском уездах (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 3. Д. 316. № 4; Д. 382; СПбИИ РАН. Ф. 174. Оп. 1. № 32).

⁸⁹ В грамоте архиепископа Макария Строкиной пустыни 1536 г. названы «новгородские, а тамошние каргопольские вкладчики, торговые люди»: Афанасий Гаврилов Дровнин, Михайло Иванов сын Черного, Истома Якимов и Сергей Борисов

(СПБИН РАН. Ф. 153. № 3). В актах первой половины XVI в. также упоминается ряд новгородцев (ОР РНБ. Ф. ДА. II-48, л. 160 об.–161; РГАДА. Ф. 1201. Оп. 3. Д. 3. № 4/8; Д. 22. № 31; Д. 40. № 68), но их социальный статус не ясен.

⁹⁰ Монастыри имели в уезде 3 категории земель: обельную, оброчную и тяглую. У мелких пустынь до начала XVII в. обельной пашни не было. Процент монастырского землевладения (см. табл. 10) несколько занижен, так как и в Платежной книге, и в Смете учтены не все тяглые земли монастырей, за которые они платили подати в волостные миры.

⁹¹ Последние монастыри возникли в начале XVI в. (Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966. С. 126–130, 182–191, 271; ОР РНБ. Q1-73. Л. 93; СПБИН РАН. Ф. 153. № 3).

⁹² По челобитью крестьян дер. Острецовой Горы Турчасовского стана писцом И. Воейковым в 1622 г. «земля во всех трех полях мерена» (СПБИН РАН. Ф. 115. № 22. Л. 65 об.).

⁹³ ОР РНБ. Ф. ДА. II-48. Л. 135 об. – 136; QV.337. Л. 68 об., 143; СПБИН РАН. Ф. 115. Д. 31. № 231.

⁹⁴ ОР РНБ. QI-337, л. 38 об., 71 об. (волость Шалга, 1581 и 1608 гг.).

⁹⁵ В 1550 г. братья Анцифоровы, покупая у братьев Тимофеевых варницу в волости Поле и половину их леса, оговаривают в купчей, что им в лесу «пашня пахати и пожни чистить вольно» (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 3. Д. 35. № 58). В начале XVII в. у братьев Терентьевых в Пурнемской волости сенные покосы были расчищены у варницы «по их дровеным сечищам» (РИБ. Т. 28. Стб. 167).

⁹⁶ РГАДА. Ф. 137. Каргополь, № 1. Л. 308 об., 309 об., 314–314 об. См. аналогичные записи за 1615 г. по волостям Ряговской, Мудьюге, Нижнему Бору (РИБ. Т. 28. Стб. 163–165). Следует заметить, что под отхожей пашней не всегда надо видеть подсеченную или подсечно-переложную пашню.

⁹⁷ Платежная книга. С. 278–290. По оброчной книге 1606 г. с крестьян Каргопольской половины уезда за рыбную ловлю взято 9 руб. 92,5 деньги, а с Верхнего конца Турчасовского стана – около 11,5 руб. (РГАДА. Ф. 137. Каргополь. № 1. Л. 298–320 об., 324–325 об.).

⁹⁸ По письму 1622 г. неполный Нижний конец Турчасовского стана должен был платить 7 руб. 79 денег оброка. По волости Усть-Онежской писцы записали: «Да с тех же переметов сверх того (денежного оброка. – Ю.В.) платят они государю с Семена дни до заморозов десятую рыбу» (СПБИН РАН. Ф. 115. № 22. Л. 1, 76, 93). По Смете 1628 г. с Турчасовской половины за рыбную ловлю взято около 13 руб. (без монастырей), семги свежего просолу 179 пуд. 26 гривенок и с волостей Порожской, Подпорожской и Вонгуды – семги «60 рыб свежие облые» и 60 рыб «свежепросольные» (РГАДА. Ф. 137. Новгород. № 16. Ч. 2. Л. 561–561 об., 587 об.–588, 600–601). Особо облагались оброком переметы на семгу (по 15 алтын с перемета) и места ловли вьюнов. В начале XVII в. в Подпорожье было 10 переметов, Усть-Онеге – 9, Тамипе – 5, Ворзогорах – 2.

⁹⁹ Когда-то с населения края собиралось, вероятно, большое количество пушнины. По Платежной книге с волостей Каргопольской половины и Усть-Мошского стана брался уже денежный оброк за 9–12 белок, а с волостей Турчасовского стана – за 26–40 белок с обжи, с 30-обежной сохи в Каргопольской половине – за 270 белок и 20 горностаев (Платежная книга. С. 254–285).

¹⁰⁰ Лебяжий промысел известен в волости Верхней Чюрьюге (РГАДА. Ф. 137. Каргополь. № 1. Л. 318), бобровые гоны – в волостях Турчасовского стана: Поле, Пирзопелде, Вонгуде, Усть-Онеге (СПБНИИ РАН. Ф. 115. Д. 22. Л. 34 об., 62 об., 69 об.–71; САС. Вып. 2. С. 459). Имелись они и в волостях Верхнего конца стана (РГАДА. Ф. 137. Каргополь. № 1. Л. 325).

¹⁰¹ Платежная книга. С. 288–289; РГАДА. Ф. 137. Каргополь. № 1. С. 321–325 об.

¹⁰² В середине XVI в. в Пороге, Турчасове, Усть-Моше, Каргополе существовали таможенные дворы (СПБНИИ РАН. Ф. 115. Д. 22. Л. 66 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 106. Л. 2).

¹⁰³ ААЭ. Т. I. № 211. С. 200–201.

¹⁰⁴ Платежная книга. С. 254, 268; САС. Вып. 2. С. 291, 296; РГАДА. Ф. 135. Д. 34.

¹⁰⁵ ОР РНБ. QI-337. Л. 8 об., 9 об., 21 об., 23 об., 30 об., 32 об., 33 об., 36, 38, 42 об.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 137. Каргополь. № 1. Л. 324; Новгород. № 16. Ч. 2. Л. 578 об. Таможенные оборы в 1613 г. составили с Каргополя 549 руб. 10,5 деньги, в 1614 г. – 413 руб. 191 деньгу, с Турчасова – 145 руб. 39,5 деньги; в 1615 г. – соответственно 549 руб. 10,5 деньги и 54 руб. 73 деньги; в 1628 г. – 778 руб. 164 деньги и 74 руб. 63 деньги, с Усть-Моши – 14 руб. 78,5 деньги (РИБ. Т. 28. Стб. 148, 175–176; РГАДА. Ф. 137. Новгород. № 16. Ч. 2. Л. 570, 559, 538 об.).

¹⁰⁷ В 1568 г. Василий продал монастырю за 800 руб. (!) починки, дворы, амбары, большие сенокосные угодья, 12 варниц действующих и 4 пустых, мельницу и толчею, кузницу, 3 тони, закол, нерпьяные ловища, скот и прочее (РИБ. Т. 32. Стб. 478–483; Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. С. 445–447).

¹⁰⁸ В 1569 г. Никита (позднее старец Нифонт) дал вкладом за 150–200 руб. двор с хоромами, 2 амбара, пожни, 3 црена, мельницу, ладью, сойму (вид ладьи), 4 мерина, 500 полиц железа и пр. (СПБНИИ РАН. Ф. 153. Д. 14. Ст. 7–8; Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь... Т. 1. Вып. II. С. L. 184, 232; Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. С. 447–448).

¹⁰⁹ Игумнов в 1573 г. дал монастырю за 205 руб. дер. Ескинскую (пустую), 2 двора с хоромами, амбары, погреба, житницы, мельницу, несколько пожен, 10 варниц и 4 варничных двора, а ранее – большую морскую ладью (Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь. Т. 1. Вып. II. С. LVIII. 232).

¹¹⁰ В 1571 и 1573 гг. он продал 4 двора, пожни, варницы и пр. на 43 руб. (Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь. Т. 1. Вып. II. С. LIII, LIX).

¹¹¹ РИБ. Т. 14. Стб. 277–281, 284–298.

¹¹² Г. С. Мохнаткин продал монастырю в 1568 г. в Золотице 1 двор, 6 варничных мест, пожни, тони за 114 руб. да вкладом дал денег 100 руб. и кабал на 312 руб.; в 1572–1573 гг. Г. Ф. Межников дал вкладом двор в Каргополе, половину деревни в Турчасове, ладью и карбас со снастью, всего на 80 руб. (Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. С. 448–449; Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь. Т. 1. Вып. II. С. IX, XL, LVIII, 184, 243, 232). В 1583 и 1585 гг. он дал в Спасский Каргопольский монастырь двор и 3 амбара в Каргополе, деревню, скот и 202 руб. денег (Докучаев-Басков К. А. Строкина пустыня. № 6–7, С. 52–53).

¹¹³ Интересно отметить, что ряд состоятельных людей уезда имели владения или родственников в Двинском уезде (САС. Вып. 2. С. 477, 478; РИБ. Т. 32. № 166, 249, 376; РГАДА. Ф. 1201. Оп. 3. Д. 24; ОР РНБ. Ф. ДА. II-48. Л. 110–111, 156; РГБ. Ф. 28. I-43, 45; СПБНИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10 и др.).

¹¹⁴ В одной из грамот В. Шуйского на Двину указывается, что «во 118 году послана наша грамота на Двину..., а по той нашей грамоте велено во всем Двинском уезде оброчные земли почернить и в сошное тягло поверстать» (РИБ. Т. 14. Стб. 207; Ср.: Копанев А. И. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 109).

¹¹⁵ ОР РНБ. QIV.337. Л. 30 об., 36; РИБ. Т. 32. № 236. Стб. 486; Савич А. А. Соловецкая вотчина. С. 135. Прим. 1.

Землевладение и хозяйство северной вотчины в XVI-XVII вв.*

На Севере России в XVI–XVII вв. существовало значительное число различных по социально-экономическому положению монастырей. В нашей историографии больше внимания уделяется крупной вотчине¹. Однако значительный процент феодального землевладения в стране составляли и мелкие вотчины, поэтому изучение их не менее важно как с точки зрения истории крестьянства и хозяйства самих вотчин, так и с целью более глубокого понимания больших социально-экономических проблем.

Данная статья посвящена характеристике землевладения хозяйства небольшой монастырской вотчины Северо-Важского Богословского монастыря. Источниками исследования был известный и выявленный нами писцовый материал XVII в.²; большой комплекс хозяйственных книг Богословского монастыря и разнообразный, большей частью неопубликованный, актовый материал³.

Данные о церковно-монастырском землевладении в Важском крае восходят к XV в.⁴ От этого столетия известен монастырь св. Федора на Кокшеньге⁵ и Важский Богословский монастырь, созданный новгородским посадником Василием Степановичем Шенкурским (он же Варлаам Пинежский или Важский)⁶ в середине XV в.⁷ и просуществовавший до 1764 г. Всего в Важском крае в XV–XVII вв. возникло 27 монастырей, из них в XV в. – 2, в XVI в. – 13, в XVII в. – 5. Время основания семи монастырей неизвестно. Из 27 монастырей к концу XVII в. 10 становятся приходскими церквями, а Архангельский монастырь – соборной церковью⁸.

Существовавшие в Важском уезде монастыри имели незначительные земельные владения⁹. Наиболее крупной среди них была вотчина Богословского монастыря. Бояре Шенкурские часть своих вотчин в XV в. передали монастырю. Основатель его в 1451–52 гг. передал села Ковыцево, Овсяниково и Луханово Степыцево «с страдными землями и пожнями». Эти села находились близ монастыря при впадении р. Пинежки в Вагу. Василий Шенкурский передает также «лешенные леса тех сел и всякие ловища тех сел», часть острова Онтропьева и участки на Лум-озере. От его сына Ивана монастырю перешли 2 села на р. Паденьге, а от внука – 2 деревни в Медлеше и 3 деревни на р. Пинежке¹⁰. Таким образом, к концу новгородского периода за монастырем было 5 сел, 7 деревень, ряд сенокосных и рыболовных угодий. В 1482 г. Иван III жалованной грамотой закрепляет за монастырем земли, полученные последним от бояр Шенкурских¹¹. В XVI–XVII вв. монастырская вотчина несколько возрастает (табл. 1).

По писцовым данным, количество пашни в вотчинном владении монастыря в XVII в. остается неизменным. Однако в конце XVI–XVII вв. монастырь различными путями приобретает дворы, отдельные постройки, пашенные и сенокосные угодья. Из общего количества пашни, полученной монастырем за

* Впервые опубликовано: Исследования по истории крестьянства Европейского Севера России: межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1980. С. 30–47.

Таблица 1

Вотчина Богословского монастыря в XVI–XVII вв.

Год	Число			Источники
	поселений	дворов	пашни	
1550	–	–	18 обож (6 сошек)	ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 762.
1564	28	–	то же	Там же. Д. 775.
1620	27	30	207 четей в поле	Там же. Д. 20.
1646	34	49	то же	СПБИН РАН. Ф. 11. Д. 32. Ч. 2. Л. 109–109 об.
1678	19	49	то же	РГАДА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 44. Л. 43 об.–46.

Примечание. Прочерк означает отсутствие данных. Разница в количестве поселений, видимо, объясняется различным подходом писцов к описанию деревень.

этот период, около 56 % приобретено по вкладам, 32 % – по закладным и лишь 12 % – по купчим. Нередко причиной вклада и продажи угодий являлась задолженность крестьян монастырю¹². Приобретения земель по вкладам характерны для конца XVI – начала XVII в.¹³

Правительство ведет по отношению к монастырю двойственную политику. С одной стороны, соборный приговор 1581 г. запрещал монастырям приобретать недвижимые имения. С другой стороны, своим молчанием, а нередко и поддержкой монастыря в земельных спорах с крестьянами, правительство как бы утверждало его различные земельные приобретения. Так, Евдоким Яковлев «поступился» в монастырь своей деревней Погорелкой третью обжи, но в деревне продолжал жить его зять Марко Яковлев с женой и детьми. Игумен Макарий посылает челобитную об этом на имя царя. 21 марта 1662 г. по государеву указу земский четвертной судья Ф. В. Тарнянин с понятыми «двор его и скот, и живот, и хлеб стоялой, и скотиной корм переписав все именно». В доме было переписано все, вплоть до «клюки железной», а в кладовых – до облучка мякины, и передано монастырю. По решению судьи «впредь ему Марку и жене ево и детям до деревни, и до скота, и до живота дела нет»¹⁴.

Однако земли, полученные монастырем разными путями, еще не становились в полном смысле его привилегированной вотчиной. Нам не известно ни одного акта, который бы говорил о закреплении за монастырем в полное вотчинное владение новых деревень в XVII в. Монастырь, например, на протяжении почти всего XVII в. владел дер. Корбальской, но так и не получил ее в полное вотчинное владение. Просьба монастыря в 1698 г. включить эту деревню и три других в вотчину, т. е. уравнивать их в податном отношении с другими вотчинными деревнями, была отклонена. Велено было с этих деревень брать «денежные всякие доходы по окладу сполна»¹⁵. С приобретенных деревень монастырь платил подати наравне с крестьянским миром. Кроме того, мона-

стырь обязан был нести и все мирские повинности, ложившиеся на эти деревни. Таким образом, приобретенные монастырем земли не выходили из ведения крестьянских волостных миров. В связи с этим монастырь оставлял за собой наиболее доходные земли, а остальные просто перепродавал.

Более успешно шел рост оброчных угодий. Еще Василий Шенкурский дал монастырю остров Онтропьев, но, вероятно не весь, как об этом говорится в списке с его данной, вышедшей из-под пера служителей. Дело в том, что, когда монастырь предъявил свои права на остров, сославшись на «домовую грамоту Василия Степановича, претензии монастыря не были признаны законными. Остров «под Ямской горою» в августе 1542 г. был поделен между монастырем и ямскогорскими крестьянами. Спор об острове возник вновь в 1591 г., повторился в 1626 г. Борьба продолжалась до XVIII в., когда монастырю все же удалось завладеть всем островом. Упорной была борьба за Химаневский остров¹⁶. В 1639 г. также не без борьбы монастырь получил Фурин остров, на котором считалось полчети обжи пашни¹⁷. Василий Степанович передал монастырю участки на Лум-озере. Через два столетия все озеро перешло в руки монастыря¹⁸. В 1656 г. монастырь «оттягал» у химанезских крестьян Огинин остров¹⁹. Около двух столетий шла борьба с крестьянами за острова Разбойный и Новоприсадный близ Разбойного ручья²⁰. Упорной была борьба и за «присадную землю, что повыше Богословского лугу»²¹.

Таким образом, в конце XVII в. вотчина монастыря располагалась по р. Пинежке (11 деревень), в Медлеше (напротив Пинежки, за р. Вагой, 3 деревни), на Шеговаре (1 дер.), в Верхнепаденьгской волости (3 дер.). К вотчине относилась также дер. Кучематка, находившаяся недалеко от монастыря. Деревни Шеговара и Кучематка – приобретения монастыря, остальные деревни – боярские пожалования или деревни, возникшие на пожалованной в XV в. территории. Монастырь также эксплуатирует ряд оброчных угодий и деревень соседних дворцовых волостей, выплачивая с них подати «с миром в ряд».

Экономической основой монастыря было сельское хозяйство. Хлеб являлся основным продуктом питания в монастыре, шел на продажу в Холмогоры, служил средством платы за найм рабочей силы и, наконец, способствовал экономическому закабалению крестьян края.

Источники получения хлеба монастырем показаны в таблице 2. Основную массу хлеба, от 47,6 до 89,9%, давала монастырская пашня. При этом большая часть поступала с подмонастырской пашни, полей большого, среднего, друтого, Лиственичного, Чащихи, Могильного, Тайболы, у конюшего и коровьего дворов, у мельницы²², находившихся в радиусе 1–3 км от монастыря. Обычно подмонастырская пашня давала 40–50% годового хлеба.

Подмонастырская пашня находилась под непосредственным наблюдением соборных старцев монастыря, во главе с игуменом, келарем и ключником.

Монастырская пашня имела на протяжении всего XVII в. также и в деревнях Медлеше и Шеговаре. Туда монастырь посылал посельских старцев. Иногда роль их выполняли бельцы-вкладчики. Посельские заботились о сельхозинвентаре, нанимали рабочую силу, руководили сельскохозяйственными работами, сдавали урожай в монастырскую житницу. Часть хлеба оставалась в деревне и шла на питание, семена и корм скоту, а часть раздавалась крестьянам в кабалу. Количество хлеба, отправляемого из деревень в монастырь, вероятно, определялось потребностями монастыря²³.

Таблица 2
Поступление хлеба в Богословском монастыре (в монастырских мерах)

Год	С подмонастырской пашни		С дер. и остр. монастыря		С крестьян монастыря		Кабальный		Купленный		Вкладной и прочий		Всего мер 100%	Источники (ГААО. Ф. 829. Оп. 2)
	мер	%	мер	%	мер	%	мер	%	мер	%	мер	%		
147 (1638–39)	423	44,6	246	26,0	137,5	14,5	-	-	-	-	20	2,1	947,5	Д. 24. Л. 1–5.
158 (1649–50)	490	60,4	161	19,8	140	17,2	-	-	-	-	-	-	812**	Д. 54
169 (1660–61)	468	44,9	412	39,5	143	13,7	-	-	7	0,7	12	1,2	1042	Д. 78. Л. 9–9 об.
178 (1669–70)	225	32,3	210	30,2	154	22,1	31	4,5	65	9,3	11	1,6	696	Д. 81. Л. 1–4.
185 (1676–77)	373	40,9	152	16,8	162	17,8	3,5	0,4	220	24,1	-	-	910,5	Д. 100. Л. 9–13.
186 (1677–78)	279	24,6	334	29,5	122	10,8	13	1,2	374	33,0	10	0,9	1132	Д. 117. Л. 1 об. – 5. Д. 520. Л. 1 – 1 об.
195 (1686–87)	552	41,4	463	34,7	180	13,5	0,5	0,1	123,5	9,2	15	1,1	1335	Д. 520. Л. 1 об. – 5 об.
196 (1687–88)	93	15,2	198	32,4	100	18,8	-	-	198	30,7	23	3,7	612	Д. 144. Л. 19–24.
197 (1688–89)	681	63,8	60	5,8	218	20,4	-	-	108	10,0	-	-	1066	Д. 144. Л. 25–28 об.; Д. 148. Л. 12 об.
198 (1689–90)	409	28,2	342	23,6	181	12,5	6	0,4	508	35,0	5	0,3	1452	Д. 144. Л. 29–31.
199 (1690–91)	613	53,2	378,5	32,9	157	13,6	3	0,3	-	-	-	-	1151	Д. 144. Л. 32–34.
200 (1691–92)	437	41,7	331	31,6	215	20,5	5	0,5	50	4,8	10	0,9	1048	Д. 144. Л. 34–39; Д. 157. Л. 15 об.

Примечания. * В том числе еще с третных деревень 121 мера (12,8%).

** В том числе еще с третных деревень 21 мера (2,6%).

Монастырь стремится к некоторому расширению монастырской запашки. Более 10 лет была монастырская запашка в дер. Корбале²⁴. В 1641 г. монастырь пашет вкладную дер. Митрофановскую. В 1655 г. – дер. Фирсовскую, а в 1664–65 г. – Захаровскую в Сметанинской волости, в 1671–76 гг. – Ожегинскую Ледской волости, перешедшую в монастырь по закладной. В 1676 г. в монастырь поступает хлеб из деревни Ямскогорской волости. В последние годы монастырская запашка появляется в деревнях Сенчуковской, Баламутовской, Казаковской, Корбальской. В них было пашенной земли 4,5 обжи²⁵.

Таким образом, видно стремление монастыря к расширению монастырской запашки за счет приобретения новых деревень. Однако правительство не шло на расширение монастырской вотчины, а тянуть тягло «с миром в ряд» монастырю было не очень выгодно, и он в конце концов вынужден был расставаться с новоприобретениями.

Монастырская пашня была также и на ряде островов: Химаневском, Устьледском-Онтропьеве, Фурине²⁶. В среднем монастырская пашня, расположенная в деревнях и на островах, давала 25–30% хлеба, а в отдельные годы даже 40–50%.

Основными культурами как на подмонастырской пашне, так и в монастырских деревнях были рожь и ячмень. Ржи обычно монастырь получал несколько больше. Меньше выращивалось на подмонастырской пашне и в деревнях овса (см. табл. 3). На островах сеяли ячмень и овес. Основной культурой здесь был ячмень.

Сроки полевых работ в вотчине те же, что и в других районах Северо-Восточной Руси. В первой половине мая близ монастыря и в деревнях сеяли ячмень и овес. Несколько позже, около 20 мая, эти культуры высевались на островах²⁷. Рожь выращивали лишь озимую. Сеяли ее в конце июля – в начале августа²⁸. Жали озимую рожь в конце июля – первой половине августа²⁹. Примерно в эти же сроки убирался и ячмень. Несколько позднее жали овес.

Господствующей системой землепользования на подмонастырской пашне и в деревнях было трехполье. Однако по приходно-расходным хлебным книгам нет возможности выяснить, насколько четко выдерживался трехпольный севооборот.

Для обработки пашни использовались соха, плуг, борона. Для уборки урожая и сенокоса – коса, серп, грабли³⁰.

Монастырские книги очень скудны данными о процессе обработки пашни. Молчат они и об использовании удобрений. Однако есть основание полагать, что монастырская пашня удобрялась навозом. Обязательство «назем возить» оговаривается в ряде порядных монастырских крестьян³¹. Если поля монастырских крестьян удобрялись, то, бесспорно, удобрялась и монастырская пашня. Паровое поле, как и в ряде вотчин других монастырей Севера³², подвергалось троекратной вспашке³³. По данным приходо-расходных хлебных книг удалось выяснить урожайность зерновых лишь за 15 лет второй половины XVII в. на подмонастырской пашне (табл. 2). Наиболее низкой культурой по урожайности был овес. Его урожайность за рассматриваемые годы (1658/59–1685/86 гг.) в среднем равнялась «сам-3,8», колеблясь от «сам-1,2» до «сам-6,5». За эти же годы средняя урожайность ячменя (жита) была «сам-4,8», при колебаниях от «сам-2,4» (1670/71 г.) до «сам-8» (1672/73 г.). Лучшие урожаи на подмонастырской пашне давала озимая рожь. Средняя ее урожайность была равна «сам-8,6»,

Таблица 3

Урожайность на подмонастырской пашне (в самах)

Год	Рожь			Овес			Ячмень			Источники (ГААО. Ф. 829)
	посев	обмолот	отно- шение	посев	обмолот	отно- шение	посев	обмолот	отно- шение	
1658-59	22,5	219	9,73	24	29	1,21	28	175	6,25	Оп. 2. Д. 74. Л. 1, 2 об.; Д. 75. Л. 1 об.-5, Л. 7-8 об.
1661-62	31	245	7,90	39	130	3,33	62	316	5,1	Оп. 2. Д. 80. Л. 1; Д. 84. Л. 4 об.-5.
1662-63	32	263	8,22	14	74	5,29	31	140	4,52	Оп. 2. Д. 80. Л. 1; Д. 84. Л. 12-12 об.
1664-65	29	310	10,69	17,5	41,5	2,37	40,5	229	5,65	Оп. 2. Д. 63. Л. 22, 12, 13, 14 об.
1665-66	29,5	458	15,52	14,5	55	3,79	36	133	3,69	Оп. 2. Д. 63. Л. 26 об., 28, 30.
1666-67	-	-	-	20	75	3,75	33,5	197	5,88	Оп. 2. Д. 63. Л. 39 об.
1668-69	26	54	2,08	16	60	3,75	37	269	7,27	Оп. 2. Д. 98. Л. 2, 5.
1669-70	23,5	40	1,7	16	77	4,81	30	94	3,13	Оп. 2. Д. 100. Л. 20, 24.
1670-71	25	200	8	32	85	2,66	44	107	2,43	Оп. 2. Д. 100. Л. 30, 34.
1671-72	27,5	389	14,15	18	117	6,50	42,5	220	5,18	Оп. 2. Д. 89. Л. 2 об., 9 об.
1672-73	-	-	-	21	96,5	4,6	29	232,5	8,02	Оп. 2. Д. 89. Л. 12 об.
1677-78	30,5	149	4,89	-	-	-	40,5	130	3,21	Оп. 2. Д. 117. Л. 7 об., 14 об.
1682-83	18	182	10,11	37	197	5,32	51,5	203	3,94	Оп. 2. Д. 129. Л. 1, 2.
1684-85	28	290	10,36	24,5	55	2,24	47,5	124	2,61	Оп. 2. Д. 139. Л. 3, 3 об.
1685-86	25,5	232,5	9,12	14	63	4,5	42,5	248	5,84	Оп. 2. Д. 139. Л. 7 об.

Примечание. Посев и обмолот дается в монастырских мерах.

при колебаниях от «сам-1,7» (1669–1670 г.) до «сам-15,5» (1565/66 г.). Можно полагать, что урожайность зерновых в деревнях была близка к урожайности на подмонастырской пашне³⁴. Рассмотренные данные позволяют сделать вывод о том, что урожайность на монастырской пашне Богословского монастыря во второй половине XVII в. была относительно стабильной и высокой³⁵. На монастырской пашне в небольшом количестве сеялись пшеница и горох. Из огородных культур выращивали репу, редьку, капусту³⁶. В конце XVI – первой половине XVII в. своего урожая последних в вотчине явно не хватало, и монастырь часто прикупал огородные культуры, особенно репу³⁷. Во второй половине XVII в. подобные закупки довольно редки. Не часто встречаются и записи о покупке лука и чеснока, но данных о выращивании их на монастырской пашне нет. Ни на подмонастырской пашне, ни в монастырских деревнях не выращивали льна и конопли и хмеля. Хмель монастырь получал с рынка³⁸. Часты закупки льна и конопли, но последние подчас выращивались и в монастырской вотчине. Заботы по выращиванию этих трудоемких культур перекладывались обычно на плечи крестьян, подряжавшихся пахать монастырскую пашню из полу или из трети урожая³⁹. Однако о степени распространения конопли, льна, гороха и огородных культур точных данных нет. Приход этих культур совсем не фиксировался в приходных монастырских книгах.

Обрабатывалась подмонастырская пашня силами монастырских слуг. В конце XVI в. монастырь часто прибегает и к найму казаков⁴⁰, как правило, из крестьян Важского и Двинского уездов. Средняя норма оплаты казаку в это время за летний наем (май-октябрь) – полтина. Казак, нанявшийся на какой-то срок, нередко становился монастырским детенышем, трудником. С начала XVII в. монастырь все реже обращается к найму, обходится своими трудниками. Казаки нанимаются лишь в новые деревни⁴¹. К более широкому найму монастырь вновь возвращается лишь на рубеже XVII–XVIII вв. в связи с сокращением в вотчине рабочей силы. Часть работ на монастырской пашне выполнялась и монастырскими крестьянами. Они обычно обязаны были участвовать в жатве и сенокосе⁴². Подспорьем в хозяйстве монастыря было скотоводство⁴³. В конце XVII в. монастырь ежегодно продавал в Архангельске от 6 до 25 быков⁴⁴. Продает монастырь и лошадей, но в небольшом количестве, так как лошади стали интенсивно использоваться под извоз.

Наряду с сельским хозяйством в вотчине развиваются промыслы. В конце XVI–XVII вв. монастырь имел мельницу на р. Пинежке, близ монастыря. Там обмолачивалось как свое, так и чужое зерно⁴⁵.

Скотоводство, кроме продуктов питания, давало кожу и шерсть. Часть этого сырья обрабатывалась в вотчине трудниками, часть отдавалась «из найму» монастырским и дворцовым крестьянам⁴⁶.

Трудники и крестьяне обрабатывали лен и коноплю, пряли нити, ткали и топтали полотно и сукно, шили одежду⁴⁷. Монастырь стремился иметь своих швецов, сапожников, сыромятников, кузнецов, иконописцев и т.д. Если своих мастеров не было, приходилось обращаться к соседним дворцовым волостям⁴⁸.

С мастером монастырь оформлял поряд, в котором оговаривались условия его жизни и труда. В порядной Никифора Мочалова, порядившегося в 1656 г. в дьячки, указывалась его основная работа в монастыре – писать приход и расход в книгах. Вероятно, Мочалов был иконописцем. В порядной определяется иконное дело делать на монастырь «из найму», а для других на себя⁴⁹. Иконо-

писец не зависел от монастыря ни орудиями труда, ни материалом, поэтому за труд не для монастыря он получал плату полностью. В другом положении находились кузнецы. Монастырь снабжал их железом, углем, а нередко и орудиями труда, поэтому с поковки, которую они делали не для монастыря, они были обязаны часть денег, обычно половину, отдавать монастырю. В 30-е годы XVII в. кузнец Иван Сабур жил в Устьледской волости. К нему не раз отдавал заказы монастырь⁵⁰. Позднее видим его в монастыре. В мае 1655 г. казначей Сергей «взял у кузнеца Ивана Иванова, что принял от кузла казенных половину 3 алтына 2 деньги». Аналогична запись от 18 июля 1656 г.: «принял от кузнеца Ивана Сабура денег 20 алтын, что он имал от кузла и за железо казенное у поковщиков...»⁵¹. На аналогичных условиях работал в 60–70-х годах кузнец Федор Герасимов, в 80-е годы кузнец Сергей⁵². Вероятно, такие отношения сложились давно, так как еще в 1617 г. кузнец Киприан сдал в казну половину денег, «что у крестьян выкова»⁵³.

Какой-то доход монастырю давал и рыбный промысел на близлежащих реках, озерах и на море⁵⁴. Однако приходные книги не отражали результатов улова.

Значительное место в жизни монастыря занимала торговля. Развитию ее способствовало географическое положение монастыря. Он находился в центральной части Поморья, одной из наиболее развитых в торговом отношении частей Русского государства XVI–XVII вв. В уезде в XVI–XVII вв. имелось несколько значительных торговых центров. По замечанию С. В. Бахрушина, один из них – Важская Благовещенская ярмарка – играл исключительно большую роль в XVII в.⁵⁵ Основным богатством небольшого хозяйства Богословского монастыря был хлеб, но большая часть полученного в вотчине зерна шла на собственные нужды. Так, в 1639 г. из 843 мер израсходованного за год хлеба, продано было всего 45 мер, т. е. 5,3 %. Чаще всего монастырь просто перепродавал в Холмогорах и Архангельске хлеб, купленный в Верховажье, на Кокшеньге и в Устьянских волостях⁵⁶.

В течение XVII в. монастырь продает лошадей и крупный рогатый скот. Более важное значение имела торговля солью. Приходо-расходные книги отмечают, что монастырские старцы едут в Холмогоры «переменить хлеб на соль». Купленная в Неноксе или Холмогорах соль грузилась на монастырские каюки или дощаники и отправлялась в начале XVII в. чаще в Вологду, позднее в основном на Благовещенскую ярмарку и в Верховажье. В качестве бурлаков использовались как свои трудники, так и наймиты⁵⁷. В конце XVI – начале XVII в. монастырь перепродавал по 500–1000 пудов соли в год, во второй половине XVII в. – по 1000–2000 пудов⁵⁸.

В начале XVII в. в Вологде соль стоила в 3–4 раза дороже, чем в Неноксе, а во второй половине на Ваге – примерно в два раза дороже, чем в Архангельске⁵⁹. Кроме соли, монастырь перепродавал и рыбу. «На монастырский обиход» в Холмогорах и Архангельске закупались также церковное вино, ворвань, воск, фимьян. В Вологде – сани, веревки, упряжь, рогожи, деревянная посуда⁶⁰. В Шенкурске – сукна, одежда, деревянная посуда, рыба, ворвань, сера, бумага, фимьян, гвозди, оконницы⁶¹. У крестьян близлежащих дворцовых волостей монастырь в небольших количествах покупает зерно, хмель, коноплю, лен, сено, сукно, полотно, кожи, обувь, одежду, деревянные изделия, смолу. Основные закупки производились на Благовещенской ярмарке.

Таким образом, собственное ремесло не обеспечивало нужд вотчины, в XVI–XVII вв. монастырь постоянно обращается к рынку. Номенклатура и объем покупаемых товаров расширяется. В то же время нужно отметить, что радиус торговли монастыря к концу XVII в. стал уже, т.к. возросло торговое значение Архангельска и Холмогор, а также важных торговых центров: Благовещенского и Верховажского погостов⁶².

Кроме доходов от торговли, денежные поступления в монастырь шли от крестьян в виде оброка. Он давал монастырю до 8–12 %, а за отдельные годы до 15 % денежных средств (табл. 4).

В течение XVII в. некоторый доход монастырю приносили кортомная или арендная плата от мельницы, лодок, дощаников и каюков. Нередко на монастырских судах перевозились и товары важных крестьян⁶³. С начала XVII в. суда отдаются и полностью в аренду⁶⁴. Монастырь был освобожден от подводной повинности и, имея достаточное количество лошадей, постоянно занимался извозом. В первой половине XVII в. кортома от подвод давала незначительный доход, с 1660-х гг. доход от извоза значительно возрос.

Своеобразным денежным резервом были внеэкономические доходы монастыря, т.е. поступления в виде вкладов и подаяний. Они были одной из статей доходов всех монастырей. Специальное исследование о природе вкладов и роли вкладчиков во многих монастырях посвятил А. А. Савич⁶⁵. Исследователь приходит к выводу, что вклад – «своего рода страхование на случай инвалидности, болезни, старости, или просто какого-нибудь жизненного бедствия»⁶⁶. С этим выводом автора нельзя согласиться полностью. Наряду с подобными, в монастырях были вклады и иного рода. Монастыри возникали не по причине стремления того или иного мирянина к уединению. Цель создателей монастырей – хозяйственная деятельность с целью получения прибыли. Это заставляет присмотреться к природе монастырских вкладов. Действительно ли размер вклада в монастыри не был установлен, как отмечал А. А. Савич⁶⁷? Анализ монастырских документов приводит к выводу, что минимальный первоначальный вклад в важные монастыри в XVII в. равнялся 5 рублям⁶⁸. Если же кто давал вкладом меньше, на него неизменно заводилась кабала. Были в монастыре и более значительные вклады. В этом направлении вклад действительно не был ограничен. Вкладчики, приходившие в монастырь, обязаны были к своему «вступительному» вкладу время от времени давать «поновки». Правда, установить сроки и размер этих дополнительных вкладов кажется просто невозможным. Вкладчики, пришедшие в монастырь, всегда несли какие-либо хозяйственные обязанности. В приходной монастырской книге 1609 г. есть интересная запись «старец Гурей положил... рубль денег, что на труды ходити не может»⁶⁹. Значит, за нетрудоспособность в монастыре также нужно было платить. В монастырь приходили далеко не все вкладчики. Для чего же однако делались вклады? Ответ на этот вопрос дает челобитная монастырской братии на Едемских, которые хозяйничали в монастыре в начале XVII в. Братия жаловалась: «лошади и кони и жеребцы лутчие Герасим с братьею емлют у них сильно, да за те де лошади денег им не дают, и на монастырской де мельнице по все годы мелют де свой всякий хлеб четей по сту и больше, а денег де им от молотья не дают ничево, а муку де они возят летом на их же лошадях..., а вкладу де их в монастыре нет»⁷⁰. Значит, главная причина челобитья на Едемских в том, что они используют хозяйство монастыря несоразмерно своему вкла-

Таблица 4
Поступление денег в казну Богословского монастыря (в рублях)

Год	Данных		Кабальных		Кормомных		От торговли		Прочих		Всего (100% сумма)	Остаток прошлого года	Источник (ГААО. Ф. 829.
	сумма	%	сумма	%	сумма	%	сумма	%	сумма	%			
107	8,25	11,9	3,95	5,7	-	-	36,42	52,5	20,75	29,9	69,37	-	Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 2.
108	8,75	10,9	2,86	3,5	0,06	0,1	48,54	60,3	20,29	25,2	80,50	5,38	Оп. 3. Д. 7. Л. 1-2. Д. 6. Л. 1-5.
109	13,57	12,8	12,9	12,2	1,04	1,0	58,78	55,5	19,67	18,5	105,96	2,91	Оп. 3. Д. 7. Л. 1-2. Д. 6. Л. 1-5.
110	7,77	13,9	-	-	-	-	30,51	54,5	17,70	31,6	56,00	5,35	Оп. 3. Д. 20.
122	16,57	12,7	2,90	2,2	5,22	4,0	89,2	68,5	16,31	12,6	130,20	101,85	Оп. 2. Д. 7. Л. 1-7 об.
125	12,05	5,8	0,30	0,2	3,94	1,9	117,14	56,6	73,50	35,5	206,93	1,35	Д. 12. Л. 1-5.
126	11,75	6,5	12,55	6,9	5,32	3,0	97,02	53,6	54,2	30,0	180,84	3,04	Д. 14. Л. 1-6 об.
157	11,76	16,6	6,58	9,2	1,52	2,2	32,53	45,9	18,52	26,1	70,91	-	Д. 52. Л. 2 об. - 5 об. Д. 53. Л. 1-13.
158	11,24	15,3	10,62	14,4	3,73	5,1	23,41	31,9	24,48	33,3	73,48	-	Д. 53. Л. 4-19 об.
159	11,1	15,0	13,35	18,0	1,10	1,5	16,32	22,0	32,25	43,5	74,12	2,42	Д. 59.
164	17,82	9,8	25,60	14,1	6,99	3,9	67,65	37,4	63,02	34,8	181,08	-	Д. 71. Л. 28-35 об.
165	12,4	5,4	62,01	26,8	8,46	3,6	73,40	31,8	74,85	32,4	231,12	-	Д. 71. Л. 36-45.
166	14,48	4,9	60,04	20,2	5,74	1,9	88,56	29,9	127,64	43,1	296,46	-	Д. 71. Л. 46-58.
177	19,07	2,4	501,52	62,3	39,58	4,9	181,16	22,5	63,89	7,9	805,22	-	Д. 101. Л. 1-16 об.
178	18,33	4,8	128,29	33,2	10,17	2,6	200,62	52,0	28,70	7,4	386,11	-	Д. 101. Л. 17-28.
180	24,63	6,7	188,32	51,1	2,24	0,06	115,2	31,3	38,10	10,3	368,49	-	Д. 107. Л. 4-13.
196	25,21	16,4	28,68	18,63	22,77	14,8	49,06	31,9	28,24	18,3	153,96	93,84	Д. 148.
197	23,45	11,3	52,25	25,2	34,28	16,6	86,0	41,5	11,11	5,4	207,09	46,37	Д. 149.
199	22,29	8,3	60,80	22,6	79,63	29,6	66,07	24,6	40,08	14,9	268,87	-	Д. 163, 159.
200	24,69	9,3	34,24	12,8	37,35	14,0	139,23	52,2	31,13	11,7	266,64	88,78	Д. 157.

Примечание. Остаток прошлого года дан отдельно от годовых поступлений.

ду. Следовательно, цель вкладов – использование хозяйства монастыря, право получения какой-то доли дохода от этого хозяйства. Даже вкладчики-монахи не прекращают вести свое хозяйство, а вкладчики-бельцы и служки монастырские живут при монастыре со своими семьями⁷¹.

Часть денежных средств и зерна монастырь в конце XVI и в XVII в. отдавал в долг и кабалу. В конце XVI в. – первой половине XVII в. объем поступлений денег в монастырскую казну по кабалам был незначителен. Во второй половине XVII в. размер дохода по этой статье заметно возрастает. В отдельные годы он превосходит даже все остальные статьи вместе взятые, т. е. дает более 50 % годового денежного дохода монастыря (табл. 4).

Таким образом, видим, что монастырское землевладение в Важском уезде не получило широкого развития, несмотря на значительное количество монастырей в крае. Вотчина Богословского монастыря за XVI–XVII вв. почти не изменила своих территориальных границ.

Основой экономического состояния монастыря являлась эксплуатация крестьян, трудников, служек.

Вотчина тесно связана с рынком. Под воздействием товарно-денежных отношений монастырь постепенно меняет формы эксплуатации. В связи с развитием товарно-денежных отношений значительно возрастают такие статьи дохода, как арендная плата, и особенно – ростовщическая деятельность монастыря.

По данным приходо-расходных книг, в вотчине не идет процесс накопления капитала. Экономия одного года, как правило, расходуется в последующем году. Таковы данные приходо-расходных книг, по которым велся учет общемонастырской казны, сосредоточенной в руках казначея. Но, по всей вероятности, в монастырях была и другая казна, которой владели келари, и размеры вложений в которые не фиксировались никакими монастырскими книгами, во всяком случае, известным нам⁷². Вероятно, не из текущих поступлений ссужали монастыри русских царей десятками тысяч рублей, и не за счет текущих поступлений монастыри более или менее спокойно переживали полосы экономически трудных лет, которыми довольно богата была Россия в XVI–XVII вв.

Сравнение хозяйственной деятельности небольшого Богословского монастыря, каких в России в XVII в. были десятки, с деятельностью крупнейших монастырей-вотчинников показывает, что они очень близки друг к другу и различаются лишь масштабами своей деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Историографию вопроса см.: Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII в. М.; Л., 1959; Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. М., 1966; Петрикеев Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б. И. Морозова. Л., 1967; Ивина Л. И. Крупная монастырская вотчина Северо-Восточной Руси в конце XIV – первой половине XVI в. в трудах дореволюционных и советских историков // История и историки. Историографический ежегодник 1972 г. М., 1973. С. 142–155.

² Васильев Ю. С. Важские писцовые книги и сотницы XVI–XVII вв. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 543–553.

³ Краткую характеристику этих источников см.: Васильев Ю. С. Феодальное землевладение и хозяйство в Важской земле XV–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971. С. 5–7; Он же. Порядные записи северной монастырской вотчины XVII в. // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 82–88.

⁴ В XIV–XV вв. значительные земли в крае числились за Новгородским Софийским домом (НПЛ. С. 391; АСЭИ. Т. 3. № 16. С. 32). Однако, видимо, это были государственные земли боярской республики.

⁵ ГВНП. № 110, 111.

⁶ О роде бояр Шенкурских см.: Васильев Ю. С. Феодальное землевладение на Ваге // Аграрная история Северо-Запада России. Л., 1971. С. 290–295.

⁷ Возникновение монастыря датируется по-разному: В. В. Зверинским – 1426 г. (Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. II. С. 75); А. Григоровичем – 1444 г. (Житие преподобного Варлаама Важского. М., 1887. С. VI); М. Н. Мясниковым – 1446 г. (Мясников М. Н. Нечто о пятинах новгородских и в особенности о стране, известной издревле под именем Ваги. // Северный архив. СПб., 1827. Ч. 27. № IX. С. 21); Макарием – 1450 г. (Христианство в пределах Архангельской епархии // ЧОИДР. 1878. Т. III. С. 13). Вероятнее всего, монастырь был основан после неудачного похода 1445 г. Василия Шенкурского на югру, когда он чуть не погиб вместе с сыном Семеном (НПЛ. С. 425). Глухой намек на связь этих событий содержится и житие.

⁸ СПбИИ РАН. Ф. 27. Оп. 2. № 88; Мясников М. Историческое описание Ваги и Шенкурска... // ОЗ. Ч. 38. СПб., 1829. С. 229–279, 377–400; Ч. 39. С. 78–103, 248–253.

⁹ В уезде очень незначительные владения имели в XVII в. Антониево-Сийский и Соловецкий монастыри (СПбИИ РАН. Ф. 115. № 312. Л. 170–171, № 306. Л. 63–66; ГКЭ. Т. 2. № 216, 248–250, 257).

¹⁰ ГВНП. № 280. С. 280–281; № 281, 282. С. 282–283.

¹¹ «Пожаловал... деревнями на Пинежке и на Медлеше и на Ваге: Медлешем, да Парфенковым, да Еленым, да Парфелковым, да Степашковым, да Филипковым, да Ивашковым, да Олешковым, да Мосеиковым, да Давыдковым, да Конанковым Ивановским и Немировским Исака Семенова» (СПбИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. № 584. Л. 11 об. Данная грамота опубликована по дефектному списку начала XVII в. (АСЭИ. Т. III. № 290. С. 305–306), где начало текста с перечнем деревень отсутствует. В используемом нами списке начала XIX в. пропусков нет).

¹² Некто Давыд был должен монастырю 3,5 рубля. Это и вынудило его отдать в 1616 г. свою дер. Кропивинскую вкладом. (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 1110). Жители дер. Шурухины Ледского стана были постоянно в долгу у монастыря, и в 1697 г. деревня была продана монастырю (ГААО. Ф. 829. Оп. 1, № 1269, 1072; СПбИИ РАН. Ф. 27. Оп. 2. № 107).

¹³ Аналогичные явления отмечал Ю. В. Готье и в монастырях Замосковского края. (Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. М., 1937. С. 249).

¹⁴ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 84.

¹⁵ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 1111.

¹⁸ Там же. № 1178, 1230, 918, 112, 740, 1225; ГКЭ. Т. II. № 207. С. 66.

¹⁷ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 103; ГКЭ. Т. II. № 227. С. 714–715; 231, 232, С. 728–731; № 258. С. 779–781.

¹⁸ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 87; ГКЭ. Т. II. № 242. С. 747–749.

¹⁹ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 1105, 1161.

²⁰ Там же. № 859 (1576 г.); № 2 (1581 г.); № 8 (1593 г.); № 10 (1602 г.) № 12 (1604 г.); № 112 (1655 г.); ГКЭ. Т. II. № 270. С. 800–822 (1732 г.).

²¹ ГКЭ. Т. II. № 239, 240. С. 742–745; ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 82.

²² ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 74. Л. 1, 2 об.; № 80. Л. 1–1 об.; № 84. Л. 4 об., 12.

²³ В 1620 г. медлешский посельский старец Иона отправил в монастырь 139 мер хлеба из 170,5 мер, т. е. 81 % (ОПИ ГИМ. Ф. 226. № 5. Л. 10). В 1659 г. из дер. Шеговары была взята половина хлеба, 113 четвертей. (ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 75. Л. 10 об.). Кстати приходные хлебные книги монастыря не указывают, сколько хлеба остается в ведении посельских.

²⁴ В 1609 г. там плачено жнеям 9 денег. В 1620 г. там в качестве посельского жил старец Сергей (ГААО. Ф. 829. Оп. 3. № 17. Л. 17; СПбИИ РАН. Ф. 115. № 311. Л. 176 об.).

²⁵ ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 27. Л. 11, 16; № 73. Л. 18; № 85, Л. 3 об.; № 117, Л. 5–5 об.; № 89. Л. 2 об., 9 об.; Оп. 1. № 795, 1111.

²⁶ ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 63. Л. 14 об.; № 74. Л. 1; № 84. Л. 4 об., 5, 12.

²⁷ В расходных книгах обычно записи о выдаче семян внесены до 15 мая. (ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 74. Л. 1; № 63. Л. 12, 13, 14 об., 26, 26 об.; № 89. Л. 2 об. – 5, 12 об.; № 98. Л. 2, 3 об.).

²⁸ Выдача семян ржи обычно записана до 10 августа. (ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 36, Л. 16; № 63. Л. 22, 30; № 89. Л. 9 об., 14; № 98. Л. 5).

²⁹ В 1595 и 1700 гг. рожь жали во второй половине июля. (ГААО. Ф. 829. Оп. 3. № 3. Л. 5; Оп. 2, № 175. Л. 14 об. – 15). В 1670 г. сжатая рожь уже шла поступать в житницу монастыря 1 августа, в 1648 г. – 6 августа, в 1660 г. – 20 августа. (ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 100. Л. 13; № 50. Л. 2 об.; № 78. Л. 9).

³⁰ ГААО. Ф. 829. Оп. 3. № 2. Л. 2 об., 3, 9 (1592–93 г.); № 5. Л. 8, 31 (1597–1598 гг.); № 8. Л. 27 об., 28 (1602 г.); Оп. 2. № 2. Л. 6 об., 7 (1603 г.); № 13. Л. 8 об., 13, 15 об. (1618 г.) – приходо-расходные книги; № 138. Л. 12, 13 – передаточная запись 1682 г.

³¹ ГААО. Ф. 829. Оп. 1, № 1059, 795.

³² Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1910. Прил. С. ОХСIX; Образцов Г. Н. Оброчные и порядные записи Антониново-Сийскому монастырю XVI–XVII вв. // Исторический архив. Вып. VIII. 1953. № 6, 27. С. 127.

³³ В порядной Тарха Ожегина 1671 г. записано: «пары орать трою и назом на поля возить...» (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 795).

³⁴ Приходо-расходные книги не дают достаточных сведений для подсчета урожайности на монастырской пашне в деревнях. Имеются лишь единичные данные. Так, в 1632 г. посельский Харитон Андреев в дер. Шеговаре «ржы вынял 9 мер» и «приполону 54 меры», жита «семян вынял 24 меры, приполону ... 68 мер», «овса семян вынял 18 мер», «приполону... 15 мер» (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 822). Следовательно, в 1632 г. в Шеговаре урожайность ржи была «сам-7», жита – «сам-3,8», овса – «сам-1,8».

³⁵ Прямых данных о наличии подсеки в подмонастырской пашне нет. Однако, видимо, в отдельные годы подсечные участки все же имелись. Во всяком случае расходными книгами отмечается, что в 173, 178, 180, 182 и 184 гг. рожь частично сеяли и на новину. Возможно, этим объясняется особенно высокая урожайность за отдельные годы. Высокую урожайность зерновых на Севере в XVII в. также отмечали Л. С. Прокофьева (Вотчинное хозяйство в XVII в. М.; Л., 1959. Прил., табл. II) в вотчине Спасо-Прилуцкого и Г. Н. Лохтева (Развитие производительных сил в земледельческом хозяйстве Троицкого Гledenского монастыря Поморья XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С. 193–201).

³⁶ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 628, 822; Оп. 3. № 4. Л. 6 об.; № 7. Л. 12; Оп. 2. № 33. Л. 28 об., 30 об., 31; № 39. Л. 12, 12 об.; № 48. Л. 3 об., 4 об.; № 519. Л. 1 об, 3 об., 6; № 118. Л. 6 об.; № 120. Л. 9 об., № 128. Л. 9; № 175. Л. 11, 13 об.

³⁷ ГААО. Ф. 829. Оп. 3. № 5. Л. 14 об.; Оп. 2. № 33. Л. 17; № 60. Л. 4, 9 об.

³⁸ ГААО. Ф. 829. Оп. 3. № 4. Л. 7; № 18. Л. 2–7; Оп. 2. № 102. Л. 16 об.

³⁹ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 841.

⁴⁰ ГААО. Ф. 829. Оп. 3. № 2. Л. 7 об., 9, 9 об.; № 3. Л. 5, 6; № 4. Л. 4; № 5. Л. 8, 8 об., 10 об., 11, 12 об., 17 об., № 7. Л. 4; № 13. Л. 8, 17.

⁴¹ В 1641 г. в дер. Митрофановскую нанято 3, а в 1655 г. в дер. Фирсовскую – 1 человек (ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 27. Л. 11, 16, 17 об., 18, 22; № 73. Л. 18).

⁴² Васильев Ю. С. Государственные и владельческие повинности крестьян северной монастырской вотчины в XVII в. // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972. С. 103.

⁴³ В 1656 г. только на центральном коровьем дворе было 34 коровы, 12 быков, 22 теленка, 22 овцы и баран. В 1658 г. М. Кириллов на центральной конюшне принял 9 меринов, 14 кобыл, 7 жеребцов, 25 жеребят. А в 1677 г. сдал 40 лошадей. (ГААО. Ф. 829. Оп. 1, № 840, 798, 729).

⁴⁴ ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 145. Л. 11 об.; № 141. Л. 41; № 157. Л. 9 об. № 172. Л. 13 об.

⁴⁵ ГААО. Ф. 829. Оп. 3. № 11. Л. 8 об. – 9 об.

⁴⁶ ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 21. Л. 7 об.; № 28. Л. 1; № 33. Л. 14; № 48. Л. 45, 48 об, 50; № 19. Л. 15; № 45. Л. 20; № 36. Л. 14 об.

⁴⁷ ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 4. Л. 8, 12, 12 об., 15.

⁴⁸ Так, в 1640 году монастырю приходилось делать свечи в Устьледской и Федрогорской волостях. (ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 33. Л. 4, 8). Когда в монастыре не было кузнеца, мелкие кузнечные работы выполняли трудники, а чинить и ковать сельскохозяйственные орудия приходилось на Поче и Устьледской волостях. Дляковки мельничной снасти ездили в Кенозерскую волостку (ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 4. Л. 10; № 19. Л. 19; № 23. Л. 33 об., № 28. Л. 8).

⁴⁹ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 727.

⁵⁰ ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 23. Л. 3, 35 об.; № 33. Л. 11, 11 об., 22 об., 23.

⁵¹ ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 72. Л. 4 об.; № 71. Л. 34 а.

⁵² ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 100. Л. 41 об., 42 об., 43; № 107. Л. 5; № 134. Л. 14.

⁵³ Там же. № 12. Л. 4, 4 об.

⁵⁴ Монастырь расположен от моря примерно в 300 км. Однако это не мешало в

конец XVI – начале XVII в. весной отправлять из монастыря в низовья Двины и на Мурман старцев или вкладчиков. Они нанимали там ладью или вступали в пай с хозяином судна и выходили в море на рыбный промысел. (ГААО. Ф. 829. Оп. 3. № 4. Л. 1 об.; № 5. Л. 3, 8 об.; № 10. Л. 4 об.).

⁵⁵ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 202.

⁵⁶ Данные о продаже и закупке хлеба отрывочны. По нашим подсчетам закуплено (в мерах):

в мерах	1668 г.	1674 г.	1675 г.	1676 г.	1690 г.
закуплено	193	116	326	383	508
продано	100	100	288	201	202

(ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 518. Л. 7; № 104. Л. 3; № 112. Л. 13 об., 22, 22 об., 25 об., 28 об., 29, 31, 33; № 519. Л. 1, 8, 9, 10 об.; № 517. Л. 11; № 116. Л. 9. 12–14, 17 об., 18, 22 об.; № 118. Л. 3 об.; № 151. Л. 10, 12 об., 13, 15; № 151. Л. 13 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 226. № 6. Л. 6).

⁵⁷ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 758.

⁵⁸ Там же. Оп. 1. № 642. 1087; Оп. 2. № 12. Л. 3–3 об.; № 96. Л. 1, 1 об., 3 об., 4 об.; № 100. Л. 39 об., 41 об.; № 101. Л. 10, 10 об.; № 157. Л. 19, 20.

⁵⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 226. № 6. Л. 3, 6, 7; ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 642, 682, 737; Оп. 1. № 616; Оп. 2. № 107. Л. 20 об., 11; № 112. Л. 35 об.

⁶⁰ ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 77. Л. 10–10 об.; № 88. Л. 6–6 об.

⁶¹ ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 48. Л. 8–13, 19 об., 29, 34 об., 37 об., 39 об., 40 об., 42, 45–49.

⁶² В 1670 г. на Благовещенской ярмарке построен гостиный двор, в котором по письму 1677 г. было 54 избы, 52 амбара, 124 лавки и 21 торговый сарай (СПБИН РАН. Ф. 115. № 310. Л. 28–29).

⁶³ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 700.

⁶⁴ ГААО. Ф. 829. Оп. 3. № 11. Л. 2, 3; Оп. 2. № 41. Л. 9 об.

⁶⁵ Савич А. А. Вклады и вкладчики в северно-русских монастырях XV–XVII вв. // Учен. зап. Пермского гос. ун-та. Отделение общественных наук. Вып. 1. Пермь, 1929. С. 67–96.

⁶⁶ Там же. С. 80.

⁶⁷ Там же. С. 81.

⁶⁸ ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 59. Л. 2, 4, 7 об., 8 об., 8 а. В 1682 г. Василий Конечный дал вкладом 3 рубля 20 алт. Казначей тут же записал: «Как жить придет, донести 1 рубль 4 гривны» (ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 126. Л. 15 об.).

⁶⁹ ГААО. Ф. 829. Оп. 3. № 15. Л. 6 об.

⁷⁰ СПБИН РАН. Ф. 115. № 584. Л. 47.

⁷¹ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 1199.

⁷² О существовании второй казны в Богословском монастыре говорят записи приходо-расходных книг за голодные 1602–1603 гг., когда деньги на расходы казначей неоднократно берет у келарей (ГААО. Ф. 829. Оп. 3. № 8. Л. 17 об., 18, 20; № 9. Л. 3, 3 об.).

Эволюция одной боярской вотчины в XIV–XVII вв.*

Значительные вотчины как в новгородских пятинах, так и в Заволочье в XIV–XV вв. имел род новгородских бояр, на протяжении значительного времени ошибочно именовавшийся в литературе Своеземцевыми¹. По известному из актов родоначальнику рода последний можно именовать родом Василия Матвеевича.

Одной из многих ветвей рода Василия Матвеевича были, по моему мнению, Едемские, известные в Важском уезде уже в XVI–XVII вв.² Целью данной статьи и является рассмотрение истоков и эволюции землевладения Едемских в отмеченном уезде.

Генеалогия данного рода и его землевладение XIV–XV вв. не раз являлись предметом исследования³. Мной также рассматривался вопрос об истоках и развитии землевладения боярского рода Василия Матвеевича, при этом отмечалась генетическая связь Едемских и их вотчин с отмеченным родом и его владениями⁴. Однако в связи с отрицанием данных положений В.Л. Яниным⁵ есть необходимость вернуться к ним и дать более развернутую аргументацию.

Основными источниками по генеалогии и землевладению рода Василия Матвеевича является группа актов XIV–XV вв., введенных в научный оборот в начале XIX в.⁶, а рода Едемских – акты, грамоты и платежные отписи XVI–XVII вв. Важнейшие из них: Жалованная вотчинная грамота Ивана IV своеземцу Ивану Васильевичу Едемскому 1552 г.⁷; Грамота «с прочетом» царя Алексея Михайловича Петру Едемскому на Михайлов остров 1650 г.⁸ Важны также писцовые книги и сотные Важского уезда XVII в., особенно уникальная в своем роде Сотная на вотчины Едемских в Важском уезде с писцовых книг 1620–1621 гг.⁹ Дополняют отмеченные источники различные вкладные и родовые записи Едемских, среди них – Синодик Важского Богословского монастыря¹⁰ и Синодик Едемских. В первом есть запись рода Варлаама Важского (Пинежского), до пострижения известного по актам и летописям как Василий Степанович Шенкурский, и рода Едемских¹¹. Краткие записи о роде Едемских имеются и в синодиках XVII в. Николо-Корельского монастыря¹². Подробные данные о них содержит Синодик Едемских¹³.

Комплекс данных источников XIV–XVII вв. является уникальным и дает суждения по ряду как общих, так и частных проблем: времени возникновения и характере феодального землевладения на Севере России; происхождении, сущности и эволюции своеземчества, дискуссия о котором до сих пор не завершена, и т. д.

Проникновение рассматриваемого боярского рода на Вагу началось не позднее начала XIII в.¹⁴ В начале XIV в. новгородский боярин Василий Матвеевич (отмеченный ранее как родоначальник рассматриваемого рода) приобрел земли Шенкурского погоста у чудских старшин Азики, Харагинца, Ровды и Игнатца за 20000 белок и 10 рублей «пополонка»¹⁵.

* Впервые опубликовано: Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.). Сыктывкар, 1981. С. 29–47.

Границы Шенкурского погоста (купленных земель) рассмотрены А. Н. Насоновым, уточнены мной и нанесены на карту¹⁶. Северная и юго-восточная, по правому берегу р. Ваги, границы погоста верно нанесены на карту Л. А. Зарубиным. Юго-западная граница, по левому берегу р. Ваги, им нанесена неточно. Л. А. Зарубин проводит ее южнее р. Пуи¹⁷, в то время как территория погоста захватывала здесь р. Паденьгу и доходила «до Сулонской межи», т. е. граница шла между реками Паденьгой и Суландой. Отнесение В. Л. Яниным к Шенкурскому погосту земель по р. Пинежке¹⁸ следует считать ошибочным. Северо-восточная граница погоста-округа шла чуть севернее Шенкурского погоста-поселения по р. Поче. Примерно в 5 км от нее к северу находился «Сметанин наволоок», который по «Списку Двинских земель 1470-х гг.» относился к ростовским владениям на Емской Горе и р. Леди. В XVI–XVII вв. также территория севернее р. Почы по правому берегу Ваги, в том числе и вотчина Важского Боголового монастыря на р. Пинежке, относилась к Ледскому, а не к Шенкурскому стану¹⁹.

В течение XIV–XV вв. владения Василия Матвеевича и расширяются потомками, и дробятся между ними, образуя широкую сеть боярщин по рекам Ваге и Кокшеньге²⁰. Об этом говорят духовные грамоты Остафия Ананьевича и его сына Федора, раздельная сына последнего – Василия Федоровича – со своим племянником Василием Степановичем, а также «Список двинских земель 1470-х гг.»²¹.

Остановлюсь на тех землях, которые получил на Ваге и Кокшеньге Василий Федорович по завещанию отца Федора Остафьевича и по разделу с племянником Василием Степановичем, и землях, которыми владели Едемские в этих районах в XVI–XVII вв. Для большей четкости и наглядности привожу данные в табличной форме (табл. 1).

Таблица 1
Владения Василия Федоровича (XV в.) и Едемских (1620 г.)²²

Владения Василия Федоровича <i>I. На Ваге</i>	Владения Едемских <i>I. На Ваге</i>
1. «В Раиболе Большеи Двор и Нижняя Едма по Огашку реку, а от Огашки реки по ручьи, кои промежи двама Едмами». «В Раиболе у святого Борисо-Глеба, а то им вопце на погосте».	1. В Раиболе Д. Калитинская. На Едьме деревни: Красковская (Большой Двор), Васильевская Нежихова, Дмитриевская, Ереминская, Павловская, Петуховская, Ярышевская ²³ .
2. «В Яропуге Ивашково село, Бураково селце и за озером Половничкое селце».	2. У Яропуиского озера д. Трофимовская; Якуровская «над... озером»; Круглыи Борок «за... озером».
3. «На Тарне Федорково село, другаго Федора Лукино село, Евшинское село».	3. В верховьях Тарни деревни: Дружининская, Ондреевская, Павловская, Фоминская.
4. «На [реке] Речке Лепьшинское село Курятково, Кюпречево село, в третьее, где Семенко жывал Опашин».	4. «Д. Кондратовская на реке на Речке, да к той же деревне припущено... селище Шиловское». Запустевшие деревни: Кожуховская, Матвеевская, Сихиевская, Фешковская ²⁴ .

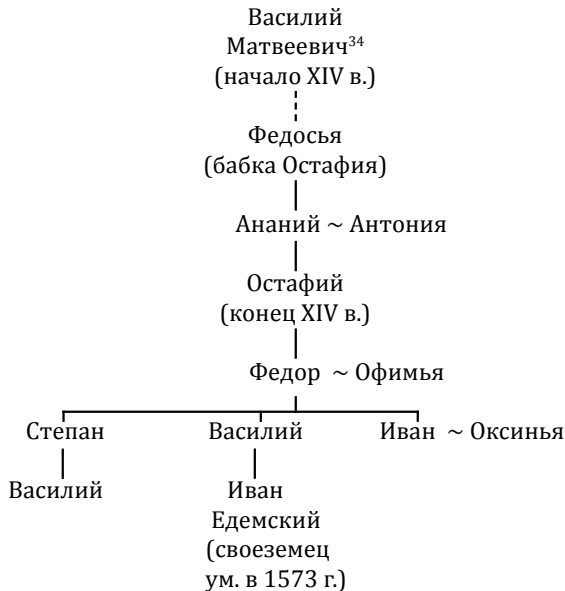
<p>5. «А Еропутское озеро и Керга озеро, и Целм озеро... и Кергаская речка, и Юмое озеро, и Номзенга река по обе стороны, и леса, а то детям моим вопцы»²⁵.</p>	<p>5. «В Шенкурском же стану... озерко Пезо да речка Пеза и с устьем, что впала в реку в Тарню, да Емзо озерко да речка Салновая, да озерко Чезо»; оброк с ловель «в озерке в Яропуе да с Золотовицкого ручья. С озера Керга»²⁶.</p>
<p>II. На Кокшеньге 1. «У святого Федора на церковной стороне села мои въверх по Конядернина рецки, от Конядернине речке по Великои Камень до острова, на пополотца за Кокшенгою по ручеи, от Савкина вниз по Кокшенге по обе стороны до Пряслищына наволока, против Конядернине речке»²⁸.</p>	<p>II. На Кокшеньге 1. Деревня Козловская и Локотная²⁷.</p>
<p>2. «На Заечьи реке два села, третьеве Петраково».</p>	<p>2. «В Заечеретецкой волости дер. Пошиваевская... дер. Заицовская»²⁹.</p>
<p>3. «В Хавдиничах села по Плоскую Лужу». «А на погосте у святого Спаса, а то им вопце».</p>	<p>3. «Волость Спасская на реке на Кокшенге... пустошь Чертковская по реке Плоской», и 16 деревень³⁰.</p>
<p>4. «В Мадовеси села от Почы реки до Салникове речке».</p>	<p>4. «Дер. Наумовская за рекою Почю».</p>

Таким образом, Едемские в XVII в. имели деревни во всех районах Ваги и Кокшеньги, где в XV в. имел вотчины боярин Василий Федорович³¹.

Когда же получили Едемские эти владения? В Жалованной грамоте Ивана IV 1552 г. родоначальнику Едемских своеземцу Ивану Васильевичу Едемскому (он первый стал носить эту фамилию и передал ее потомкам) отмечается, что «вотчины у него в Важеской земли и в Кокшенских погостах старинныя, и как дед наш, государь и великий князь Иван Васильевич всея России (Иван III. – Ю. В.), взял отчину свою Великий Новгород, и отец де его (И. В. Едемского. – Ю. В.) Василеи Федоров Малого в Важеской земли жил по своей смерти, и писцы наши приезжали и писали де те их вотчинные деревни за отцом ево Васильем и за ним Иваном»³². Следовательно, Едемские в XVII в. владели наследственными землями, которые были описаны писцами на рубеже XV–XVI вв.³³, а принадлежали роду еще до падения независимости Новгорода. В грамоте отмечается также, что отец своеземца Ивана Едемского «Василеи Федоров сын Малого Великаго Новагорода посадникова роду». Отсюда естественно полагать, что Василий Федоров, получивший в середине XV в. по наследству от отца Федора Остафьевича рассмотренные ранее (по актам) земли на Ваге и Кокшеньге, одно и то же лицо с Василием Федоровым сыном Малого грамоты 1552 г., отцом своеземца Ивана Васильевича Едемского.

По рассмотренным актам родословная своеземца Едемского будет выглядеть следующим образом (см. схему «Происхождение И. Едемского (реконструкция)»).

Происхождение И. Едемского (реконструкция)

Допустима ли такая генеалогия? Рассмотрим имеющиеся данные. Остафий Ананьевич пишет свою духовную в конце XIV в. Сын Остафия – Федор – еще мал. «А доколе сын мой Федор подрастает, а доколе ездит по моим селам брат мой Григорей», – пишет в духовной Остафий³⁵. Духовная Федора датируется издателями 1435 г., а В.Л. Яниным вполне обоснованно 1460-ми годами³⁶. При этом в грамоте имеется следующая запись: «А ты, сын мой Степане, и внуцата мои, костью моею не двиньте и брата своего Василья не обидте ни о земле, ни о воде, ни о животе, а еще его *постерегите*» (курсив мой. – Ю.В.). Если Степан уже имел детей («внуцата» Федора), то Василий, видимо, был еще недорослем; в противном случае не имела бы смысла фраза «его постерегите». Василий родился, видимо, около 1450 г. и мог дожить до начала XVI в. Так было и на самом деле, поскольку первый писец на Ваге Т. Афанасьев записал вотчины за ним и его сыном.

Василий Федорович, кроме земель на Ваге и Кокшеньге, получил от отца и земли «на Поле в Налюце на Сомшине»³⁷. Писцовая книга Деревской пятины 1495 г. отмечает здесь бывшие владения Васюка Федорова «с Нутные улицы»³⁸. Именно на Нутной улице жил отец Василия Федоровича – Федор Остафьевич, в духовной которого записано: «А приказываю приказ... всеи великой улице Нутной, где свое постригосте». Послухом в его завещании являлся «отец мой духовной игумен Макарей святого Николы»³⁹. В.Л. Янин связывает пострижение Федора Остафьевича с церковью св. Михаила на Михайловой улице⁴⁰. В какой-то новгородской церкви св. Михаила был голбец у Остафия Ананьевича и его предков (напомню, что в церкви св. Михаила был написан в начале XIII в. «Шенкурский пролог»)⁴¹. Однако Федор Остафьевич постригся не в церкви св. Михаила, а в церкви св. Николая, о чем прямо говорится в его духовной. В синодике церкви св. Филиппа с Нутной улицы сообщается, что в пожар 1347 г. сгорела «церковне

каменного строения святого апостола Филиппа и великого чудотворца Николы на Нутной улицы», а в 1383 г. «заложиша храм каменный святого апостола Филиппа и придел великаго чудотворца Николы Мирликийского на одной основы, обе церкви каменные»⁴². Надо полагать, что именно в этой церкви и постригся Федор Остафьевич. Следовательно, Васюк Федоров писцовой книги и Василий – сын Федора Остафьевича духовной грамоты – одно и то же лицо. Земли в Налюцком погосте Деревской пятины у Василия Федоровича (= Васюка Федорова) были конфискованы, сам он упоминается писцовой книгой как бывший вотчинник. К моменту конфискации боярских земель в новгородских пятинах Василий Федорович, как отмечалось ранее, перебрался из Новгорода в свои важские вотчины и сохранил их за собой.

Сын Василия Федоровича – Иван, своеземец грамоты 1552 г., дожил на Ваге до 1573 г.⁴³ и скончался, когда ему было, видимо, около 80 лет. На преклонность возраста Ивана Васильевича Едемского указывает то, что его последний из трех сыновей – Гаврила – скончался в 1578 г., имея 15 детей, а трем внукам Ивана Васильевича в год его смерти было по 20 лет⁴⁴.

Таким образом, данная генеалогия вполне реальна. Она почти полностью, относительно собственно Едемских, имеется и в их родовом Синодике. Начало родовой записи в нем следующее: «Род Едемских. Помяни, господи, души усопших раб своих: Анании, Еустафия, Феодора, Василия, Иоанна в иноцех Ионы схим. (своеземец Иван Васильевич. – Ю. В.), Гавриила, Феодосии, Андрея, Григория в иноцех Герасима схим.»⁴⁵.

Следовательно, как косвенные, так и прямые данные свидетельствуют о том, что важские Едемские XVI–XVII вв. являлись потомками новгородского боярского рода Василия Матвеевича и их владения восходят к вотчинам этого рода. Аналогичные выводы мной были сделаны и ранее, однако, видимо, с недостаточно развернутой аргументацией⁴⁶.

Вполне возможно, что я был не прав, когда в прежних работах отождествлял Василия Степановича приведенной выше родословной с Василием Степановичем Шенкурским (= Варлаамом Важским-Пинежским)⁴⁷. В. Л. Янин, отрицая это тождество, усматривает здесь двух лиц: 1) Василия Степановича Забелина (внука Федора Остафьевича) и 2) Василия Федоровича Шенкурского, но якобы являвшегося внуком Ивана Тимофеева⁴⁸. Наблюдения В. Л. Янина многосторонни, однако ряд выводов и гипотез не бесспорен. Дальнейшие раскопки в Новгороде, возможно дадут дополнительные данные по этому вопросу, а пока есть основания воздержаться от его окончательного решения.

Что касается критического замечания В. Л. Янина относительно того, что я якобы считаю Ивана Васильевича Едемского сыном Василия Степановича Шенкурского⁴⁹, то оно вызывает недоумение. Мной всегда подразделялись потомки Василия Матвеевича – Шенкурские и Едемские, указывалось, что в 1552 г. грамоту Ивана IV получил Иван Васильевич сын Василия Федоровича⁵⁰.

С включением Важского Заволочья в состав единого Русского государства земли основной массы новгородских бояр здесь, как и в других частях боярской республики, были конфискованы. Этот процесс на Ваге, видимо, шел параллельно с конфискациями в новгородских пятинах, поскольку основными владельцами в крае были крупнейшие новгородские бояре и новгородский дом св. Софии⁵¹. Однако Едемские сохранили за собой часть своих владений, хотя и не ясно в каких размерах.

Можно полагать, что вотчина своеземца И. В. Едемского была значительной, так как только шесть хозяйств его потомков, по сотной 1620 г., имело пашни более 600 десятин (в трех полях) и около 1 тыс. копен сена без учета оброчных угодий. Отмеченная сотная 1620 г. содержит данные о землевладении шести хозяйств: 4-х внуков и 4-х правнуков (два хозяйства) своеземца. Наиболее значительны (см. табл. 2) владения Герасима Гаврилова, находившиеся в Шенкурском и Ровдинском станах. За ним более 190 десятин пашни, он же владеет основной массой оброчных, рыболовных и сенокосных угодий, числившихся за Едемскими. Значительны также по размерам владения Авраама и Кирилла Яковлевых (около 150 десятин) и Онфилофейка Гаврилова (более 130 десятин пашни), находившиеся на Кокшеньге.

К концу XVII в. крупными были лишь владения Петра Павлова, внука Онфилофия, на Кокшеньге (около 150 десятин) и Андрея Крюкова (более 100 десятин), к которому перешла в качестве приданого и по купчим основная часть земель Герасима Гаврилова. У ряда Едемских размеры земельных владений были близки к наделам дворцовых крестьян уезда.

Такова эволюция землевладения той части Едемских, владения которых на протяжении XVI–XVII вв. пользовались некоторыми привилегиями. Земли Едемских, не внесенные в их сотную 1620 г., уже в то время были незначительными и слились с землями дворцовых крестьян уезда.

Рассмотрим характер землевладения Едемских XVI–XVII вв. Жалованная грамота 1552 г. прямо называет их земли вотчинами: «яз, царь... Ивана Васильевича своеземца пожаловал и велел ему платить нашу дань с ево деревень вотчинных... 7 рублей 15 алтын полпяты денги»⁵². Вотчиной именуются их владения и в XVII в. Вотчинное право Едемских на землю выражается в свободном распоряжении владельцами земель: они ее наследуют, продают, меняют, дают вкладом и т. п. Но главным в вотчинном праве своеземца Едемского и его потомков было наличие феодального иммунитета. В первую очередь иммунитет выражался в обособлении владений Едемских от крестьянских земель и миров⁵³, следовательно, их вотчины выделялись в самостоятельные административные единицы и управление ими сосредоточивалось в руках владельцев. Доказательством обособления вотчин своеземца является выдача им отдельных, на их владения, сотных грамот. Известны сотные, выданные на Емце (Двинской уезд) в 1591 г. сыну бывшего своеземца Я. А. Емецкому, на Ваге в 1623 г. – Едемским⁵⁴. Безусловно, они имели сотные и от предыдущих описаний. Обособленность владений Едемских сохраняется и в XVII в. Так, в «Грамоте с прочетом царя Алексея Михайловича на Вагу, подтверждающей за Петром Едемским вотчинное право на Михайлов остров» (1650 г.) говорится, что «по писцовым книгам за Едемским вотчинная земля ото всех особно»⁵⁵. Вследствие этого вотчина Едемских обособлена в податном отношении, освобождена от уплаты наместничьего корма, на нее не распространяются внутриволостные сборы соседних крестьянских волостей. В грамоте 1552 г. отмечается, что «наместники... и ево тиуны и довотчики у ево Ивана и у крестьян, кои живут в ево деревнях, корму не емлют и с черными людьми поборов никаких не платят, а дань платить на Москве, опричь черных людей, на Роздество Христово ежегод»⁵⁶.

Феодальной вотчиной являются владения Едемских и по характеру ведения хозяйства. В начале XVII в. в вотчинах Едемских имелась как господская, так и крестьянская запашка. Господская запашка в наиболее крупных хозяй-

Таблица 2

Вотчины Едемских в XVII – начале XVIII вв.

Владелец	Год	Деревень		Дворов		Пашни (четей в одном поле)		Сена (копен)			Леса па- шенного (в четях)		
		жи- лых	пус- тых	жилых	пус- тых	тяги- лой	льгот- ной	в пусте	всего	в тягле		в пусте	все- го
Герасим Гаврилов	1620	10	3	13	-	84	5	38	127	305	22	327	149
Андрей Крюков	1709	5	2	10	1	54	9	-	68				
Василий и Парис	1620	3	3	3	2	11	12	17	40	121	3	124	51
Петр Васильев	1665	2	-	2	-	6			6				
Михаил Васильев	1665	2	-	2	-	18			18				
Афанасий Петров	1709	1	0,5	1	-	3	3,5		6,5				
Герасим Михайлов	1709	0,5	0,5	-	-	10	5		15				
Григорий Гаврилов	1620	2	1	1	1	6	9	14	29	55	12	67	16
Федор Григорьев	1665	2	-	2	-	10			10				
Борис Федоров	1709	0,5	-	1	-	3			3				
Федор Гаврилов	1620	4	-	8	1	18	10	10	28	60	9	69	44
Григорий Федоров	1665	3	-	6	-	16			16				
	1665	3	-	7	-	16			18				
Ирина Григорьева	1709	1	-	2	1	8			8				
Онфилофий Гав- рилов	1620	9	-	16	2	71	-	17	88	201		201	72
Петр Павлов	1685	8	2	16	-	62	18	20,5	100,5	168	41	229	99
Аврам и Кирилл	1620	8	2	10	5	66	-	30	98	176	15	191	78
Василий Иванов	1686	4	2	11	1	20	27	5	52	115	15	130	
Андрей Иванов	1685	2	1	4	-	15	11	-	26	35		35	16

Примечания. Данные приведены без оброч-
ных угодий, так как значительная часть послед-
них находилась в совместном владении Едем-
ских. Пропуски означают отсутствие данных в
источнике.

Источники:

- 1620 г. – ОР РНБ. Общ. собр. грамот. Д. 222;
1665 г. – СПБНИИ РАН. Ф. 115. Д. 309. Л. 50–52;
1685 г. – ОР РНБ. Ф. 550. F-IV. Д. 630. Л. 120–127;
1709 г. – СПБНИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 2. Л. 127–134.

ствах – Герасима, Анфилофия, Авраама и Кирилла – занимала 17–22 % земли, используемой в 1620 г. Доля ее возрастает с уменьшением размера вотчины. Так, у Василия и Андрея Ивановых в 1685 г. собственная запашка составляла соответственно 32 и 54 % пашни. Не ясно, кто обрабатывал эту землю. Указания писцовых книг на то, что в той или иной деревне пахут сами Едемские, нельзя понимать в прямом смысле. Вероятнее всего, господскую запашку Едемских обрабатывали холопы, половники или зависимые крестьяне (см. табл. 2–4).

О наличии у Едемских холопов говорят следующие факты. В 1620 г. в дер. Бураковской жил «человек Герасимов Приезжейко Мелешин». Вероятно, он выполнял в вотчине роль приказчика и ключника. Часть пашни в деревне именуется «путничной заеской», и надел Мелешина значительно больше, чем у половников Герасима: 22 десятины пашни и 60 копен сена⁵⁷. В дельной сыновей Федора Гаврилова (1654 г.) записано: «А что мати наша споила и скормила малого Офонкоу зовут Гуляев, и мы его после смерти матери наше Натальи з женою его Екатериною и девку Александрицу отпустили прочь, и впред нам до них дела нет»⁵⁸. Во второй половине XVII и начале XVIII в. используют Едемские и труд наймитов.

Но основная пашня Едемских сдана половникам, третникам и крестьянам. В деревнях, находившихся в Шенкурском и Ровдинском станах, живут в основном половники и третники, а в кокшеньгских деревнях – крестьяне. Положение последних, видимо, близко к положению зависимых крестьян-порядчиков. В дельной братьев Федоровых (1654 г.) отмечается, что они получили деревни на Кокшеньге «з дворами и з жильцами», т.е. крестьянами. Последними вотчины пополнились и за счет населения дворцовых волостей уезда. Писцовая книга 1685 г. отмечает, что в 4 деревнях из 9 Петра Павлова Едемского живут крестьяне, «родом оне Кокшеньгские чети Спасские волости бобыли»⁵⁹. Источники, к сожалению, не содержат данных о владельческих повинностях этих крестьян.

Пашенные и сенокосные наделы крестьян в вотчинах Едемских в 1620 г. несколько больше, нежели у половников (см. табл. 4).

Имея значительные земельные владения в XVI – начале XVIII вв., Едемские играют видную роль в уезде. Своеземец И. В. Едемский в середине XVI в. был городовым приказчиком в Шенкурске⁶⁰. В конце XVI в. его внук Герасим, видимо, являлся одним из приказных Б. Годунова, которому принадлежал в это время Важский уезд. Герасим вместе с выборными судьями вел ряд судебных дел, являлся денежным сборщиком⁶¹. Последними являлись в уезде еще несколько представителей Едемских⁶². Из числа Едемских были земские судьи, таможенные головы, в начале XVIII в. – бурмистры Шенкурской четверти⁶³.

Данные факты показывают, что Едемские, имея владения обособленные от крестьянских миров, активно участвуют в общественной жизни последних, занимая ряд выборных земских должностей. Объясняется это тем, что участие крестьян в выборных земских органах было не только правом, но и их нелегкой повинностью. Крестьянину среднего достатка, связанному с большим объемом своих сельскохозяйственных работ, исполнять эту повинность было нелегко, поэтому крестьяне нередко нанимали на те или иные выборные должности своих или посторонних зажиточных лиц. Едемские, имея достаток и известность в административных кругах, и занимали эти должности. Из этого наблюдения вытекает очень важный вывод. Нельзя лишь на основании факта участия того или иного лица в выборных крестьянских органах определить его социальный статус как крестьянский⁶⁴.

Таблица 3

Население вотчин Едемских в XVII – начале XVIII вв.

	Владелец	Год	Всего деревень (жилых)	Дворов			"Людей"			
				Едемских	крестьян	половников	Едемских	крестьян	половников	всего
I	Герасим Гаврилов	1620	10	1	-	11	3	-	15	18
	Андрей Крюков	1709	5	-	9**	1***	-	30**	12***	42
II	Василий и Парис	1620	3	-	3	-	-	3	-	3
	Петр Васильев	1665	2	2	-	-	2	-	4***	6
	Михаил Васильев	1665	2	1	-	1***	2	-	2***	4
	Афанасий Петров	1709	1	1	-	-	2	-	6***	8
	Герасим Михайлов	1709	0,5	1	-	-	2	1**	5***	8
III	Григорий Гаврилов	1620	1	-	-	1	-	-	1	1
	Федор Григорьев	1665	2	2	-	-	3	-	2***	7****
	Борис Федоров	1709	0,5	1	-	-	5	-	-	5
IV	Федор Гаврилов	1620	4	1	7	-	1	8	-	9
	Григорий Федоров	1665	3	1	4	1	1	10	4	15
		1665	3	1	6	-	2	9	3***	14
	Ирина Григорьева	1709	1	-	-	2	-	-	9	9
V	Онфилофий Гаврилов	1620	9	1	15	-	1	19	-	20
	Петр Павлов	1685	8	1	15	-	4	39	-	43
VI	Аврам и Кирилл	1620	8	-	10	-	-	10	-	10
	Василий Иванов	1685	4	-	11	-	-	24	-	24
	Андрей Иванов	1685	2	1	3	-	3	7	-	10

Примечания. Дворы Едемских, не отмеченные в таблице, находились вне их вотчин: на погостах или посадах.

* - в том числе 1 холоп; ** - крестьяне-порядчики; *** - третники; **** - в том числе 2 наймита.

Таблица 4

Распределение пашни и сенокосов в вотчинах Едемских в 1620 г.

Владелец	Пашни тяглой и льготной четей в поле			Дворов		Пашни сдано на двор (в четях)					Сена в копнах								
	всего	господской		сдано	крестьян	половников	1-2	3-4	5-6	7-8	9-10	господского		сдано	в том числе на двор				
		четей	%									копен	%		до 5	5-10	11-15	16-20	21-30
Герасим	69	18	20	71	-	11	4	6	-	-	1	70	32	157	1	4	4	-	2
Василий и Парис	29	16	65	8	3	-	1	2	-	-	-	68	54	65	-	1	1	-	1
Григорий	15	9	60	6	-	1	-	-	1	-	-	30	54	25	-	-	-	-	-
Федор	18	4	22	14	7	-	4	3	-	-	-	30	36	50	2	-	-	-	-
Онфилофий	71	12	17	54	15	-	6	5	3	-	1	22	11	179	4	3	4	3	1
Аврам и Кирилл	68	15	22	53	10	-	-	4	4	2	-	25	14	150	-	4	2	4	-

В конце XVI – начале XVII вв. Едемские делают вклады в Николо-Корельский, Антониево-Сийский, Важский Богословский и другие монастыри. На их средства содержится приходская церковь в Райбольском погосте близ Едьмы. Едемские стремятся держать в своих руках и Богословский монастырь. В 1581 г. Герасим Гаврилов с родственниками совершил на монастырь настоящий набег⁶⁵. Едемские пограбили обитель и у игумена Федора отобрали царскую грамоту, где предписывалось Едемским «в монастырь не въезжать», т.е. не хозяйничать в нем. Старцы были вынуждены снова «бить челом» царю о самоуправстве Едемских. Монахи жаловались, что Едемские самовольно и бесплатно берут в монастыре лучших лошадей, обмолачивают на их мельнице свой хлеб «четей по сту и больше», «отставливают игуменов, которые им, Едемским, в монастырской казне воли не дают», ставят своих игуменов и казну тащат. В ответной царской грамоте подробно перечисляются, из челобитной старцев, бесчинства Едемских в монастыре. Герасиму и Федору Едемским царь «в монастырское вникать им не во что не велел», а «всем владеть игумену Авраамию»⁶⁶.

О влиятельности Едемских в XVI–XVII вв. говорят и их родственные связи⁶⁷.

Таким образом, Едемские – богатейшие новгородские бояре XIV–XV вв., одни из крупнейших своеземцев в конце XV–XVI вв. Часть из них сохраняет вотчинное право на свои владения и в XVII в. К концу XVII в. лишь единицы из них имеют по 80–150 десятин пашни. Однако они продолжают использовать в своем хозяйстве труд холопов, половников, крестьян, наймитов. Хозяйство их перестраивается. Некоторые из них становятся торговыми людьми. Основная масса Едемских утрачивает свои привилегии, они становятся священнослужителями, мелкими посадскими людьми, некоторые из них даже нищенствуют⁶⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Вулих Е. К. К вопросу о своеземцах в составе новгородского общества // ЖМНП. 1914, июль. С. 158–164; Васильев Ю. С. Феодальное землевладение на Ваге // Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 290–295; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 58–117.

² Васильев Ю. С. Феодальное землевладение. С. 295.

³ Мятлев Н. В. Родство Квашниных с новгородцами // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 3. СПб., 1909. С. 53; Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. С. 229, 286. См. также прим. 1 данной статьи.

⁴ Васильев Ю. С. Феодальное землевладение... С. 290–295; Он же. К вопросу о двинских боярах XIV–XVI веков // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. Вологда, 1976. С. 11, 13; Он же. Аграрные отношения в Поморье XVI–XVII вв. Сыктывкар, 1979. С. 64–65.

⁵ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 93–95.

⁶ См.: ГВНП. № 279, 110, 111, 278, 280–282. Источниковедческий анализ их дан В. Л. Яниным (Новгородская феодальная вотчина... С. 58–64, 66–67, 84–85, 87, 88–90).

⁷ РНБ. Собр. М. П. Погодина. Д. 1840. Л. 66–66 об.; СПбИИ РАН. Ф. 115. Д. 584. Л. 35 об. – 3б; Грамота опубликована Е. Вулих (К вопросу о своеземцах. С. 162–163).

⁸ РНБ. Общее собр. грамот. Д. 4486.

⁹ Обзор и характеристику их см.: Васильев Ю. С. Важские писцовые книги и сотницы XVI–XVII вв. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 537–562.

¹⁰ РГАДА. Ф. 201. Д. 108. На Л. 1 об. начало: «Сия книга глаголемая синодик Богословская монастыря. Написася сия книга в лето 7178 (1669–1670 г. – Ю. В.) при игумене того ж Богословского монастыря Ионе и при келаре старце Сергии». Записи в последней трети XVII – начале XVIII вв. В синодике, кроме родов В. Важского и Едемских, есть роды игуменов монастыря Ионы (Л. 8, 63), Макария Долгобородова, по синодику – родственника Варлаама Важского (Л. 21 об., 73–73 об.), Еуфимия (Л. 54 – 54 об.), князя Ивана Михайловича Коркодинова (Л. 22), ряда монастырских и дворцовых крестьян уезда и других лиц. Причем с Л. 43 записи многих родов повторяются. Синодик частично опубликован: Синодик 1670 г. Богословского монастыря, что на Ваге // Русский архив. 1870. С. 1076–1082.

¹¹ РГАДА. Ф. 201. Д. 108: род Варлаама – Л. 9, 9 об., 47 об. (о нем см. также – Житие преподобного Варлаама Важского. М., 1887 и Васильев Ю. С. Феодальное землевладение. С. 290–294); род Едемских – Л. 16, 65–65 об.

¹² РО БАН. Архангельское собр. Д. 508. Л. 79 об. («Род Алексея Васильева сына Едомского»; «Род Герасима Едомского»); Л. 82 («Род важенина Федора Едемского»); Д. 393. Л. 80 («Род Герасима Едомского»); Л. 87 об. («Род Алексея Васильевича важенина Едомских»).

¹³ ОПИ ГИМ. Собр. П. И. Щукина. Д. 459. Сборник в четверку, хорошей сохранности, имеет 61 пронумерованный лист. После Л. 35 идет 6 нумерованных листов без синодичных записей, но имеющих владельческие записи. После них снова идет Л. 35. Заголовок сборника «Помянник и синодик дому Едемских. Шенкурск» дан М. Н. Мясниковым на передней обложке. На задней – его же запись: «Из книг Матвея Мясни-

кова № 39». После общего канона «Канона за душу умершего» и помянника патриархам (Л. 21), митрополитам (Л. 21–22), великим князьям (Л. 22–23 об.) и княгиням (Л. 24 об.); царям (Л. 23 об.–24 об.), новгородским архиепископам (Л. 26–26 об.) идет помянник рода Едемских. На Л. 27–35 дается перечень имен, а с Л. 35 (второго) идут записи по месяцам о времени, иногда причине и месте смерти, возрасте умершего представителя Едемских и их родственников по женской линии. С Л. 47 об. аналогичные записи идут без распределения по месяцам (до Л. 61 об.). На Л. 20–35 и последующих нумерованных листах владельческие записи: «Лете сентября в 28 день сия книга Федора Петровича сына Едемского. 199-го августа в 24 де[нь] сия тетрат Федора Петрова сына. Тетрат Едемского. Стефана Федорова сына Едемского». Последние записи за 1720-е – 1732 гг. См. также: *Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина*. Вып. 2. М., 1897. С. 222–229.

¹⁴ Подтверждением этому является «Шенкурский пролог», написанный в Новгороде в 1229 г. по приказу Остафия Васильевича и адресованный «в храм Спаса за Волок в Шенкурье» (см.: Васильев Ю. С. *Феодальное землевладение...* С. 291 и прим. 58; Янин В. Л. *Новгородская феодальная вотчина...* С. 97–98). Вызывает сомнение высказанное В. Л. Яниным предположение о тождестве «Спаса в Шенкурье» и Спаса на Кокшеньге, упоминаемого в духовной Федора Остафьевича, т. к. земли на Кокшеньге находились за пределами Шенкурского погоста (Шенкурье). Более вероятно, что «Шенкурский пролог» был адресован в церковь волости Мареки (Кьяндский погост), находившейся несколько выше Шенкурска, на левом берегу Ваги). (О погосте см.: Сотная на Шенкурский стан письма 1620 г. // СПБНИИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 133 об.–134, 152). В XV в. волость принадлежала новгородским боярам Грузовым, из рода Василия Матвеевича (Васильев Ю. С. *К вопросу о двинских боярах XIV–XVI вв.* // *Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР*. Вып. 1. Вологда, 1976. С. 16, 18.

¹⁵ ГВНП. № 279.

¹⁶ См. Васильев Ю. С. *Феодальное землевладение...* С. 291–292, 293.

¹⁷ Зарубин Л. А. *Важская земля в XIV–XV вв.* // *История СССР*. 1970. № 1. С. 182; ГВНП. № 279; АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 16. С. 32; СПБНИИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 162–199. Сотная на Ледской стан 1620-х гг.

¹⁸ Янин В. Л. *Новгородская феодальная вотчина...* С. 91.

¹⁹ ГВНП. № 279; АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 16. С. 32; СПБНИИ РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 162–199. Сотная на Ледской стан 1620-х гг.

²⁰ См. работы, указанные в прим. 1 данной статьи.

²¹ ГВНП. № 110, 111, 278; АСЭИ. Т. 3. № 18.

²² ГВНП. № 110, 111, 278 (цитирую по отдельной № 278, но в ряде случаев со своей орфографией, касающейся географических названий); Сотная на владения Едемских с писцовых книг 1620–1621 гг. // ОР РНБ. *Общее собр. грамот*. Д. 222.

²³ В дер. Красковской имели доли четыре группы Едемских из пяти, владения которых находились в Шенкурском стане. Межа дер. Ярышевской шла по р. Огашке, а лес дер. Дмитриевской тянулся «до Ваймужских озерок... в Ваймужское болото по островкам». (ОР РНБ. Ф. 532. Д. 222. Ст. 1, 2, 4, 5, 6). Напомню, что по р. Ваймуге шла граница Шенкурского погоста в начале XIV в. Дер. Калитинская в начале 1820-х годов передана Едемскими Райбольской церкви. Притч церкви в конце XVI – начале XVII вв. в основном состоял из Едемских. Герасим Гаврилов в конце XVI – начале XVII вв. пере-

дал церкви 35 книг и 6 колоколов. (СПБII РАН. Ф. 115. Д. 311. Л. 133); Сметанина С. И. Записи XVI–XVII вв. на рукописях собрания Е. Е. Егорова // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 365.

²⁴ Данный район находился по р. Речке, а не по р. Лепше, как полагает В. Л. Янин (Новгородская феодальная вотчина... С. 86). В писцовой книге рыбных ловель Важского уезда 1705 г. есть запись: «Юмзоозеро, а в то озеро из озера Керги течет река званием Речка», «длиннику 2 версты» (СПБII РАН. Ф. 115. Д. 408. Л. 9, 9 об.). Реченская волостка Едемских находилась между их владениями на Едьме и Тарне. Существует эта р. Речка и в наше время.

²⁵ Цитирую по духовной Федора (ГВНП. № 110. С. 170), т. к. в дельной записи самого общего характера: «А озера и река за Волоком, а то им вопще».

²⁶ ОР РНБ. Ф. 532. Д. 222. Сст. 13, 14; СПБII РАН. Ф. 115. Д. 311. Сотная на Шенкурский стан 1620-х годов. Л. 151 об.

²⁷ В XVII в. деревни находились близ деревень Григорово и Конедрино.

²⁸ ГВНП. № 110. С. 170. Св. Федор – вероятно, в XVII в. церковь Федора Стратилата в Ракульской волости, близ погоста ее деревни Григорова, Преслящин наволоком по р. Кокшеньге. Здесь же река Конедринская, остров Конедрин, дер. Конедрино, близ них дер. Островная. Выше по Кокшеньге, на границе с Ростовской Устьянской волостью находилась Савкинская волостка, часть Ракульской волости (ОР РНБ. Ф. 550. F-IV, № 630, Писцовая книга Кокшеньгской четверти 1685 г., Л. 2, 6, 6 об., 7–9 об., 14. Также см. Васильев Ю. С. К вопросу о двинских боярах. С. 16. Карта).

²⁹ ОР РНБ. Ф. 532. Д. 222. Сст. 8.

³⁰ Все деревни сотной 1620 г., кроме отмеченных мной ранее и дер. Наумовской, писцовая книга Кокшеньгской четверти 1685 г. относит к Спасской волости. Хавденицы – южная часть этой волости. (ОР РНБ. Ф. 532. Д. 222. Сст. 7–12; Ф. 550. F-IV, № 630, Л. 120 об.–129 об.).

³¹ Кроме отмеченных, в начале XVII в. за Едемскими еще было 4 деревни близ рек Шеренги и Сельменги и 3 деревни и 7 оброчных починков в верховьях Суланды, «в слободке Сенки Ссакина»; последние, видимо, их поздние приобретения (ОР РНБ. Ф. 532. Д. 222).

³² СПБII РАН. Ф. 115. Д. 584. Л. 35 об.–36; Вулих Е. К вопросу о своеземцах. С. 162–163.

³³ Первое описание Ваги проведено вместе с Двиной писцом Тимофеем Афанасьевым около 1500–1501 гг. (см. сотную грамоту Марекской волости Важского уезда с писцовых книг Т. Афанасьева и Я. Бобарыкина. СПБII РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 27).

³⁴ ГВНП. № 279, 110, 111, 278; СПБII РАН. Ф. 115. Д. 584. Л. 35 об.–36; ОПИ ГИМ. Собр. П. И. Шукина. № 459 (Синодик Едемских). Л. 27. Пунктиром в схеме показано родство, не имеющее прямых подтверждений в источниках. Близкую к этой давал родословную Н. В. Мятлев (Родство Квашниных с новгородцами. С. 53). Однако введение им в генеалогическую таблицу после Василия Матвеевича Федора, а также некоторых боковых родственников недостаточно, а иногда и совсем не аргументировано.

³⁵ ГВНП. № 110. С. 168.

³⁶ Там же. № 111; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 66–67. Следует учесть, что Федор Малый после Яжелбицкого мира (1456 г.) в качестве новгородского пристава отводил земли по Пинеге, Мезени, Двине и Ваге московскому князю (АСЭИ. Т. 3. № 15. С. 31).

- ³⁷ ГВНП. № 111. С. 169.
- ³⁸ Новгородские писцовые книги. Т. 2. СПб., 1862. С. 600, 686.
- ³⁹ ГВНП. № 111. С. 171.
- ⁴⁰ Янин В. Л. Новгородская вотчина. С. 69–71.
- ⁴¹ ГВНП. № 110. С. 167, 168.
- ⁴² Азбелев С. Н. Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XV. М.; Л., 1958. С. 260.
- ⁴³ ОПИ ГИМ. Собр. П. И. Щукина. Д. 459. Л. 35. Возраст Ивана Васильевича в Синодике не указан.
- ⁴⁴ Там же. Л. 35 – 46 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 27. Сравн. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 63, 93–94.
- ⁴⁶ См. прим. 4 данной статьи.
- ⁴⁷ Васильев Ю. С. Феодальное землевладение. С. 290–291, 294.
- ⁴⁸ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 60–63, 74–75, 79–81, 87–95, 100–105.
- ⁴⁹ Там же. С. 62–63, 91, 93.
- ⁵⁰ Васильев Ю. С. Феодальное землевладение. С. 290–291, прим. 57 (указаны две ветви рода, грамота 1552 г.); Он же. К вопросу о двинских боярах. С. 18 («Едемские Федор Остафьевич и сын его Василий», от них потомки своеземца Едемского на Ваге – Там же. С. 13, 19 («Шенкурские: Василий Степанович (Варлаам Важский), Владимир, Иван Васильевич, Исаак Семенович, Семен Васильевич»); Он же. Аграрные отношения. С. 64 (цитата из грамоты 1552 г. об отце своеземца И. В. Едемского). Грамота мной ошибочно датирована 1553 г. См. также данные мной генеалогические таблицы этого рода: Васильев Ю. С. Феодальное землевладение и хозяйство в Важской земле XV–XVII вв. Дисс. канд. ист. наук.. рукопись. Л., 1971. С. 271, 272 (табл. 1–2).
- ⁵¹ АСЭИ. Т. 3. № 15, 16; Васильев Ю. С. К вопросу о двинских боярах. С. 10–21.
- ⁵² СпбИИ РАН. Ф. 115. Д. 584. Л. 36.
- ⁵³ Обособление вотчин своеземцев в новгородских пятинах отмечают А. И. Копанев и А. Л. Шапиро (Аграрная история Северо-Запада России. С. 71–73).
- ⁵⁴ САС. Вып. 2. С. 244; ОР РНБ Общ. собр. грамот. № 222.
- ⁵⁵ ОР РНБ. Общ. собр. грамот. Д. 4488.
- ⁵⁶ СпбИИ РАН. Ф. 115. Д. 584. Л. 36.
- ⁵⁷ ОР РНБ. Общее собр. грамот. Д. 222. Ст. 2.
- ⁵⁸ СпбИИ РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 80.
- ⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 550. F-IV. № 630. Л. 122 – 123 об.
- ⁶⁰ Роль городских приказчиков на местах была довольно значительной (см.: Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957. Гл. 1–5).
- ⁶¹ Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2. Ст. 660–663; ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1225. (Судное дело крестьян Химаневской волости с Богословским монастырем, 1596 г.), № 9.

⁶² Федор Гаврилов (1604 г.), Петр Васильев (1653 г.), Иван Григорьев (1650 г.). (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 9; Ф. 1408. Оп. 1. Д. 237; СБ ИИ РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 65).

⁶³ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 954; Ф. 1408. Оп. 1. Д. 223; Сб. ГКЭ. Т. 2. № 240, ст. 741; СБ ИИ РАН. Ф. 238. Оп. 6. Д. 113; Ф. 27. Оп. 1. Д. 239, 255; Ф. 10. Оп. 3. Д. 2. Л. 4.

⁶⁴ Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России в XIV – начала XVI вв. Новосибирск, 1973. С. 198–199 и далее.

⁶⁵ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 604. Л. 9 об.

⁶⁶ СБ ИИ РАН. Ф. 115. Д. 584. Л. 47–47 об.

⁶⁷ Одна из внучек своеземца И. В. Едемского Акилина Гаврилова – жена Данилы Строганова, вотчина которого находилась в Тотемском уезде (известна как Ольга Строганова). Дочь Петра Гаврилова Ульяна – жена московского торговца Никиты Щепоткина. Дочь Герасима Гаврилова Ефросинья – жена московского торговца Филиппа Облезлова. Дочь Федора Едемского Ксения – жена Федота Осколкова (ОПИ ГИМ. Собр. П. И. Шукина. Д. 469. Л. 37 об., 45 об., 42, 47).

⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 550. F-IV. № 630. Л. 124 об.; СБ ИИ РАН. Ф. 115. Д. 309. Л. 50 об.; ОПИ ГИМ. Собр. П. И. Шукина. Д. 459. Л. 49 об. – 50, 53 об., 56 – 56 об.; Памятники древней письменности. СПб., 1889. Т. 79. С. III; СБ ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 2. Л. 6 об., 11.

Основные категории крестьян России XIV-XVII вв. (по материалам Поморья)*

Позднее Средневековье – переломный период в истории крестьянства России. Поэтому данному периоду и данной проблеме посвятили немало исследований представители ряда поколений и направлений отечественных историков. Однако по разным причинам многое в исторических судьбах русского крестьянства периода позднего Средневековья остается неясным и спорным.

В XIV-XV вв. за основной массой сельского населения России закрепляется термин «крестьяне». В XV-XVII вв. последние подразделялись в зависимости от того, чьей землей владели или пользовались, на две основные категории: черносошных и владельческих (частновладельческих). Эти категории крестьян отмечены в сводах законов России конца XV-XVII вв. – Судебнике 1497, Судебнике 1550 и Соборном уложении 1649 гг. В то же время источники, в основном частного правового характера, отражают и другую градацию крестьянства. Они называют старожильцев, серебряников, порядчиков, половников, третников и т. п.

В сущности, это две классификации крестьянства. Основанием и первой, и второй является отношение крестьянина к земле как основному средству производства при феодализме. Первая классификация отражает отношения крестьянина и феодального государства, в первую очередь направление (адресат) и распределение ренты (или государственного налога) между феодалом как непосредственным собственником земли и феодальным государством как верховным собственником той же земли, находящейся во владении (или собственности) или пользовании крестьянина. В зависимости от того, сидел ли крестьянин на разного рода владельческой земле или государственной, соответственно возрастала доля феодальной ренты (государственного налога), идущей с крестьянина в государственную казну. Различен был и характер публичной власти относительно этих категорий крестьян.

Вторая классификация отражает отношения между крестьянином и феодалом, главным образом объем прав крестьянина на используемую им землю, в основном из этого вытекавшую степень его личной зависимости от феодала, и как производное от первого (объема прав на землю) и второго (степени личной зависимости) – уровень и формы эксплуатации.

В период относительной слабости феодального государства ведущую роль играли отношения между крестьянином и феодалом. Вследствие этого в юридических памятниках XI-XIV вв. фигурируют частнопровольные категории крестьян: закупы, рядовичи, изгои (Русская Правда), старожильцы, серебряники, изорники (жалованные грамоты и другие памятники) и ряд др.

С завершением процесса образования централизованного государства все большее значение приобретают отношения крестьянства и государства. В связи с этим своды законов России конца XV-XVII вв. говорят о государственно-правовых категориях крестьянства: владельческих (их разновидностях) и черносошных крестьянах.

* Впервые опубликовано: Крестьянское хозяйство: история и современность: материалы к Всероссийской научной конференции. Вологда, 1992. Ч. 1. С. 10–19.

Черносошное крестьянство имело широкие владельческие права на свои земли до начала XVII в., когда появляются указы, запрещающие отчуждение последних. Однако в силу многовековой традиции и непоследовательности правительства отчуждение черносошных земель бытовало вплоть до XVIII в.

Контролировались ли правительством операции купли-продажи черносошных земель? В XVII в., видимо, контролировались. Однако не ясно, насколько это было обязательным.

За пользование землей черносошные крестьяне несли довольно разнообразные повинности, которые значительно возрастают во второй половине XVI–XVII вв. Проводимые относительно регулярно государственные описания черных земель все более укрепляли поземельный характер повинностей крестьянства: в XVI–XVII вв. они являлись поземельной феодальной рентой.

В каком состоянии личной свободы находилось черносошное крестьянство в XVI–XVII вв.? Распространялись ли нормы законодательных актов об ограничении и запрещении крестьянского выхода на черносошное крестьянство?

Анализ правительственных актов и их применения в жизни дает основание считать, что черносошные крестьяне не позднее второй половины XVI в. прикреплялись к государеву тяглу. Выход их возможен был в том случае, если с их жеребья продолжало идти тягло, т.е. там оставались жить родственники или даже посторонние люди, бравшие несение тягла на себя.

Соборное уложение 1649 г., как известно, установило бессрочный сыск крестьян. При этом глава XI «Суд о крестьянах» открывается (ст. 1) с сыска «без урочных лет» именно дворцовых и черносошных крестьян.

Юридически Уложение 1649 г. окончательно прикрепило черносошных крестьян к тяглу. Сыск беглых черносошных крестьян так же, как и владельческих, стал бессрочным. Однако и Уложение 1649 года не могло пресечь практику ухода черносошных крестьян со своих участков, базировавшуюся на вековых традициях обычного права. Практика ухода «от отцов детей, от дядей племянников» и т.п. продолжала бытовать в Поморье и во второй половине XVII в. При этом и правительство считало подчас такой уход законным.

В юридическом отношении черносошное крестьянство оставалось правоспособным. И в XVI, и в XVII вв. оно могло «вчинять иск» и относительно своей земли, и относительно имущества, и относительно своего «бесчестья».

Не имея над собой непосредственной власти феодала, черносошные крестьяне имели довольно широкие права передвижения и хозяйственной деятельности. По Соборному уложению 1649 г. черносошным крестьянам, наряду с дворцовыми и посадскими людьми, разрешалось сдавать на откуп «таможни, и кабаки, и иные всякие откупы». Последнее способствовало усилению имущественного неравенства среди крестьянства и в ряде случаев переходу отдельных его представителей в сословия посадских и торговых людей.

Таким образом, черносошный крестьянин не был свободен ни в XVII, ни в XVI в. Свобода его ограничивалась и ограничением права выхода (позднее – запрещением последнего), права перехода в другие сословия (дворянство, а в XVII в. и служилые люди) и в некоторой степени в хозяйственной деятельности. Вместе с тем положение их даже во второй половине XVII в. значительно отличалось от положения владельческих крестьян.

Судьбы владельческих крестьян Поморья в XVI–XVII вв. были в целом сходны с судьбами владельческих крестьян других регионов страны. Вместе с тем

относительно недавний переход черносошных крестьян в категорию владельческих и сохранявшееся окружение черносошных земель накладывало свой отпечаток на судьбы владельческих крестьян Поморья. Дворцовые крестьяне Важского уезда, новгородского митрополита в Заонежье, вологодского архиепископа и многих монастырей региона на протяжении XVII в. продолжали наследовать, обменивать, продавать, закладывать и отдавать в аренду свои земельные наделы. При этом крестьяне отчетливо сознавали и квалифицировали отчуждаемые ими земли как собственность феодалов.

Чем объяснить, что частновладельческие крестьяне даже в начале XVIII в. сохраняли широкие владельческие права на свои земли?

П. И. Беляев, ссылаясь на Уставную грамоту Соловецкого монастыря крестьянам с. Пузырева, писал, что черносошные крестьяне сидят на своих землях «с исконными правами собственников» и при передаче этой земли феодалу в вотчину права крестьян «оставались в том же положении, и являлось трое вещно-уполномоченных (т. е. имеющих право собственности на эту землю. – Ю. В.): вотчинник, волость и крестьяне»¹. Исследователь совершенно верно подметил, что передача земель феодалу не уничтожала сразу права собственности черносошных крестьян на эти земли. Однако с его утверждением, что эти права крестьян «оставались в том же положении», согласиться никак нельзя.

Сопоставление и анализ Отдельной книги Соловецкому монастырю на Кемскую волость с волостками 1591 г. и Вотчинной писцовой книги той же волости 1599 г.² (т. е. составленной администрацией монастыря) позволили сделать следующие наблюдения и выводы. С передачей волости монастырю крестьяне, владевшие в это время землями, не потеряли на последние своих прав. Вследствие этого монастырь продолжает мобилизацию земель в свои руки: идет скупка земель, начавшаяся еще с 1560-х годов. Часть этих сделок зафиксирована в Вотчинной писцовой книге. В последней зафиксировано и право собственности ряда крестьян (21 двора) на земельные участки. Остальные крестьяне волости уже сидели на землях, полностью перешедших монастырю. В связи с этим разнилось и налогообложение крестьян.

Таким образом, с передачей земли в вотчину феодалу последний получает и юридическое право собственности на эту землю. Однако суть отношений заключалась не только в получении феодалом этого права, но и в широте последнего, в степени монопольности его. Черносошный крестьянин, веками пользовавшийся правом собственности на землю, не мог быть лишен этого права одним росчерком пера. Для перехода от одних отношений к другим требовалось какое-то время. И чем слабее был феодализм в целом, тем больший период времени должен был занимать этот процесс. Общественные отношения в действительной жизни были значительно сложнее тех, которые находили отражение в юридических актах.

Отмеченные мной ранее частнопроводимые категории крестьянства (старожильцы, порядчики, бобыли) являлись основными в XIV – первой половине XVII вв. как на поместно-вотчинных, так и на черносошных землях, данным категориям крестьян уделялось много внимания в отечественной историографии. Дореволюционная историография не только поставила вопрос о различных категориях крестьянства, но и накопила по характеристике их значительный фактический материал. Однако она не смогла дать верного решения проблемы и главным образом потому, что одни ее представители вообще отрицали нали-

чие феодальных отношений на Руси, по крайней мере до XVI в., другие, признавая наличие этих отношений, не вскрывали их сущности. Серьезной ошибкой дореволюционной историографии было сведение сущности и правовых норм старожильства к проблеме закрепощения. Наиболее яркий пример этого – использование для доказательства наличия права выхода старожильцев порядковых грамот, в то время как последние определяли, как правило, нормы отношений феодалов и крестьян-порядчиков, а не старожильцев.

В советской историографии основные категории крестьян наиболее обстоятельно характеризовали Б. Д. Греков, И. И. Смирнов, Л. В. Черепнин и А. Л. Шапиро.

Как писал И. И. Смирнов, Б. Д. Грековым высказан принципиально новый взгляд на старожильство, концепция старожильства «органически связана с его общей концепцией истории русского крестьянства»³. Б. Д. Греков, пришел к следующим основным выводам по рассматриваемой проблеме, в основе своей принятым нашей исторической наукой. Он писал: «Основная, масса старожильцев – это люди «искони вечные», «пошлые», «сидящие на земле своих дедов, прадедов и прапрадедов». Это категория крестьян, «давно живущих на земле вотчины, происходящих, быть может, по прямой линии от тех общинников, которые когда-то сидели тут же, не зная над собой власти землевладельца, и «сейчас от них зависимых». Термин появляется в источниках к концу XIV в. в связи с необходимостью отмежевать крестьян-старожильцев от крестьян-«новоприходцев». По Грекову, «старожилец – это феодально зависимый тяглый крестьянин. За выполнение им тягла отвечает землевладелец», в то же время «старожильство определяется не сроком прожитых за землевладельцем лет, а характером отношений между старожильцем и землевладельцем, либо старожильцем и государством».

Относительно второй основной категории крестьянства – порядчиков – Б. Д. Греков писал: «Новопорядчики – это обедневшие люди, которые не могут справиться с крестьянским тяглом, не имеют средств начать самостоятельное крестьянское хозяйство, но надеются со временем через подмогу или ссуду от землевладельца стать в ряды крестьян-старожильцев... Договор, определяющий отношения между землевладельцами и новопорядчиком... это договор средневекового феодального права о вступлении вольного человека в сеньориальную зависимость»⁴.

Подчеркивая недопустимость смешения двух основных категорий крестьян – старожильцев и порядчиков, отмечая, что старожильство определялось «характером отношений между старожильцем и землевладельцем», Б. Д. Греков в конечном итоге все же сводил разницу между этими категориями к времени появления их в вотчине. Характер отношений между старожильцем и вотчинником остался у Грекова нераскрытым, невыясненным.

По моему мнению, старожильцы и порядчики различались в двух основных чертах, из которых вытекал и ряд других особенностей, но уже производных от первых. Во-первых, важнейшим правом старожильца первоначально было его право собственности на землю. Утратив с развитием феодальных отношений это право, старожилец все же сохранил за собой пожизненное и наследственное право на владение и пользование землей. В XIV–XVI вв. последнее право имели старожильцы как владельческих, так и чернососных крестьян. Это право сохранялось за ними даже в случае их ухода со своих участков. Оно давало

старожильцам возможность через некоторое время возвращаться на старое место жительства и получать свои старые земли.

В связи с этим уход старожильца от феодала был крайне невыгоден последнему и являлся действенной формой борьбы крестьян за свои интересы. Угроза ухода крестьян и право на это являлись важным регулятором отношений между крестьянином и феодалом. Поэтому феодалы стремятся, с одной стороны, ограничить число крестьян, имевших относительно широкие права на землю, т. е. старожильцев, и само их право на землю; с другой стороны, стремятся к ограничению, а затем и ликвидации права выхода этой категории крестьянства. Пожизненное и наследственное право крестьян-старожильцев даже из числа владельческих сохранялось и в XVII веке. И вытекало оно из некогда имевшегося у них права собственности на эту землю, а не порождалось закрепощением крестьян, как трактовали это явление некоторые дореволюционные историки, в частности И. Д. Беляев.

Во-вторых, отношения крестьянина-старожильца с феодалом определялись стариной, традицией, нормами обычного права.

Основной чертой, отличавшей порядчиков от старожильцев было то, что первые получали в пользование чужую землю и только на срок, определенный порядной грамотой. По истечении срока договора они не имели никаких прав на эту землю, если не переходили в категорию старожильцев. Вторая отличительная черта порядчиков – это то, что они попадали в феодальную зависимость временно, на срок порядка, и отношения их с феодалом основывались на порядке-договоре, имевшем частный, индивидуальный характер. Оформлялись эти отношения порядными или, позднее, поручными грамотами. По истечении срока договора и выполнении договорных обязательств той и другой стороной имевшие место отношения прекращались.

Среди порядчиков три группы: 1) порядчики, переходившие после договора у того же феодала в старожильцы; 2) порядчики, по истечении договора покидавшие феодала; 3) порядчики, которые, подобно старожильцам, жили в течение многих лет у одного феодала, но на правах порядчиков. В связи с этим к данной категории более уместен термин «порядчики», а не принятый Б. Д. Грековым и рядом других историков термин «новопорядчики». В ряде монастырских вотчин Поморья порядные грамоты оформлялись и на собственно монастырских крестьян. В таком случае порядные выполняли роль окладной книги и в них отражалось не право выхода крестьян, а право феодала на перевод крестьян с одного участка на другой⁵.

Своеобразными разновидностями порядчиков являлись половники и третники. Наибольшие разногласия у историков связаны с характеристикой половников по вопросам сущности половничества и отношения половников к государственным повинностям.

В новгородских писцовых книгах конца XV–XVI вв. зафиксирована весьма значительная масса крестьян, которые выплачивали феодалам и государству половину урожая. Но это крестьяне, как именуют их писцовые книги, а не половники. Лишь их формальный признак – «исповолье» – давал основание некоторым историкам ошибочно считать их половниками. Подлинные половники также сидели на «исповолье», но сущность их определялась не этим. В первую очередь половники являлись порядчиками, а отсюда – лишь временными держателями земли. По истечении договора их право на земельный надел прекра-

щалось. Это главное, что их отличало от крестьян-старожильцев. Кроме того, половники имели и свои правовые особенности, которые довольно подробно характеризуются в Дозорной обежной книге Пертемыских деревень Соловецкого монастыря 108-го года⁶.

В Обежной книге отмечается, что половники «пашню пашут да и хлеб жнут и молотят да и сена косят собою, а монастырские им подмоги в том нет некоторые». Половники выплачивают монастырю половину хлеба и сена и больше не выполняют по отношению к нему никаких повинностей. Они выплачивают государственные повинности, но «с монастырем пополам», т. е. только с той половины земли, которую обрабатывают на себя. Зимой половники имеют право заниматься на промыслах. Летом – обрабатывают свои земельные наделы. Летом половник нужен монастырю, поэтому зимой они кормятся сами, а летом могут брать хлеб и в долг у монастыря. И по обычному праву монастырь обязан давать хлеб даже тем половникам, которые еще не рассчитались со старыми долгами. Хлеб дается в долг как на семена, так и на еду. Если монастырь не давал половнику в долг хлеба, последний имел право не пахать пашню и наняться на работу где-нибудь на стороне. При отсутствии у половника своей лошади или коровы монастырь давал ему скот в долг или деньги на его покупку.

Высокая степень эксплуатации приводила хозяйства половников к экономической слабости, а их самих к долговому пожизненному закабалению. В Обежной книге отмечается, что среди половников «не одного человека свободна нет, все они тот монастырский долг на долг растет, а николи его заплатити не могут». Таким образом, половничье право спасало половников лишь от голодной смерти.

Отмеченные нормы половничьего права сложились, видимо, значительно раньше конца XVI в., и большая часть их характерна не только для Каргопольского уезда, но и в целом для Севера России.

В XVI–XVII вв. половники имелись во всех поморских уездах. Они сидели на землях митрополичьих, архиепископских, монастырских, церковных, торговых и посадских людей, черносозных и дворцовых крестьян.

Заметную часть населения поморских уездов XVI–XVII вв. составляли бобыли. Вопрос о бобылях вызвал значительную литературу в дореволюционной историографии. Обращались к нему многие историки и позднее. Историография вопроса дана М. А. Дьяконовым, Б. Д. Грековым, А. Л. Шапиро и рядом других исследователей.

Термин «бобыль» появляется на рубеже XV–XVI вв., однако сама категория населения – значительно раньше. Предшественниками бобылей ряд исследователей правомерно считает пешеходцев XIV–XV вв. В Новгороде и на Двине в XV–XVI вв. их именовали пешцами и привлекали в ряде случаев к несению государственных повинностей. В XVI–XVII вв. бобыли имелись как на частновладельческих, так и на черносозных землях. Бобыли, как и крестьяне, феодально зависимая категория населения. Число бобылей в XVII в. в поморских уездах значительно возрастает, хотя здесь процент их ниже, нежели в Центре, где господствовало поместное и вотчинное феодальное землевладение. В XVII в. с бобылей взимается в государственную казну более легкий, чем крестьянское тягло, бобыльский оброк. А с переходом в конце XVII в. к подворному обложению они уравниваются в податном отношении с крестьянами. Закрепостительное законодательство для сельских бобылей и крестьян было единым.

Таким образом, крестьянство России в XIV – первой половине XVII вв. не было однородным. Старожильцы и порядчики весьма отличались друг от друга по социальному статусу. Различны были и путь их закрепощения. В кажущейся достаточно ясной категории бобылей весьма туманным остается их начальный этап, истоки этой категории населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Беляев П. И. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение // Журнал министерства юстиции. 1916. № 8. С. 156–157.

² Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. № 260. С. 319–327; РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 685.

³ Смирнов И. И. К вопросу о старожильцах // Вопросы истории. 1946. № 8–9. С. 96–97.

⁴ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М., 1954. Кн. 2. С. 89–90, 94, 95, 163–165.

⁵ Васильев Ю. С. Порядные записи северной монастырской вотчины XVII в. // АЕ за 1976 г. М., 1977. С. 82–88.

⁶ См.: Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере. (Дооктябрьский период). Вологда, 1985. С. 136–158.

Порядные записи северной монастырской вотчины XVII в.*

В исторической литературе крестьянскому порядку уделялось большое внимание. Многие дореволюционные историки обращались к нему в основном в связи с проблемой происхождения крепостного права. Общий анализ их взглядов дан Б. Д. Грековым¹. Данному вопросу и сейчас продолжает уделяться большое внимание при изучении экономического положения различных категорий крестьян, а также в связи с изучением проблемы развития крепостного права².

В нашем распоряжении имеется 70 различных порядных XVII в.³, относящихся к Богословскому монастырю Важского уезда Поморья⁴. Шесть порядных оформляют в монастырь разного рода церковнослужителей⁵: игумена (1631 г.), попов (1646, 1653, 1654 гг.), дьячков (1638, 1656 гг.)⁶. Одна из порядных (1682 г.) оформляла С. А. Воробьева в монастырские швецы⁷. Две порядные (1636, 1699 гг.) оговаривали условия, на которых двое дворцовых крестьян должны были изготовить для монастыря дощаники⁸.

Основная масса порядных (60) относится к крестьянам и пашенным бобылям. При этом лишь десять порядных оформлены на крестьян близлежащих дворцовых волостей уезда.

Число сохранившихся порядных за 1610–1680-е годы⁹ распределяется следующим образом по десятилетиям XVII в.:

1610-е годы – 2 (1)	1650-е годы – 19 (2)
1620-е годы – 4 (1)	1660-е годы – 4 (1)
1630-е годы – 7 (2)	1670-е годы – 5
1640-е годы – 12 (1)	1680-е годы – 5 (2)

Как от первой, так и от второй половины столетия сохранилось почти равное количество порядных, больше всего за 1640–1650-е годы – 31.

Структура имеющихся в нашем распоряжении монастырско-крестьянских порядных XVII в. близка источникам, опубликованным и рассмотренным другими исследователями¹⁰. Порядные имеют следующие составные элементы: 1) кто поряжается; 2) к кому; 3) на какой участок (иногда указывается конкретно деревня, починок, размер пашни, чаще просто оговаривается «где прежнее жил» (пахал) такой-то); 4) с какого времени и на какой срок; 5) подмога; 6) условия эксплуатации участка; 7) трудовые повинности и подати в пользу монастыря; 8) государственные повинности; 9) неустойка в случае невыполнения поставки; 10) удостоверительная часть.

Следует отметить, что подмога в монастыре сводилась к тому, что крестьяне (29 порядных) поселялись «ко рже и к парам», т. е. к засеянной озими и распаханному парам. Подмогой это назвать можно лишь условно, так как, покидая участок, крестьяне обязаны были вспахать пары и посеять рожь своими семенами. Редко крестьяне получали подмогу семенами и инвентарем. Как правило, это крестьяне, порядившиеся на участок «исполу» или из «трети» урожая. По-

* Впервые опубликовано: Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 82–88.

рядившиеся половничать в 1621 г. Федор Титов и Иван Мосеев в деревню Першинскую получали от монастыря семена, «конную силу» и половину сельскохозяйственного инвентаря¹¹. Порядившийся «исполу» в 1610 г. Иван Савлуков получил от монастыря в деревне Андреяновской распаханый пар, засеянную рожь, лошадь и половину семян¹². В качестве подмоги получают семена Первый Артемьев (1634, 1647 и 1653 гг.) и Анфим Титов с племянником (1667 г.), также порядившиеся «ис подобного хлеба»¹³. В качестве подмоги треть семян получают Семей Акимов (1625 г.), Никита Дементьев с детьми (1630 г.), Онанья Степанов (1653 г.), Петр Конечный (1656 г.)¹⁴, порядившиеся из трети урожая. Таким образом, подмога семенами и инвентарем отмечена лишь в 10 порядных из 58. Еще реже встречается льгота. Первый Артемьев по порядной 1653 г. освобождался на год от поставки сена в монастырь, Петр Конечный (1656 г.) и братья Конечные (1655 г.) освобождались на год от поставки хлеба в монастырь¹⁵. Иногда в качестве льготы крестьяне первые один-два года меньше давали в монастырь оброчного хлеба¹⁶. Совсем не практиковалась при порядке денежная ссуда.

В течение столетия структура порядных не претерпела особых изменений. В ранних порядных 1610, 1619, 1621 гг. (четыре порядных) нет денежного выражения «поставки», позднее это, как правило, указывалось. В первой половине столетия денежное выражение «поставок» редко превышало 5 руб., во второй половине столетия поставки чаще всего оценивались в 6–10 руб.¹⁷ Порядные второй половины столетия более подробно излагают и обязательства порядчиков, особенно если они не монастырские крестьяне. Порядные дворцовых крестьян аналогичны порядным монастырских крестьян, однако в первые, как правило, внесены послухи. В порядных монастырских крестьян и бобылей послухи отмечены редко.

Обычно в конце порядных Богословского монастыря есть запись: «...да в том яз (имярек) им, игумену (имярек) з братаю, в казну на себя и порядную написав дал, а от них к себе такову ж взял». Или более краткая запись: «...а порядные писаны две по противням, слово в слово»¹⁸. Есть подобные записи и в четырех порядных, опубликованных Г.Н.Образцовым¹⁹. На написание порядных «по противням» в поморских уездах обратил внимание еще М.А.Дьяконов²⁰. Однако его замечание осталось без внимания. Но раз крестьянский порядок оформлялся «по противням», следовательно, должен существовать и «противень» крестьянской порядной, писавшейся от лица монастыря. Нам удалось выявить четыре подобных порядных²¹, две из них имеют и крестьянские «противни». Ввиду исключительности приведем целиком текст порядной, написанной от лица монастыря²², и для сравнения текст крестьянского «противня» этой порядной²³:

«Се яз Богословского монастыря келарь старец Сергей да казначей старец Саватей /.../²⁴ и вся братия Богословского монастыря порядили есми того ж Богословского монастыря вотчины крестьян Федора да Онфима Федоровых детей Долгоборо-

«Се яз Богословского монастыря вотчины Пенезской волости монастырские крестьяне Федор да Онфим Федоровы дети Долгобородова порядили есми Богословского монастыря у келаря старца Сергея да у казначея старца Саватья, да у житного

дова в нашу монастырскую деревню, где преж сего жили они же по порядке отца своего Федора Степанова Долгобородова, в Столыпинскую деревню с нынешнего со 185-го году декабря с 30 числа, впред на 6 лет до такова же дни и числа.

А приехали они в ту нашу деревню ко рже и к парам. А как из деревни вон поедут, и им до ржи и до паров дела нет, рожь оставит на земле насеяна своими семенами.

А живучи им в той нашей деревне, горняя поля и луговая земля пахать вся на себя и санными покосы владеть, чем преж сего владели по той деревне; всеми пашнями пахать всякая пашенная земля в той деревне пашнею доброю, как в добрых людех водитца, своею силою конною и люцкою. А пашнею земли не пустошить и около пол и в лугу, где будет надобно, новые огороды ставит и старые починивать. А государевы дань и оброк, и всякие денежные поборы, и подъемные деньги, и монастырская казенная дань, и овчина, и полешее с тое деревни платит им, Федору да Онфиму, со крестьяны в ряд Пенежской волости, и монастырское всякое зделье делать им, Федору да Онфиму, с тое деревни со крестьяны вместе Пенежской волости неослышно. А посопного хлеба с тое деревни платит в Богословской монастырь им, Федору и Онфиму, по вся годы в монастырскую полмеру хлеба доброго по 4 меры ржи да по 3 меры жита, да по 3 меры овса доброго хлеба сухого. А поставит им поставки в той деревне в те 6 годов: изба поставит новая одне стены длиной 5 сажен и с шемнушей, а другие стены полчетвертых сажен, и у избы и у шемнуши двери зделать, и окна зделать, и лавицы зделать и впустить, и изба и шемнуша покрыть дертьем новым в новые потоки. И избы, и

ключника старца Сергия, у старца Пахомия, у старца Антония, у старца Тарасия, у старца Семиона, у старца Исайи, у старца Иакова, и больничных старцев у старца Лаврентья, у старца Васяна, у старца Корнилия, у старца Феодосия и у всей братии Богословского монастыря в их монастырскую Столыпинскую деревню за речку, где преж сего жили мы же по порядке отца своего Федора Степанова. А порядились мы с нынешняго со 185-го году декабря с 30 числа впред на 6 лет до такова же дни и числа.

А и приехали мы в ту их деревню ко рже и к парам. А как из деревни вон поедем, и нам до ржи и до паров дела нет, рожь оставит на земле насеяна своими семяны.

А живучи нам в той их деревне, горнее поля и луговая земля пахать вся на себя и санными покосы владеть, чем и преж сего владели по той деревне всеми пашнями. Пахать всякие пашенная земля в той деревне пашнею доброю, как в добрых людях водитца, своею силою конною и люцкою. А пашнею земли не запустошить и около пол и в лугу, где будет надобно, новые огороды ставить и старые починивать. А государева дань, и оброк, и всякие денежные поборы, и подъемные деньги, и монастырская дань, и овчина, и полешее с тое деревни платит нам, Федору да Онфиму, со крестьяны в ряд Пенежской волости, и монастырское всякое зделье делать нам, Федору да Онфиму, с тое деревни со крестьяны вместе Пенежской волости неослышно. А посопного хлеба рядили мы, Федор и Онфим, с тое деревни платит в Богословской монастырь и все те годы в монастырскую полмеру хлеба доброго сухого по 4 меры ржи, да по 3 меры жита, да по 4 меры овса и отмерить сполна. А поставки мы рядили поставит в той деревне в те 6 лет: изба поставит новая о две

двора, и дворовых хором живучи постраивать и не изгноить. И рыбные ловлями владеть и лешими путики, что к той деревне истар прилегло и чем преж сего владели. А будет они в те срочные годы в 6 лет в той деревне той поставки, которая в сие порядной писана, не поставят, и за непоставку взят на них, на Федоре да на Онфиме, в Богословскую казну 10 рублей денгами, чего будет не поставят по договору.

А будет нам, келарю и казначею и всей братии, их житье не полюбитца в той нашей деревне и пашне их, ино то им и год и неделя, а дворовая поставка по розчету.

В том мы, келарь и казначей и вся братья, им, Федору и Онфиму, и порядную дали со всего брацкого собору.

Порядную писал по келареву и казначееву и всеи братии велению монастырской дьячек Гришка Викулов 185-го году декабря в 30 день».

На обороте: «К сие порядной вместо келаря старца Сергия и казначея старца Саватая и вместо всей брати по их велению больничной старец Лаврентьище руку приложил».

стены длиной 5 сажен и с шемныши, а другие стены получетвертных сажен, и у избы и у шемныши двери зделат и с окна зделать, лавицы зделать, и впустить, и изба соорудить наготово и шемнуша, и покрыть дертьем новым в новые потоки. И избы и двора и дворовых и игуменных хором живучи постраивать и не изгноить. А рыбными ловлями владеть и лешими путики, что в той деревне истари прилегло и чем преж сего владели. А будет мы в те срочные годы в 6 лет в той деревне той поставки, которая в сей порядной писана, не поставим, и за непоставку взят на нас, на Федоре да на Онфиме, в Богословскую казну 10 рублей денгами, чего будет не поставим по договору.

А будет им, келарю и казначею и всей братье, житие наша и работа не полюбитца и пашня в той деревне, и то им год и неделя, а дворовая поставка по розчету.

В том мы, Федор и Онфим, против их порядной келаря и казначея з братею, что от них к нам порядная дана, и противень дали.

А противень против порядные писал по их Федорову и Онфимову велению монастырской дьячек Гришка Викулов 185-го года декабря в 30 день».

На обороте: «К сей порядной вместо Федора да Онфима Федоровых детей по их велению больничной старец Лаврентьище руку приложил».

Сравнивая тексты обеих порядных, видим, что они отличаются адресатами. Сопоставление их показывает, что первоначально порядная оформлялась от лица монастырского собора, а затем уже составлялся крестьянский «противень» этой порядной. В первой порядной читаем: «В том мы, келарь и казначей и вся братья, им, Федору и Онфиму, и порядную дали со всего брацкого собору». В крестьянском «противне» следующая запись: «В том мы, Федор и Онфим, против их порядной, келаря и казначея з братею, что от них к нам порядная дана, и противень дали» (курсив наш. – Ю. В.). На порядок выдачи порядной от лица

монастыря указывает и запись в порядной от 6 апреля 1590 г. из фонда Антониево-Сийского монастыря, где говорится, что Ивана и Юрия Калининых детей Михайлова и Никиту Андреева сына Калинина «*порядили* по милости Живоначальные Троицы и пречистые Богородицы и чудотворца Антония Сийского монастыря игумен Никандр яже о Христе з братиею»²⁵ (курсив наш. – Ю. В.). В 60–70-х годах XVII в., при игуменах Макарии и Ионе, порядные нередко писались только от лица Богословского монастыря и выдавались крестьянам. Крестьяне же, получив такую порядную, давали в монастырь «покладное письмо», где отмечалось, куда они поряжены игуменом и с какого срока. Крестьяне также обязывались выданную им из монастыря порядную «за собой не таить», и когда понадобится игумену и братии порядная, то «им смотреть давать». Нам известно пять таких писем из фонда Богословского монастыря²⁶.

Б. Д. Греков, а вслед за ним и Л. С. Прокофьева склонны считать, что порядные, как правило, оформлялись лишь на вновь прибывающих в вотчину крестьян. В связи с этим и крестьян, давших на себя порядную запись, они называют новопорядчиками²⁷. Нам кажется это мнение не совсем обоснованным. М. В. Клочков убедительно показал на материале порядных двинских крестьян, что порядные оформляли и неоднократно переоформляли даже крестьяне, жившие на земле приходской церкви на протяжении многих поколений²⁸. Из 90 порядных записей, опубликованных Г. Н. Образцовым, имеется также 19 записей крестьян Антониево-Сийского монастыря²⁹. Это явление вряд ли можно объяснить лишь своеобразием Двинского чернососного уезда. Встречаются случаи повторных порядов монастырских крестьян и в Спасо-Прилуцком монастыре, как отмечает Л. С. Прокофьева³⁰. Большинство монастырско-крестьянских порядных из фонда Богословского монастыря (48 из 58), как отмечалось ранее, оформлялось именно на монастырских крестьян. Нередки случаи, когда одни и те же монастырские крестьяне получают за свою жизнь несколько порядных. Так, в 1657 г. на три года был оформлен порядок Федора Степанова Долгобородова на деревню в Пинежской волости. Но и до 1657 г. он жил в этой же деревне³¹. Вероятно, это та же деревня Столыпинская, где жили до 1676 г. Федор Степанов со своими детьми и куда последние вновь поряжаются в 1676 г. на шесть лет, а по истечении этого срока Федор Федоров Долгобородов – еще на три года³². Приведенные факты по Двинскому, Вологодскому и Важскому уездам не дают основания считать оформление порядка монастыря с «извечно» монастырскими крестьянами чем-то особенным, а само оформление порядка присущим лишь для новоприходцев.

Монастырские крестьяне, оформлявшие и переоформлявшие порядные, безусловно, не могли представлять собой резерв для пополнения крепостных монастырской вотчины. Каковы же причины оформления порядных?

Г. Н. Образцов считает, что главной причиной появления порядных монастырских крестьян «следует считать переход крестьян с одного участка на другой в пределах монастырской вотчины»³³.

Порядок оформления порядка в Богословском монастыре говорит о том, что монастырские власти имели право поряжать и перепоряжать своих крестьян. В порядной Ананьи Степанова сына Завьялова от 23 марта 1650 г. говорится, что игумен может порядить в починок нового бобыля до истечения срока порядка Ананьи. Последний лишь выговаривает себе условие, что если он поставит поставку (избу, сарай и прочее) к этому времени, то с нового жильца

получит за ее выполнение 2 руб.³⁴ В ряде порядных конца XVII в. прямо указывается на право монастыря вывести крестьянина из деревни в любое время: «... а будет им, келарю и казначею и всей братие, житие наше и работа не полюбитца и пашня в той деревне, и то им год и неделя»³⁵. Об этом же говорится и в порядной Ефрема на игуменство: «... а кого будет в монастырской вотчине в деревнях люда крестьян рядить... ино мне, игумену Ефрему, крестьян Богословского монастыря рядити и выражати и переменяти з братцкого собору»³⁶.

В связи с этим нам кажется, что выражение порядной «а как из деревни вон поедем» вряд ли всегда следует понимать как право крестьян на свободный переход, даже по истечении срока порядка и внутри вотчины. В порядных Богословского монастыря эта запись явно говорит лишь об условии, на котором должна быть оставлена полученная пашня после истечения срока порядка, когда поряженный может быть переведен на другой участок. После указанной фразы всегда говорится в порядной «ино мне (поряженному. – Ю. В.) до ржи и до паров дела нет» или «ино мне рожь на земле оставить насеяна» и т. д. Неустойка берется с крестьян не за то, что они могут покинуть деревню раньше срока, а за то, что они в срок не поставят поставку. Так, в порядной Калины Анфимова 1647 г. об этом записано следующее: «А не поставлю я, Калина, в той их деревне той поставки в те три года, которая в сей порядной писана, и на мне за поставку деньгами в казну Иванну Богослову рубль денег»³⁷. Аналогичны записи и в других порядных.

В ряде монастырских книг прихода хлеба и зерна говорится, что посопный хлеб с крестьян берется по порядным. Так, в книге 1651/52 г. записано: «... принял посопново хлеба у Федора Попова по порядной ржи меру, да жита меру, да овса меру», «принял в житницу посопного хлеба по порядной у Онтонна Фомина 2 меры ржи, да 2 меры овса, да меру жита...»³⁸. Интересна в этом отношении и запись от 3 января 1644 г. в расходной денежной книге казначея Леванида: «... послали на Паденгу в монастырскую в Богословскую вотчину для оброчного казенного хлеба старца Васьяна с служкой с Олексеем с Каюком *по порядке имати на крестьянах хлеб*»³⁹ (курсив наш. – Ю. В.).

Вероятно, порядные в вотчине Богословского монастыря имели все крестьяне. Старые порядные время от времени заменялись новыми на протяжении всего XVII в. в связи с новыми описаниями вотчины (государственными и внутривотчинными), с введением новых повинностей и норм обложения, в связи с переходом, а точнее, с переводом крестьян на новые участки. Монастырско-крестьянскую порядную в Важском Богословском монастыре XVII в. мы вправе считать внутренним хозяйственным документом, отражавшим в себе формы эксплуатации крестьянства, своеобразной выпиской из окладной книги, определяющей конкретно повинности каждого крестьянина.

И последнее, на чем хотелось бы остановиться. Вотчинник, эксплуатируя по порядной еще в какой-то степени свободного крестьянина, стремится удлинить срок эксплуатации, т. е. оформить порядную на возможно более длительное время. Другое дело, если порядная заключается вотчинником с его же крепостным. Здесь в удлинении срока, естественно, заинтересован уже крестьянин, поскольку перевод из деревни в деревню подрывал крестьянское хозяйство. Обычные сроки порядка в Богословской вотчине – 2–6 лет, реже 6–10 лет. Лишь Сава Васильев с братом и Иваном Жилиным в 1646 г. выговорили себе право после 10-летнего срока порядка жить в Киселевской деревне «без-

переводно». Но это право, вероятно, ими получено потому, что они положили в монастырь «рубль да волика трех годов за 40 алтын»⁴⁰.

Таким образом, поряд – явление сложное, имеющее хронологически и регионально специфические особенности, не учитывать которые нельзя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 2. М., 1954. С. 163–185.

² Клочков М. В. Крестьяне Севера XVII в. по порядным грамотам // Ученые записки Ростовского-на-Дону гос. ун-та. 1945. Т. VI. Вып. 3. С. 52–90; Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.; Л., 1951. С. 63–77, 443–449; Образцов Г. Н. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому монастырю XVI–XVII вв. // Исторический архив. 1953. Вып. VIII. С. 80–197; Каменцева Е. И. Условия закрепощения новопорядчиков // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1954. Вып. 7. С. 129–154; Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956. С. 378–400; Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII в. М.; Л., 1959. С. 145–177; Лохтева Г. Н. Половники Троицкого Гledenского монастыря в XVII в. // ИЗ. 1962. Т. 72. С. 119–139; Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.; Л., 1962. С. 222–247; Огризко З. А. Из истории крестьянства на Севере феодальной России XVII в. М., 1968.

³ Восемь порядных хранятся в ОПИ ГИМ. Ф. 226. Д. 5. Одна – в СПбИИ РАН. Ф. 27. Оп. 2. № 27). Остальные – в ГААО. Ф. 829.

⁴ Общую характеристику землевладения и хозяйства монастыря см.: Васильев Ю. С. Феодальное землевладение и хозяйство в Важской земле XV–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971. С. 13–19.

⁶ Подобные явления могли фиксироваться и документами иного рода.

⁶ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 1031, 748, 920, 790, 950, 753.

⁷ Там же. № 1103.

⁸ Там же. № 751, 1222.

⁹ Цифры в скобках означают количество порядных, оформленных на дворцовых крестьян уезда. Две порядные, имеющие «противни» (о них далее), считаются за один акт, поэтому в итоге получается 58 порядных.

¹⁰ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. С. 177; Клочков М. В. Крестьяне Севера. С. 56–88; Сербина К. Н. Очерки. С. 65, 433–450; Образцов Г. Н. Оброчные и порядные записи. С. 81, 106–197; Каменцева Е. И. Условия закрепощения. С. 131–154; Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство. С. 147–148.

¹¹ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 606.

¹² Там же. № 697.

¹³ Там же. № 807, 841, 1059, 941.

¹⁴ Там же. № 957, 1118, 654, 883.

¹⁵ Там же. № 1059; 883, 1085.

¹⁶ Филипп Липарев (1632 г.) из деревни Немировской первые три года должен был давать посопного хлеба до 20 мер, а потом – по 30 мер в год. Михаил Худяков

(1640 г.) из деревни Проклюевской первый год давал поспом 4 меры, а остальные 4 года – по 9 мер хлеба. Василий Конечный в первые два года – по 12 мер, а в остальные восемь лет – по 15 мер (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1055, 1139, 680).

¹⁷ Там же. № 1267, 1053, 883, 1157, 680.

¹⁸ Там же. № 963.

¹⁹ Образцов Г.Н. Оброчные и порядные записи. С. 106, 107–108, 113–114, 128–129, № 1, 3, 9, 28.

²⁰ Дьяконов М.А. Половники поморских уездов в XVI–XVII веках // ЖМНП. 1895. Кн. 299. Май – июнь. С. 48–49.

²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 226. Д. 5. Л. 9; ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1284, 1249, 644.

²² ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 644.

²³ Там же. Д. 1053.

²⁴ Далее пропущены имена остальных старцев, так как они полностью даны во второй порядной.

²⁵ Образцов Г.Н. Оброчные и порядные записи. С. 107–108.

²⁶ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1025, 1249, 1135, 1246, 693. Вот полный текст одного из таких писем: «Се яз Богословской вотчины Пинежской волости монастырской крестьянин Иван Артемьев сын Осокин дал есми сие покладное письмо того ж Богословского монастыря в казну игумену Ионе да келарю старцу Сергию, да казначею старцу Матфею з братиею в том, что оне, игумен Иона з братиею, в нынешнем 179 году порядили меня, Ивана, в свой монастырской пашенной починок на Березнике, где преж сего жил я ж, Иван. И тому оу меня, Ивана, от них порядная следует. И как им, игумену Ионе з братею, та порядная смотреть понадобится, и мне, Ивану, та порядная им смотреть давать, за собой не таить, да в том я, Иван, им, игумену Ионе и всей братии Богословского монастыря, в Богословскую казну сие и покладное письмо дал. На то послуши отец мои Иванов родной Артемеи Никитин сын Осока. Писал сие письмо по его Иванову велению в Богословском монастыре казенной дьячек Оська Степанов. 179-го году февраля в 4 день» (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 693).

²⁷ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. С. 163–185; Прокофьева Л.С. Вотчинное хозяйство. Гл. V. Новопорядчики. С. 145–177.

²⁸ Клочков М.В. Крестьяне Севера. С. 49–51.

²⁹ Образцов Г.Н. Оброчные и порядные записи. С. 80.

³⁰ Прокофьева Л.С. Вотчинное хозяйство. С. 151–161 и др.

³¹ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 820.

³² Там же. Д. 644, 1267.

³³ Образцов Г.Н. Оброчные и порядные записи. С. 82, 83.

³⁴ ГААО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 971.

³⁵ Там же. Д. 644, 1267, 773.

³⁶ Там же. Д. 1031

³⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 226. Д. 5. Л. 5.

³⁸ ГААО. Ф. 829. Оп. 2. № 8. Л. 2, 5 об., 6.

³⁹ Там же. № 36. Л. 12.

⁴⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 226. Д. 5. Л. 4.

Использование природных богатств и их охрана на Севере России в XVI-XVII вв.*

Несмотря на суровые климатические условия Севера Европейской части России – Поморья¹ по терминологии XVI–XVII вв., – основная территория его была освоена уже к XVI в. Не менее 90% поселений, существовавших в Поморье в XVII–XIX вв., возникло не позднее начала XVI в.² Крестьянство осваивало в первую очередь районы, наиболее пригодные для земледелия³. К середине XVI в. под пашню и сенокос в Поморье было освоено около 1 млн гектаров земли⁴.

Специфика природно-климатических условий Севера порождала разнообразие систем земледелия. Наряду с трехпольем в Поморье широко бытовали пестрополье, двухполье, перелог, а в ряде уездов – подсека. В Двинском уезде в XVII в. при трехпольной системе земледелия существовало разное чередование зерновых и различное соотношение парового и обрабатываемого участков пашни⁵. По веревной книге Паниловской волости 1612 г.⁶, паровые участки по деревням составляли приблизительно от 3 до 20% основной (без огородов, новин, перелога) пашни. Это было возможно при наличии резервных переложных земель, которые по мере необходимости включались в трехпольную систему, заменяя собой истощенные участки и давая возможность восстановить плодородие последних⁷. В силу слабого плодородия почв и недостатка удобрений перелог на Севере был просто необходим. С ростом плотности населения переложные земли сокращались и исчезали. А это вело к истощению почвы, к снижению урожайности.

Ряд исследователей отмечает лоскутность и разбросанность крестьянских сельскохозяйственных угодий в Поморье⁸. Нередко угодья крестьянского двора состояли из 10, 20, 30 и более отдельных полос и полосок. Это прекрасно иллюстрирует уже упоминавшаяся веревная книга Паниловской волости. Подобные явления также были обусловлены природно-географическими условиями. Крестьянин выбирал участок с более плодородной землей, получающий максимум солнечных лучей и не подверженный заморозкам. В связи с этим пашню по возможности стремились заводить на южных склонах холмов и речных берегов. Нередко пашню от опасных северных ветров защищал лес. Лес, расположенный по берегам рек и островов, защищал также пашню от весенних наводнений и ледоходов, смывавших и сдиравших почвенный слой. Подобный лес на Двине именовался «затульным». В качестве необходимых лесозащитных полос он строго охранялся волостью, в нем запрещалась даже рубка дров⁹.

Так как плодородные участки земли на Севере, как правило, были невелики, приходилось пользоваться несколькими участками. К тому же наиболее плодородные из них делились между соседями по деревне или даже соседями двух-трех и более деревень, поскольку территория осваивалась совместно, коллективно и каждая семья хотела (и имела право на основании совместного освоения и вложенного труда) иметь свою долю в этих участках. Дробность участков возникла также в результате семейных разделов. Под влиянием при-

* Впервые опубликовано: Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 191–196.

родно-географических и социальных факторов и создавалась отмеченная разбросанность и лоскутность крестьянских сельскохозяйственных угодий.

Северное крестьянство упорно боролось за сохранение плодородия почв, за повышение урожайности. Совершенствовались, хотя и медленно, орудия труда. В XVI в. в поморских уездах, как и в других районах России, господствовали сохи с полицей, т. е. с отвальным устройством. Наряду с ними использовались «малые оральные сохи», косули и другие виды сох¹⁰. В XVI – начале XVII в. в Вологодском, Белозерском и Двинском уездах применялся плуг¹¹ (видимо, довольно совершенный). Английский ботаник Традексант Старший, посетивший Россию в начале XVII в., отмечал большое сходство плуга, виденного им на Двине, с эссекским¹². Нередко в одном уезде, а подчас и в одном хозяйстве использовалось несколько видов пахотных орудий¹³. Применение того или иного вида орудия зависело от почвы и целей вспашки (поднятие целины, обработка старой пахоты с навозом, запашка семян и т. д.). Подобная дифференциация пахотных орудий говорит о высоком по тому времени уровне земледельческой культуры.

Крестьянско-монастырские порядные отмечают, что паровое поле вспахивалось, как правило, 3, а иногда и 4–5 раз¹⁴. Так, в одной из порядных Антониево-Сийского монастыря предписывалось: «пары орати летом четырежды: впервые под назем, и назем из двора вывозить и заорат дважды, а в третий под рожь»¹⁵. По необходимости крестьяне проводили и осушение полей. В одной из порядных XVII в. половнику Троице-Гледенского монастыря предписывалось: «Борозды копать от ровнеди... и вода пустить, куда пригодитца, чтоб поля не топило, а борозды копать по ровным местам в колено»¹⁶.

В XVI–XVII вв. традиционным стало использование навоза в качестве удобрения. Хищническая эксплуатация пашни – без внесения удобрений, наездом – осуждалась и запрещалась. По Судебнику 1589 г., составленному, как полагают исследователи, на Севере, пахать пашню наездом разрешалось лишь в течение трех лет¹⁷.

На семена использовалось лучшее зерно. Наличие в хозяйстве семенного зерна отмечают акты XV в.¹⁸ Различные меры, направленные на сохранение плодородия почв и повышение урожайности, давали возможность в XVI–XVII вв. выращивать на Севере почти все основные (распространенные в то время в стране) виды зерновых и большую часть огородных культур, получая при этом относительно высокие урожаи¹⁹. Преобладающими зерновыми культурами в южных уездах Поморья были овес и рожь²⁰. Чем дальше на Север, тем больше овес уступал место ячменю (житу)²¹. В XVII в. до северных границ Важского уезда доходили посевы пшеницы, хотя высевалась она в очень незначительном количестве даже в южных уездах региона. Широкое распространение имел горох, из технических культур – лен, конопля, хмель, из огородных – репа, редька, капуста, лук. В южных уездах также выращивали свеклу, морковь, огурцы, чеснок²².

В то же время стремление к получению большего урожая и налоговая политика правительства вынуждали население Поморья использовать в рассматриваемое и даже более позднее время подсеку, что приводило к значительному уничтожению лесов.

В XVI–XVII вв. население Поморья широко использует природные богатства края: железную и медную руду, соль, слюду, строительный и точильный

камень, природные глины и т.д. На поморских промыслах появляются высококвалифицированные мастера-солевары. Не случайно, что в конце XVI в. тотемские мастера создают первое руководство по глубинному бурению и ремонту скважин²³. Солеварение связано со значительным расходом дров. Уже в XVI–XVII вв. в отдельных районах, особенно по побережью Белого моря, лесов стало недостаточно. Началась борьба за ограничение вырубki лесов, а вследствие этого и солепромыслов²⁴.

Широко использовались рыбные богатства северных рек, озер и Студеного моря (морей Северного Ледовитого океана, по терминологии того времени). Важнейшими поставщиками красной рыбы были Белоозеро, реки Шексна, Онега, Мезень и Печора. Поражают сложные рыболовные сооружения – езы, имевшиеся на северных реках, в частности на р. Шексне²⁵.

Важное место в крестьянском хозяйстве занимали лесные промыслы. При этом общество стремилось регулировать использование лесных богатств. Нам известен интереснейший и редкий документ – решение крестьянского мира Селецкой волости Важского уезда, принятое 15 июня 1600 г.²⁶ На сходе решался ряд хозяйственных вопросов: о невыпуске скота в луг, о разделе сенокосов, расчистке дополнительных пожен. Принято было и два решения, касающиеся охраны природы – установлены сроки начала охоты на зайцев и сбора черемухи. Крестьяне постановили: «...зайцев не ловить до срока, а срок после Покрова (1 октября по старому стилю. – Ю. В.) 2 недели спустя... А не ловит зайцев петлями, не собакою до того срока, кои в сей записе написан»; «...а бог оуродит черемху, и черемхи не брат до Фролова дни (18 августа по старому стилю. – Ю. В.) сего же 108 года». За нарушение срока охоты сходом был определен штраф в размере полтины, а сроки сбора ягод – в размере гривны. Ограничение сроков охоты и сбора ягод создавали более благоприятные условия для сохранения и развития видов. Напомним, что в наше время охота на зайца в данной местности (Архангельская область) начинается не ранее 1 октября.

Таким образом, население Поморья в XVI–XVII вв. не только использовало природные богатства края, но и стремилось их сохранить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века // К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда. 1976. С. 35–71. Кроме уездов, указанных автором, мы относим к Поморью также и Белозерский уезд.

² Колесников П. А. Северная Русь. (Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в.). Вологда, 1971. С. 11.

³ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков: Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 94–96.

⁴ Колесников П. А. Северная Русь. С. 10.

⁵ Резников Ф. И. Земледелие в бассейне Северной Двины в XVII–XVIII веках // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1960. Вып. 4. С. 76–80.

⁶ Копанев А. И. Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // Северный археографический сборник. Вологда, 1973. Вып. 3. С. 388–396. (Расчет наш. – Ю. В.)

⁷ Эту роль переложных земель при трехполье для более позднего времени отметил Л. В. Милов (Милов Л. В. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига, 1963. С. 284–286).

⁸ Ефименко А. Я. Исследование народной жизни. М., 1884. С. 213–214; Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 166–167; Копанев А. И. Вереvная книга. С. 383–386.

⁹ Копанев А. И. Крестьянская община в Подвинье в XVI в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вологда, 1973. Вып. 4. С. 325 и примеч. 23.

¹⁰ Резников Ф. И. Земледелие. С. 84; Горская Н. А. Земледелие и скотоводство // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 1. С. 58, 70–71.

¹¹ Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII веке: По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.; Л., 1959. С. 21; Копанев А. И. История крестьян Русского Севера в XVI в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1974. С. 19; Горская Н. А. Земледелие и скотоводство. С. 58–60, 71.

¹² Резников Ф. И. Земледелие. С. 83–84.

¹³ См. примеч. 11–12.

¹⁴ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. Прил.; ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 795. (Важский уезд, 1671); Образцов Г. Н. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому монастырю XVI–XVII вв. // ИА. 1953. Вып. 8. № 6. С. 111. (Двинский уезд, 1615 г.).

¹⁵ Образцов Г. Н. Оброчные и порядные записи. № 27. С. 127. (Важский уезд, 1652 г.).

¹⁶ Цит. по: Огризко З. А. Из истории крестьянства на Севере феодальной России XVII в. (Особые формы крепостной зависимости). М., 1968. С. 72.

¹⁷ ПРП. Вып. IV. М., 1956. С. 434 (Ст. 161).

¹⁸ ГВНП. № 140, 141, 164, 168, 172, 173 и др.

¹⁹ Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство. Прил., табл. II; Лохтева Г. Н. Развитие производительных сил в земледельческом хозяйстве Троице-Гledenского монастыря Поморья XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964. С. 193–201; Огризко З. А. Из истории крестьянства. С. 85–88; Васильев Ю. С. Феодальное землевладение и хозяйство в Важской земле XV–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971. С. 15; Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины / ред. А. Л. Шапиро. Л., 1974. С. 28; Горская Н. А. Земледелие и скотоводство. С. 72–73.

²⁰ Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство. С. 17; Огризко З. А. Из истории крестьянства. С. 75–79; Горская Н. А. Земледелие и скотоводство. С. 45.

²¹ А. И. Копанев отмечает, что в районе Архангельска «ячмень был по существу монокультурой». (Копанев А. И. История крестьян Русского Севера в XVI в. С. 18).

²² Копанев А. И. История крестьян Русского Севера в XVI в. С. 18–19; Васильев Ю. С. Феодальное землевладение и хозяйство. С. 15.

²³ Колесников П. А. Опыт генеалогии рода И. В. Бабушкина // САС. Вологда, 1973. Вып. 3. С. 91–103.

²⁴ Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. № 87. С. 194.

²⁵ Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государственных оброчных угодий Белозерского уезда 1585 г. М.; Л., 1984; См. также рисунок семуужьего забора на Онеге в статье: Дулов А. В. Человек и природа на Руси в XVI–XVII вв. // Природа. 1976. № 12. С. 104.

²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 68. Д. 7. Л. 34.

Влияние крестьянских миров Поморья на податную политику правительства в XVI-XVII вв.*

Вопросы истории налогообложения и налоговой политики в России до XIX в. давно привлекают к себе внимание довольно широкого круга исследователей.

В историографии этого вопроса можно, на мой взгляд, выделить три основных этапа, когда исследователями решались разные задачи. На первом этапе, до конца XIX в., главное внимание исследователи сосредоточивали на общей номенклатуре налогов¹.

На втором этапе конкретизируется номенклатура повинностей в плане социальном (повинности посадских людей и разных категорий крестьянства) и географическом (виды податей и их размеры рассматриваются поездам). Новым является стремление выявить основания – принципы налогообложения, его организацию и систему. Важное место в исследованиях занимает вопрос об окладных единицах: сохе, выти, дворе и т. п.

Одной из первых попыток подойти к проблеме налогообложения с этих позиций была работа В.А. Незабитовского, написанная им еще в середине XIX в.². Однако большинство работ подобного характера появилось лишь в конце XIX – начале XX вв.³ Наиболее обстоятельной из них является работа С.Б. Веселовского⁴. Советские историки продолжили уточнять и углублять изучение вопросов налогообложения, поставленных историографией конца XIX в. Но в центре внимания советской историографии, особенно с 1950-х годов, такие аспекты проблемы, как формы феодальной ренты, ее распределение между феодалами и феодальным государством, реальная тяжесть повинностей для крестьянского хозяйства⁵.

В ряде отмеченных работ историков как досоветского, так и советского периодов рассматривалось и участие крестьянского мира и земских органов в процессе обложения и сбора государственных налогов. Более детально эти сюжеты освещены в отмеченных исследованиях А.С. Лаппо-Данилевского, М.М. Богословского, С.Б. Веселовского и А.И. Копанева. Однако вопрос о влиянии крестьянства на налоговую политику правительства в России XVI–XVII вв. специально в литературе не ставился.

Данная статья, ввиду ограниченного объема, сложности и многогранности проблемы и нерешенности ряда вопросов, имеет постановочный характер.

По справедливому замечанию М.М. Богословского, «тягло составляло главный предмет отношений между государством и земскими мирами»⁶. Правительство в налоговой политике неизменно исходило из положения: «как бы нашей казне было прибыльнее». Однако оно понимало, что прибыльность зависит от наличия населения и его платежеспособности, т.е. экономического состояния крестьянского хозяйства, поэтому не могло не считаться с тем, чтобы «крестьяном вперед мочно было прожить и наши всякие доходы платить». Эти положения фигурируют в большинстве правительственных нака-

* Впервые опубликовано: Социально-правовое положение северного крестьянства (дооктябрьский период). Вологда, 1981. С. 95–135.

зов писцам, определявшим податные оклады тяглого населения, и сборщикам налогов⁷. Необходимость поддерживать на должном уровне экономическое состояние крестьянских хозяйств, а также сила черносошных миров Поморья и относительная слабость государственного аппарата формирующегося централизованного государства, особенно в первой половине XVII в., обуславливали активное участие и влияние крестьянства в системе налогообложения во всех ее звеньях.

Как известно, раскладка повинностей проводилась по определенным территориально-административным единицам. В основном таковыми в Поморье XVI–XVII вв. были уезды или соответствующие им округа: Заонежские погосты, Устьянские волости, Чарондская округа⁸. В уездах налоговая раскладка шла по составляющим их более мелким территориально-административным единицам: станам, волостям, погостам-округам и т.д. К середине XVI в. уезды и составляющие их единицы в Поморье уже в основном сложились на базе родоплеменных и территориальных объединений угро-финнов и славян, а также в результате административных мероприятий правительства⁹. Тем не менее, исходя из географических условий и финансовых выгод, крестьяне ряда поморских волосток или групп деревень на протяжении рассматриваемого периода обращаются с челобитными об обособлении в самостоятельные низовые податные единицы. Так, в Заонежье обособляются волости Шимозерская от Оштинского и Святозерская от Важенского погостов¹⁰. В Каргопольском уезде выделяются к началу XVII в. волости Полуборская, Красная Ляга, Ольховская, «села Надпорожского за рекой», Почезерская и Пятницкий приход¹¹. В Сольвычегодском уезде от обособленной в податном отношении со времен Ивана Грозного Лузской Пермцы обособляется Вилегодская волость, а от нее Покровский приход, от Ношульского прихода – Лятцкая (Летская) волость¹².

Выделение новых микроокругов характерно для всех уездов Поморья XVI–XVII вв.¹³. Более активно этот процесс шел в восточных уездах, где приток населения и в XVII в. был значителен. Имел место и обратный процесс объединения мелких податных единиц. Но, по мнению М. М. Богословского, «дифференциация преобладает над интеграцией: сеть миров становится мельче»¹⁴. Подметив данные явления, исследователь, однако, не пытался объяснить их причины. Дело здесь не только в прибыли или убыли населения, но и в социально-политических процессах. Централизация государства должна была порождать и порождала интеграции волосток. А расширение и углубление феодальных отношений давало противоположные процессы. Какие силы, центростремительные или центробежные, в какой части Поморья и в какое время были преобладающими и наиболее активными, это еще предстоит выяснить.

Что давало крестьянам податное обособление? Во-первых, самостоятельность в низовой раскладке повинностей, отсюда более четкий контроль за расходом денег, собранных на волостные нужды, меньшая доля злоупотреблений. Во-вторых, сокращался размер территории, охваченной круговой порукой. С. Б. Веселовский отмечал, что круговая порука навязывалась сверху, а не исходила снизу¹⁵. Борьба против нее также одна из причин стремления к податному обособлению. Сокращение территории, охваченной круговой порукой, несколько облегчало несение повинностей.

Объем налоговых поступлений в государственную казну определялся государственными сметами. По разысканиям А. С. Лаппо-Данилевского, в России

в начале XVII в. подобные сметы имели место¹⁶. Они составлялись на основе доходного списка, фиксировавшего поступления в казну за предыдущий год.

Определенная сметой сумма сборов разводилась между отдельными частями государства в соответствии с количеством в последних окладных единиц: сох, вытей, обеж, дворов и т.п.¹⁷ Так определялись податные оклады уездов и соответствующих им округов. При этом также учитывался объем доходов предыдущего года¹⁸. Внутри уезда выборные от посада и волостей производили распределение (развод) уездного оклада по составляющим уезд более мелким податным округам, также исходя из количества в последних окладных единиц. А в волостях определенную на нее сумму оклада разводили (разметывали, разрубали) по отдельным хозяйствам. Принципы волостных разубов, как увидим далее, были различны.

Объем уездного и волостного оклада определялся количеством в них окладных единиц. Последнее устанавливалось в ходе сошного письма, результаты которого заносились в писцовые книги.

Преследуя разные цели, правительство проводило как общие (валовые) описания земель, так и частные – отдельных частей государства. В Поморье общими можно считать описания, проведенные около 1500 г., в 1550–1552, 1564–1566, 1580-е, 1620-е, 1645–1648 и 1676–1678 гг. В то же время правительство вынуждено было провести описания ряда поморских уездов по требованию их населения. Так, в большей части поморских уездов в первой четверти XVII в. были проведены описания (дозоры) по челобитью населения¹⁹. В конце 1630 – начале 1640-х годов с челобитьем о посылке к ним писцов обращались крестьяне Олонецкого погоста, Каргопольского, Устюжского, Сольвычегодского и Тотмского уездов²⁰. Требования о дозоре исходили не только от уездов, но подчас и от отдельных волостей. Так, в 1614 г. с челобитьем о проведении дозора обращались Мольская и Стреленская волости Тотемского уезда, в 1636 г. четыре волости Устюжского уезда: Верхний конец Комарицкого стана, Дракованова Кулига, Подосиновская и Шольская, а в 1638 г. волости того же уезда: Яхренска Пушемская, Шольская и Сухонский Нововышлый стан²¹.

Таким образом, инициаторами описаний иногда являлись сами крестьянские миры. Последние настаивали на проведении новых описаний вследствие значительной убыли населения и запустения тяжелой пашни на их территории.

В проводимых правительством описаниях крестьянские миры принимали активное и деятельное участие. Правительство предписывало в помощь писцам в уездах «старостам целовальникам и всяким людям выбрати старожильцов лутчих людей..., которые б про торговых и про волостных людей, и про землю, и про всякие угодыя ведали подлинно»²². На основании сведений (сказок), полученных от населения и подтвержденных выборными людьми, писцы заносили данные о количестве дворов и угодий по той или иной деревне (или крестьянскому двору) в писцовые книги²³.

Нередко писцам по требованию крестьянских миров приходилось вносить коррективы в результаты письма, а иногда и менять принципы описаний.

Так в 1624 г. из Устюжской чети, по челобитью крестьян, было предписано писцам отдать крестьянам Дмитриева Наволока на льготу 3 наволока по р. Сухоне, близ устья Уфтюги, а относительно переложных земель, которые писцы положили «в пашенные десятины», было предписано: «переложных земель мерити и в пашенные десятины писати не велели»²⁴. В 1626 г. из той же чети направлена грамота писцам Сольвычегодского уезда о том, чтобы писцы

давали крестьянам достаточно сена на выть. Грамота послана в ответ на челобитье крестьян, которые жаловались, что писцы «клали... на выть пашенные земли по сороку копен сена, малых летних волоковых... и по тому де вашему (писцов. – Ю. В.) письму, только будет по стельку малых копен сена положить на выть, и того де сена и на одну лошадь корму в год будет мало»²⁵.

Результаты ряда описаний поморских уездов были обжалованы крестьянами. Причины жалоб, как правило, – более высокий, по мнению крестьян, чем следовало бы, тяглый оклад уезда. Борьба черносошного крестьянства в этом направлении нередко была успешной. Крестьянам удавалось добиться понижения оклада или отмены всего описания. Так, Андреевской волости Сольвычегодского уезда по челобитью 1625 г. удалось добиться уравнивания по отношению к другим волостям в окладе оброка за наместничий доход, который был превышен для волости писцами 1586 г.²⁶

Под давлением крестьян Устьянских волостей дозор последних 1621–1622 гг. и описание 1623 г. не были утверждены.

По тем же причинам не были утверждены переписи Устюжского и Сольвычегодского уездов 1644–1645 гг.²⁷

Известны факты активного сопротивления крестьян писцам с целью сорвать описание земель. Так, в 1614 г. крестьяне четырех приходов Вилегодской волости Сольвычегодского уезда собрались в дер. Гавриловской «с луки, и с пишальми, и с рогатинами, и советовали меж себя два дни», писцам «отказали, дозировать себя не дали» и сказали: «от коле приехали з грамотою, туды и поедте». Из Устюжской чети воеводе Сольвычегодска предписано было направить на подавление сопротивления крестьян 30 стрельцов²⁸.

При определении налогового оклада основанием служили окладные единицы. Наиболее крупной из них была большая московская соха, в которой считалось по 800 четвертей доброй пашни в одном поле. По разысканиям П. Н. Милюкова, она начинает вводиться в начале 1550-х годов²⁹. Вместе с ней московское правительство вводит обжа, равную 10 четвертям (5 десятин), или выть, равную 12 четвертям (6 десятин), доброй пашни в одном поле. Отмеченная обжа вводится правительством в 1560-е годы в Каргопольском и Важском уездах, а в 1580-е годы в Заонежье³⁰. В Белозерском (и, видимо, в Чаронде), Вологодском и Тотемском уездах, а также в Устьянских волостях во второй половине XVI в. бытует выть, видимо, равная 12 четвертям. В начале XVII в. она вводится в Двинском, Каргопольском, Сольвычегодском и Устюжском уездах³¹. Большая московская соха в 800 четвертей в большинстве поморских уездов вводится в 1614–1615 гг. Ранее она имела лишь в некоторых частях Белозерского и Вологодского уездов³².

Задержка в проведении этой части податной реформы в Поморье объясняется живучестью здесь старых разнородных окладных единиц. Так, здесь долго почти повсеместно бытовала разновеликая, по 3–10 четвертей в поле, обжа, имевшая, видимо, новгородское происхождение. Наряду с ней бытует также 3-х обежная сошка и 30-ти обежная соха. Последние вышли из употребления лишь с введением большой московской сохи.

Оригинальными (разновеликими) были сошки в Сольвычегодском и Устюжском уездах. На запрос писцов в 1644–1645 г. сольвычегодцы отвечали: «почему де те сошки кладены у них неровно, и те де сошки повелись у них из стари, а почему повелись, и они про то не ведают»³³. Несмотря на введение пра-

вительством выти и большой сохи, сошки бытовали в Сольвычегодском уезде до середины, а в Устюжском – до конца XVII столетия.

Таким образом, крестьянские миры принимали активное участие и оказывали существенное влияние на политику правительства при описаниях уездов: подавали писцам сказки, которые, как правило, брались за основу при описаниях; вносили коррективы в принципы описаний, в определение окладных единиц и размеров окладов. Наконец, признавали описание приемлемым, правомерным или неправомерным.

Не менее активную роль играли крестьянские миры и органы земского самоуправления и при сборе налогов. По сути дела, сбор налогов в волостях и уездах почти полностью находился в руках крестьянских миров. Данный вопрос довольно подробно рассмотрен в литературе³⁴, поэтому остановлюсь лишь на наиболее важных для рассматриваемой темы аспектах.

Сбор повинностей в волости проходил в три этапа. На первом волостные выборные люди определяли налоговый оклад отдельных хозяев, точнее – определяли долю волостного оклада, установленного писцом, для каждого из хозяйств. С этой целью оценивалось экономическое состояние всех крестьянских хозяйств, определялась их платежеспособность относительно друг друга.

Что учитывалось в крестьянском хозяйстве при оценке его платежеспособности? На это исследователи давали разные ответы. А. С. Лаппо-Данилевский полагал, что «состояние хозяйства каждого плательщика определялось главным образом количеством рабочих рук..., а также размерами его участка пашни и сенных покосов...». При этом, по его мнению, «главным основанием разуба все же служила земля»³⁵. С. Б. Веселовский отмечал, что «крестьяне при раскладке вовсе не ограничивались оценкой пашни и угодий, а принимали во внимание и ряд других признаков зажиточности и тяглосьпособности: животы, торги, промыслы, скот, хлеб, семейный состав хозяйств и т. д.»³⁶. М. М. Богословский также считал, что волостной оклад разубался «между плательщиками по их действительным хозяйственным силам и средствам» и даже «сообразно с рабочими силами, основным оборотным капиталом»³⁷.

Правительство предписывало крестьянам раскладывать подати «по пашням и по животом, и по сохам» (Важская уставная грамота 1552 г.), «по животам и по промыслам, и по угодьям» (Двинская уставная грамота 1556 г.)³⁸; «по животом, и по промыслом, и по позему» (Уставная грамота Устюжны Железопольской 1614 г.), то есть или по пашне, по обжам и сохам, или с учетом наличия пашни, других угодий, промыслов и имущества³⁹.

Однако крестьяне раскладывали тягло, исходя из целесообразности того или иного принципа раскладки и существовавшей традиции.

Широко распространенной была в поморских уездах раскладка тягла по пашне. Исходя из характера сборных памятей Троицкой и Селецкой волостей Подвинской четверти Важского уезда⁴⁰, можно полагать, что данный принцип здесь был основным. Крестьяне Варженской волости Устюжского уезда в 1620-е, 1652 и 1654 гг., видимо, верстались по такому же принципу. В 1656 г. мир этой волости приговорил произвести раскладку тягла по вытям, а выти поверстать, смотря по хлебу и по сенам, что уродилось в прошлом году⁴¹. Требования отдельных крестьян Зоонежья, Устюжского и Сольвычегодского уездов о проведении раскладки по сошному письму⁴² также говорят о существовании последней в этих районах.

Наряду с рассмотренным, бытовали и другие принципы раскладки. В 1677 г. крестьяне одной из волостей Устюжского уезда «верстались по хлебному и по сенному доходу и по семейству»⁴³. В Шуйском Заонежском погосте в 1645 г. разводили деньги на земские расходы «сметя по животам, кто чего достоин». В том же году в Баскачем стане Устюжского уезда раскладка шла «по животам и промыслам». Аналогичный принцип, видимо, был и в Кивокурском и Комарицком станах уезда⁴⁴.

В Вилегодской волости Сольвычегодского уезда в 1626 г. раскладку проводили «по животам, и по промыслам, и по землям, и по угодьям, и по семьям, кто чего стоен»⁴⁵. В 1630-е годы в Кемской волости Заонежья при раскладке принималось во внимание следующее: состав семьи, пашенные и сенокосные уголья, скот, промыслы (суда, крупные рыболовные снасти, кузницы, солеварни, самострелы), доход от промыслов, торговли, ростовщичества⁴⁶. Смысл подобной раскладки («по животом, и по промыслам, и по семьям») раскрывают проводившие ее в Пачеозерской волости Сольвычегодского уезда (1637 г.): «не с одной бы земли государевы доходы платить»⁴⁷. Такая раскладка более соответствовала экономическому состоянию отдельных крестьянских хозяйств и была менее обременительной для беднейшего крестьянства. Не случайно последние отстаивают именно этот принцип раскладки, а зажиточные крестьяне – принцип обложения по пашне, сошному письму⁴⁸.

Таким образом, принципы волостной раскладки тягла были разнообразны. Они были таковыми и в рамках уезда, даже волости. Так, в Селецкой волости Важского уезда с доминирующей пообезной раскладкой, видимо, имела место раскладка и по общему состоянию крестьянских хозяйств⁴⁹. В Куростровской волости Двинского уезда бытовало в XVI три принципа раскладки: 1) по сохам или веревкам (по пашне), 2) «по животам», 3) по головам (по количеству трудоспособного населения в хозяйстве)⁵⁰.

В этом разнообразии принципов раскладки можно уловить некоторые общие черты. По животам и промыслам чаще всего раскладываются повинности в районах более развитых промыслов и торговли, в районах с большей имущественной дифференциацией населения. Подобный принцип раскладки, видимо, являлся доминирующим везде при сборах на собственно волостные нужды.

Раскладке повинностей «по животам и промыслам» предшествовала большая работа по определению экономического состояния и реальной платежеспособности отдельных крестьянских хозяйств в волости. Для этого избирались из числа волощан специальные оценочные комиссии. Последние на основании сказок крестьян об их собственном хозяйстве, опроса соседей и собственной проверки показаний определяли состояние хозяйств и результаты вносили в особые книги, в северных волостях Заонежья и Двинском уезде именовавшиеся оценными⁵¹.

В Устюжском и Сольвычегодском уездах итоговые данные этой работы отражались в таких документах, как «поверстки», «заседки», «разметы».

При раскладке повинностей по пашне (обжам, вытям, сохам) волость также пыталась установить реальные наделы крестьянских хозяйств. Дело в том, что государственные описания проводились нечасто (см. об этом выше), в промежутки между ними в землевладении отдельных хозяйств происходили значительные изменения. К тому же писцы, как правило, не указывали количество сельскохозяйственных угодий и размеры оклада по отдельным хозяй-

ствам. Наконец, качество писцовых описаний подчас было довольно низким. В связи с этим крестьяне проводили в волостях по мере необходимости и возможности переверстку пашни. Так, крестьяне Варженской волости Устюжского уезда, получив сотную с писцовых книг письма 1620-х годов Н. Вышеславцева, сразу сами произвели переверстку вытей, т. к. письмо писцом проведено было некачественно.

В конце 1651 г. они подают челобитную воеводе о переверстке и мотивируют необходимость ее следующим: при описании 1620-х годов «которые деревни были в распаше, и те деревни складывали тяжело, а которые деревни в ново селились, и те деревни складывались легко. И те распашные деревни стали ныне не хлебные потому, что земля выпахалась, а те деревни, кои вново селились, и те деревни ныне добры и земля не опахалась. А наши деревни ныне стали не хлебны»⁵². В 1654 и 1656 гг. варженские крестьяне вновь делали переверстки⁵³.

Аналогичное объяснение переверстке дают и крестьяне Черевковской волости в 1647 г.: «верстаемся для того: у которых, государь, деревень пашенную землю водою мечет и сенные покосы смывает и песком засыпает по всее годы, и с тех, государь, деревень тягло сымали и верстали то тягло по расчету на те деревни, у которых пашенные земли и сенные покосы, и всякие угодыя целы, и водою не мечет и не смывает, чтоб те деревни, у которых землю мечет и сенные покосы засыпает и смывает, не верстаючись тяглом не пустошить»⁵⁴.

Аналогичную перевертку земель проводили и крестьяне ряда волостей Двинского уезда⁵⁵. Результаты этой переверстки фиксировались на Двине в специальных веревных книгах. А. И. Копанев, видимо, прав, полагая, что эти книги имели распространение лишь в Двинском уезде⁵⁶. Происхождение веревных книг он связывает с конфискацией земель на Двине московским правительством у новгородских землевладельцев. «Так как конфискованная у новгородских землевладельцев земля переходила в руки крестьян и становилась черносошной, то она и была измерена крестьянами и зафиксирована в новый для Двины документ – веревные книги», – пишет исследователь⁵⁷. Цель составления этих документов объясняется А. И. Копаневым не совсем ясно: «веревные книги – крестьянский документ, составленный по инициативе крестьян, самими крестьянами, для удовлетворения крестьянских потребностей». Далее он добавляет, что были нужны «и для правительства, и для крестьян»⁵⁸.

Полагаю, что в статье о веревой книге Паниловской волости А. И. Копанев верно характеризует цели вервления, составления веревных книг. Он пишет: «Веревные книги, фиксирующие земельные владения каждого двора, служили основанием для раскладки государственных налогов и других платежей между волощанами (когда разруб шел «и земле»). Так как земельные владения крестьян часто изменялись, то и вервления в волости производились с известной регулярностью»⁵⁹. Именно так – вервление и веревные книги устраняли несовершенство государственного описания, его огульность (оклад деревни в целом, а в XVI в. даже волости), его отставания от жизни волости. Таким образом, цель вервления на Двине та же, что и цель переверстки вытей у крестьян Сольвычегодского и Устюжского уездов. В этой переверстке заинтересованы, конечно, лишь крестьяне, они ее проводят по собственной инициативе. Породили веревные книги, как я полагаю, два фактора. Во-первых, развитие феодальных отношений, обложение двинских волостей постоянными и разнообразными

налогами. Во-вторых, исключительная чересполосность крестьянских земель в Подвинье, где участки, клочки, полосы, гоны одного двора чередовались и переплетались с такими же участками, полосами и т.д. другого двора. Отсюда вервление могло существовать на Двине и в новгородское время и, во всяком случае, никак не связано с московскими конфискациями.

Веревные книги дают чрезвычайно подробные описания каждого крестьянского двора. При этом учитывается качество угодий, а отсюда изменяются и размеры обложения. Так, в веревной книге 1665 г. Исаковой Горы записано: «Добрые земли кладено в полно, без убытка, а с середине земли и с плохия збавлено и окладено по розмотру, чево которая земля стоина»⁶⁰. По веревной книге Паниловской волости 1612 г. эта сбавка («умет») составила 9 %, а Николо-Коскошинской волости 1679 г. – около 40 % от общего количества земли⁶¹.

При разводе тягла крестьянские миры также определяли налогоплательщиков: отдельным членам мира давались льготы, вводились и новые плательщики. В частности, в волостях Двинского уезда мир решал вопрос об участии или неучастии в тех или иных сборах пещцов-бобылей. Мир вел упорную борьбу за включение в тягло монастырей, владевших волостными землями. Мир постоянно вводил по своему усмотрению и сборы на мирские нужды: ремонт дорог, мостов, общественных зданий, содержание причта приходской церкви и т.д.

На втором этапе шел разруб или раскладка той или иной конкретной повинности по хозяйствам (= долям тягла). Эту функцию выполняли также выборные люди, именовавшиеся разрубными целовальниками. Итоги их работы заносились в разрубные списки (Двинской, Сольвычегодский, Устюжский уезды) или сборные памяти (Важский уезд)⁶².

На третьем этапе выборными целовальниками, сборщиками или старостами (сотскими) производился сбор податей и деньги направлялись в вышестоящую инстанцию, в частности – в уездную земскую избу. Раскладка и сбор постоянных повинностей полностью ложились на плечи крестьянских миров.

Таким образом, крестьянские миры Поморья, неся значительные повинности в пользу феодального государства Дворца (дворцовые крестьяне), активно влияли на налоговую политику правительства как своим участием в процессе сбора налогов, так и непрерывной борьбой. Борьба крестьян показывает знание ими юридических норм фискальной системы государства XVI–XVII вв., умение использовать, видоизменять эти нормы в своих интересах. Не случайно в Поморье был создан Судебник 1589 г. и получило широкое развитие земское самоуправление.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Разыскания о финансах древней России. Сочинение Ю.А.Гагсмейстера. СПб., 1838; [Толстой Дм.] История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848; Кури В. О прямых налогах в Древней Руси. Казань, 1855 и др.

² Незабитовский В.А. О податной системе в Московском государстве со времени установления единодержавия до введения подушного оклада Петром Великим // Собр. соч. Киев, 1884. С. 1–38. Работа написана в 1852 г.

³ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1890; Милюков П. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892 (это рецензия на работу А. С. Лаппо-Данилевского); Он же. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905; Дьяконов М. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1898; Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899; Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 2. СПб., 1901; Сергеевич В. Древности русского права. Т. 3: Землевладение. Тягло. Порядок обложения. СПб., 1903. С. 164–384; Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2. М., 1912. С. 105–173.

⁴ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посочного обложения Московского государства. Т. 1–2. М., 1915, 1916.

⁵ Отмечу лишь основные работы, относящиеся к Поморью XVI–XVII вв.: Горфункель А. Х. Вотчинное хозяйство и крестьяне Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1956; Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII веке. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.; Л., 1959. С. 94–177; Она же. Хлебный бюджет крестьянского хозяйства Белозерского края в середине XVI в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 100–120; Копанев А. И. Оценная книга Кемской волости с волостками как источник экономической истории поморской деревни XVII в. // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященный 75-летию профессора С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 344–354; Он же. О соотношении государственных и волостных платежей черносошных крестьян 60-х годов XVI в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968. Л., 1972. С. 40–46; Он же. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 514–536; Он же. Куростровские столбцы XVI в. // САС. Вып. 1. С. 398–431; Он же. Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // САС. Вып. 3. С. 380–401; Он же. Веревные книги как источник по истории крестьянства Севера // Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976. С. 191–209; Огризко З. А. Из истории крестьянства на Севере феодальной России XVII в. (Особые формы крепостной зависимости). М., 1968. С. 15–69, 131–163; Абрамович Г. В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Запада Руси в XVI – первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № 3. С. 65–84; Аграрная история Северо-Запада России / ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971, 1974, 1978; Васильев Ю. С. Налогообложение крестьян Поморья XVI–XVII вв. (на примере Важского уезда) // Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV–XVIII вв. Чтения, посвященные памяти академика Л. В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. М., 1980. С. 106–109.

⁶ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 87.

⁷ Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. 1. М., 1913. № 205; С. 406. № 89, 90, 115, 129.

⁸ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 9–47; Прил. 1. С. 3–63.

⁹ Васильев Ю. С. Аграрные отношения в Поморье XVI–XVII вв. Сыктывкар. 1979. С. 24–30.

¹⁰ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 44.

¹¹ Васильев Ю. С. Аграрные отношения. С. 29.

¹² Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. 3. С. 14–15; Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 44, 265.

¹³ См.: Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 9–47.

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1. С. 261–271.

¹⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 272–278.

¹⁷ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1. С. 244–245; Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. Собрал и редактировал С. Б. Веселовский. М., 1911. № 110, 118 (отрывок Владимирской чети на 1602 г.).

¹⁸ Оклад будущего года, как правило, определялся «против» предыдущего года. См.: «Смету ... каргопольским окладным и неокладным им денежным доходам 136-го (1627–1628) году...» (РГАДА. Ф. 137. Д. 16. Ч. 2. Л. 524–601); «Роспись... четвертным денежным доходам... с Тотемского уезду... 135 г.» – Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 120–121. Прим. 1.

¹⁹ Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. 1. № 87–94, 129.

²⁰ Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. 3. № 16, 21; Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 181, 182. Прим. 1; Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 72, 73, 88.

²¹ Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. 1. № 18; Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 56.

²² Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. 1. № 89. С. 132.

²³ С. Б. Веселовский указывал на комплекс сказок крестьян Устьянских волостей, Устюжского и Сольвычегодского уездов (Сошное письмо. Т. 2. С. 565).

²⁴ Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. 1. № 130, 129.

²⁵ Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. 1. № 210.

²⁶ Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. 1. № 205; Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 119.

²⁷ Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. 3. № 21, 22; Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1. С. 637, 638.

²⁸ Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. 1. № 14. С. 21–22.

²⁹ Милюков П. Спорные вопросы. С. 50–52.

³⁰ Аграрная история Северо-Запада России. Л., 1974. С. 240; Л., 1978. С. 50–51, 69.

³¹ Колесников П. А. Северная Русь. Вологда, 1971. С. 126; РИБ. Т. 28. С. 132; Шумаков С. Обзор грамот коллегии экономии. Вып. М., 1900. № III. (1564 г.), IV (1568 г.); VIII. С. 182 (1586 г.); САС. Вып. 2. С. 33 (1590 г.); Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1. С. 57–58, 65–70, 81, 84; Васильев Ю. С. Каргопольский уезд // Аграрная история Северо-Запада России. Л., 1978. С. 51. При этом выть заменила на Двине не только сошку, что отмечают писцовые книги и вслед за ними исследователи (Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 114; Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1. С. 60–65). Выть упразднила на Двине и новгородскую разновеликую обжу.

³² В грамоте на Вагу из приказа Большого Дворца от 20 сентября 1615 г. предписывалось «важские малые сошки положит в московские большие сохи, против Двины и Пенегы, и Мезени». В последних районах 789 малых сошек («в сошке по пятинадцати чети») были положены и «болших пятнадцать сох без чети и пол-полчети сохи и 5 чети пашни», «в соху по пятидесять по три сошки с третью» (ГААО. Ф. 829. Оп. 1. № 53). Переложение сох на Ваге происходило в ответ на челобитье крестьян в связи с сведением запросных денег и сбора «за хлебные запасы» в 1615 г. См. также: Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1. С. 57, 59, 63, 84.

³³ Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. 2. № 196; Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1.

³⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 282–303, 318–362; Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 128–173; Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1. С. 242–312, 357–400, 424–425; Копанев А. И. Куростровские столбцы XVI в. С. 421–431.

³⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 291, 292.

- ³⁸ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1. С. 397.
- ³⁷ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 132–133, 142.
- ³⁸ В сотной на Калеский стан Двинского уезда 1586–1587 г. предписывалось «верстаться по обжам и по сошкам» (САС. Вып. 2. С. 252).
- ³⁹ ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 234. С. 213–239; № 250. С. 271–273; Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / ред. Яковлева А. И. М., 1909. С. 42.
- ⁴⁰ Васильев Ю. С. Сборные памяти по Троицкой волости Важского уезда конца XVI–XVII в. // САС. Вып. 3. С. 357–379.
- ⁴¹ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 137. Прил. С. 22–24.
- ⁴² Там же. С. 144, 145–146.
- ⁴³ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 291. Прим. 2.
- ⁴⁴ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 131, 138, 139.
- ⁴⁵ Там же. С. 140.
- ⁴⁶ Копанев А. И. Материалы по истории крестьянства конца и первой половины XVII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. М.; Л., 1966. С. 186–198.
- ⁴⁷ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 145.
- ⁴⁸ Там же. С. 143–146.
- ⁴⁹ Сравн. сборные памяти по этой волости за 1608 и 1635 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 68. Л. 35; СПБНИИ РАН. Кол. Лихачева. Оп. 2. № 59/35).
- ⁵⁰ Копанев А. И. Куростровские столбцы XVI в. С. 421–422.
- ⁵¹ Копанев А. И. Материалы по истории крестьянства... С. 186–198; Он же. Куростровские столбцы XVI в. С. 429–430.
- ⁵² Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 294–295. Прим. 2.
- ⁵³ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 136–137.
- ⁵⁴ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1. С. 368.
- ⁵⁵ РИБ. Т. 25. СПб., 1906. Прил. С. 190.
- ⁵⁶ Копанев А. И. Веревные книги как источник... С. 205.
- ⁵⁷ Там же. С. 206.
- ⁵⁸ Там же. С. 192, 206.
- ⁵⁹ Копанев А. И. Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // САС. Вып. 3. С. 380–381.
- ⁶⁰ Цитата по: Копанев А. И. Веревные книги как источник... С. 198.
- ⁶¹ Там же. С. 199.
- ⁶² Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1. Прил. 6, 7; Копанев А. И. Куростровские столбцы XVI в. № 2, 3, 6, 8–14, 17–22; Васильев Ю. С. Сборные памяти по Троицкой волости. С. 357–374. На ряд разубов указывал С. Б. Веселовский (Сошное письмо. Т. I. С. 363–366).

Раздел IV Исторический портрет

Осун Непея Григорьев*

Дьяк Посольского приказа, первый российский посланник в Англии (1556–1557).

В мае 1553 года из устья Темзы вышло три корабля под командованием адмирала Хью Уиллоуби с целью пройти северными морями до Китая и Индии. Этот возможный (как тогда казалось), но неведомый для западноевропейцев путь был выбран в связи с тем, что известный после экспедиции португальца Васко да Гама 1498 года южный путь в Индию был в руках Португалии. Однако сказочные планы не сбылись. Два корабля вынуждены были остаться на зимовку в Нокуевой губе Кольского полуострова, где весь экипаж замерз вместе с адмиралом зимой 1553–1554 годов. Весной эти корабли были обнаружены русскими промышленниками, а в следующем году товары с них и сами корабли были доставлены в устье Северной Двины и переданы англичанам.

Лишь один из английских кораблей, Ричарда Ченслера (Ченслора), 24 августа 1553 года добрался до устья Северной Двины и бросил якорь близ Николо-Корельского монастыря. В Холмогорской летописи сказано: «24 августа прииде корабль по морю на усть Двины реки, и обослався, приехали на Колмогоры в малых судех и нарекса послом от аглинского короля Едварта [Эдварда VI]: "Приидох к великому князю"». После переговоров в Москве с Иваном Грозным в марте 1554 года английский капитан был отпущен из Москвы к себе на родину.

Несмотря на неудачу экспедиции, снарядившая и направившая ее компания, ознакомившись с обстоятельным отчетом Ченслера, в котором четко излагались выгоды торговли с Россией, решила продолжить свою деятельность. Вскоре она стала именоваться Московской торговой компанией и сосредоточила в своих руках монополию торговли с Россией.

В октябре 1555 года Ченслер снова оказался в Москве, теперь уже как английский посол. Получив жалованную царскую грамоту на право свободной торговли англичан в России и открытие английских факторий в Холмогорах, Вологде и Москве, он отбывает в марте 1556 года к устью Северной Двины, а оттуда в Лондон. Вместе с Ченслером в Англию направляется и первое русское посольство во главе с Осипом (Иосифом) Непеей. Из четырех английских кораблей два погибли на полпути, корабль Ченслера – у берегов Шотландии. Погиб и Ричард Ченслер со своим старшим сыном.

Чудом спасшийся Непея из Шотландии был доставлен в Англию и принят торжественно и пышно членами торговой компании, королем Филиппом и королевой Марией I Тюдор. Московская компания дала для него бал, а во время тоста за здоровье Непеи ему было объявлено, что компания берет на себя все расходы его пути и пребывания в Шотландии и Англии. Один из англичан, описавший прием Непеи, отмечал, что «ничего подобного не бывало в прежние времена». Русский посол, как отмечается в королевской грамоте, произвел при дворе самое лучшее впечатление своей рассудительностью и степенностью.

* Впервые опубликовано: Вологда в минувшем тысячелетии: человек в истории города / глав. ред. Ю. К. Некрасов. Вологда, 2007. С. 28–29.

В мае 1557 года Непея вместе с новым английским послом Антонием Дженкинсоном отправился в Россию. Через два месяца они высадились в устье Северной Двины. Через шесть дней после этого, когда перегрузили вещи и королевские подарки на речные суда, Непея поплыл вверх по Северной Двине через Холмогоры и Устюг в Вологду. Здесь всё было перегружено на телеги, и русский посол выехал в Москву, куда и прибыл через две недели. Непея привез в Россию «мастеров многих, докторов, и злату и серебру искателей, и иных многих мастеров», и доктора Стандиша. Царю он передал подарки из Англии, среди них «лва и лвицу живых», и две грамоты английских купцов.

Так в 1553–1557 годах установились дипломатические и торговые отношения между Россией и Англией.

Закончив посольские дела, Непея занимается повседневными делами в Посольском приказе. Во время второго посещения России Дженкинсону пришлось почти год ждать аудиенции у царя. Он уже хотел уезжать в Англию, но его посетил Осип Непея и убедил набраться терпения и подождать. Вскоре англичанин был приглашен на обед к царю и, получив от него разрешение, в апреле 1562 года отбыл в Персию с послом этой страны.

В августе 1566 года дьяк Осип Непея присутствовал на заседаниях Земского собора, решавшего вопрос о Ливонской войне.

В 1570 году, при отпуске из Москвы послов польского короля, Иван Грозный заверил их, что вскоре от него к польскому королю будут отправлены «послы великие» во главе с князем Иваном Канбаровым и дьяком Осипом Непеей Григорьевым. Однако, как свидетельствует «отпуск» послов от 10 января 1571 года, в составе посольства в Польшу значился уже дьяк Петр Протасьев. Следовательно, по каким-то причинам дьяк Осип Непея Григорьев был отстранен от этого посольства.

Такие сведения имеются об этом человеке в источниках и литературе. Они, однако, порождают ряд вопросов. В частности, почему в Никоновской (Патриаршей) летописи Осип Непея записан «вологжанином», и какова его судьба после 1570 года?

Ни в литературе, ни в известных нам источниках не имеется данных о дальнейшей судьбе Осипа Непеи Григорьева. Однако есть основания на этот счет высказать, на наш взгляд, аргументированные предположения.

Известно, что опричный разгром Великого Новгорода явился толчком к казням в Москве, прошедшим летом 1570 года. Жертвами репрессий стали многие представители знати, высшей приказной бюрократии – дьяки московских земских приказов, даже опричной верхушки. Опале подверглось и руководство Посольского приказа. Глава приказа и печатник (хранитель государственной печати), талантливый дипломат Иван Михайлович Висковатый и близкие к нему дьяки ряда земских приказов были казнены.

Не лег ли царский гнев и на плечи дьяка Посольского приказа Осипа Непеи? Но среди казненных в Синодике опальных Ивана Грозного имя этого дьяка не значится. Возможно, он был сослан в Вологодский край, поэтому в Никоновской летописи Непея и фигурирует как «вологжанин». И по всей вероятности, это определение было внесено в летопись «задним числом» – в ходе известной правки ее текста в 1570-е годы.

Еще один штрих из начальных русско-английских отношений. Англичане добивались исключительного права торговли с Россией северным путем, что-

бы здесь «никакие другие иноземцы не были допускаемы и не имели дозволения приставать или торговать». Объясняли они это тем, что путь открыли будто бы именно англичане. Однако это не так. Уже в XV веке поморы Севера России на лодьях ходили для промыслов на Грумант (остров Шпицберген). Северным путем шли дьяк Василий Далматов из Дании (1501 год), толмач (переводчик) Григорий Истома в Данию (1507 год), посол Дмитрий Герасимов в Рим (1525 год). Описание этого пути по рассказу Григория Истома дал Сигизмунд Герберштейн, дважды побывавший в России послом Германии, в своих «Записках о московитских делах», опубликованных с 1549 года и широко известных в Европе.

Число кораблей, прибывавших из разных стран Европы в устье Северной Двины, росло, особенно с основанием Архангельска (1584). Возрастало и значение Вологды как важнейшего пункта, находившегося в начале Сухоно-Двинского пути, по которому шла основная масса товаров заграничной торговли.

Источники и литература

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с английского Ю. В. Готье; отв. ред. Н. Л. Рубинштейн. Л., 1937. С. 29–80; Патриаршая, или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. М., 1965; М., 2000; Холмогорская летопись. Двинской летописец // ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 137, 138; Англичане в России в XVI и XVII столетиях: Сочинения академика И. Гамеля. Статья первая // Приложения к VIII тому Записок императорской Академии наук. № 1. СПб., 1865. С. 10–67; Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера. Пг, 1923; Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 92–98.

Исторические реалии «Сказания о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую»*

Начало XVII века – один из самых трагических периодов в истории России. Современники событий этого времени метко именовали его «смутным». Сложность обстановки, многогранность борьбы – политической, социальной и национально-освободительной – трагизм многих явлений нашли широкое отражение у современников в летописях, повестях и сказаниях, житиях святых, различного рода записках иностранцев, преданиях и легендах¹. К числу этих историко-литературных произведений относится и «Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую».

«Сказание» неоднократно публиковалось, содержание его довольно подробно изложено С. М. Соловьевым, но никто из исследователей не ставил задачу проанализировать историческую реальность этого произведения². По данному сюжету мне и хотелось бы поделиться своими наблюдениями с читателем.

Вследствие хозяйственного кризиса 1570–1580-х годов, частично охватившего и Вологодский край³, закрепостительного законодательства и роста налогового бремени крестьянства и посадского населения, обстановка в России в конце XVI века была крайне напряженной. Наблюдательный англичанин, доктор права Джильс Флетчер, побывавший в России в 1586–1589 годах, писал, что развитие событий «должно окончиться не иначе, как всеобщим восстанием»⁴.

Пресечение со смертью Ивана Грозного (1584 г.) и его сыновей Дмитрия (трагически погиб в Угличе в 1591 году) и Федора (1598 г.) царской династии усилило борьбу боярских группировок за власть, способствовало появлению в стране многих самозванцев.

В 1601–1603 годах по причине неурожая цены на хлеб возросли в десятки раз, страну охватил голод. Один из современников событий отмечал, что «людей от голоду мерло по городам и посадом и по волостем две доли, а треть оставалась»⁵. Голод способствовал еще большему обострению социальных противоречий. Во многих регионах страны вспыхивают восстания крестьян, холопов, посадских людей, казаков.

Напряженной внутренней обстановкой в России решили воспользоваться Польша и Швеция. Магнаты и шляхта Польши при официальных мирных отношениях между государствами оказали значительную помощь Лжедмитрию I, выдававшему себя за Дмитрия, сына Ивана IV.

В конце октября 1604 года Лжедмитрий перешел границу Польши и России и при мощной поддержке восставших против правительства Бориса Годунова городов юга страны 20 июля 1605 года вступил в Москву, а через месяц был коронован в Успенском соборе. Однако правление его было непродолжительным: на рассвете 17 мая 1606 года набат возвестил о начале восстания в Москве и конце царствования Лжедмитрия I. Самозванец был убит, труп

* Впервые опубликовано: Устюжна: историко-литературный альманах. Вып. II. Вологда, 1993. С. 173–181.

его сожжен. Поляки, прибывшие в Москву с Лжедмитрием и Мариной Мнишек, ставшей женой самозванца и русской царицей, были частью перебиты, большей частью арестованы и высланы в разные русские города, в том числе в Белоозеро (Белозерск), Великий Устюг, Вологду, Тотьму.

Марина Мнишек с отцом и свитой отправлена в Ярославль. К власти в стране пришло боярство во главе с Василием Шуйским⁶.

Но уже в конце мая 1606 года на воротах домов в Москве появились «воровские листы», сообщавшие о чудесном спасении Дмитрия (17 мая 1606 года). Новый самозванец под этим именем объявился в Стародубе в июле 1607 года, когда правительственные войска осаждали в Туле армию восставших во главе с И. И. Болотниковым и «царевичем» Петром⁷.

Лжедмитрий II, происхождение которого остается невыясненным, сразу стал послушным орудием в руках польской шляхты, отряды которой продолжали пополнять войска самозванца (А. Вишневецкого, А. Лисовского, М. Ружинского и других). В июне 1608 года Лжедмитрий подошел к Москве и укрепился лагерем в селе Тушино (отсюда и его прозвание «Тушинский вор»). Сюда прибывают новые польские и казачьи отряды. Самозванцу удалось захватить и отпущенную в Польшу М. Мнишек, которая после широких обещаний «признала» в самозванце своего мужа.

В стране создается два политических центра: один – в Москве, другой – в Тушино. В последнем также были созданы Боярская дума и приказы, ростовский митрополит Филарет (Федор Никитич Романов) был объявлен патриархом. Население городов и уездов страны приводится к присяге царю Дмитрию. Самозванец раздает полякам и русским боярам и дворянам, перешедшим на его сторону, чины, города, земли. Население было обложено тяжелыми поборами, нередко подвергалось грабежу и насилию, особенно со стороны поляков, которые вели себя как завоеватели. Вследствие этого в конце ноября – начале декабря 1608 года вслед за Галичем одно за другим поднимаются восстания против тушинцев в городах Верхнего Поволжья и Поморья (Севера России).

29 ноября 1608 года началось восстание в Вологде. Поляки, тушинцы и сторонник их воевода Федор Нащекин были арестованы. С победой восстания вологжане рассылают письма в города края, призывая последовать их примеру, «жить и умереть за один, друг за друга». Вологжан сразу поддержало население Великого Устюга, Тотьмы, Соли Вычегодской⁸.

В начале декабря поднялось восстание против тушинцев и на Белоозере. 6 декабря послыльные отсюда прибыли в Устюжну. Город сразу примкнул к восстанию. Как отмечается в «Сказании...», тушинцы были арестованы и отправлены на Белоозеро, а население стало ковать оружие и строить укрепления, которых Устюжна не имела. Дошедшие до нас описания города 1567 и 1597 годов свидетельствуют, что в это время в Устюжне действительно не было никаких оборонительных укреплений⁹.

Население Устюжны, годное к военной службе, было переписано и разбито на сотни, полусотни и десятки, из уезда вызваны служилые дворяне, приглашены крестьяне. Посадские люди, поскольку воеводы в то время в городе не было, избрали «головою Солменя Отрепьева, да Богдана Перского, да устюжскаго (из Устюжны. – Ю. В.) прикащика Алексея Суворова».

Это исторически реальные люди. В писцовой книге Устюженского уезда 1628–1630 годов отмечается, что «дер. Кононове на речке на Тропе» принад-

лежала Ивану Андреевичу Отрепьеву, а ранее деревня принадлежала его дяде Сулменю Отрепьеву. Можно полагать, что Солмень (Сулмень) Отрепьев остался жив после героической обороны Устюжны, но в 1614 году его в живых уже не было¹⁰.

Отрепьевы – довольно редкая фамилия, и, вероятно, устюженские Отрепьевы из одного рода с Григорием (в миру Юрием) Отрепьевым, который, как полагают, и был Лжедмитрием I. Они – выходцы из Литвы. В 1552 году «Третьяк да Игнатей да Иван Ивановы дети Отрепьева» были внесены в Дворовый список служилых людей по Боровскому уезду. Матвей Третьяк – прадед Григория¹¹.

Писцовая книга 1628–1630 годов отмечает в уезде и несколько представителей фамилии «Перских», в их числе и Богдана Иванова сына Перского, одного из руководителей обороны Устюжны. По писцовой книге, основной частью его поместья владели племянники Федор Большой, Федор Меньшой, Иван Третьяков Васильевы Перские¹².

Известен по актовым источникам и третий руководитель обороны Устюжны – Алексей Суворов. 17 июня 1609 года из Устюжны сообщали, что их ратные люди совместно с войсками М. В. Скопина-Шуйского, вышедшими из Великого Новгорода в мае 1609 года, участвовали в освобождении от тушинцев и поляков Городецкого острога, Кашина и Калязинского монастыря. Головами ратных людей Устюжны были Григорий Квашнин, Никита Батюшков и Алексей Суворов¹³.

Готовясь к обороне, население Устюжны, как отмечается в «Сказании», оказывает помощь и своим соседям: 20 декабря 1608 года отряд ратных людей во главе со Жданом Бирилевым был направлен в Усть-Реку Бежицкой пятины В. Новгорода. Усть-Река также была освобождена от поляков и тушинцев. Эти события нашли отражение в Окружной грамоте М. В. Скопина-Шуйского из Новгорода, где отмечается, что «вологжане, и белозерцы, и устюжане (из Устюжны. – Ю. В.) и угличане, и кашинцы, и Бежецкого Верху, и городчане (из Городца. – Ю. В.)... пришли на Устьрецкой стан декабря в 21 день и изменников государевых Осипка Застолпского и пана Матьяша вубили, а Федора Маврина взяли, а иных панов велели переимав посадати в тюрьму до государева указу»¹⁴.

Известен и руководитель ратных из Устюжны Ждан Бирилев. В Дворовом списке служилых людей 1591–1592 годов по Угличу с поместным окладом в 200 четвертей пашни записаны Ждан Кудашев Бирилев и его сын Пороша (оклад 100 четвертей). Писцовая книга 1628–1630 годов отмечает в Новосередецком стане Устюженского уезда поместья нескольких Бирилевых, в том числе и Ждана Кудашева Бирилева с сыном Григорием. Причем село Алешково Ждан получил в поместье еще в 1586–1587 году. Следовательно, в 1628 году участник обороны Устюжны 1609 года Ждан Бирилев был еще жив¹⁵. После восстания в Устюжне сюда прибывают посланный из Москвы воеводой Андрей Петрович Ртищев, а из Белоозера – Фома Подшипаев и с ним 400 человек ратных людей. Ртищевы в конце XVI – начале XVII века – помещики «среднего» достатка. В Дворовом списке 1591–1592 годов ряд их числится по Дмитрову, кстати, вместе с Прокопием Батюшковым¹⁶. В описании Белоозерска 1617 года отмечен в Ивановском сороку на посаде двор посадского человека, «конского барышника» (торговца) Гришки Анофриева сына Подшипаева, имевшего также в белозерском детинце (кремле) еще один двор и

лавку¹⁷. Вполне возможно, что Григорий Подщипаев и есть Фома «Сказания» (в последнем могло быть названо не подлинное имя, а прозвище Подщипаева). Сам факт помощи белозерцев Устюжне также находит документальное подтверждение: в одной из грамот отмечается, что в 1609–1610 годах было послано 700 ратных людей¹⁸.

Мне не удалось найти документального подтверждения о прибытии в начале 1609 года в Устюжну ратных людей из Чаронды, но факт принадлежности ее в это время Скопину-Шуйскому в «Сказании» отмечен верно¹⁹.

В конце «Сказания» отмечается, что Устюжну пытались взять также Наливайко и Захарьяш Заруцкий. Эти события в «Сказании» не датированы. Однако они известны по актовому материалу. Казачий атаман Наливайко, действительно, разорял Устюженский край, Белозерье и Заонежье в декабре 1612 года. 17 декабря его отряды стояли под Кирилло-Белозерским монастырем²⁰.

Захарьяш Заруцкий – брат известного по событиям того времени казачьего атамана Ивана Мартыновича Заруцкого. Последний поддерживал с отрядами донских казаков Лжедмитрия II в Тушино. После гибели самозванца он принял Марину Мнишек с сыном, которого в народе звали «воренком» (поскольку отца его именовали «Тушинским вором»). Пытался посадить «воренка» на русский престол, затем был одним из руководителей Иополчения, пытавшегося освободить Москву от поляков. С прибытием под Москву II ополчения под руководством К. Минина и Д. Пожарского, И. М. Заруцкий ушел на юг страны, потом на нижнюю Волгу, где и был схвачен в 1614 году. Захарьяш Заруцкий был под Устюжной в декабре 1614 года.

Таким образом, анализ «Сказания о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую» позволяет сделать следующие выводы. «Сказание» написано в начале XVII века, вскоре после событий Смутного времени, но не в 1608 и не в 1609 годах, как оно датируется в некоторых изданиях. Написано оно было участником или очевидцем событий, происходивших в Устюжне. Об этом говорят подробности описания событий (с датами до дня), знание местности близ Устюжны, знание людей – участников событий. События, отмеченные в «Сказании», находят полное подтверждение в историческом актовом материале, и само оно по праву может считаться высококачественным историческим источником.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени // Русская историческая библиотека. Изд. 3-е. Л., 1925. Т. 13; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени. СПб., 1888; Черепнин Л. В. «Смута» в историографии XVII века // Из. М., 1945. Т. 14; Северные предания (Беломорско-Онежский регион) / отв. ред. С. Н. Азбелев. Л., 1978. С. 55–58, 84–101.

² Соловьев С. М. Сочинения. М., 1989. Кн. 4. С. 504–505. Подлинное название данного произведения: «Слово похвальное Пресвятыя владычицы наша Богородицы и приснодевы Марии чудотворнаго ея образа Одигитрия, иже избави град Устюжну от безбожных ляхов и немцев». Как сообщают издатели, оно было записано на оборотной стороне иконы, находившейся в соборной церкви Рождества Богородицы г. Устюжны Железопольской. Впервые, видимо, опубликовано под заголовком «Ле-

генда о избавлении Устюжны от поляков в 1608 г.» в журнале «Русский вестник» (1842. Март. С. 338–355). Позднее – как «Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую» 1609 году (Новгородские губернские ведомости. 1859. № 26–28; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 187. С. 793–814; Токмаков И. Ф. Историко-статистическое и археологическое описание города Устюжны с уездом Новгородской губернии. М., 1897. С. 113–128. Нам известно несколько списков «Сказания» (см. Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую / подг. публ. Ю. С. Васильев, С. А. Тихомиров // Устюжна. Историко-литературный альманах. Вып. II. Вологда, 1993).

³ См.: Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589–1590 гг. // САС. Вологда, 1972. Вып. 2. С. 6–183; Барашкова В. С., Дмитриева З. В., Прокофьева Л. С. Писцовая книга езовых дворцовых волостей Белозерского уезда 1585 г. // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984. С. 32–129. См. также прим. 9 данной статьи.

⁴ Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1905. С. 32.

⁵ Корецкий В. И. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 127.

⁶ О царе В. И. Шуйском см.: Абрамович Г. В. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 134–179.

⁷ См.: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. IV. С. 452–487; Валишевский К. Смутное время. М., 1989. С. 239–345.

⁸ Васильев Ю. С. Борьба с польско-шведской интервенцией на Русском Севере в начале XVII в. Вологда, 1985. С. 52–55.

⁹ См.: Сотная из книг И. И. Плещеева и Григория Зубатова Никитина сына Беспятово на посад Устюжны Железопольской 1567 г. (подгот. к печати Ю. С. Васильевым, Н. П. Воскобойниковой) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 136–177; Воскобойникова Н. П., Колесников П. А. Сотная из писцовых книг Д. Г. Вельского на посад Устюжны Железопольской 1597 г. // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984. С. 130–158.

¹⁰ Пугач И. В. Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 годов // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вологда, 1992. Вып. I. С. 90.

¹¹ ТКДТ. С. 174; Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в.: «Смута». М., 1988. С. 79–103.

¹² Пугач И. В. Писцовая книга... С. 86, 87, 91, 92, 93, 95, 97–98, 100, 102, 104.

¹³ ААЭ. Т. 2. № 126.

¹⁴ ААЭ. Т. 2. № 95. С. 192–193.

¹⁵ ТКДТ. С. 218, 232; Пугач И. В. Писцовая книга... С. 88, 89, 99, 100, 102, 103.

¹⁶ ТКДТ. С. 232.

¹⁷ Сотная с книг письма и дозора Г. И. Квашнина и подьячего Постника Дементьева 1617–1618 г. (РГАДА. Ф. 1355. № 150. Л. 7, 21, 73).

¹⁸ Веселовский С. Б. Новые акты Смутного времени. М., 1911. № 72. Гневушев А. М. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. № 51.

²⁰ ДАИ. Т. 1. № 170, 172, 179.

²¹ ДАИ. Т. 2. № 28; Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1990. С. 27–79.

Историк-краевед М. Н. Мясников, его труды и коллекция*

Одним из пионеров изучения истории Важского края был Матвей Николаевич Мясников. Сведения о его биографии и особенно научной деятельности крайне скудны. В 1883 г., публикуя одну из статей важского краеведа в «Вологодских епархиальных ведомостях», Н. И. Суворов сопроводил ее очень краткими биографическими сведениями об авторе¹. Фрагментарные заметки о М. Н. Мясникове находим у А. Беляева² и В. С. Иконникова³.

Матвей Николаевич Мясников родился 9 августа 1761 г. в уездном г. Шенкурске Архангельской губернии, в семье небогатого купца⁴. Отец его, Николай Иванович Мясников, незадолго до этого переселился в г. Шенкурск из г. Архангельска. Это был довольно образованный человек. Н. И. Мясников вел записки по истории г. Шенкурска, собирал исторические документы, впоследствии перешедшие к сыну. Во второй половине XVIII в. он был бургомистром Важской ратуши. Рано началась и общественная деятельность Матвея Николаевича. Уже 22 лет он был бургомистром Шенкурского городского магистрата. На этой должности он находился с 1783 г. по 1788 г.⁵ Вероятно, финансовые затруднения семьи вынудили его стать приказчиком верховажского купца II гильдии М. М. Бурцева, и в 1790 г. Мясников отбыл в Сибирь по торговым делам этого купца. Вернулся он окончательно из Сибири в 1809 г. и вскоре переселился на постоянное место жительства из Шенкурска в Верховажский посад, где несколько лет был ратманом Верховажской ратуши и надзирателем приходского училища⁶.

Еще до отъезда в Сибирь М. Н. Мясников начинает собирать документы и изучать историю родного края. С этой целью он посетил государственные учреждения города, частные библиотеки и архивы⁷, побывал в разных концах края, обследовал архивы многих церквей и монастырей. С этой же целью он совершил поездки в Архангельск, Вологду, Тотьму. В результате кропотливого труда ему удалось собрать массу документов и материалов по истории Севера.

С 1804 г. М. Н. Мясников поддерживает постоянную связь с Обществом истории и древностей российских⁸. Он передал в дар Обществу ряд старинных книг, монет, медалей. Общество отмечало его как одного из активнейших жертвователей памятников старины⁹.

Эта связь с Обществом, вероятно, и сделала историко-краеведческую работу М. Н. Мясникова более целенаправленной. В 1827–1830 гг. появляются в печати работы важского краеведа по истории края. Первая его работа «Нечто о пятинах новгородских и в особенности о стране, известной издревле под именем Ваги» была прочитана в рукописи и рекомендована к печати академиком А. И. Шегреном. Она была опубликована в 1827 г. в журнале «Северный архив»¹⁰.

М. Н. Мясниковым было задумано серьезное исследование, которое бы охватило многие стороны истории края¹¹. Работа «Нечто о пятинах новго-

* Впервые опубликовано: аспирантский сборник. Вып. 1. (Гуманитарные науки). Вологда, 1972. С. 61–68.

родских...» – начало реализации этого плана. Работа состоит из 13 глав. Автор дает географическое положение Ваги, административное деление края в XVII–XVIII вв. Несколько страниц посвящено славянской колонизации края. Приводится ряд интересных фактов по истории г. Шенкурска, организации управления и строительстве. В частности, здесь дан список важных воевод XVII – начала XVIII вв.¹² Четыре главы в работе посвящены развитию земледелия в крае, организации налогового обложения. Наиболее ценными здесь являются наблюдения над различными видами налогов с населения и их размерами. Впервые М. Н. Мясников дает перечень важных писцов XVI–XVIII вв., который был значительно полнее опубликованного С. Б. Веселовским около ста лет спустя¹³. Ценны приведенные итоговые данные писцовых книг XVII в. Заслуживают внимания выводы автора о единицах сошного письма и денежного счета¹⁴. Две главы посвящены распространению христианства и церковному строительству в крае.

В 1828 году были опубликованы «Записки о Верховажском посаде»¹⁵. Здесь приводятся данные о церковном строительстве в XVII–XVIII вв., о населении посада в начале XIX в.

В 1829 г. опубликована работа М. Н. Мясникова «Историческое описание Ваги и г. Шенкурска...»¹⁶. В ней сообщаются дополнительные данные об административном делении и славянской колонизации края. Основная часть работы посвящена истории церквей и монастырей. Приводятся списки настоятелей монастырей, наиболее подробные – Богословского и Шенкурского Троицкого¹⁷. Дан полный перечень приходов края конца XVIII в.¹⁸

Работы М. Н. Мясникова получили признание. 8 марта 1829 г. важский краевед избирается членом-соревнователем Общества истории и древностей российских¹⁹.

В 1830 г. была опубликована его статья «Сведения о Ваге, Шенкурской и Вельской округах»²⁰. Новыми в этой статье являются данные о торговле в крае, о ввозе чая в Россию в начале XVIII в.

Через полвека после смерти М. Н. Мясникова была опубликована его статья «Исторические сведения о городе Вельске», а еще позднее – «Исторические сведения о Кокшеньге»²¹. В первой работе в хронологической последовательности автор сообщает о восстании на Двине 1397–98 гг., о подчинении Ваги Москве, о разорении края польскими отрядами в начале XVII в. Приводятся данные о населении Важского уезда и Устьянских волостей конца XVII в., Вельского посада XVIII в. В таком же плане излагаются события во второй статье. В ней приведены краткие, но интересные данные о строительстве гостиного двора и о Маркушевском монастыре в 1595 г., о появлении в крае табака в конце XVII в. и картофеля в 1765 г. Говоря об административном делении Кокшеньгской четверти Важского уезда, М. Н. Мясников дает перечень волостей четверти по писцовой книге конца XVII в.²²

Работы важского краеведа, конечно, далеки от требований современной науки. Еще Ф. Глинка в предисловии к работе «Нечто о пятинах новгородских...» писал: «Описание его (Мясникова. – Ю. В.) не удовлетворяет условиям истории, даже и летописи, оно имеет более вид деловой записи, извлеченной из актов для судебной справки»²³. То же можно сказать и о других его работах. Статьи о Вельске, Верховажском посаде и Кокшеньге даны в летописно-хроникальной манере исторического описания. Тяготеет к этой манере М. Н. Мясников и в

своих наиболее крупных работах «Нечто о пятинах новгородских...» и «Историческое описание Ваги...», хотя они уже построены отчасти по проблемно-исследовательскому принципу.

И все же Ф. Глинка совершенно прав в том, что «сия рукопись (описание Ваги)... может быть... с честью помещена в сокровищницу отечественной истории»²⁴. Работы М. Н. Мясникова важны тем, что в них автор впервые сделал попытку осветить историю края со времен первичной славянской колонизации до начала XIX века. Кроме того, они ценны «извлечениями из актов», большая часть которых была собрана самим М. Н. Мясниковым, и целый ряд этих актов остается нам неизвестным до сих пор. В своих сочинениях краевед использовал самые разнообразные источники: летописи, правительственные и частные акты, сотные, дозорные и писцовые книги, таможенные книги и таможенные выписки, житийную литературу и синодики. Знаком был М. Н. Мясников и с исторической литературой конца XVIII – начала XIX вв.²⁵.

В коллекции неутомимого собирателя исторических древностей была масса документов по истории Севера, Сибири и особенно Важского края. Сам М. Н. Мясников отмечал, что у него собрано важских «древних и новых книг и бумаг... 55 переплетов, и содержат они (переплеты. – Ю. В.) более 5000 листов, сверх того древних 500 свитков и старых 100 календарей»²⁶. В его коллекции были северные летописи, копии и выписки из них: Двинской, Великоустюжской, Вельской и летописца Кодимской пустыни. В коллекции насчитывалось 110 царских, патриарших, митрополичьих и прочих грамот²⁷. У него были копии грамот XIV–XVII вв., относящиеся к деятельности новгородского боярского рода Едемских и их потомков²⁸. Среди них мало известная, но очень ценная Жалованная грамота царя Ивана Васильевича приказчику Шенкурского городка, своземцу Ивану Васильевичу сыну Федора Едемского, 1552 г.²⁹ Большую ценность представляют копии, снятые М. Н. Мясниковым с жалованных, несудимых, тарханских и других грамот важским монастырям³⁰. В распоряжении М. Н. Мясникова находился разнообразный актовый материал XVI–XVII вв., северные жития и синодики³¹. Наконец, в руках краеведа были важские сотницы и писцовые книги XVI–XVII вв., которые после его смерти на целое столетие исчезли из поля зрения историков³², переписные книги и ревизские сказки XVIII в. Сам М. Н. Мясников высоко оценивал значение писцовых книг, называя их «драгоценнейшими памятниками важской древности»³³.

М. Н. Мясников не только сам собирал важские древности, но и оказал действие таким коллекционерам, как археографы П. И. Свињин и П. М. Стров³⁴.

Печальной была участь архива М. Н. Мясникова. Он предложил свое собрание активнейшему коллекционеру исторических памятников графу Румянцеву, но последний скончался, не успев приобрести предложенного сокровища³⁵. 31 октября 1831 г. не стало и самого «любопытного любителя отечественной истории», как назвал П. И. Свињин важского краеведа. М. Н. Мясников был похоронен на Верховажском приходском кладбище³⁶. Богатейшее собрание М. Н. Мясникова долго валялось без присмотра на чердаке его дома. Часть собрания краеведа попала в Верховажский Успенский собор³⁷; другая часть коллекции, вероятно, в 30-е годы XIX в. была приобретена историографом В. Н. Берхом и его вдовой передана в 1835 г. в Архив Академии наук³⁸. Отдельные документы из собрания М. Н. Мясникова оказались в различных архивах

Москвы, Петербурга и других городов³⁹. Ценнейший исторический источник – важные писцовые книги – только в 30-х годах нашего столетия были обнаружены А. И. Андреевым в Ленинграде⁴⁰. Значительная часть собрания неутомимого собирателя важных древностей до сих пор не найдена. Возможно, многие документы еще сохранились и находятся в Верховажье и Шенкурске.

Деятельность Матвея Николаевича Мясникова, безусловно, имела большое значение для изучения истории Важского края. Труды его имеют определенную научную ценность и в наши дни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мясников М. Н. Исторические сведения о городе Вельске // ВЕВ. 1883. № 20. С. 365. Прим.

² Беляев А. Матвей Николаевич Мясников // ВЕВ. 1904. № 9. С. 222–227. (Автор в основном приводит автобиографические данные, сообщенные М. Н. Мясниковым в предисловии к своей работе «Историческое описание Ваги и г. Шенкурска»).

³ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. I. Ч. 2. С. 302–303.

⁴ К 175-летнему юбилею историографа Ваги и г. Шенкурска М. Н. Мясникова [черновые наброски директора Шенкурского краеведческого музея П. И. Едемского, 1936 г.] // Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 1352. I. № 5; Именная ведомость о жителях, их занятиях и ремеслах в Шенкурском посаде за 1785 г. // ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 148. Л. 2 об.–3.

⁵ Роспись важских древностей, показание старинных книг и бумаг и составленных описаний о Ваге и городе Шенкурске [рукопись М. Н. Мясникова, 1827 г.] // ОПИ ГИМ. Собр. Уварова. Д. 375. Л. 4 об.

⁶ Там же. Л. 4 об; Письмо М. Н. Мясникова к А. А. Писареву, 1829 г. // ОР РГБ. Ф. 203. Д. 4. Л. 225–226.

⁷ В одном из писем в Общество истории и древностей российских М. Н. Мясников, например, сообщает, что им разобраны бумаги важского дворцового крестьянина Тихона Григорьева Кавицкого, который в XVIII в. жил в доме А. Д. Меншикова, потом постригся в монахи и стал строителем Спасского монастыря Архангельской епархии (ОР РГБ. Ф. 203. Д. 1. Л. 103–104 об.)

⁸ Библиотека императорского Общества истории и древностей российских. М., 1845. III.

⁹ В 1812 г., например, выслал рукопись с описанием чаши Бориса Годунова, позднее – с описанием задравных чаш царя Ивана IV и митрополита Макария (Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при императорском Московском университете. М., 1827. Ч. III. Кн. II. С. 6–7). В 1816 г. М. Н. Мясников выслал в Общество 8 книг и серебряную монету времен Ивана III, в 1826 г. выслал еще 5 книг, в 1829 г. – 12 книг, золотую монету и две серебряные медали XVIII в. (ОР РГБ. Ф. 203. Д. 1. Л. 108–109, 152–156; Ф. 203. Д. 4. Л. 205–208 об., 225–232; Труды и летописи Общества. М., 1828. Ч. IV. Кн. 1. С. 8–9).

¹⁰ Северный архив, журнал древностей и новостей по части истории, статистики, путешествий, правопедения и нравов, издаваемый Фаддеем Булгариным и Николаем Гречем. СПб., 1827. Ч. 27. № IX. С. 3–34; № X. С. 89–120; № XI. С. 189–209; № XII. С. 273–289. Рукопись данной работы хранится в СПБИИ РАН (Путеводитель по ар-

хиву Ленинградского отделения Института истории АН СССР. М.; Л., 1958. С. 371).

¹¹ Мясников М. Историческое описание Ваги и г. Шенкурска... // ОЗ. 1829. № 37. С. 400–403.

¹² Мясников М. Нечто о пятинах Новгородских и в особенности о стране, известной издревле под именем Вага // Северный архив. СПб., 1827. Ч. 27. № X. С. 99–109. Сравните: Заринский М. Перечень Важских воевод // Архангельские губернские ведомости. 1848. № 2.

¹³ Мясников М. Нечто о пятинах новгородских... Ч. 27. № XII. С. 273–274; Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1916. Т. II. С. 579. Сравните: Андреев А. И. Заметки к истории Русского Севера. Писцовые и переписные книги по Ваге и Чаронде // Летопись занятий археографической комиссии за 1927–1928 гг. Л., 1929. С. 170–173; Васильев Ю. С. Важские писцовые книги и сотницы XVI–XVII веков // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 538–539.

¹⁴ «Производство писцового порядка, счисление земли и расположение по оному следующих в казну податей и оброков вообще называлось сошное письмо», как отмечает М. Н. Мясников и, ссылаясь на инструкцию межевым канцеляриям и конторам 1766 г., указывает, что в I сохе было доброй земли 800 четвертей, 80 обож, 400 десятин. Обжа равна 10 четвертям, или 5 десятинам, 1 десятина – 2 четвертям (Нечто о пятинах новгородских... // Северный архив. СПб., 1827. Ч. 27. № XII. С. 277). О денежном счете: Там же. С. 283–289.

¹⁵ Мясников М. Записки о Верховажском посаде // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1828. Ч. IV. Кн. 1. С. 12–15.

¹⁶ Мясников М. Историческое описание Ваги и г. Шенкурска, составленное из древних русских летописей, царских и святительских грамот, писцовых и дозорных книг, монастырских, церковных и канцелярских архивных бумаг и разных современных записок // ОЗ. 1829. Ч. 37. С. 383–420; Ч. 38. С. 22 – 53, 229–279, 377–400; Ч. 39. С. 78–103, 248–282, 402–430; Ч. 40. С. 93–116, 260–291, 448–464.

¹⁷ Там же. ОЗ. Ч. 38. С. 242–246, 262–279. Сравните: Оболенский М. А. Синодик 1670 г. Богословского монастыря, что на Ваге // Русский архив. 1869. № 6. Ст. 1078.

¹⁸ Мясников М. Историческое описание Ваги... // ОЗ. Ч. 40. С. 97–116. Сравните: Переписные книги часовен в Важском уезде и в Устьянских сохах, 1962 // РИБ. Т. 25. Ст. 347–762.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 203. Д. 4. Л. 225.

²⁰ Мясников М. Сведения о Ваге, Шенкурской и Вельской округах // Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света. М., 1830. Ч. II. Кн. 1. С. 46–54; Там же. Об употреблении пива, вина и чая на Ваге (из записок Мясникова). Ч. II. Кн. III. С. 209–214.

²¹ Исторические сведения о городе Вельске. (Собранные из древних летописей, старинных книг и архивных бумаг М. Мясниковым) // ВЕВ. 1883. № 20. С. 365–372; Исторические сведения о Кокшеньге. Собраны из древних летописей, старинных грамот, писцовых книг и разных архивных бумаг // Там же. 1905. № 10. С. 269–273, № 13. С. 257–262; № 15. С. 311–314.

²² Не совсем точный и полный список этих волостей дал М. М. Богословский, у которого не было важных писцовых книг (Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. I. Приложение. С. 63). Сравните: Колесников П. А. Северная Русь. Вологда, 1971. С. 121–126.

²³ Северный Архив. СПб., 1827. Ч. 27. № IX. С. 7.

²⁴ Там же. СПб., 1827. Ч. 27. № IX. С. 11.

²⁵ Мясников М. Историческое описание Ваги // ОЗ. СПб., 1829. Ч. 37. С. 388–389.

²⁶ Там же. С. 396–397; ОПИ ГИМ. Собр. Уварова. Д. 375. Л. 6 об.

²⁷ Мясников М. Историческое описание Ваги // ОЗ. СПб., 1829. Ч. 38. С. 378; Он же. Сведения о Ваге, Шенкурской и Вельской округах // Исторический, статистический и географический журнал. М., 1830. Ч. II. Кн. I. С. 53; ОПИ ГИМ. Собр. Уварова. Д. 375. Л. 6 об.; Краткий летописец о двинских жителях и о наместниках и судиях и воеводских и дьячих приездах // СПБИИ РАН. Ф. II. Описание Барсукова. Д. 32. II. Л. 3–56 [на Л. 56 об. запись П. М. Строева: «Списан с списка, принадлежащего Верховажскому мещанину Матвею Николаеву Мясникову и купленного им в Архангельске»].

²⁸ СПБИИ РАН. Ф. II. Описан. Барсукова. Д. 32. II. Л. 58–64 об., 66–66 об., см. запись П. М. Строева (Л. 75 об.); Древние царские, великокняжеские, патриаршие и митрополичьи грамоты г. Ваги или Шенкурска с 1315 г. (из книг Матвея Мясникова) // СПБИИ РАН. Ф. 115. Д. 584; ГВНП. № 110, 111, 278–282.

²⁹ СПБИИ РАН. Ф. II. Опис. Барсукова. Д. 32. II. Л. 66–66 об.; Вулих Е. К вопросу о своеземцах в составе новгородского общества // ЖМНП. 1914. Июль. С. 162–163.

³⁰ СПБИИ РАН. Ф. 115. Д. 584. Л. II об. и далее. Кстати, здесь есть копия «Жалованной вотчинной грамоты вел. кн. Ивана Васильевича Важского Богословского монастыря игумену Кириллу на угодья и леса в Важском уезде» (Л. 11 об.–12 об.) которая опубликована со значительными пропусками ввиду дефектности списка, имевшегося у издателей (АСЭИ. М., 1964. Т. III. С. 305–306).

³¹ Заметки и выписки И. Н. Суворова по архивным документам, полученным из Верховажского посада [по рукописям М. Н. Мясникова] // ОПИ ГИМ. Собр. Уварова. Д. 375. Л. 2, 2 об., 5; ГАВО. Ф. 883. Д. 220; ОПИ ГИМ. Собр. Щукина. Д. 459. Помянник и синодик дому Едемских, Шенкурск [на задней обложке: «Из книг Матвея Мясникова. № 39»].

³² ОПИ ГИМ. Собр. Уварова. Д. 375. Л. 2, 2 об., 5; ГАВО. Ф. 883. Д. 220. Л. 19–24; СПБИИ РАН. Ф. 115. Д. 620. Писцовая книга Верховажского посада писца и воеводы Б. В. Яковлева 1678 года. Писцовая книга Вельского погоста писца Ф. Л. Караулова 1682 г. [На обороте лицевой обложки: «Из книг Матвея Мясникова. 1813 г., генваря 10 дня, по описи № 57, Верховажье»].

³³ Мясников М. Историческое описание Ваги // ОЗ. СПб., 1829. Ч. 37. С. 391.

³⁴ СПБИИ РАН. Ф. II. Опись Барсукова. Д. 32. II. Л. 56 об., 75 об.; ГВНП. № 279. С. 279 (см. легенду). Вероятно, не без содействия М. Н. Мясникова удалось П. М. Строеву извлечь из значительного архива Верховажского Успенского собора 15 грамот XVII в. (Барсуков Н. Археографическое путешествие П. М. Строева по Вологодской губернии // ВЕВ. 1878. № 22. Прибавления. С. 340–341).

³⁵ ОПИ ГИМ. Собр. Уварова. Д. 375. Л. 7.

³⁶ Беляев А. Матвей Николаевич Мясников. С. 222.

³⁷ На рукописи М. Н. Мясникова «Исторические сведения о Кокшеньге» стоит, например, штамп Верховажского Успенского собора (ОР РГБ. Ф. 363. Архангельское собрание. Карт. 22. № 2. Л. 1).

³⁸ Из числа документов, переданных вдовой Берха Академии наук, вероятно, некогда принадлежали М. Н. Мясникову следующие: грамоты новгородских митро-

политов (14) и холмогорского архиепископа Афанасия (14), разные юридические акты (92), всего 120 столбцов, принадлежавшие Верховажскому Успенскому собору; разные юридические акты, принадлежавшие г. Шенкурску и уезду (171 столбец); царские грамоты и разные юридические акты из шенкурских архивов (25 столбцов); челобитные и другие акты вологодские, верховажские и архангельские (19 столбцов); разные подлинные бумаги по сибирским торговым делам (19 шт.); ведомость о торговле при Архангельском порте, с росписью о таможенном доходе за 1793 г. и, наконец, Едомский летописец. (Реестр рукописей и бумаг, пожертвованных госпожою полковницею Берх в пользу императорской Академии наук (выписка из донесений библиотекаря имперской Академии наук Бередникова господину непременно секретарю ея Фусу, от 26 июля 1835 г.) // ЖМНП. СПб., 1835. Ч. 8. С. 79, 75). Впоследствии эти документы были переданы в СПбИИ РАН и вошли в состав коллекции Важских актов (Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института Истории. С. 4, 373).

³⁹ Древние царские, патриаршие, митрополичьи и боярские грамоты, писцовые книги и прочие старинные бумаги Ваги и г. Шенкурска с 1315 по 1812 год [перечень документов, составленный М. Н. Мясниковым, 1812 г., на 14 листах] // ОР РГБ. Ф. 353. Архангельское собрание. Карт. 22. № 1; Исторические сведения о Кокшеньге [рукопись М. Н. Мясникова на 9 л.] // Там же. № 2; Верховажский посад [рукопись М. Н. Мясникова на 9 л., несколько отлична от опубликованной] // Там же. Ф. 203. Папка 235. № 8; СПбИИ РАН. Ф. 27 и др.; ГАВО. Ф. 883. Д. 220. В Архангельской областной библиотеке им. Н. А. Добролюбова находится «Древний и новый летописец – летопись Верховажского посада», собранная М. Н. Мясниковым. Рукопись 1811 г., содержащая перечень исторических документов и аннотацию их за 1607–1811 гг. (Кудрявцев И. М., Шлихтер Б. А., Щапов Я. Н. Археографические поездки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в 1953–1956 гг. // АЕ за 1957 г. АН СССР. М., 1958. С. 277).

⁴⁰ Андреев А. И. Заметки к истории Русского Севера. С. 170.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список опубликованных работ Юрия Сергеевича Васильева

1970

1. Подгот. публ., вступ. статья: Кодимская волость Важского уезда в XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда. С. 381–397.

2. Важские писцовые книги и сотницы XVI–XVII веков // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда. С. 537–562.

1971

3. Феодалное землевладение на Ваге // Аграрная история Северо-Запада России. (Вторая половина XV – начало XVI в.) / отв. ред. А. Л. Шапиро. Л. С. 290–295.

4. Об историко-географическом понятии «Заволочье» // Проблемы истории феодальной России: сб. статей к 60-летию профессора В. В. Мавродина. Л. С. 103–109.

5. Феодалное землевладение и хозяйство в Важской земле XV–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. 20 с.

1972

6. Государственные и владельческие повинности крестьян северной монастырской вотчины в XVII веке // Тез. докл. и сообщ. XIV сессии межресп. симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Минск – Гродно. 25–29 сентября 1972 г.). Вып. 1. М. 101–105.

7. Подгот. публ.: Сотная на дворцовое село Турунтаево Вологодского уезда письма и дозора Вериги Федоровича Сабурова и подьячего Филиппа Митрофанова 1588–1589 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда. С. 178–183.

8. Подгот. публ.: Выпись из писцовых книг Василия Андреевича Звенигородского 1587–1588 гг. на владения Вознесенской и Георгиевской приходских церквей в Андреянове стане Двинского уезда // Там же. С. 242–243.

9. Подгот. публ.: Сотная на Калеский стан Двинского уезда с книг письма Василия Андреевича Звенигородского 1586–1587 года // Там же. С. 245–252.

10. Подгот. публ. Сотные на волости Каргопольского уезда с книг письма Никиты Григорьевича Яхонтова 1561–1562 года // Там же. С. 300–475.

11. Подгот. публ.: Сотная на Водлозерскую волость письма и меры данного старосты Микулы Григорьевича Тяполкова 1568–1569 года // Там же. С. 479–483.

12. Историк-краевед М. Н. Мясников, его труды и коллекция // Аспирантский сборник. Вып. 1. (Гуманитарные науки). Вологда. С. 61–68.

1973

13. Подгот. публ., вступ. статья: Сборные памяти по Троицкой волости Важского уезда конца XVI–XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. III. Вологда. С. 355–379.

1974

14. Деятельность Северного отделения Археографической комиссии в 1972 г. // Археографический ежегодник за 1972 год. М. С. 367.

15. Подгот. текста., комм.: Наш край в период средневековья (до XIV в.) // История Вологодской области: хрестоматия для восьмилетних и средних школ. VII–VIII классы. Вологда. С. 3–7.

16. Подг. текста, комм.: Наш край в XIV–XVII вв. // Там же. С. 7–32.

17. Сост. (совм. с П. А. Колесниковым, Б. Г. Михайловым, А. З. Цинманом): История Вологодской области: хрестоматия для восьмилетних и средних школ. VII–VIII классы. Вологда. 136 с.

1976

18. К вопросу о двинских боярах XIV–XVI веков // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. Вологда. С. 5–21.

1977

19. Порядные записи северной монастырской вотчины XVII в. // Археографический ежегодник за 1976 год. М. С. 82–88.

1978

20. Важский уезд // Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада / отв. ред. А. Л. Шапиро. Л. С. 59–79.

21. Каргопольский уезд // Там же. С. 37–58.

22. Крестьянское солеварение // Там же. С. 127–131. (Часть раздела, относящегося к Турчасовскому стану Каргопольского уезда).

1979

23. Летописное наследие Поморья // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XI. Л. С. 19–42.

24. Аграрные отношения в Поморье XVI–XVII вв.: учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар. 97 с.

1980

25. Налогообложение крестьян Поморья (на примере Важского уезда) // Русское централизованное государство. Образование и эволюция, XV–XVIII вв. Чтения, посвященные памяти акад. Л. В. Черепнина: тезисы докл. и сообщений. М. С. 106–109.

26. Землевладение и хозяйство северной вотчины в XVI–XVII вв. // Исследования по истории крестьянства Европейского Севера России: межвузов. сб. науч. трудов. Сыктывкар. С. 30–47.

27. Подгот. текста, комм.: Наш край в период средневековья (до XIV века) // Методические разработки и материалы к урокам истории СССР в VII классе по темам «Наш край». Вологда. С. 6–9.

28. Подг. текста, комм.: Наш край в XIV–XVII вв. // Там же. С. 10–24.

1981

29. Использование природных богатств и их охрана на Севере России в XVI–XVII вв. // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М. С. 191–196.

30. Подгот. публ.: Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова. 1556 г. // Социально-правовое положение северного крестьянства (дооктябрьский период). Вологда. С. 95–135.

31. Подгот. публ. (совм. с Н. П. Воскобойниковой): Сотная из книг И. И. Плещеева и Григория Зубатова Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железопольской // Там же. С. 136–177.

32. Влияние крестьянских миров Поморья на податную политику правительства в XVI–XVII вв. // Там же. С. 25–40.

33. Наш край в XIV – начале XVII века // Живые голоса истории: [Учеб. пособие для 7–10 кл. Вологод. обл.]. Архангельск. С. 14–25.

34. Наш край в XVII веке (совм. с П. А. Колесниковым) // Там же. С. 25–33.

1982

35. Эволюция боярской вотчины в XIV–XVII вв. // Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.). Сыктывкар. С. 29–47.

1984

36. Материалы писцового делопроизводства Севера России XVI в. как исторический источник // Крестьянство Севера России в XVI в.: межвуз. сб. науч. трудов. Вологда. С. 19–31.

37. Поуездный указатель материалов писцового делопроизводства по Северу России XVI в. // Там же. С. 174–183.

38. Отв. ред.: Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда. 184 с.

39. Формирование крестьянства как общественного класса (IX–XIII вв.) (в соавт. с И. В. Власовой, Ю. А. Красновым, Т. В. Лукьянченко, Э. А. Савельевой) // История северного крестьянства. Период феодализма. Т. 1: Архангельск. С. 37–64.

40. Крестьянство в XIV–XV вв. // Там же. С. 65–93.

41. Борьба северного крестьянства с польско-шведской интервенцией // Там же. С. 138–142.

1985

42. Подгот. публ.: Вотчинная дозорная книга («обежная») старца Капитона на владения Соловецкого монастыря в Турчасовском стане Каргопольского уезда // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (дооктябрьский период): межвуз. сб. науч. трудов. Вологда. С. 136–158.

43. Борьба с польско-шведской интервенцией на Русском Севере в начале XVII в.: учеб. пособие к спецкурсу. Вологда. 83 с.

1986

44. Подгот. публ.: Приходная книга Важского Богословского монастыря за 1598 г. – Расходные книги Важского Богословского монастыря за 1598 г. – Платежная роспись и платежные отписи Важского Богословского монастыря 1613–1627 гг. – Отводная роспись земского судьи Шенкурской четверти Ф. В. Тарнянина Богословскому монастырю на двор крестьянина Е. Яковлева 1661 г. // Деловая письменность Русского Севера XVI–XVII веков. (Материалы к практическим занятиям по истории русского языка). Вологда. С. 2–10.

1987

45. Крестьянство Руси и Западной Европы в XIV–XVII вв. (в соавт. с Ю. К. Некрасовым) // Октябрь и северное крестьянство: тез. докл. и сообщ. к научно-практ. конф. (Вологда, 16–17 октября 1987 г.). Вологда. С. 51–55.

1989

46. О классификации материалов писцового делопроизводства XVI–XVII вв. // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР: тез. выступлений на республ. науч. конф. Вологда. С. 58–61.

47. Вологодское областное общество краеведов: год работы, задачи, перспективы // Вологодское краеведение, его научные и воспитательные задачи. II краевед. научно-практ. конф.: тез. докл. и сообщ. Вологда, 21–22 апреля 1989 г. Вологда. С. 3–5.

48. Изучать родной край // Политическая агитация. 1989. № 7, апрель. С. 31–33.

49. Отв. ред.: Культура Европейского Севера России (дооктябрьский период): межвузовский сб. науч. трудов. Вологда, 125 с.

50. Отв. ред.: Вологодское краеведение, его научные и воспитательные задачи. II краевед. научно-практ. конф.: тез. докл. и сообщ. Вологда, 21–22 апреля 1989 г. Вологда. 74 с.

1990

51. Житие Дионисия Глушицкого как источник по истории Вологодского края (в соавт. с Н. В. Кутьковой) // История и культура Вологодского края. III краевед. научно-практ. конф.: тез. докл. и сообщ. Вологда, 23–24 мая 1990 г. Вологда. С. 33–35.

52. Отв. ред.: История и культура Вологодского края. III краевед. научно-практ. конф.: тез. докл. и сообщ. Вологда. 113 с.

53. Отв. ред.: Тез. докл. и сообщ. III Всеросс. научно-практ. совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников (Вологда, 21–23 июня 1990 г.). Вологда. 71 с.

1991

54. Источники по истории Великоустюгского края феодального периода // История и культура Великоустюгского края. Чтения, посв. памяти В. П. Шляпина: тез. докл. и сообщ. Великий Устюг, 21–23 февраля 1991 г. Вологда. С. 25–29.

55. Отв. ред.: История и культура Великоустюгского края. Вологда. 39 с.

1992

56. Некоторые источниковедческие проблемы материалов писцового делопроизводства XVI–XVII вв. // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда. С. 21–37.

57. Четверть и меры сыпучих тел на Севере России XVI–XVII вв. // Александр Ильич Копанев: сб. статей и воспоминаний. СПб. С. 186–195.

58. Основные категории крестьян России XIV–XVII вв. (по материалам Поморья) // Крестьянское хозяйство: история и современность: материалы к Всероссийской науч. конф. Вологда. 1992. Ч. 1. С. 10–19.

59. Монастыри и святые Важского края // История и культура Важского края: тез. докл. и сообщ. региональной научно-практ. конф., посв. 180-летию П. С. Воронова. Вельск. С. 22–26.

1993

60. Исторические реалии «Сказания о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую» // Устюжна: ист.-лит. альм. Вып. II. Вологда. С. 173–181.

61. Подг. публ. (в соавт. с С. А. Тихомировым). Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую // Там же. С. 182–193.

62. Подг. публ. (в соавт. с Р. П. Биланчуком, С. Е. Замараевым): Описание Великого Устюга в Устюжской писцовой книге «письма и меры Микиты Вышеславцева да подьячего Агея Федорова 131 и 132 и 133 и 134 году» // «Бысть на Устюзе...»: ист.-краевед. сб. Вологда. С. 160–232.

1994

63. Введения пресвятой Богородицы Корнильево-Комельский монастырь (Ист. справка) // Городок на Московской дороге: ист.-краевед. сб. Вологда. С. 89–94.

64. Акты Введенского Корнильево-Комельского монастыря // Там же. С. 94–107.

65. Подг. публ. (совм. с А. И. Гамаюновым): Сотня с Вологодской писцовой книги 1628–1630 гг. писца С. Г. Коробьина и подьячего Ф. Стогова на вотчину Введенского Корнильева монастыря. 30 декабря 1631 г. // Там же. С. 108–129.

66. Подг. публ.: Отписная книга Введенского Корнильево-Комельского монастыря переписи В. Г. Данилова-Домнина, составленная при передаче монастыря игумену Рафаилу и келарю Александру 2 декабря 1657 г. // Там же. С. 130–169.

67. Подг. публ.: Отписная книга Воскресенского Горицкого девичьего монастыря отписчиков Кириллова монастыря черного попа Матвея и старца Герасима Новгородца игуменьи Марфе Товарищевых. 1661 г. // Кириллов: ист.-краевед. альм. Вып. 1. Вологда. С. 261–287.

68. Подг. публ.: Дозорная книга посада Вологды князя П. Б. Волконского и подьячего А. Софонова 1616–1617 г. // Вологда: ист.-краевед. альм. Вып. I. Вологда. С. 333–370.

69. Подг. публ., вступ. статья: Вотчинные переписные книги дворцовых Мунской и Роксомской волостей Чарондской округи. 1672 г. // Культура Русского Севера: межвуз. сб. науч. тр. Вологда. С. 141–182.

70. Отв. ред.: Белозерье: ист.-лит. альм. Вып. I. Вологда. 285 с.

71. Подг. публ., вступ. статья: Дозорная книга города Белоозера «письма и дозору» Г.И.Квашнина и подьячего П.Дементьева. 1617/18 г. // Белозерье. Вып. I. С. 37–75.

72. Подг. публ., вступ. статья: Летописец Троицкого Устьшехонского монастыря // Там же. С. 86–92.

73. Подг. публ.: Отписная книга Троицкого Устьшехонского монастыря отписчика сына боярского Вологодского архиерейского дома Федора Блинова игумену Иоанну // Там же. С. 93–104.

1995

74. Предисловие (в соавт. с И.С.Велиевой), комм. к публ. И.С.Велиевой: Васильев С. Описание города Устюга Великого Вологодской губернии в историческом, статистическом и топографическом отношениях // Великий Устюг: краевед. альм. Вып. I. Вологда. С. 381–385, 458–459.

75. Подг. публ.: Сотная с Устюжских писцовых книг Ю.И.Александрова Самсонова на вотчину архиепископа Ростовского в Устюжском уезде. 1556–1557 г. // Там же. С. 366–378.

76. Образование единого Русского государства (XIV – начало XVI вв.) // Лекции по истории России (IX–XIX вв.): учеб. пособие. Вологда. С. 15–27.

77. Политический строй России в XVI–XVII вв. // Там же. С. 27–37.

1997

78. Герасим Вологодский и начало города Вологды // Вологда: краевед. альм. Вып. 2. Вологда. С. 588–600.

79. Подг. публ., вступ. статья (в соавт. с Е.А.Малышевой): «Повесть о чудесах» Герасима Вологодского // Там же. С. 601–619.

1998

80. Отв. ред.: Белозерье: краевед. альм. Вып. 2. Вологда. 416 с.

81. Подг. публ.: Описание о граде Белезере // Белозерье. Вып. 2. С. 42–46.

82. Подг. публ.: Русские летописи о белозерских князьях и крае (до XV века) // Там же. С. 47–73.

83. Подг. публ. (в соавт. с А.Л.Грязновым): Синодик князей Шелешпанских // Там же. С. 118–127.

1999

84. География почв Поморья XVI–XVII вв. // Проблемы археографии и источниковедения отечественной истории: межвуз. сб. науч. тр. Вологда. С. 3–17.

2000

85. Подг. публ.: Правая грамота гостю Ивану Панкратьеву на владение Сереговским усольем (1670 год) // Великий Устюг: краеведч. альм. Вып. 2. Вологда. С. 154–165.

2001

86. Важские акты XIV–XVII веков // Важский край в истории России: прошлое и настоящее. Ломоносов и Русский Север: материалы науч.-практ. конф. (Верховажье, 8–9 ноября 2001 г.). Верховажье. С. 31–33.

2002

87. Осип Непея вологжанин // Мезон. Вологда, 2002. № 2. С. 26–27.

88. Отв. ред.: Важский край: источниковедение, история, культура: исследования и материалы. Вельск. 236 с.

89. Подг. публ.: Описание Вельского посада в Переписной книге Верховажской четверти Важского уезда переписи писца Ф. Л. Караулова и подьячего А. Хрущева 1682 г. // Важский край... С. 181–191.

90. Писцовое делопроизводство Севера России в XVII в. как исторический источник // Вузовская наука начала XXI века: Гуманитарный вектор. Философия. История. Социология. Политология. Культурология и искусствоведение. Материалы I Всероссийской научной заочной конференции. Екатеринбург. С. 61–66.

2004

91. Отв. ред.: Важский край: источниковедение, история, культура: исследования и материалы. Вельск. 280 с.

92. Корнильево-Комельский монастырь (в соавт. с Р. П. Биланчуком) // Житие Корнилия Комельского / под ред. А. С. Герда. СПб. С. 220–226.

93. Редактор: Старая Вологда. XII – начало XX в.: сборник документов и материалов / глав. ред. Ф. Я. Коновалов). Вологда. 568 с.

2005

94. Повесть о чудесах преподобного Герасима Вологодского. Вологда. 46 с.

95. Вологодский край в период объединения и борьбы за независимость Руси (XIII–XV века) // История Вологодского края с древнейших времен до конца XVI века: учебное пособие для учащихся 6 класса общеобразовательных учреждений. Вологда. С. 20–42.

96. В период реформ и централизации. Край в XVI веке // Там же. С. 43–71.

97. Вологодский край в XVII веке // История Вологодского края XVII–XVIII веков: учебное пособие для учащихся 7 класса общеобразовательных учреждений. Вологда. С. 4–38.

2006

98. Отв. ред. Важский край: источниковедение, история, культура: материалы и исследования. Вып. 3. Вельск. 226 с.

99. Материалы писцового делопроизводства по Важскому уезду XVI – первой половины XVII века: каталог // Важский край... С. 135–156.

100. Публикация: Благовещенский погост Верховажской четверти Важского уезда по Переписной книге писцов воеводы Б. В. Яковлева и подьячего А. Карпова 1677–1678 гг. // Там же. С. 191–206.

101. Подг. публ. и коммент.: М. Н. Мясников. Исторические черты о городе Вельске, собранные из древних летописей, старинных книг и архивных бумаг // Там же. С. 207–220.

102. Источники по истории Онежско-Каргопольского края XVI–XVII вв. (Материалы писцового делопроизводства и внутривотчинных описаний) // Историко-культурное наследие Русского Севера: проблемы изучения, сохранения и использования. Каргополь. С. 8–15.

103. Андрей Меньшой Вологодский // Вологодская энциклопедия / гл. ред. Г. В. Судаков. Вологда. С. 35.

104. Белозерские князья // ВЭ. С. 58.
105. Белозерский уезд // ВЭ. С. 60–61.
106. Белозерское княжество // ВЭ. С. 61.
107. Белоозеро IX в. // ВЭ. С. 62.
108. Белоозеро, старый город // ВЭ. С. 62–63.
109. Вологодский уезд // ВЭ. С. 138.
110. Вологодское княжество // ВЭ. С. 143.
111. Вологодско–Пермская летопись // ВЭ. С. 147.
112. Город // ВЭ. С. 168–169.
113. Городки X–XVII вв. // ВЭ. С. 169–170.
114. Заволочье // ВЭ. С. 209.
115. Заозерское княжество // ВЭ. С. 212.
116. Земля // ВЭ. С. 215.
117. Княжество Кубенское и князья Кубенские // ВЭ. С. 253.
118. Князья Деевы // ВЭ. С. 253.
119. Князья Пенковы // ВЭ. С. 253–254.
120. Летописец Ивана Слободского // ВЭ. С. 296.
121. Летописец Троицкого Устьшехонского монастыря // ВЭ. С. 296.
122. Летописи вологодские // ВЭ. С. 296–297.
123. Летописи Кирилло-Белозерского монастыря // ВЭ. С. 297.
124. Летописи устюжские // ВЭ. С. 297–298.
125. Летопись Прилуцкая // ВЭ. С. 298.
126. Монастыри Верховажского края XVI–XVII вв. // ВЭ. С. 326.
127. Монастыри Кокшеньгского края XV–XVIII вв. // ВЭ. С. 326.
128. Монастыри Тотемского края XVI–XVIII вв. // ВЭ. С. 326–327.
129. Монастыри Чарондской округи XV–XVIII вв. // ВЭ. С. 327.
130. Николаевский Маркушевский мужской монастырь // ВЭ. С. 342.
131. Осип (Иосиф) Непея Григорьевич // ВЭ. С. 364.
132. «Повесть о чудесах» Герасима Вологодского // ВЭ. С. 385–386.
133. Поморье // ВЭ. С. 388.
134. «Сказание о белоризцах» // ВЭ. С. 430.
135. «Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую» // ВЭ. С. 430.
136. «Сказание о Спасо-Каменном монастыре» // ВЭ. С. 430–431.
137. Устюжская летопись // ВЭ. С. 489–490.
138. Ярославские князья // ВЭ. С. 558.
139. На путях объединения и борьбы за независимость Руси (XIII–XV века) // История Вологодского края с древнейших времен до конца XVI века / Хрестоматия для учащихся 6 класса общеобразовательных учреждений. Вологда. С. 23–57.
140. Вологодский край в период реформ и централизации (XVI век) // Там же. С. 58–94.
141. Вологодский край в XVII веке // История Вологодского края XVII–XVIII веков: хрестоматия для учащихся 7 класса общеобразовательных учреждений. Вологда. С. 5–54.

2007

142. Гл. ред.: Белозерье: краевед. альм. Вып. 3. Вологда. 298 с.

143. Комм. и прим. к публ.: Описание города Белоозера / ред. С. Я. Румовский // Белоозерье. С. 62–76.

144. Публ.: Две переписные («записные») книги: а) монастырей и пустыней; б) церквей и причта Белоозерского уезда и Чарондской округи конца XVII века // Там же. С. 115–140.

145. Отв. ред.: Важская земля: из глубины веков до настоящего времени. Шенкурск. 277 с.

146. Историко-литературные памятники по истории Важского края XII–XVII вв. // Там же. С. 17–26.

147. Герасим Вологодский // Вологда в минувшем тысячелетии. Человек в истории города / глав. ред. Ю. К. Некрасов. Вологда. С. 18–19.

148. Иван IV Васильевич (Грозный) и Вологда // Там же. С. 26–27.

149. Осип Непея Григорьев // Там же. С. 28–29.

150. Пушкин Никита Михайлович // Там же. С. 32–33.

2008

151. Вологодский край в 16–17 вв. (Совместно с И. В. Пугачем) // История Вологодского края: учебное пособие для студентов исторического факультета / гл. ред. профессор М. А. Безнин. Вологда. С. 61–216.

2009

152. Вологодское княжество XV века // Мой родной Вологодский район / отв. ред. В. В. Дементьев. С. 24–31.

153. Избранные труды по истории Европейского Севера России, XII–XVII века. Вологда. 232 с.

Список сокращений

- ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук.
- АЕ – Археологический ежегодник.
- АЕВ – Архангельские епархиальные ведомости.
- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археологической экспедицией.
- АСМ – Акты Соловецкого монастыря.
- АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
- АЮ – Акты юридические. СПб., 1838.
- АЮБ – Акты юридического быта, полностью – Акты, относящиеся до юридического быта Древней России.
- БАН – Библиотека Российской Академии наук.
- ВГИАХМЗ – Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
- ВГПИ – Вологодский государственный педагогический институт.
- ВЕВ – Вологодские епархиальные ведомости.
- ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины.
- ВЭ – Вологодская энциклопедия/ гл. ред. Г. В. Судаков. Вологда, 2006.
- ГААО – Государственный архив Архангельской области.
- ГАВО – Государственный архив Вологодской области.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- ГИМ – Государственный исторический музей.
- ГКЭ – Грамоты Коллегии экономии.
- ДАИ – Дополнения к Актам историческим.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
- ИА – Исторический архив.
- ИЗ – Исторические записки.
- ИРГО – Известия Русского генеалогического общества.
- ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории АН.
- НПК – Новгородские писцовые книги.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- ОГВ – Олонецкие губернские ведомости.
- ОЗ – Отечественные записки.
- ОИДР – Московское общество истории и древностей российских.
- ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников ГИМ.
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- ПВЛ – Повесть временных лет.
- ПКМГ – Писцовые книги Московского государства.
- ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины.
- ПРП – Памятники русского права.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
РГО – Русское географическое общество.
РИБ – Русская историческая библиотека.
РО БАН – Рукописный отдел Библиотеки Академии наук.
САС – Археография и источниковедение Европейского Севера РСФСР. Северный археографический сборник. Вологда. Вып. I–VIII. 1970, 1972, 1973, 1977, 1978, 1979, 1980.
Сб. ГКЭ – Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 1–2. Пг., 1922, Л., 1929.
СИЭ – Советская историческая энциклопедия.
СПбИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории РАН.
ТКДТ – Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.
ЦГАДА (ныне РГАДА) – Центральный (Российский) государственный архив древних актов.

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Сергеевич Васильев	3
-------------------------------	---

РАЗДЕЛ I

Археография и источниковедение

Историко-литературные памятники по истории Важского края XII–XVII вв.	6
О классификации материалов писцового делопроизводства XVI–XVII вв.	13
Некоторые источниковедческие проблемы материалов писцового делопроизводства XVI–XVII вв.	16
Материалы писцового делопроизводства Севера России XVI в. как исторический источник	29
Поездный указатель материалов писцового делопроизводства по Северу России XVI в. (писцовых книг, сотных, выписей из них, платежных)	39
Важские писцовые книги и сотницы XVI–XVII вв.	45
Источники по истории Онежско-Каргопольского края XVI–XVII вв. (материалы писцового делопроизводства и внутривотчинных описаний)	65
Четверть и меры сыпучих тел на Севере России в XVI–XVII вв.	72

РАЗДЕЛ II

Заволочье и Вологда. XII–XV вв.

Об историко-географическом понятии «Заволочье»	80
К вопросу о двинских боярах XIV–XV вв.	86
Феодальное землевладение на Ваге	98
Герасим Вологодский и начало города Вологды	105

РАЗДЕЛ III

Поморье. XIV–XVII вв.

Важский уезд	118
Каргопольский уезд	141
Землевладение и хозяйство северной вотчины в XVI–XVII вв.	167
Эволюция одной боярской вотчины в XIV–XVII вв.	182
Основные категории крестьян России XIV–XVII вв. (по материалам Поморья)	197
Порядные записи северной монастырской вотчины XVII в.	204
Использование природных богатств и их охрана на Севере России в XVI–XVII вв.	212
Влияние крестьянских миров Поморья на податную политику правительства в XVI–XVII вв.	216

РАЗДЕЛ IV

Исторический портрет

Осип Непея Григорьев	228
Исторические реалии «Сказания о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую»	231
Историк-краевед М. Н. Мясников, его труды и коллекция	236

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список опубликованных работ Юрия Сергеевича Васильева	243
Список сокращений	252

Научное издание

Васильев Юрий Сергеевич

Избранные труды по истории
Европейского Севера России
XII-XVII веков

2-е издание, исправленное и дополненное

Верстка, дизайн – *Н. Н. Падалкина*
Корректоры – *Т. В. Парменова, Н. С. Дьякова*

В оформлении книги использован исторический изобразительный материал: обложка – карта Антония Дженкинсона (1562 г.), шмуцтитул раздела II – миниатюра Никоновской летописи XVI в. с изображением осады Орлеца новгородцами в 1398 г., шмуцтитул раздела III – бассейны Северной Двины и Онеги на карте Московии Гийома Делиля (1706 г.), шмуцтитул раздела IV – миниатюра Никоновской летописи с изображением отправки Иваном IV Осипа Непеи послом в Англию (XVI в.).

Подписано в печать 06.05.2013. Формат 70 × 100/16.
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 500 экз. Заказ № 53

ООО НИЦ «Древности Севера»
160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58, оф. 48
Тел. / факс (8172) 72-79-60.
E-mail: drevnostisevera@mail.ru URL: <http://drevnostisevera.org>

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-книга»
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3